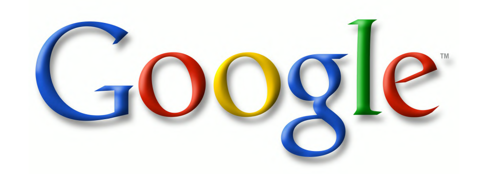
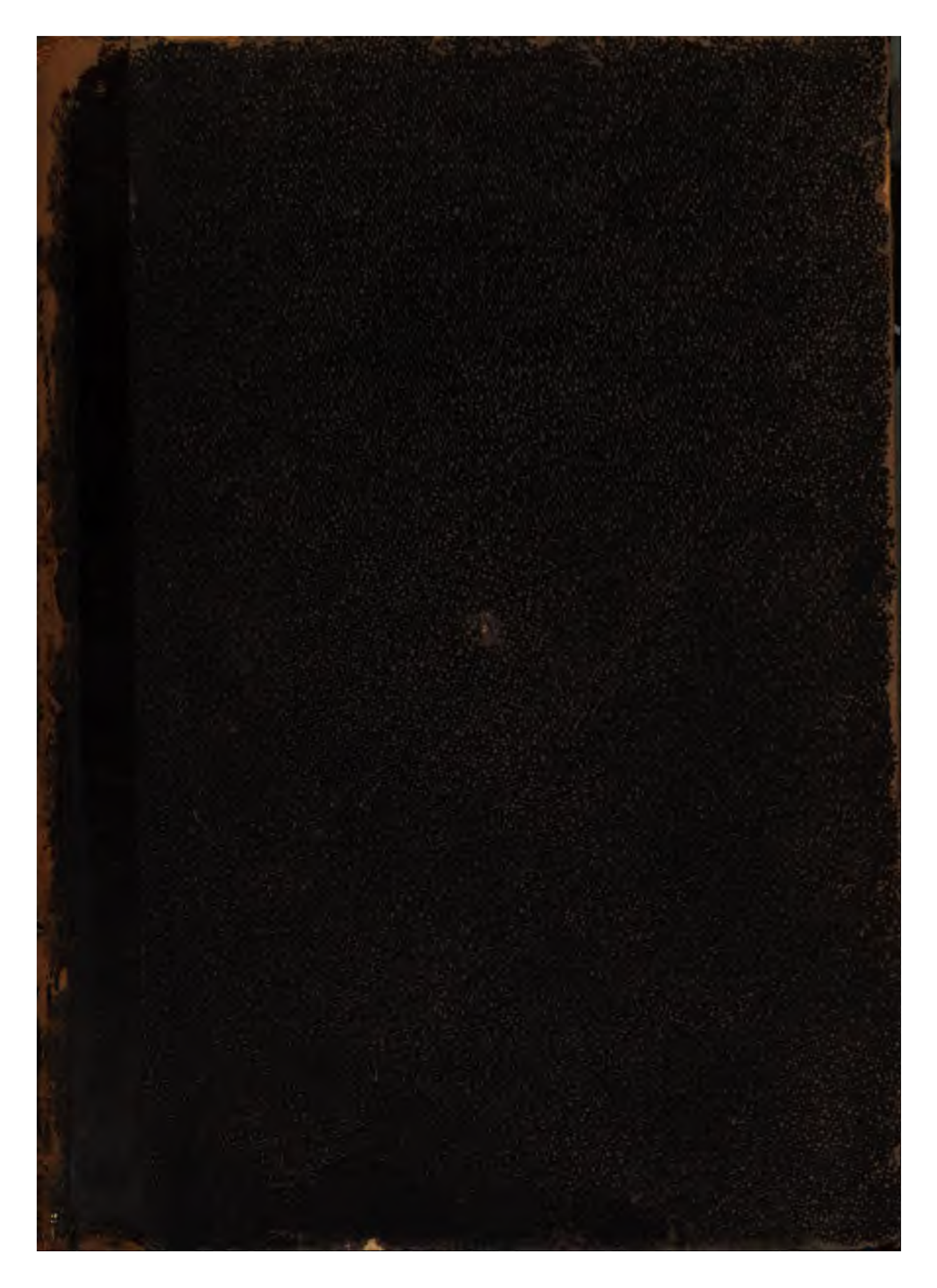
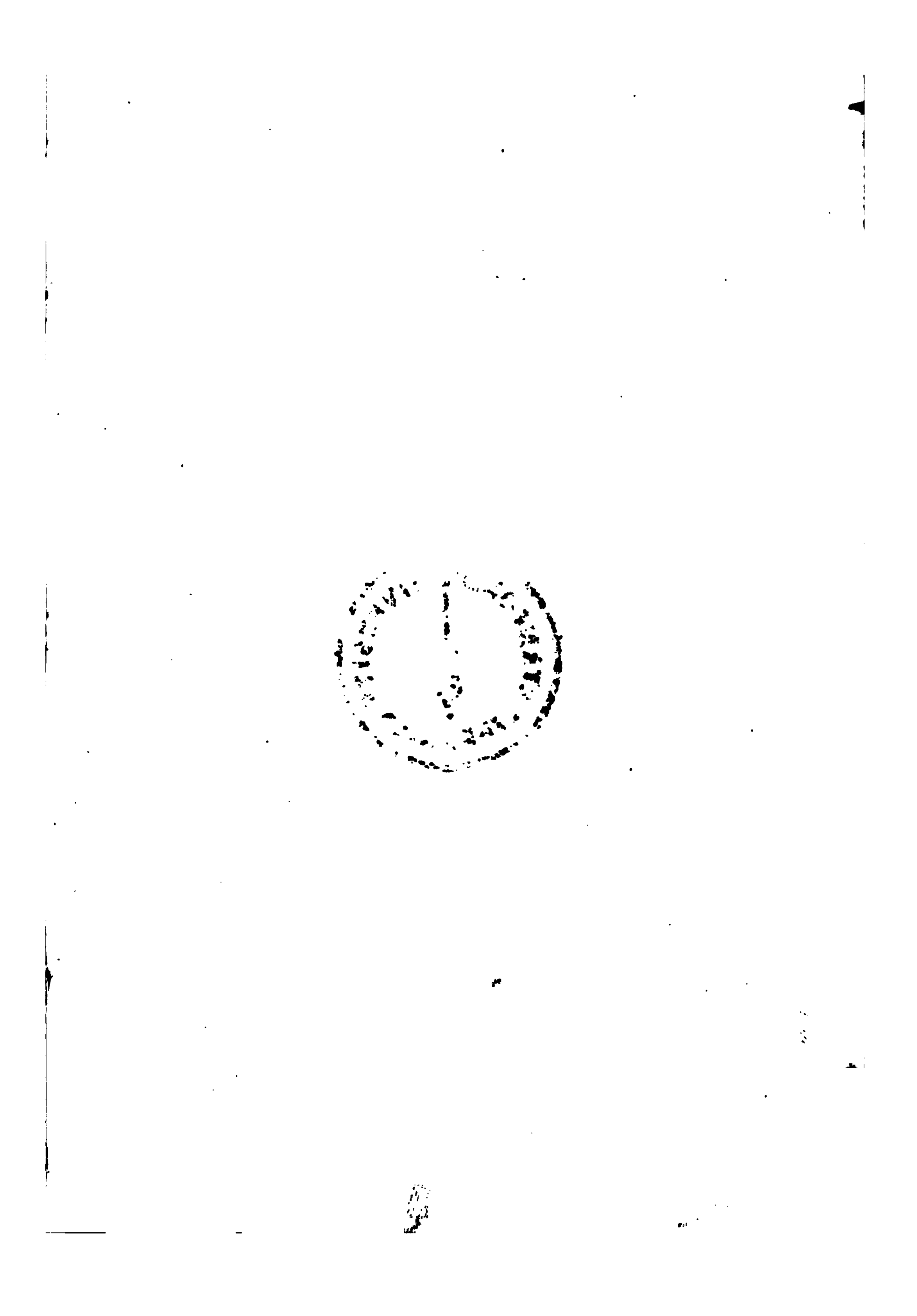

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

В. М. Дорошевичъ.

Собраніе сочиненій.

Томъ V.

ПО ЕВРОПѢ.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Типогр. Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.

МОСКВА.—1905.

Завоеваніе Москвы.

Почти всю прошлую зиму я прожилъ въ Германіи.

— Провелъ въ станѣ враговъ! — какъ сказалъ бы я, если бы былъ военнымъ или фабрикантомъ.

(Еще вопросъ, кто нынче воинственнѣе: военный или русскій фабрикантъ).

Я жилъ въ Висбаденѣ, шумномъ и веселомъ лѣтомъ, тихомъ и немножко печальномъ зимою.

Когда я уставалъ отъ его горъ, зимою словно золотистымъ плюшемъ покрытыхъ пожелтѣвшею травою, отъ его серебряныхъ аллей изъ покрытыхъ инеемъ деревьевъ, — я уѣзжалъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ.

Въ богатый Франкфуртъ, застроенный колоссальными магазинами, настоящими дворцами изъ желѣза и стекла, — въ старый Франкфуртъ, гдѣ сохранились еще во всей неприкосновенности узенькія, кривыя средневѣковыя полутемныя улички и закоулки.

Во Франкфуртъ, гдѣ родился Гёте. Во Франкфуртъ, гдѣ родился Ротшильдъ. Въ родной городъ Берне, въ родной городъ Шопенгауэра. Гдѣ стоитъ памятникъ Гуттенбергу и, словно святыня какая-то, хранится домъ, въ которомъ родился „первый Ротшильдъ“, — или Ротшильдъ I, какъ вамъ будетъ угодно.

Послѣ театра я сидѣлъ въ пивной Allemania, ѣлъ франкфуртскія сосиски, читалъ шестое, вечернее, изданіе „Франкфуртской Газеты“, пилъ со знакомыми нѣм-

цами чудное пильзенское пиво и торжественно произносилъ:

— Prosit!

Среди моихъ добрыхъ знакомыхъ былъ нѣкто Мюллеръ, учитель гимназіи. Случайно, разболтавшись, мнѣ пришлось узнать его исторію, и съ этой минуты герръ Мюллеръ и его семья захватили все мое вниманіе.

Передо мной была типичная современная нѣмецкая семья.

Въ то время университетскій вопросъ волновалъ всю Россію, и я какъ-то сказалъ, что очень хотѣлъ бы познакомиться съ жизнью знаменитѣйшаго германскаго университета—гейдельбергскаго.

— А! Гейдельбергъ! Вы должны отправиться туда весною! Какъ хорошо тамъ! Какъ чудно хорошо! — воскликнулъ сѣдой Мюллеръ.

И все лицо его, всегда немножко печальное и угрюмое, просіяло.

— Если бы вы знали, какъ тамъ хорошо!

— А вы гейдельбергскаго университета?

— Да. Я изъ Гейдельберга!

И онъ улыбнулся доброй и радостной улыбкой, какой улыбаются хорошіе старики своей счастливой юности.

— Мы изъ Гейдельберга,—подтвердила и фрау Елизабетъ, жена Мюллера.

Они чокнулись, и Мюллеръ кивнулъ мнѣ головою:

— Мы изъ Гейдельберга! Мы изъ университета!

Имя Гейдельберга наполнило ихъ сердца нѣжностью, нахлынули хорошія воспоминанія, захотѣлось откровенности, и дорогой, когда я провожалъ ихъ до дома, старики разсказали мнѣ свою исторію.

— Фрау Елизабетъ,—тогда бѣлокурая Лизхенъ,—была дочерью профессора германской литературы.

— Это былъ великій человѣкъ! Большой и благородный умъ! Какія широкія идеи носились въ его головѣ!

Но профессоръ съ широкими идеями все же мечталъ для хорошенькой Лизхенъ не иначе, какъ объ очень хорошей партіи.

Бѣднякъ-студентъ и будущій „несчастный учитель“ не входилъ въ его планы.

Когда Лизхенъ заикнулась отцу о своей любви къ буршу Мюллеру,—старикъ просто и кротко сказалъ:

— Глупости!

Но однажды, послѣ студенческой пирушки, на которую въ качествѣ почетнаго гостя былъ приглашенъ и старый профессоръ германской литературы, случилось неожиданное происшествіе.

Кругомъ молодые голоса пѣли старыя студенческія пѣсни. И старикъ, вдохновленный, взволнованный, подтягивалъ имъ своимъ дребезжащимъ голосомъ. Для него эти пѣсни звучали, какъ гимнъ, какъ молитвы молодости.

Въ профессорѣ проснулся старый студентъ.

Было поздно. Мюллеръ пошелъ провожать его домой.

Старикъ шелъ молча. Вдругъ остановился, повернулъ Мюллера такъ, чтобъ ему въ лицо свѣтила луна, и сказалъ:

— Мальчишка! Ты и Лизхенъ любите другъ друга?

Дрожащій Мюллеръ отвѣчалъ ему:

— Да!

— Идемъ ко мнѣ. Я благословлю тебя и мою дочь!

„Глаза старика горѣли, какъ звѣзды“, говоритъ Мюллеръ.

— Мнѣ не надо зятя торгаша-богача.

Моя жена пошла въ свое время за такого же бѣдняка, какъ ты! Во имя моей молодости благословляю васъ!

„Голосъ старика звучалъ торжественно, какъ голосъ жреца“, говоритъ Мюллеръ.

— Мюллеръ! Но ты долженъ дать мнѣ за это клятву. Клянись, что ты никогда не будешь торгашомъ, всегда останешься учителемъ.

„Это было ночью, кругомъ было тихо, какъ въ церкви, звѣзды горѣли,—говоритъ Мюллеръ, — и при свѣтѣ ихъ я всталъ передъ старикомъ на колѣни и, поднявъ руку къ великому, святому небу, твердо и громко сказалъ ему:

— Клянусь!"

— Съ тѣхъ поръ мы съ Лизхенъ прожили тридцать пять лѣтъ — и сохранили завѣтъ великаго наставника. Сколько мнѣ ни предлагали аферъ, я остался учителемъ!— закончилъ свой разсказъ Мюллеръ.

Такова была еще недавняя, романтическая Германія, гдѣ клялись при свѣтѣ звѣздъ на колѣняхъ предъ носителями „широкихъ идей".

— А ваши дѣти?—спросилъ я.

Мюллеръ помолчалъ.

— Они занимаются коммерціей...

Больше во всю дорогу мы не сказали ни слова.

Черезъ нѣсколько дней разговоръ возобновилъ самъ Мюллеръ.

— Мой дѣдъ былъ учителемъ, мой отецъ былъ учителемъ,—я всю жизнь учитель.

Мой тесть былъ профессоромъ, и только одну клятву взялъ съ меня: никогда не быть торгашомъ. А мои дѣти занимаются торговлей.

Это, очевидно, была вѣчно живая рана въ сердцѣ старика.

— Что жъ подѣлаешь? Мы, нѣмцы, — переживаемъ перепроизводство интеллигенціи. Наши университеты, словно гигантскія фабрики, переполняютъ рынокъ этимъ товаромъ. Товаръ упалъ въ цѣнѣ, предложеніе перевысило спросъ.

Вы знаете, въ какой нищетѣ живутъ наши, нѣмецкіе, учителя? Это вѣчная тема для сатирическихъ журналовъ.

А наши молодые адвокаты? Пришлось бы пересажать въ тюрьму весь міръ, чтобъ дать имъ достаточно практики! А доктора! Въ каждомъ домѣ, въ каждомъ этажѣ ихъ по нѣскольку.

Практики никакой! Одна надежда, благодаря диплому, жениться и взять хорошее приданое. Продать себя. А изо всѣхъ видовъ торговли, это—ужъ худшая!

И вотъ мнѣ, внуку учителя, сыну учителя, зятю учителя, учителю, приходится пускать своихъ дѣтей по коммерческой части! Какъ счастлива должна быть интеллигенція вашей страны, гдѣ для интеллигенціи еще непочатый уголъ интеллигентнаго труда! Мой старшій сынъ въ Россіи.

— Да?!

— Въ Москвѣ онъ служитъ...

Мюллеръ назвалъ мнѣ одинъ изъ милліона московскихъ нѣмецкихъ торговыхъ домовъ.

— Приходится экспортировать нѣмцевъ за границу. Что дѣлать! Наши торговые дома переполнены неудачниками-юристами, пошедшими въ приказчики, докторами безъ практики, которые обрадовались, найдя мѣсто конторщиками, учителями, отмѣривающими дамамъ шелковыя матеріи... Надо посылать избытокъ за границу... Что жъ! Мы, учителя, — какъ говорятъ про насъ,—„побѣдили при Садовой". Посмотримъ какъ наша молодежь побѣдитъ весь міръ!

— И что же, вашъ сынъ доволенъ Россіей, Москвой?

— Онъ-то очень доволенъ. Но меня убило его послѣднее письмо. Онъ больше никогда не увидитъ нашего Рейна... Впрочемъ, я какъ-нибудь покажу вамъ его письма. Я старъ. Старость — болтлива. И мнѣ нужно съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своимъ горемъ. Заходите ко мнѣ. Прошу васъ.

И вотъ какъ-то вечеромъ въ скромномъ кабинетѣ, убранномъ бюстами Шиллера, Гёте, украшенномъ би-

бліотечными шкапами съ книгами великихъ нѣмецкихъ писателей, при свѣтѣ лампы подъ зеленымъ абажуромъ, старикъ-учитель читалъ мнѣ письма торговца-сына.

Въ письмахъ изъ Москвы сынъ сначала просто только жаловался на грубость здѣшней жизни.

„Мнѣ жутко въ этихъ кривыхъ, азіатскихъ улицахъ. Страшно среди этихъ мрачныхъ людей, которые только для того и раскрываютъ ротъ, чтобы ругаться. Тутъ всѣ ругаютъ, толкаютъ,—чуть что, бьютъ другъ друга. Такъ и кажется, что изъ-за угла сейчасъ выѣдутъ татары и примутся давить народъ. До такой степени чѣмъ-то татарскимъ вѣетъ отъ Москвы".

Но правнукъ, внукъ, сынъ учителя все-таки сказывался:

„Привить имъ европейскую культуру,—какая великая задача для насъ, для европейцевъ!"

Мюллеръ прервалъ чтеніе.

— Мой тесть, его дѣдъ, былъ солнцемъ. И мальчишка все-таки грѣлся въ его лучахъ!

Дальше о „великихъ задачахъ" ужъ не упоминалось, зато много говорилось о ресторанахъ и биргалле.

„Оказывается, — писалъ молодой человѣкъ, — здѣсь можно жить! Даже привыкнувши къ нѣмецкому складу жизни. Нѣмцевъ тутъ такъ много, что явилось выгоднымъ открыть массу нѣмецкихъ ресторановъ и биргалле. Ты скажешь: это пустяки! Я тебѣ скажу: нѣтъ! Видя массу маркитантовъ, я говорю себѣ: значитъ здѣсь большая и многочисленная армія! Если выучиться читать по-русски, то на каждомъ шагу ты увидишь вывѣски съ нѣмецкими фамиліями. Нѣмецкія фирмы полны нѣмецкими служащими. Насъ много. Есть нѣмецкія общества, нѣмецкіе кружки. Право, иной разъ выходишь на улицу, и здѣшнія узкія, извилистыя улицы кажутся совсѣмъ узкими, тѣсными, извилистыми средне-

вѣковыми улицами Франкфурта-на-Майнѣ". Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше молодой контористъ сживался съ Москвой.

„Да, мы ведемъ войну. Ты думаешь, это — непріятно? Ничуть. Война ведется безъ всякаго ожесточенія и съ той и съ другой стороны. Все происходитъ тихо, спокойно, вполнѣ культурно. Мы входимъ дольщиками въ русскія предпріятія, чтобы расширить эти предпріятія, даемъ денегъ, оказываемъ кредитъ Затѣмъ, когда предпріятіе достаточно задолжало, — мы говоримъ: „Вы не въ состояніи намъ заплатить долга,—значитъ, оно наше". Все вполнѣ культурно. Такъ постепенно мы расширяемъ территорію нашихъ завоеваній. Намъ становится просторнѣе, свободнѣе и вольнѣй".

И, наконецъ, послѣднее письмо, которое убило моего бѣднаго старика:

„Дорогой отецъ! Не огорчайся, читая это письмо. Черезъ нѣсколько дней всѣ хлопоты будутъ кончены, и я стану русскимъ подданнымъ. Однимъ изъ тысячъ русскихъ Мюллеровъ, которые наполняютъ своими фамиліями телефонныя книжки и украшаютъ улицы своими вывѣсками „по-русски". Ты не долженъ на меня сердиться. Подумай! Было время,—мы, нѣмцы, налетали сюда, какъ хищники. Брали добычу и увозили ее въ Германію, къ себѣ.

„Къ себѣ", значитъ здѣсь мы были не у себя! Эта страна не была завоевана. Теперь мы остаемся здѣсь. Пойми! Остаемся, какъ остаются завоеватели въ странѣ, которая принадлежитъ имъ. Зачѣмъ я поѣду отсюда, если эта страна моя, этотъ городъ—мой. Куда я поѣду „домой", если здѣсь я у себя, дома! Не говори, что я измѣнилъ нашему германскому отечеству. Нѣтъ! Оставаясь здѣсь, на завоеванномъ мѣстѣ, каждый изъ насъ только увеличиваетъ территорію нашего германскаго отечества! Мы, нѣмцы, завоевали это мѣсто, и мы удержива-

емъ его за собой! Не отступаемъ и не удаляемся! Ты, отецъ, всегда былъ немножко философъ. Это у тебя отъ Гейдельберга! Подумай же надъ тѣмъ, что я тебѣ говорю. Надъ этимъ стоитъ подумать. Пріѣзжай-ка лучше сюда и дѣлайся русскимъ. И тебѣ найдется занятіе по торговой части!"

— Онъ больше не увидитъ Рейна! — съ горемъ, съ печалью воскликнулъ, скорѣе простоналъ, бѣдный учитель-старикъ, дочитавъ письмо московскаго коммерсанта Мюллера.

Я шелъ отъ Мюллеровъ по узенькимъ улицамъ Франкфурта, и одна фраза изъ писемъ „московскаго коммерсанта" не давала мнѣ покоя:

— Много маркитантовъ, — значитъ, здѣсь большая армія.

Въ 1612 году на Москву налетѣли поляки. Но туча тучей изъ Нижняго двинулась Русь и подъ ея градомъ исчезли враги.

Русскою стала Москва.

Въ 1812 году Наполеонъ взялъ Москву. Взялъ совсѣмъ.

Но словно свѣчка, вспыхнула Москва и огнемъ очистилась.

И словно фениксъ, изъ пепла русскою встала Москва.

Что будетъ въ 1912 году?

Что будетъ при этой арміи молодыхъ интеллигентныхъ нѣмцевъ, которые, вмѣсто пушекъ, везутъ съ собою гроссъ-бухи, у которыхъ пороховые ящики набиты нашими векселями?

Отъ военныхъ бѣдъ спасаясь, справится ли Москва съ этимъ мирнымъ завоеваніемъ?

„Тихимъ, спокойнымъ, культурнымъ"... Вотъ вамъ забавный урокъ по исторіи.

Маленькая задача по отечествовѣдѣнію.

Въ XX вѣкѣ.

Нѣмцы, которые „никого не боятся, кромѣ Бога“, боятся маленькаго мальчика, когда онъ молится по-польски.

Можно подумать, что они раздѣляютъ трогательную и наивную вѣру познанскихъ крестьянъ:

— Господь Богъ и всѣ святые говорятъ по-польски.

И опасаются, что Господь Богъ, услышавъ польскую молитву маленькаго мальчика, вспомнитъ о Познани.

И нѣмцамъ тогда придется „бояться Бога“.

Отсюда эта война, которая ведется противъ женщинъ, и пораженія, которыя наносятся дѣтямъ.

И блестящія реляціи:

— Женщины разбиты на голову.

— Дѣти потерпѣли страшный уронъ.

Нѣмецкимъ газетамъ, требующимъ репрессалій, репрессалій и репрессалій для Познани, остается завести корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій.

— 10-лѣтній непріятель не сдается. Но его надѣются взять голодомъ, для чего матери взяты въ плѣнъ и посажены въ тюрьму.

— Захвачена еще одна, страшно опасная, — но тринадцатилѣтняя дѣвочка.

Будущій историкъ съ изумленіемъ остановится на этихъ реляціяхъ:

— Что это за упорный „десятилѣтній“ противникъ?

— Ему отроду десять лѣтъ!

У Германіи есть свой Трансвааль, съ десятилѣтними бурами.

Мучительство матерей, мучительство дѣтей.

И все это послѣ стольких вѣковъ христіанства, послѣ стольких великихъ людей и учителей, послѣ стольких успѣховъ знанія и морали.

Интересенъ разговоръ, который ведутъ между собой двѣ націи.

Одна, которая считается самой культурной, и другая, которая считается самой философской.

Самая философская говоритъ самой культурной:

— Негодяи! Разбойники! Палачи! Это казнь, а не война. Вы разстрѣливаете людей, которые виновны только въ томъ, что защищаютъ свою родину! На вашихъ рукахъ кровь, но это не кровь на рукахъ воина. Это кровь на рукахъ палача, совершившаго казнь.

Самая культурная нація отвѣчаетъ самой философской:

— Потише, пріятельница! 77-й годъ не такъ ужъ далекъ. Еще живы семьи разстрѣлянныхъ. Гордо выпятивъ грудь, украшенную орденами за доблесть, разгуливаютъ еще „ветераны“, разстрѣливавшіе беззащитныхъ.

Лужайки лондонскаго Гайдъ-парка, это — трибуна, съ которой взываютъ къ справедливости и человѣчности.

Можно подумать, что эти лужайки ближе къ справедливости, какъ Сіонъ ближе къ небесамъ.

Гдѣ бы ни притѣсняли, кого бы ни притѣсняли, во имя чего бы ни тѣснили.

Если на лужайкахъ Гайдъ-парка не кривляется „Армія спасенія“, онѣ отдаются на воскресенье подъ митинги протеста.

И, можетъ-быть, въ одно изъ ближайшихъ воскресеній въ Гайдъ-паркѣ состоится огромный митингъ протеста противъ нѣмецкихъ изувѣрствъ въ Познани.

— Преступленія противъ дѣтей! Преступленія противъ женщинъ!

Нѣмецкимъ газетамъ останется отвѣтить:

— А заморенныя въ „концентраціонныхъ лагеряхъ“ бурскія женщины и дѣти?!

— Палачъ!

— Самъ въ палачахъ былъ!

— Что дѣтей загубилъ!

— Самъ, братъ, ребятишекъ истязалъ!

Разговоръ, достойный сахалинской кандальной.

Такъ поступаютъ двѣ просвѣщеннѣйшія націи.

Что жъ остается прочимъ?

Культура, прогрессъ.

Слова — пустыя, какъ звонъ.

Культура, прогрессъ.

Самое прочное, что они создали, — пристяжные воротнички.

Все остальное — вздоръ. Лакъ, очень дешевый и быстро портящійся.

Онъ не выдерживаетъ первой пробы.

Вспыхиваетъ война въ Китаѣ, — массовыя, звѣрскія убійства, грабежи, жгутъ библіотеки, разрушаютъ храмы.

Весь лакъ, покрывавшій варварство Европы, сразу, моментально полопался, сошелъ.

Самое совпаденіе китайскихъ событій съ парижской выставкой — ироническая улыбка судьбы.

Въ то самое время, какъ въ Парижѣ міръ праздновалъ пышный праздникъ внѣшней культуры, на другомъ концѣ материка онъ показывалъ себя такимъ же грубымъ, жестокимъ, варварскимъ, какимъ былъ много сотъ лѣтъ тому назадъ.

Самое выраженіе „двадцатый вѣкъ“ — анахронизмъ.

Много ли народу живетъ дѣйствительно въ XX вѣкѣ?

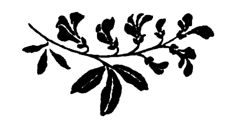
Горсть ученыхъ, мыслителей, теоретиковъ, далекихъ отъ жизни, поэтовъ, мечтателей.

Все остальное только носитъ фо-коли XX столѣтія.

Вѣкъ, когда, ведя войну, состязаются въ варварствѣ и звѣрствѣ, когда мученіе женщинъ и дѣтей составляетъ государственное дѣло, — почему это двадцатый, а не одинъ изъ самыхъ мрачныхъ, звѣрскихъ, затхлыхъ и удушливыхъ среднихъ вѣковъ?

Вотъ задача для философа исторіи:

— На основаніи фактовъ китайской войны, на основаніи дѣйствій англичанъ въ Трансваалѣ и подвиговъ нѣмцевъ въ Познани, опредѣлить, въ какомъ столѣтіи умственно и нравственно живетъ сейчасъ Европа?

Нѣмцы и Франція.

Въ Парижѣ, поздно ночью, я возвращался домой, — въ Grand-Hôtel.

Швейцаръ долго не отворялъ, и въ ожиданіи я услышалъ за собой женскій голосъ. Слабый и усталый.

Мнѣ дѣлалось „соблазнительное предложеніе".

Я промолчалъ.

— Въ такомъ случаѣ, дайте мнѣ хоть на извозчика! — сказалъ черезъ нѣсколько секундъ женскій голосъ.

Еще нѣсколько секундъ молчанія.

— Хоть нѣсколько су на стаканъ пива!

У меня не было мелкихъ, — ничего, кромѣ золотыхъ, въ карманѣ.

— Не дадите нѣсколькихъ су?!

Женщина, задыхаясь, крикнула:

— Prussien!.. Saucisson!..

Въ этомъ крикѣ было столько ненависти, что я оглянулся.

— Я не нѣмецъ.

При свѣтѣ фонаря я увидѣлъ мертвое лицо.

Настоящее мертвое, восковое лицо съ обострившимся носомъ, подбородкомъ, скулами.

Глаза еле мерцали.

Женщина едва стояла на ногахъ.

— Что съ вами?

— Я изъ больницы... два дня не ѣла...

Я сунулъ ей золотой.

Швейцаръ отворилъ дверь, и я не знаю, какое впечатлѣніе произвело это на женщину.

Полуумирающая отъ голода женщина, желая вылить всю злобу, всю ненависть, оскорбить какъ только можно сильнѣе, крикнула:

— Пруссакъ... Колбаса!

Это было какихъ-нибудь 8—9 лѣтъ тому назадъ.

Въ то время одинъ изъ магазиновъ на большихъ бульварахъ вздумалъ написать на огромномъ зеркальномъ окнѣ:

— Говорятъ по-нѣмецки!

На слѣдующій же день огромное зеркальное окно было разбито камнемъ.

Теперь нельзя себѣ представить мало-мальски порядочнаго отеля, ресторана, большого магазина, гдѣ бы не говорили обязательно по-нѣмецки.

На каждомъ шагу на зеркальныхъ окнахъ надписи:

— Man spriecht deutsch.

И если бы кто-нибудь гдѣ-нибудь вздумалъ выругаться „нѣмцемъ“, — на него оглянулись бы съ негодованіемъ съ десятокъ настоящихъ прусскихъ лицъ съ настоящими бранденбургскими усами.

До того Франція переполнена нѣмцами.

Какъ это случилось?

Медленно, исподволь, систематически, неизбѣжно — какъ судьба.

Императоръ Вильгельмъ не пропускалъ ни одной оказіи, чтобъ не засвидѣтельствовать Франціи „соотвѣтствующія чувства“ нѣмецкаго народа.

Юбилей, общественное несчастье, открытіе памятника, потеря какого-нибудь замѣчательнаго дѣятеля, — первое поздравленіе или соболѣзнованіе приходило всегда отъ императора Вильгельма.

Извѣстенъ эпизодъ, какъ Феликсъ Форъ узналъ о смерти Жюля Симона отъ германскаго императора.

Когда умеръ Жюль Симонъ, — у президента былъ какой-то торжественный пріемъ.

Нигдѣ такъ не царитъ этикетъ, какъ въ Елисейскомъ дворцѣ.

Президентъ французской республики — рабъ „протокола".

„Всякій французъ можетъ быть президентомъ республики", а потому, чтобъ этотъ „всякій французъ" не надѣлалъ какихъ-нибудь безтактностей, каждый его шагъ размѣренъ, опредѣленъ и назначенъ „протоколомъ".

Согласно этикету, адъютантъ не имѣлъ права доложить президенту о смерти Жюля Симона во время торжественнаго пріема.

Пріемъ затянулся.

Въ это время президенту подали телеграмму отъ германскаго императора.

Телеграммы августѣйшихъ особъ по этикету не задерживаются ни на секунду и передаются президенту немедленно.

Президентъ вскрылъ телеграмму.

Императоръ Вильгельмъ выражалъ свое глубокое соболѣзнованіе Франціи по поводу кончины Жюля Симона.

Феликсъ Форъ „сдѣлалъ большіе глаза":

— Развѣ Жюль Симонъ...

— Скончался часъ тому назадъ.

Въ теченіе этого часа германское посольство успѣло протелеграфировать въ Берлинъ, а германскій императоръ послать краснорѣчивую и эффектную телеграмму.

Пользующійся тоже всякимъ случаемъ, но только чтобъ обругать правительство, Рошфоръ писалъ тогда:

— Скоро г. Феликсъ Форъ будетъ освѣдомляться у германскаго императора: „Да существую ли я самъ?" И

успокоиваться, только получивши утѣшительный отвѣтъ изъ Берлина.

Такъ, медленно, постепенно, изъ Берлина растаивали ледъ взаимныхъ отношеній.

И въ 1900-мъ году, во время всемірной выставки, ледъ былъ взломанъ, и нѣмцы залили Францію.

„Чтобъ засвидѣтельствовать свои симпатіи великой націи“, нѣмцы изо всѣхъ націй, приняли „въ праздникѣ Франціи“, во всемірной выставкѣ, самое большое участіе.

Нѣмецкій отдѣлъ на парижской выставкѣ 1900 года былъ грандіозенъ, ослѣпителенъ по роскоши, великолѣпенъ по составу.

Этимъ нѣмцы сразу убили двухъ зайцевъ.

И симпатіи засвидѣтельствовали, и всему міру, явившемуся на выставку, показали:

— Смотрите, какъ мы, нѣмцы, хорошо и, главное, дешево работаемъ!

Только потомъ французскіе фабриканты схватились за голову:

— Да вѣдь это была нѣмецкая выставка! Кто отъ нея выигралъ, — нѣмецкая промышленность! Какую рекламу на весь міръ они у насъ устроили!

Нѣмцы впервые послѣ 1870 года осмѣлились явиться въ Парижъ въ такомъ количествѣ и такъ открыто.

Кто былъ на выставкѣ въ Парижѣ, тотъ помнитъ странную картину, которую тогда представлялъ этотъ „нѣмецкій городъ“.

Идя по большимъ бульварамъ, вы могли вообразить себя гдѣ угодно.

Въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ, но только не въ Парижѣ.

Нѣмецкій языкъ слышался всюду. Ничего не слышалось, кромѣ нѣмецкаго языка.

— И каштаны большихъ бульваровъ кажутся мнѣ „липами“! — говорилъ мнѣ одинъ французъ.

До того Парижъ тогда „оберлинился“.

Съ тѣхъ поръ нѣмцы облюбовали Францію.

Въ Парижѣ есть десятка два нѣмецкихъ ресторановъ.

„Saucissons de Francfort“ и „Kartoffeln-Salat“ — неизбѣжныя блюда въ карточкѣ любого, самаго французскаго ресторана.

Всѣ кафэ — нѣмецкія биргалле, потому что во всѣхъ мюнхенское пиво.

Проѣзжая по французскимъ желѣзнымъ дорогамъ, вы на каждой станціи встрѣчаете огромные, по-нѣмецки прочно, навѣкъ сколоченные вагоны свѣтло-желтаго цвѣта съ огромными черными надписями:

— Zum Spattenbräu.

— Augustiner-Bier.

Въ Wagons lits прислуга обращается къ вамъ по-нѣмецки.

— Was wollen Sie speisen, mein Herr?

Разъ иностранецъ ѣдетъ по Франціи,—кому же быть какъ не нѣмцу??

И когда я вошелъ въ отель, управляющій обратился ко мнѣ по-нѣмецки, какъ раньше всего заговаривали по-англійски.

— Да что вы, господа?! Всѣхъ пріѣзжихъ считаете за нѣмцевъ!

Онъ только улыбнулся въ отвѣтъ и показалъ на карту квартирантовъ.

Каждая фамилія начиналась съ „von“.

Я не говорю уже о магазинахъ. Мало-мальски крупный,—на окнахъ обязательная надпись:

— Man spriecht deutsch.

Маленькія лавчонки въ Ниццѣ, и тѣ обзаводятся приказчиками, умѣющими говорить по-нѣмецки.

Зная одинъ только нѣмецкій языкъ, — ни слова ни звука по-французски, — вы можете проѣхать Францію

вдоль и поперекъ, — вы получите всѣ нужныя справки, васъ не обдерутъ въ отелѣ, вы будете сыты, вы купите, закажете себѣ все, что вамъ нужно.

Пріѣхавъ изъ Вѣны въ Ниццу, я не замѣтилъ никакой особенной перемѣны.

Если сѣсть въ кафэ на avenue de la Gare и закрыть глаза,—вы представляете себя на Kaertnerstrasse.

Нѣмецкая рѣчь, отчетливая, ясная, какъ барабанный бой, гремитъ всюду. На улицахъ, въ отеляхъ, въ ресторанахъ, въ магазинахъ, на bataille des fleurs.

Когда вы бросаете букетикомъ цвѣтовъ въ бѣлокурую „парижанку", она взвизгиваетъ, какъ настоящая Гретхенъ.

Улицы полны крѣпкими, здоровенными, какъ нѣмецкіе вагоны, словно навѣкъ сколоченными людьми съ такими усами,—словно это не усы, а какія-то орудія для разламыванья стѣнъ,—и прочными дамами, прочно одѣтыми и на рѣдкость прочно обутыми, словно въ желѣзныя ботинки.

Все это гуляетъ, такъ отбивая ногами, словно они маршируютъ.

И въ воздухѣ пахнетъ скверными сигарами.

Прежде въ отеляхъ мы, несчастные, на все согласные, русскіе подчинялись англійскому режиму.

„Подъ англичанъ" было все устроено.

Англичане диктовали намъ:

— Вставайте тогда-то. Ѣшьте то-то. Гуляйте столько-то.

И мы ѣли по утрамъ дыню, пили въ шестомъ часу дня чай и гуляли въ однихъ пиджакахъ, когда хотѣлось завернуться въ два одѣяла и спать.

Теперь вдругъ намъ сдѣлана поблажка.

Фруктовъ по утрамъ ѣсть не заставляютъ, къ водкѣ подаютъ Kartoffeln-Salat, холодными, какъ ледъ, душами не обливаютъ.

И гулять можно въ пальто.

Мы чувствуемъ себя „ganz gemütlich“, какъ гдѣ-нибудь во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Гуляешь утромъ, выпивши кофе съ булкой, какъ слѣдуетъ, а не съ какими-то англійскими галетами,—и вдругъ сосисокъ хочется.

Ну, смерть!

Задумаешься:

— Чего это у меня желудокъ такъ германо-философствуетъ?

Потянешь носомъ,—понятно.

Нѣмецкой кухней запахло.

Оглянешься — ресторанъ; и крупными буквами на стеклѣ написано:

— Man spriecht deutsch.

И камней на мостовой много, и ничего.

А придешь въ отель, метръ-д'отель:

— Вы Zwieback-Brod любите?

— Ѣмъ.

— Ну, вотъ вамъ завтра къ кофе этого хлѣба дадутъ.

И вы чувствуете, какъ тутъ вѣетъ... Нѣтъ, не вѣетъ. Какъ со всѣхъ сторонъ на васъ тутъ дуетъ нѣмцемъ.

Вамъ не должно казаться это ни мелочнымъ ни придирчивымъ.

Абсолютно мирныхъ временъ,—это всякому младенцу извѣстно, — нѣтъ. Въ самое мирное время націи ведутъ самую ожесточенную войну. Когда люди не бьютъ другъ друга по шеѣ, бьютъ по карману.

Экономическія войны идутъ безпрерывно.

И я только по количеству провіанта сужу о численности арміи.

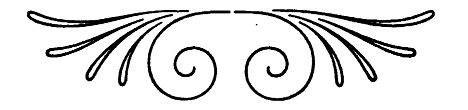
Нѣмецъ всюду везетъ съ собой свои привычки, свою ѣду, свое питье. Никто такъ не устойчивъ по части склада жизни, какъ нѣмецъ.

И если въ воздухѣ, куда ни повернись, запахло пивомъ и франкфуртскими „Würstchen“ и кругомъ все заговорило по-мѣмецки,—значитъ, нѣмцевъ въ странѣ много.

Сегодня имъ потребовалось уже соединить Берлинъ съ Парижемъ телефономъ, — такъ много у Берлина оказалось дѣлъ съ Парижемъ. Завтра имъ для чего-то нужна въ Парижѣ своя газета: они скупаютъ акціи *Figaro*.

Послѣзавтра они вкладываютъ деньги въ предпріятіе.

И въ одинъ день вы оглядываетесь, всѣ акціи на ваше отечество въ карманѣ у сосѣда.

Первый дебютъ.

(Закулисныя сценки.)

Палата, такъ сказать, лѣвша.

Четыре партіи лѣвой—союзъ демократовъ, радикалы, радикалъ-соціалисты и соціалисты соединились вмѣстѣ и составляютъ „le bloc republicain“.

Онъ и будетъ править Франціей эти четыре года.

У нихъ большинство голосовъ.

Слѣдовательно, министерства будутъ только радикальныя.

Реформъ слѣдуетъ ожидать широкихъ демократическихъ.

Будетъ установленъ подоходный налогъ.

Смерть всему клерикальному, ретроградному! Смерть также умѣренному и постепенному, медлительному!

Такой показала себя новая палата при первомъ дебютѣ.

Избраніе Буржуа и пораженіе Дешанеля, это — программа, это — марка, которую положила на себя палата.

Она открыла карты:

— Вотъ каковы мы будемъ!

Показала свою силу и свой радикализмъ.

Это—спектакль для публики. Мы съ вами пройдемъ за кулисы.

* * *

— Messieurs, faites vot jeux!

Половина второго. Кулуары палаты напоминаютъ кулуаръ большого и шикарнаго клуба въ дни „большихъ сраженій“: когда какой-нибудь американецъ закладываетъ стотысячный банкъ.

Все возбуждено.

„Дѣлаютъ игру“.

— Сто франковъ за Буржуа!—предлагаетъ кто-то.

— Держу только двадцать!

— Сто!

— Двадцать!

— Чортъ знаетъ, что такое! Не могу найти человѣка, который поставилъ бы сто франковъ за Дешанеля!

Черезъ полчаса выборы.

Всѣ „демарши“ сдѣланы. Остается послѣдній—сплетня.

Сплетня, которая распространена въ Парижѣ больше, чѣмъ въ Царевококшайскѣ. Сплетня, которая могущественнѣе въ Парижѣ, чѣмъ въ Карасубазарѣ.

— Вы видѣли Дешанеля? Смотрите! Видите? Суетится, бѣгаетъ! Ко всѣмъ подбѣгаетъ, улыбается, жметъ руки, заискиваетъ! Фи!

— Позоръ! Позоръ!

— Это что! Вы знаете, всю эту недѣлю онъ дѣлалъ визиты всѣмъ вновь избраннымъ кандидатамъ!

— А театральные билеты!

— Какіе театральные билеты?

— А какъ же! Онъ разсылаетъ театральные билеты! „Дорогой коллега! Сегодня жена не совсѣмъ здорова, и мы не можемъ ѣхать въ театръ. Позвольте предложить вамъ нашу ложу“.

— Если выберутъ Дешанеля, это будетъ успѣхъ его повара!

— Повара?

— А его знаменитые завтраки? Еженедѣльные завтраки, на которые онъ приглашаетъ всѣхъ, направо и налѣво!

— Какой же онъ Поль Дешанель? Это—Paul Dejeunel!

— M-lle Humbert!

Тутъ завязывается споръ.

— Позвольте! Позвольте! — вмѣшивается сторонникъ Дешанеля.—Поль Дешанель никогда не думалъ жениться на m-lle Humbert! Это m-me Humbert выдумала, чтобы прибавить себѣ кредита!

— А я вамъ говорю, что хотѣлъ! Хотѣлъ! Хотѣлъ!

— Никогда! Никогда! Никогда! А! Вы вѣрите всему что разсказывала madame Humbert?! Тогда вамъ остается вѣрить и въ сто милліоновъ.

— А я вамъ говорю, что Поль Дешанель...

Споръ становится горячимъ.

— Если выберутъ Буржуа, это рѣшительно ничего не доказываетъ! — ораторствуетъ въ другомъ мѣстѣ сторонникъ Дешанеля. — Это вопросъ личныхъ симпатій. Имъ нравится Буржуа! Вотъ и все!

— Ну, да! — язвитъ сторонникъ Буржуа. — Имъ захотѣлось президента съ бородой!

— Почему нѣтъ? Видѣть четыре года передъ собой одно и то же лицо! Захочется перемѣнить! Вотъ и все! Вотъ и все! Нѣтъ, пусть бы выпустили противъ него Бриссона! Бриссонъ строгъ! Бриссона не любятъ! Бриссона забаллотировали бы! А Буржуа,—онъ всѣмъ симпатиченъ. Это только вопросъ личныхъ симпатій, какъ видите! У него много личныхъ друзей въ палатѣ!

— У Буржуа много личныхъ друзей даже среди правой, — шипитъ кто-то, — они будутъ вотировать за него по дружбѣ.

— Буржуа, если и выберутъ, то выберутъ только по знакомству.

— Позвольте, если выберутъ Дешанеля, что это значитъ? — провозглашаетъ кто-то. — Его выберутъ, потому что онъ прощаетъ штрафы!

— Какъ штрафы?

— Штрафы, которые накладываются всякій разъ, какъ президентъ палаты призываетъ депутата къ порядку со внесеніемъ въ протоколъ. Штрафъ на полумѣсячное жалованье. Дешанель потомъ вычеркиваетъ штрафъ,— Бриссонъ никогда. Оттого и въ прошлый разъ выбрали не Бриссона, а Дешанеля. Это просто! Это ясно! Депутаты разсуждаютъ: „ну, ее къ чорту, и политику, если это стоитъ 375 франковъ!"

— Позвольте! Что такое Дешанель? Арривистъ! Карьеристъ!

— Академикъ!

— Написалъ какихъ-то десять книжонокъ!

— Двѣ! Только двѣ! Я самъ видѣлъ,—только двѣ!

— Да и тѣхъ никто не читаетъ!

— Читаютъ изъ уваженія къ его отцу!

Право, даже не подумаешь, что находишься среди депутатовъ. Совершенныя кумушки изъ Торжка.

Я встрѣчаю одного изъ ближайшихъ друзей Дешанеля.

— Какъ дѣла?

У него удрученный видъ.

— Намъ не везетъ. Только что узналъ, что мы теряемъ два голоса. Иксъ, оказывается, никогда не приходитъ на первое засѣданіе палаты!

— Почему?

— Представьте! Боится какого-нибудь происшествія! Говоритъ: „такой тревожный день". Такая у него примѣта. Смѣшно! Законодатель и примѣты! А Игрекъ третьяго дня вывихнулъ себѣ руку. Вѣрный былъ голосъ, но упалъ съ извозчика. И что за охота людямъ въ такую скверную погоду выѣзжать изъ дома!

Сторонникъ Дешанеля съ отчаяніемъ пожимаетъ плечами.

Но:

— Le jeu est fait!

Всѣ сплетни пущены.

— Rien ne va plus.

Барабаны грохнули „походъ“. Всѣ сняли шляпы. Построенные въ двѣ шеренги, солдаты берутъ накараулъ.

Барабаны гремятъ въ „залѣ Лаокоона“, такъ что цилиндры дрожатъ въ рукахъ.

Между двумя шеренгами солдатъ проходитъ старшій по возрасту депутатъ, Ролинъ, чтобы предсѣдательствовать во время выборовъ.

80-лѣтній старикъ розовый и выхоленный, съ сѣдыми бакенбардами, съ самой чиновничьей физіономіей. Совсѣмъ предсѣдатель суда.

Впереди два пристава.

По бокамъ у Ролина два офицера съ саблями наголо.

За нимъ опять два пристава.

Барабаны грохочутъ. Шествіе тянется медленно.

Словно бѣднягу ведутъ на эшафотъ.

За нимъ идутъ его помощники въ этомъ засѣданіи,— четыре самыхъ молодыхъ депутата.

Словно его четыре сына, которые сейчасъ останутся сиротами.

Старичокъ поднимается на президентскую трибуну, звонитъ и читаетъ по тетрадкѣ свою рѣчь.

Старичка никто не слушаетъ, старичка никто не слышитъ, но старичку всѣ аплодируютъ.

Старичокъ никакой гадости не скажетъ.

— Палата приступаетъ къ выборамъ...

— Избранъ Леонъ Буржуа!

Вся лѣвая разражается громомъ аплодисментовъ.

— Vive la republique! Vive la republique!

На правой поднимается длинная - длинная фигура Мильвуа, редактора націоналистской газеты „La Patrie“.

— Республика ни при чемъ въ такихъ выборахъ! — кричитъ онъ.

— Сейчасъ вскочитъ Бодри д'Ассонъ! — предвкушаютъ всѣ.

— Это вы, націоналисты, не имѣете ничего общаго съ республикой!—кричатъ съ лѣвой.

— Vive Bourgeois!

— Долой клерикаловъ!

И Бодри д'Ассонъ вскакиваетъ на скамейку.

Маленькій старикъ съ огромной сѣдой бородой,— Бодри д'Ассонъ одна изъ самыхъ интересныхъ фигуръ парламента.

Въ частной жизни, это—тихій, мирный, добрый старичокъ, весь ушедшій въ дѣла благотворительности.

Въ палатѣ, это—„звѣрь“. Это l'enfant terrible палаты депутатовъ.

„Рыцарь короля“.

Онъ вѣчный представитель Сабль-д'Олоннъ.

Въ доброй Сабль-д'Олоннъ, „вѣрной своему королю“, имѣютъ о Франціи свое, особое, представленіе.

Столѣтіе пронеслось надъ міромъ, не коснувшись Сабль-д'Олоннъ, защищенной дремучими сосновыми лѣсами.

Въ доброй Сабль-д'Олоннъ, гдѣ носятъ „старыя французскія шляпы“ съ лихо загнутымъ бортомъ, предполагаютъ, что Франціей „временно правятъ якобинцы“, но вѣрятъ, что вотъ-вотъ придетъ король и всѣхъ прогонитъ.

Въ Сабль-д'Олоннъ никто не посмѣетъ сунуться поставить свою кандидатуру противъ Бодри д'Ассона.

Сабль-д'Олоннъ вѣрно старику Бодри д'Ассону, который вѣренъ своему королю.

Бодри д'Ассонъ, несомнѣнно, самый искренній изъ депутатовъ.

Въ то время, какъ другіе находятъ возможнымъ смѣяться, шутить, Бодри д'Ассонъ принимаетъ все не иначе, какъ серьезно.

Онъ болѣзненный старикъ. У него падучая.

И старикъ до такой степени близко принимаетъ къ сердцу все, что происходитъ въ палатѣ, что доводитъ себя до припадковъ.

Онъ никогда ничего не говоритъ,—на это у старика нехватаетъ спокойствія.

Но онъ считаетъ своею обязанностью вскочить на скамейку и крикнуть въ лицо всей палатѣ:

— Vive le roi!

И часто падаетъ въ корчахъ, среди невообразимаго гама и улюлюканья, крича свой боевой кличъ:

— Vive le roi!

Къ этому надо добавить, что обыкновенно Бодри д'Ассонъ кричитъ это въ самыя неподходящія минуты.

Но это ничего не значитъ!

По мнѣнію Бодри д'Ассона, всегда хорошо крикнуть:

— Да здравствуетъ король!

Для него весь міръ дѣлится на двѣ неравныя половины. „Le roi", Бодри д'Ассонъ и Сабль-д'Олоннъ. Все остальное—жиды и франкъ-масоны.

Онъ заслышалъ боевой кличъ враговъ:

— Vive la republique!

Онъ вскочилъ на скамейку. Его сѣдая борода развѣвается. Онъ машетъ руками.

Онъ кричитъ благимъ матомъ, громовымъ голосомъ:

— Долой жидовъ! Долой франкъ-масоновъ!

Палата хохочетъ.

Даже правая не можетъ сдержать улыбки. Лѣвая вопитъ:

— У-у-у! У-лю-лю!

— A bas la calotte *)

— Vive la republique!

Лицо Бодри д'Ассона начинаетъ дергаться.

— Vive le roi!

Сосѣди и единомышленники стаскиваютъ старика за фалды со скамейки.

Но онъ скрестилъ на груди руки и вопитъ настрѣчу всѣмъ улюлюканьямъ и крикамъ въ упоръ:

— Vive le roi!

* * *

Итакъ, Поль Дешанель палъ.

Скажу словами Козьмы Пруткова:

— И все, что было въ немъ пріятнаго, исчезло вмѣстѣ съ нимъ!

А это былъ молодой человѣкъ, пріятный во всѣхъ отношеніяхъ.

Я не знаю, какой скульпторъ шилъ ему фраки. Но фракъ Поля Дешанеля, какъ Акрополь, поражалъ гармоніей своихъ линій.

Парижане говорятъ:

— На свѣтѣ нѣтъ болѣе прямой линіи, чѣмъ проборъ Поля Дешанеля!

Говорятъ, что его причесывали математики, опредѣляя проборъ при помощи геометрическихъ инструментовъ.

Онъ былъ законодателемъ модъ.

И по поводу его свадьбы возникъ міровой вопросъ:

— Можно ли вѣнчаться въ сюртукѣ?

Поль Дешанель вѣнчался въ сюртукѣ. Значитъ, можно. Значитъ, должно.

Объ этомъ писали газеты всего цивилизованнаго міра. Даже Японіи! Не было ничего только въ китайскихъ!

Его цилиндръ блестѣлъ, какъ ничей. Онъ одинъ знаетъ секретъ заставлять цилиндръ такъ ослѣпительно блестѣть.

---

*) „Долой скуфейки", т.-е. „долой клерикаловъ".

И какъ онъ надѣвалъ цилиндръ въ знакъ того, что объявляетъ засѣданіе прерваннымъ!

Парижане говорили, что депутаты нарочно затѣваютъ шумъ въ палатѣ, чтобъ лишній разъ взглянуть:

— Какъ Поль Дешанель надѣнетъ цилиндръ!

И „взять фасонъ".

Когда, стиснутый между двумя офицерами съ саблями наголо, онъ проходилъ по залу Лаокоона между двумя шеренгами солдатъ,—въ воздухѣ, потрясенномъ барабаннымъ грохотомъ, разливался неизреченный ароматъ.

Онъ проходилъ, а въ воздухѣ все еще пахло ландышами, фіалками, резедой и гвоздикой.

Если бъ тутъ была корова, она съѣла бы Поля Дешанеля, принявъ его за букетъ цвѣтовъ!

Съѣла бы раньше, чѣмъ его съѣли радикалы!

Ахъ, эти духи Поля Дешанеля! Говорятъ, изъ-за нихъ произошла цѣлая трагедія.

Одинъ молодой офицеръ, красивый какъ Аполлонъ, женатый,—онъ былъ влюбленъ и любимъ.

Однажды послѣ караула въ палатѣ онъ влетѣлъ къ своей женѣ.

Прекрасная блондинка, съ волосами, какъ золотая спѣлая нива, съ глазами, какъ васильки, кинулась ему навстрѣчу.

И... отшатнулась.

Лицо ея исказилось неимовѣрнымъ страданьемъ.

Глаза были полны ужаса, словно она увидала передъ собой мышь или льва.

Она крикнула только:

— Прочь!

И какъ была, не надѣвъ даже шляпки, кинулась изъ дома.

Офицеръ бросился за ней, но она вскочила у подъѣзда на единственнаго извозчика и исчезла.

Страшная мысль пронизала голову несчастнаго:

— Помѣшалась!

Онъ побѣжалъ искать ее по всему городу и, конечно, первымъ долгомъ бросился къ ея роднымъ.

Старикъ-тесть встрѣтилъ его, суровый и мрачный, со зловѣще сжатыми губами, на порогѣ своей гостиной:

— Ни шагу дальше, нечестивецъ.

И поблѣднѣлъ, какъ покойникъ.

„Они помѣшались всей семьей! Это фамильное!" рѣшилъ офицеръ.

Въ эту минуту вошелъ комиссаръ полиціи.

— Представитель закона!—обратился къ нему старикъ-тесть.—Я просилъ васъ за тѣмъ, чтобы констатировать супружескую невѣрность мужа моей дочери!

Офицеръ зашатался:

— Мою? Невѣрность?!

— Доказательства налицо!—продолжалъ тесть.—Мой зять... мнѣ мерзко произносить это слово... этотъ господинъ явился къ своей женѣ... къ моей несчастной дочери... прямо послѣ свиданія, не потрудившись даже переодѣть мундира! Какой цинизмъ! Понюхайте этого господина, г. комиссаръ! И скажите намъ свое мнѣніе.

— Я былъ на караулѣ... въ палатѣ... — лепеталъ несчастный.

Но комиссаръ понюхалъ его, повидимому, съ удовольствіемъ,—понюхалъ еще разъ, еще. Хитро подмигнулъ и сказалъ:

— Хе-хе! Это пахнетъ не палатой! Я долженъ вамъ сказать, что дама, о которой идетъ рѣчь, душится великолѣпными духами. Mes compliments!

— Достаточное это доказательство измѣны? — тревожно спросилъ тесть.

— О, совершенно! — успокоилъ его комиссаръ полиціи и развернулъ портфель, чтобы писать протоколъ.

Тутъ только несчастный сообразилъ въ чемъ дѣло.

— Да поймите вы!—крикнулъ онъ.—Я... я шелъ рядомъ съ Полемъ Дешанелемъ!

Тогда все объяснилось.

Хорошо пахнулъ Поль Дешанель!

Это былъ баловень судьбы.

Въ сорокъ лѣтъ академикъ, президентъ палаты депутатовъ, будущій...

Онъ уже произнесъ своимъ избирателямъ рѣчь „о правахъ и обязанностяхъ президента республики“ такъ, какъ ихъ понимаетъ онъ, Поль Дешанель.

Я бродилъ въ кулуарахъ среди депутатовъ, журна листовъ.

— Бѣдный Дешанель!

— Конченъ!

— Ну, что жъ!—храбрился кто-то изъ сторонниковъ.— Не президентъ палаты, будущій президентъ совѣта одного изъ министерствъ!

— При радикальной-то палатѣ?! — улыбались ему въ отвѣтъ.

— Есть и другіе посты въ республикѣ! — храбрился другой.

Ему отвѣчали тоже улыбкой:

— Три съ половиной года осталось Лубэ, а потомъ семь лѣтъ будетъ Вальдекъ - Руссо. До Елисейскаго дворца очень далеко!

И мнѣ вспоминалось, какъ въ прошломъ году я былъ на процессѣ Вѣры Жело.

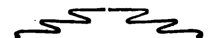
— Но судятъ не ее!—говорили въ коридорахъ.—Доказываютъ, что не виновенъ Эмиль Дешанель. Только и всего

— Это и есть главное!—находили всѣ нормальнымъ.— Рѣчь идетъ объ отцѣ Поля Дешанеля! Шутка! Будущій президентъ...

Съ тѣхъ поръ прошелъ всего годъ.

Такъ тонутъ...

Такъ прошелъ этотъ „историческій“ день.

Grand Prix.

— „Ссептръ“!!

— „Ретцъ“!!!

Человѣкъ, въ первый разъ попавшій въ Парижъ, спросилъ бы:

— Что здѣсь происходитъ? Кто это такіе? Кандидаты въ президенты?

Лошади. Кандидаты на Grand Prix.

Я не знаю, знакомо ли гг. Полю Дешанелю и Леону Буржуа такое низкое чувство, какъ зависть.

Если да,—они, вѣроятно, уже умерли.

Двѣ недѣли тому назадъ, когда рѣшался вопросъ,— кто будетъ президентомъ палаты депутатовъ, — имена Дешанеля и Буржуа въ сотую, въ тысячную часть были меньше у всѣхъ на устахъ, чѣмъ теперь:

— „Ссептръ“! „Ретцъ“!!!

Отчеты о сегодняшнемъ днѣ должны начинаться словами:

— Сегодняшній день есть день величайшаго торжества!..

Это былъ не просто день Grand Prix, это былъ историческій, это былъ великій день.

Испоконъ вѣковъ велось, что Grand Prix, это—сраженіе между англійскими и французскими лошадями.

Позвольте превратиться въ „Парижскаго Н. П. Бочарова“ и дать историческую справку.

До 1886 года англичане били французовъ „какъ хотѣли“. Это были шведы французскихъ конюшенъ.

1886 годъ былъ годомъ послѣдней побѣды англичанъ. Съ 1887 года ученики начали бить учителей.

И съ 1894 года англійскія лошади исчезли совсѣмъ съ французскаго ипподрома.

8 лѣтъ Grand Prix не представлялъ никакого международнаго интереса.

Французскія конюшни дрались между собой. Это была междоусобная война.

И вотъ въ этомъ году англичане объявили:

— Ѣдемъ на васъ!

Сегодняшній Grand Prix это была уже не скачка, а „война между просвѣщенными народами".

Наконецъ-то! Черезъ пять лѣтъ послѣ послѣдняго пораженія родилась лошадь, способная поддержать англійское имя!

Геніальныя лошади, какъ геніальные люди, родятся не каждое поколѣніе. Только съ геніальными лошадями обращаются бережнѣе, чѣмъ съ геніальными людьми.

Англія выставила на международный бой кобылу „Ссептръ".

Надежды Франціи покоились на жеребцѣ „Ретцъ".

Трехлѣтокъ „Ретцъ" принадлежитъ г. Камиллу Блану.

Г. Камиллъ Бланъ — сынъ того знаменитаго Блана, который однажды явился къ принцу монакскому и предложилъ:

— Хотите превратить ваше государство просто въ государство терпимости?

Принцъ монакскій,—это былъ отецъ теперешняго,— подумалъ и сказалъ:

— А сколько вы мнѣ за это дадите?

У г. Камилла Блана великолѣпная конюшня кровныхъ лошадей.

Я думаю!

Лошади, купленныя на монакскія деньги,—да не были бы „кровными".

Какъ-то три года подъ рядъ онъ выигрывалъ Grand Prix, и про него даже сложилась поговорка:

— Бланъ абонированъ на Grand Prix!

Его трехлѣтокъ „Ретцъ", французскій дербистъ, быстрая и могучая „скакальная машина".

„Ссептръ" объявлена лондонской прессой „королевою англійскихъ лошадей".

Ея хозяинъ, мистеръ Сьевье, одинъ изъ оригинальнѣйшихъ людей въ Европѣ.

Его никто не зоветъ по фамиліи. Онъ знаменитъ подъ псевдонимомъ „Бобби".

Его зовутъ „величайшимъ спорщикомъ въ мірѣ".

Умирая, онъ будетъ держать пари, гдѣ онъ очутится:

— Въ аду или въ раю?

Онъ готовъ играть, когда угодно, на что угодно. Онъ никогда не согласенъ ни съ кѣмъ. Моментально предлагаетъ:

— Пари!

И оглушаетъ противника суммой.

Это одинъ изъ знаменитѣйшихъ европейскихъ игроковъ и спортсменовъ.

Онъ является въ Монте-Карло послѣ завтрака и въ полчаса рветъ 300,000 франковъ съ банка.

„Фортель", который онъ продѣлалъ два мѣсяца тому назадъ.

Затѣмъ онъ „гремитъ" своими выстрѣлами.

На голубиныхъ садкахъ держитъ заклады по 50,000 франковъ — выстрѣлъ.

Это было мѣсяцъ тому назадъ.

Наконецъ, въ одну недѣлю выигрываетъ въ Англіи на скачкахъ у букмэкеровъ 1.750,000 франковъ.

Это было всего недѣлю тому назадъ.

Таковъ этотъ вѣчно занятый милліонными дѣлами бездѣльникъ, какъ его зовутъ англичане. Таковъ этотъ фруктъ буржуазіи.

Совершенный персонажъ изъ Жюля Верна.

„Королева англійскихъ лошадей" трехлѣтка „Ссептръ"— „лошадь королевской крови".

Она дочь великаго „Персимона", красы и гордости конюшни принца Уэльскаго, теперешняго короля Эдуарда VII.

„Персимонъ" взялъ Эпсомскій дерби съ невѣроятной рѣзвостью. Самъ принцъ Уэльскій водилъ его передъ трибунами и раскланивался въ отвѣтъ на безумныя оваціи.

Картина, изображающая этотъ историческій моментъ представляетъ принца Уэльскаго ведущимъ „Персимона" подъ уздцы, безъ шляпы, съ лицомъ, сіяющимъ счастіемъ спортсмена.

Знаменитый „Персимонъ" былъ купленъ американцами за 100,000 гиней. Милліонъ рублей!

„Бобби" заплатилъ за „Ссептръ" 265,000 франковъ.

„Ссептръ"—европейская знаменитость. Вотъ нѣкоторыя подробности ея характера. Какъ ихъ передавали большія политическія англійскія газеты. Консервативныя и либеральныя.

„Ссептръ" — очень нервна.

Одни говорятъ, что она застѣнчива. Другіе, что она просто держится консервативныхъ убѣжденій.

По застѣнчивости или по убѣжденіямъ, но она себя отвратительно чувствуетъ каждый разъ, какъ ей приходится скакать на новомъ ипподромѣ.

Она оглядывается во всѣ стороны, ко всему присматривается и совершенно забываетъ, что ей нужно скакать.

Замѣчено было, что, очутившись въ первый разъ на Эпсомскомъ ипподромѣ, на дерби, она во время скачки „больше глядѣла по сторонамъ, чѣмъ занималась своимъ дѣломъ".

Почему и проиграла этотъ почетнѣйшій въ мірѣ призъ.

Легкомысленная и разсѣянная юная кобыла, дѣлая глазки направо и налѣво, пришла четвертой!

„Бобби“ приказалъ надѣть на нее шляпку.

Ей надѣли соломенную шляпку - „капотъ“.

— Чтобъ не глазѣла по сторонамъ.

Шляпка придала ей солидности. Съ боковъ ничего не видно, и легкомысленная дама сосредоточилась.

Если бъ шляпки такъ дѣйствовали на женщинъ.

„Ссептръ“ въ шляпкѣ, на призѣ „Оксъ“, кинула всѣхъ соперниковъ за флагомъ и пришла къ столбу побѣдительницей кэнтеромъ.

Дѣло въ шляпѣ.

Она выиграла подъ рядъ „2,000 гиней“ и „1,000 гиней“,—два почетнѣйшихъ приза.

Вся англійская пресса пришла въ неописуемый восторгъ:

— Ничего подобнаго не было со временъ знаменитой и великой Шотоверъ!

Потому ее и отправили возстановлять англійское имя на континентѣ.

Въ Парижѣ страшно интересовались:

— Будетъ „англичанка“ скакать въ шляпкѣ или безъ шляпки?

Спортивныя газеты вели по этому поводу цѣлую полемику.

Гдѣ жъ и надѣвать шляпку, какъ не въ Парижѣ.

Дамы теперь носятъ столько цвѣтовъ на шляпкахъ, что лошадь можетъ съ аппетитомъ заглядѣться.

Газеты сообщали ежедневно свѣдѣнія объ „англійской опасности“.

Чтобъ скакать въ воскресенье, „Ссептръ“ пріѣхала въ Парижъ въ четвергъ утромъ.

Съ вокзала ее отвезли въ конюшню въ особой каретѣ:

— Ея ноги созданы не для того, чтобы ходить пѣшкомъ по какой-то мостовой.

„Ссептръ" пріѣхала со своимъ сѣномъ и со своимъ овсомъ.

— Чтобъ перемѣна пищи не повліяла на нее дурно.

Какъ одинъ москвичъ поѣхалъ въ Парижъ съ солониной, квасомъ и икрой.

Она привыкла къ англійской пищѣ!

Тренеръ не спускалъ съ ея глазъ. И чтобъ быть при ней ежесекундно, приказалъ поставить свою кровать у нея въ стойлѣ.

Мало ли что можетъ съ лошадью ночью случиться. Ей всего три года! Развѣ можно оставлять спать одно трехлѣтнее существо.

И всѣ газеты въ одинъ голосъ объявили:

— „Ссептръ" рѣшительно не устала съ дороги!

Ну, и слава Богу!

Чтобъ показать порядокъ „королевѣ лошадей", „Бобби" пригласилъ къ ней въ конюшню избранныхъ спортсменовъ.

Я беру изъ „Jockey" описаніе прогулки миссъ „Ссептръ".

— Мы застали „Ссептръ" во дворѣ. Она прогуливалась въ компаніи съ подругой кобылой „Барберстаунъ".

Вѣроятно, любимая подруга. Быть-можетъ, компаньонка. Быть-можетъ, нарочно привезена въ Англію, чтобъ „Ссептръ" не было скучно. Пожилая солидная лошадь, скачущая на препятствія, очевидно, ее взяли, чтобъ легкомысленная „Ссептръ" брала съ нея примѣръ и училась хорошимъ манерамъ.

— „Ссептръ" прогуливалась, сохраняя полнѣйшее спокойствіе, легкой и граціозной походкой. Ропотъ восхищенія прошелъ среди присутствующихъ! Тотъ, кто видѣлъ ее, не забудетъ никогда. Ея фигура прелестна, а линіи тѣла замѣчательны. На лебединой шеѣ покоится очаровательная головка. Ея лицо очень выразительно (Sic! „La physionomie est tres expressive"). Ея грудь поражаетъ красотой своей формы, а ноги обѣщаютъ многое".

Выкиньте досадное словно „кобыла“ и скажите, какой придворный льстецъ описалъ бы лучше маркизу Помпадуръ?!

Ее объявили „самой изумительной машиной для галопа“.

А объ ея жокеѣ не писали иначе, какъ:

— „Сопровождать „Ссептръ“ на Grand Prix будетъ ея всегдашній кавалеръ г. Рандоль“.

Любезно даже до обидности.

Словно рѣчь идетъ не о лошади, а о кокоткѣ!

— „Ссептръ“! „Ретцъ“!! „Ретцъ“!!

Страсти разгорались съ каждымъ днемъ.

Въ Англіи заключались огромныя пари на „Ссептръ“. Парижъ, и на выборахъ показавшій себя націоналистомъ, держалъ за „Ретцъ“.

„La Patrie“ и „La Presse“, двѣ самыхъ націоналистскихъ газеты Парижа, писали:

— Всѣ говорятъ, что „Ссептръ“ въ самомъ лучшемъ порядкѣ. Если она будетъ побѣждена, это будетъ служить доказательствомъ, что наша, французская, лошадь выше англійской.

„Бобби“ предложилъ Камиллу Блану пари.

Бланъ принялъ блестяще.

Онъ держалъ 300,000 франковъ за своего „Ретцъ“ противъ 200,000 франковъ, которыя положилъ „Бобби“ за „Ссептръ“.

„И грянулъ бой“.

Дождливый день. Тяжелый грунтъ. Не дорожка, а болото. Земля размочена въ грязь восьминедѣльными дождями.

Льетъ, льетъ и льетъ.

Тѣмъ не менѣе, на Grand Prix столько народу, сколько бываетъ только 14-го іюля, въ день національнаго праздника.

Пріѣзжаетъ президентъ.

Но если бы не трубы, играющія „походъ“, и не десятокъ криковъ „Vive Loubet!“ — никто бы этого не замѣтилъ.

Сегодня день овацій лошадямъ, а не людямъ.

Въ 4 часа 5 минутъ передъ трибунами пестрою лентой протягивается шествіе.

Стартеръ верхомъ, за нимъ конкуренты на одинъ изъ почетнѣйшихъ призовъ въ мірѣ.

Изъ 474 записанныхъ на Grand Prix лошадей явилось одиннадцать скакуновъ.

— „Ретцъ“! „Ретцъ“!

Онъ проносится, огромный, могучій, упругій, съ литыми, стальными формами.

Работаетъ словно машина.

Вдругъ что-то замелькало по зеленому полю.

Это „летитъ какъ птица“, это мчится какъ заяцъ „Ссептръ“.

Она безъ шляпы!

Она не касается земли. Она проносится, она порхаетъ надъ землей.

Видѣли вы, какъ ласточка передъ дождемъ стрѣлой проносится надъ водою? Вотъ-вотъ она коснется воды и острымъ крыломъ оцарапаетъ спокойную, заснувшую, зеркальную гладь.

Но не дрогнетъ водная гладь. Ласточка взвилась и снова упала и снова стрѣлой зигзагомъ пронеслась надъ самой, надъ самой водой.

Такъ проносится надъ землею „Ссептръ“.

Она „англичанка“. Но крикъ восторга вырывается у всѣхъ:

— Что за чудное созданье!

— Кобыла Милосская,—въ упоеніи шепчетъ стоящій рядомъ со мной московскій спортсменъ.

Въ 4 часа 10 минутъ опустился флагъ.

Впередъ стремглавъ кидается „Оризона“ и предлагаетъ безумную скачку.

Дистанція въ 3,000 метровъ (около 3 верстъ) была покрыта въ 3 минуты 26 секундъ 36 терцій!

„Оризона“ оторвалась и летитъ. „Ретцъ“ идетъ третьимъ. „Кизиль-Курганъ“, „Максимумъ“ и „Ссептръ“ держатся въ хвостѣ.

Лошади скрылись за лѣсомъ и вылетаютъ оттуда все въ томъ же порядкѣ.

„Оризона“ ведетъ. „Ретцъ“ третьимъ „Ссептръ“ въ концѣ.

Поднялись на горку. Летятъ внизъ. Поворотъ на прямую.

„Ретцъ“, какъ машина, кидается впередъ.

Три прыжка, и „Оризоны“ нѣтъ. Онъ первымъ вылетаетъ на прямую и въ рукахъ летитъ къ призовому столбу.

Словно вѣтромъ наподдало разноцвѣтную группу.

Все ринулось.

— „Ссептръ“! „Ссептръ“.

„Ссептръ“ дѣлаетъ нѣсколько молніеносныхъ скачковъ. Только нѣсколько! Тяжкій грунтъ не по силамъ легкой кобылѣ.

Все пронеслось мимо нея.

До призового столба десятокъ корпусовъ.

„Ретцъ“ идетъ увѣренно, въ трехъ-четырехъ корпусахъ впереди. И вдругъ вопль, настоящій вопль потрясаетъ трибуны и кругъ.

Словно стрѣла, пущенная изъ туго натянутаго лука, съ заднихъ мѣстъ вылетаетъ кобыла „Кизиль-Курганъ“.

„Ретцъ“ въ бѣшеномъ посылѣ старается вырваться.

Съ обѣихъ сторонъ у него полосатые, какъ у Ильенко, оранжевые съ чернымъ цвѣта Сентъ-Элари, лидеръ „Оризона“ и „Кизиль-Курганъ“.

„Ретцъ“ за флагомъ. „Кизиль-Курганъ“ въ изумительномъ финишѣ беретъ голову. И „Ретца“ настигаетъ дѣлающій финишъ „Максимумъ“.

Секунда безполезной борьбы. Обѣ лошади распластались въ воздухѣ, и голова въ голову, носъ въ носъ, пролетаютъ мертвымъ гитомъ мимо призового столба.

„Оризона“, сдѣлавъ свое дѣло и проведя для „Кизиль-Кургана“, отпала на четвертое мѣсто.

„Ссептръ“, съ удивительно интеллигентнымъ лицомъ и чрезвычайно выразительными глазами, — завяла гдѣ-то на предпослѣднемъ мѣстѣ.

Вѣроятно, разсматриваетъ дамскія шляпки.

Когда побѣдительница проходитъ среди публики, ее встрѣчаютъ неистовыми криками, и мнѣ показалось, что интеллигентная миссъ „Ссептръ“ даже раскланивается.

Она такъ привыкла къ аплодисментамъ! И принимаетъ ихъ на свой счетъ.

Всѣ проигрались на „Ретцъ“.

Всѣ проигрались на „эту проклятую англичанку“.

И все-таки колоссальная овація „Кизиль-Курганъ“.

— Англія побита! Взяла французская лошадь.

„Кизиль-Курганъ“. Это имя, отъ котораго пахнетъ не то вареньемъ, не то востокомъ,—самое популярное слово въ Парижѣ.

Кизиль у всѣхъ на языкѣ.

Вечеромъ въ честь побѣдительницы взвиваются фейерверки въ увеселительныхъ садахъ.

А газеты пишутъ о патріотическомъ подвигѣ французской лошади.

„Кизиль-Курганъ“ отомстила за пораженіе отца „Омніума“, побѣжденнаго когда-то англичанами на Grand Prix.

Въ заключеніе нѣсколько цифръ.

Г. Сэнъ-Алари получилъ за побѣду „Кизиль-Курганъ“ призъ въ 300,000 франковъ.

Г. Бланъ выигралъ съ „Бобби“ за то, что „Ретцъ“ пришелъ впереди „королевы англійскихъ лошадей“,— 200,000 франковъ.

Публикой было поставлено въ тотализаторъ на Grand Prix 1.675,145 франковъ.

Такова, — выражаясь громко, — гекатомба на этомъ праздникѣ лошадинаго культа. И таковъ культъ лошади.

Поэтъ съ Монмартра.

(Парижскій типъ.)

Позвольте васъ познакомить: Monsieur Пишонъ.

Да вы его знаете!

Поэтъ Пишонъ.

Ну, конечно жъ, вы его знаете! Вы никогда не читали его стиховъ, но если вы просматриваете парижскія газеты, вамъ, вѣроятно, намозолило глаза это имя. Пишонъ. Свѣтскій поэтъ Пишонъ.

— Вчера у графини X... состоялся именитый вечеръ,— одинъ изъ самыхъ блестящихъ въ сезонѣ. Любезная хозяйка приготовила для избраннаго общества рѣдкій сюрпризъ: присутствовавшій въ числѣ гостей извѣстный поэтъ Пишонъ прочелъ нѣсколько новыхъ произведеній своей музы.

„Рѣдкое“ удовольствіе! Оно повторяется каждый день. Тамъ, здѣсь, тутъ...

— Послѣ обѣда у маркизы Игрекъ извѣстный поэтъ Пишонъ декламировалъ свои стихи.

— Пріятнымъ экспромптомъ на балу у княгини Дзэтъ былъ извѣстный поэтъ Пишонъ, который по усиленной просьбѣ гостей согласился прочесть нѣсколько своихъ стихотвореній.

— Украшеніемъ артистическаго вечера у архи-милліонера W... было нѣсколько стихотвореній, прочитанныхъ авторомъ, извѣстнымъ свѣтскимъ поэтомъ г. Пишономъ.

Пишонъ человѣкъ лѣтъ 45, коротенькій, пузатый и жирный. Съ наружностью свиньи и съ душой, въ которой есть немного бога. Въ засаленномъ фракѣ и всегда немного смятой рубашкѣ; отъ толщины Пишонъ ужасно потѣетъ.

Утро Пишона начинается пріемами. Квартирная хозяйка — Пишонъ состоитъ съ ней въ интимностяхъ и потому не платитъ за квартиру,—докладываетъ ему:

— Лакей графини такой-то.

— Дворецкій герцогини такой-то.

— Чортъ съ нимъ! Пусть войдетъ! — разрѣшаетъ Пишонъ и короткими, грязными пальцами разрываетъ длинненькій надушенный конвертъ съ гербомъ.

— Cher maitre! Тогда-то у меня обѣдъ. Не будете ли добры украсить его вашимъ присутствіемъ, чѣмъ очень обяжете поклонницу вашего таланта и т. д.

— Хорошо. Кланяйтесь! — говоритъ Пишонъ и заноситъ день на бумажку, которая пришпилена у него надъ кроватью:

Пишонъ является, холодно выслушиваетъ комплименты хозяйки и нетерпѣливо поглядываетъ на дверь, въ которой долженъ появиться дворецкій и объявить, что обѣдъ готовъ.

— Когда же, чортъ ихъ возьми, дадутъ жрать? Пишонъ ѣстъ за двоихъ, съ жадностью и чрезвычайно неаппетитно. Онъ уничтожаетъ невѣроятное количество хлѣба, кладетъ всего по два куска, и когда подходящій лакей докладываетъ:

— Mouton Rotschild, такого-то года,—Пишонъ ворчитъ, прожевывая:

— Хорошо. Лейте.

Пьетъ онъ все. И все съ жадностью, какъ человѣкъ, палимый неугасимой жаждой. Къ концу обѣда онъ красенъ, глаза слегка мутнѣютъ.

Когда всѣ переходятъ въ столовую, хозяйка дома съ льстивой улыбкой обращается къ поэту:

— Не будетъ ли добръ cher maitre подарить намъ нѣсколько строчекъ вдохновенія своей неувядаемой музы.

Пишонъ слегка ломается. Проводитъ рукой по красной лысинѣ, говоритъ, что онъ не расположенъ, что:

— Это, право, не стоитъ того.

И, наконецъ, становится въ позу у камина.

Все смолкаетъ.

Дамы слегка наклоняются впередъ, приготовляясь слушать, или мечтательно откидываются къ спинкѣ кресла. Кавалеры застываютъ въ живописныхъ позахъ. Пишонъ дѣлаетъ шагъ впередъ, съ отчаяннымъ видомъ еще разъ проводитъ рукой по лысинѣ и начинаетъ нараспѣвъ, то замирая, то крича своимъ хриплымъ голосомъ.

Я переведу вамъ нѣсколько стихотвореній Пишона. Извините, что въ прозѣ.

— „У милой моей вовсе нѣтъ сердца.

Ахъ нѣтъ сердца совсѣмъ!

„У милой моей въ груди цвѣтетъ роза.

Нѣтъ сердца совсѣмъ.

„Упреки моей милой шипы этой розы.

Дыханье ея, — той розыароматъ.

„И съ каждымъ поцѣлуемъ, знойнымъ и жгучимъ, распускается новый лепестокъ розы въ груди моей милой.

„Въ тихую полночь, когда звѣзды караулятъ поцѣлуи, приходи ко мнѣ, милая, — и пусть твоя роза расцвѣтаетъ пышнѣй!

„Въ груди моей милой вовсе нѣтъ сердца.

Нѣтъ сердца совсѣмъ“.

— Браво! Браво! — сдержанно раздается кругомъ.

— Ахъ, сколько тутъ восточнаго колорита! — вздыхаютъ дамы.

— Cher maitre! — стонетъ хозяйка дома. — Еще что нибудь! Еще!

Пишонъ на минуту задумывается и, вскидывая голову, начинаетъ новое стихотвореніе:

— „Увидѣвъ Зюлейку, сказалъ я:

— „Аллахъ всемогущъ!

„Услышавъ нѣсколько словъ, которыя она бросила, смѣясь, — я сказалъ:

— „Аллахъ премудръ!

„Когда качнулся ея станъ, я сказалъ:

— „Аллахъ великій художникъ!

„Когда вѣтеръ сорвалъ съ нея покрывало, и я увидалъ всю ея красоту, я воскликнулъ:

— „Аллахъ, какъ ты щедръ!

„И только когда я увидѣлъ ея ножку, я подумалъ:

— „Аллахъ очень скупъ!“

— Браво! Браво! Браво! — раздается кругомъ. Пишонъ читаетъ еще два-три стихотворенія и начинаетъ вдругъ ужасно торопиться.

Хозяйка его удерживаетъ, но слабо:

— Не смѣю мѣшать вашему вдохновенію и отнимать время, принадлежащее музамъ. Быть-можетъ, наше скромное общество навѣяло вамъ нѣсколько строфъ, cher maitre?

Пишонъ буркаетъ:

— Быть-можетъ. Быть-можетъ.

Хозяйка провожаетъ его до передней.

— Еще разъ благодарю васъ отъ имени всѣхъ нашихъ друзей!

И она незамѣтно подаетъ ему конвертъ. Пишонъ суетъ конвертъ въ карманъ и, не сказавъ даже „спасибо“, поворачивается и уходитъ.

Онъ садится въ омнибусъ и ѣдетъ съ безконечными пересадками къ себѣ, на Монмартръ.

Тамъ онъ заходитъ въ кабачокъ, подсаживается къ пріятелямъ, спрашиваетъ себѣ:

— Un bock!

Распечатываетъ пакетъ и разражается ругательствами:

— Скоты! Хамы! Свиньи! Подлецы! Поэтъ, настоящій поэтъ, декламируетъ имъ свои стихи! Плоды своего вдохновенія! А они платятъ за это! Негодяи! Твари! Платятъ какъ извозчику!

Онъ съ осторожностью складываетъ сто или двѣсти франковъ, которые имѣются въ пакетѣ, „глядя по дому", и прячетъ ихъ въ жилетный карманъ.

— Негодяи! Буржуа! Аристократишки! Зазвать къ себѣ человѣка въ гости и потомъ заплатить ему! Какъ поденщику! Просятъ, клянчатъ, умоляютъ прійти къ нимъ пообѣдать, — и потомъ! Платятъ! Скоты! Мерзавцы! Твари! Encore un bock, s'il vous plait!

Выпивъ пять-шесть „боковъ", онъ отправляется домой спать.

А на завтра снова обѣдъ въ аристократическомъ или просто богатомъ, — теперь это одно и то же, — домѣ. Пишонъ опять читаетъ стихи и потомъ опять ругательски ругается за то, что его оскорбили, заплативши.

Такъ оскорбляютъ Пишона каждый день. Впрочемъ, что жъ это я разсказываю все въ настоящемъ времени? Это было. Этого больше нѣтъ.

Въ прошломъ году я встрѣтилъ Пишона въ одномъ аристократическомъ кабачкѣ на Монмартрѣ.

Онъ былъ, какъ всегда, красный, потный, полупьяный, въ лоснящемся фракѣ и взъерошенномъ цилиндрѣ.

— Вы не на вечерѣ, cher maitre! Или уже ушли, получивши оскорбленіе?

— Къ чорту! — отвѣчалъ онъ. — Я бросилъ этихъ скотовъ, мерзавцевъ, негодяевъ, ничего не понимающихъ въ поэзіи! Довольно съ меня этихъ свиней.

— Какъ, maitre? Вы больше не ведете свѣтской жизни?

— Иногда... бываю... въ избранныхъ домахъ...

„Избранными домами“ Пишонъ называетъ тѣ, гдѣ платятъ не менѣе трехсотъ франковъ.

— Тоже скоты... Но сноснѣе!

— Чѣмъ же вы теперь занимаетесь, cher maitre?

Пишонъ посмотрѣлъ на меня величественно:

— Театромъ!

— А? Вы драматическій авторъ? Поздравляю, cher maitre, отъ всей души поздравляю. Для какого театра работаете? Для комедіи? Для одеона? Для какого-нибудь изъ большихъ бульварныхъ?

— Къ чорту! Ерунда! Мякина! „Комедія“—рутина, пошлость, старье. Одеонъ—выставка туалетовъ. Gymnase—дрянь. Бульварные вздоръ, плоскость, мѣщанство. Выставка кокотокъ. Тряпки. Ерунда. Я работаю для Grand-Guignol. На Монмартрѣ. Вотъ театръ. Работалъ еще для реальнаго театра. Вы знаете директора? Maitre Ширакъ. Вотъ голова. Онъ теперь въ тюрьмѣ.

— Въ тюрьмѣ? За что въ тюрьмѣ?

— Полиція посадила въ тюрьму. Реакціонеры, твари, дурачье! За сцену адюльтера. Въ моей пьесѣ. Мужъ застаетъ жену en flagrant delit. Но вы понимаете: настоящій! Со всѣмъ реализмомъ! Ново! Смѣло! Великолѣпно! Въ тюрьму. Его въ тюрьму. Я выскочилъ. Рутинеры, скоты, низменная тварь, — имъ бы все на сахарной водичкѣ. Не понимаютъ. Ширака въ тюрьму, театръ закрыли. Работаю теперь для Grand-Guignol. Успѣхъ колоссальный. Сборы биткомъ.

— Что-нибудь въ стихахъ?

— Проза. Одинъ актъ. Къ чорту стихи! Проза. Реализмъ. Дѣйствіе въ Кайеннѣ. Два каторжника. Бѣжали. Убили третьяго. Ѣдятъ мясо.

— Его мясо?

— Его.

— Бррр...

— Сходите. Это интересно. Сначала боятся другъ друга. „Убьетъ и съѣстъ“. Убитъ третій,—конецъ. Жарятъ, ѣдятъ. На сытый желудокъ полны благодушія. Довѣріе другъ къ другу. Наскребаютъ табаку. Курятъ. Разваливаются около огня. Шутятъ. Смѣются. Разсказываютъ анекдоты. Переходятъ къ высокимъ разговорамъ. Даже впадаютъ въ сентиментализмъ. Совсѣмъ какъ буржуа послѣ обѣда. Скоты. Мерзавцы. Твари. Нравятся?

— О, чрезвычайно, cher maitre! Чрезвычайно!

— Всѣмъ нравится. Высшее общество. Ложи по сто франковъ. Расписаны всегда за недѣлю. Сидятъ въ закрытыхъ ложахъ. Смотрятъ. Подлецы. Мерзавцы. Негодяи. Какъ человѣка ѣдятъ. Не скоты?

— Какъ? На сценѣ ѣдятъ?

— Ѣдятъ. Телятину жрутъ. Актеры нарочно. Цѣлый день не жрутъ. Телятина немножко не дожарена. Кровь. Иллюзія полная. Многихъ тошнитъ. Подлецы.

И maitre продолжалъ тянуть „бокъ“ за „бокомъ“ и ругательски-ругать и анаѳематствовать публику, которая смотритъ такіе спектакли:

— Ужинать потомъ ѣдутъ. Жрать. Не скоты? Не твари?

— Имѣете еще что-нибудь въ головѣ cher maitre, въ этомъ родѣ?

— Имѣю. Почище.

Въ этомъ году, зайдя въ кабачокъ, гдѣ въ полночь всегда можно застать Пишона, я его не нашелъ въ числѣ другихъ maitre'овъ.

— А нашъ Пишонъ? Неужели померъ?

— Пишонъ?!

Одинъ изъ „maitre'овъ“ только свистнулъ.

— Пишонъ держитъ теперь кабачокъ!

И мнѣ назвали одинъ изъ извѣстнѣйшихъ кабачковъ на Монмартрѣ.

— Купилъ по случаю. Прежній хозяинъ спился самъ въ своемъ кабачкѣ и обанкротился!

— Но такая же участь ждетъ и Пишона!

— Пишона? Никогда! Пишонъ знаетъ, въ чемъ штука. Онъ, говорятъ, пьетъ каждый вечеръ, передъ началомъ торговли, рюмку прованскаго масла,—чтобъ не опьянѣть. Ну, а потомъ ужъ льетъ въ себя, какъ въ бочку. Все кругомъ спаиваетъ, а самъ ни въ одномъ глазу.

— Молодчинище! Ну, а стихи?

— Пишетъ попрежнему. Грязь такая, что слушать тошно. Понятно, ходятъ слушать. Артистовъ подобралъ, какъ одинъ! Во весь вечеръ ни одного слова, кромѣ грязи, не услышите. Весь вечеръ сплошь изъ однихъ ругательствъ. Даже плакатъ вывѣшенъ: „Разговаривать разрѣшается исключительно на языкѣ Мазаса". Любой сутенеръ,—и то бы глаза вытаращилъ,—такія словечки!

Надо было посмотрѣть Пишона въ новой роли.

Онъ былъ теперь въ пиджакѣ съ продранными локтями, въ засаленномъ беретѣ, еще болѣе толстый, еще болѣе потный, еще болѣе грязный.

— А-а-а! Русскій журналистъ!—привѣтствовалъ онъ меня.—Садитесь! Великолѣпно! Deux bocks!

И, предоставивъ мнѣ платить за оба „бока", онъ подлетѣлъ къ какому-то скромному юношѣ, повидимому, иностранцу, который зашелъ, скромненько сѣвъ недалеко отъ входа, и спросилъ:

— Donnez moi un bock, s'il vous plait!

Пишонъ подскочилъ къ нему и треснулъ своимъ мясистымъ кулакомъ по столу.

— Что? Тебѣ „бокъ"? Тварь! Тебя повѣсить надо! Колесовать! Четвертовать!

Молодой человѣкъ вскочилъ, глядѣлъ съ изумленіемъ, съ испугомъ.

— „Бокъ" ему!—ревѣлъ Пишонъ.—Грязный буржуа! Негодяй! Тварь! Съ какой висѣлицы ты сорвался?

Посѣтители умирали отъ хохота. Монмартрскія дѣвицы визжали, стонали.

— Вотъ я покажу тебѣ „бокъ“!

Юноша бросился къ двери.

— Держите его! Вѣшать его!—завопилъ Пишонъ.

Все заулюлюкало.

Юноша какъ бомба вылетѣлъ за дверь.

— Bravo, papa Pichon!—закричали дѣвицы.

„Залъ“ разразился рукоплесканіями.

Пишонъ подскочилъ къ одному изъ столовъ:

— Сколько васъ? Восемь? Шестнадцать „боковъ“!

Подскочилъ къ другому:

— Васъ сколько? Четверо! Двѣнадцать боковъ имъ!

Подскочилъ ко мнѣ:

— Дать ему три бока! Ловко я его?

— Да за что? За что? Кто это такой?

— Чортъ его знаетъ. Не знаю. Такъ. Человѣкъ. Посѣтитель.

— Да за что же?

— Трюкъ. Публикѣ нравится. Подлецы. Скоты. Свиньи.

И онъ завопилъ:

— Начинать! Вниманье! Тишина, чортъ возьми! Настоящая поэзія! Не академическія твари! Безъ сиропа! Сама жизнь!

Около піанино появилась артистка съ выкрашенными въ огненный цвѣтъ волосами и запѣла о томъ, какъ уличная женщина въ больницѣ, придя въ сентиментальное настроеніе, съ любовью вспоминаетъ всѣ ругательства, которыми награждалъ ее сутенеръ.

На-дняхъ утромъ я гулялъ въ Булонскомъ лѣсу.

У дорожки остановился великолѣпный англійскій фаэтонъ, запряженный парой кровныхъ сѣрыхъ; господинъ, правившій самъ, бросилъ вожжи груму, сошелъ съ фаэтона и пошелъ по дорожкѣ навстрѣчу мнѣ.

Это былъ невысокій, очень полный господинъ, щегольски одѣтый.

Только встрѣтившись носъ съ носомъ, я невольно вскрикнулъ:

— Пишонъ?! Cher maitre! Васъ ли я вижу? Каждый день. По утрамъ. Въ лѣсу. Правлю. Замѣняетъ гимнастику.

— Cher maitre, ради Бога! Собственныя лошади?

— Мои. Недурны? 20 тысячъ пара.

— Ого-го-го! Позвольте, впрочемъ, я что-то слышалъ. Но не обратилъ вниманія,—думалъ, что клевета... Что-то про отель.

Пишонъ самодовольно улыбнулся.

И отель. И лошади. Все. Что жъ? Однимъ буржуа? Скотамъ? Свиньямъ? А честному труженику? Артисту? Пѣшкомъ? Къ чорту!

— Какъ же такъ? Утромъ лѣсъ, пара—вечеромъ кабачокъ?

Пишонъ пожалъ плечами, насколько позволяла его толщина.

— Ремесло. Какъ и другія!

— Но все-таки, cher maitre... Простите мое непониманіе. Вы всегда такъ были противъ буржуа, аристократіи,—и вдругъ...

Пишонъ посмотрѣлъ на меня величественно.

— Что жъ? Могу сказать? Жизнь прожилъ! Артистомъ. Всѣхъ ругалъ. Скоты. Подлецы. Гордымъ артистомъ.

Въ это время мимо насъ проходилъ какой-то господинъ.

Пишонъ съ пріятнѣйшей улыбкой поднялъ шляпу и раскланялся.

Господинъ съ величайшей привѣтливостью отвѣтилъ на поклонъ.

Пишонъ почтительно сказалъ, указывая мнѣ глазами:

— Министръ.

Неужели онъ мѣтитъ въ депутаты?

„Парижская Газета“.

„Парижская Газета“ жалуется, что писатель Леонардъ у нея „дубинку укралъ“.

Это была преоригинальная авантюра — „Парижская Газета“, и объ этомъ русскомъ экспонатѣ на всемірной выставкѣ стоитъ сказать слова два.

Столпами редакціи было три русскихъ писателя.

Бывшій антрепренеръ „фуроръ“, сидѣвшій за растрату въ тюрьмѣ и бѣжавшій за границу отъ новой высидки, уже за мошенничество. Г. Леонардъ, какъ оказывается, прославившій себя уже „дѣяніями“ на прошлой всемірной выставкѣ. И одинъ изъ столповъ „Московскихъ Вѣдомостей“—г. Хозарскій.

Не большая, но добрая компанія.

Бѣжавшій отъ тюрьмы „фуроръ“ именовался русскимъ эмигрантомъ-декабристомъ:

— Въ декабрѣ мое дѣло о мошенничествѣ слушалось.

Г. Леонардъ, „натворившій дѣлъ“ на прошлой выставкѣ, — былъ „душою дѣла“.

А г. Хозарскій—„охранителемъ“.

Имъ удалось соблазнить какого-то „капиталиста“ помѣщика:

— Хорошее дѣло! На однѣхъ publicités что возьмемъ! Въ Парижѣ принято брать „publicités“.

Милое выраженіе.

Это напоминаетъ замѣчаніе одного пойманнаго вора:

— Въ Петербургѣ теперь очень принято булавки изъ галстуковъ таскать.

Направленіе газеты было „въ карманъ“. Поведеніе— вольное.

Но прежде всего это былъ „органъ охранительный и патріотическій“.

Г. Хозарскій писалъ громовыя статьи противъ свободы печати во Франціи, а бѣжавшій отъ тюрьмы „фуроръ“ сообщалъ:

— Честь Россіи будетъ поддержана на всемірной выставкѣ. На-дняхъ въ Парижъ пріѣзжаетъ знаменитый кутящій купецъ, извѣстный „всему веселящемуся“ и ужинающему на чужой счетъ Петербургу подъ именемъ „генерала Топтыгина“.

— Такое имя,—повѣствовалъ этотъ Гомеръ о своемъ Ахиллѣ,—дано веселящемуся купцу въ виду очень удивительнаго его обыкновенія. Часто веселящійся купецъ приказываетъ пѣть всѣмъ присутствующимъ два слова: „Генералъ Топтыгинъ“. И они поютъ эти два слова, а веселящійся купецъ въ это время плачетъ. И это продолжается часами!

Быть-можетъ, къ счастью для читателя, писатель не сообщалъ, гдѣ, собственно, поется этотъ „Топтыгинъ“.

— Онъ щедръ! — умиленно восклицалъ бѣглый отъ тюрьмы „фуроръ“, и тутъ ужъ прямо давился слюньками:

— Воображаю, какое лицо будетъ у парижскаго ресторатора, когда счетъ „генерала Топтыгина“ дойдетъ до 10,000 франковъ!!!

Газета, надо отдать ей справедливость, была предпріимчивая.

Въ то время, какъ г. Леонардъ требовалъ, оказывается, по 89 рублей съ экспонентовъ, желающихъ по-

лучить награду, — другой сотрудникъ „обрабатывалъ“ экспонентовъ, не желающихъ получить награды.

Работали на два фронта.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто. Видали въ „Парижской Газетѣ“ интервью съ „крупнѣйшими экспонентами“, нежелающими награды? Дѣлается предложеніе: хотите, напечатаю интервью? „Наша, молъ, фирма столь отягощена медалями, что некуда больше вѣшать. Мы въ наградахъ не нуждаемся, а экспонируемъ такъ, изъ патріотизма“. Вы понимаете, на случай, если награды не дадутъ, — ловко!

И несмотря на всю предпріимчивость, „тихо она, моя бѣдная, шла“.

Я спросилъ какъ-то въ одномъ изъ кіосковъ на большихъ бульварахъ:

— Какъ идетъ „Парижская Газета?“

— Не особенно. Одинъ экземпляръ.

— Остался?

— Нѣтъ, идетъ. Какой-то русскій господинъ съ черной бородой покупаетъ. „Глупа, говоритъ, газета до чрезвычайности, но беру, потому что французской грамотѣ не обученъ“.

Говорятъ, впрочемъ, что иногда ближайшіе сотрудники складывались и сами покупали еще одинъ нумеръ, чтобы показать „капиталисту“-помѣщику:

— Газета пошла вдвое лучше!

Мѣры къ завлеченію читателя принимались удивительныя.

Вдругъ, по поводу открытія памятника Мопассану въ его родномъ городѣ, напечатали статью о нѣкоторыхъ „скрытыхъ способностяхъ“ покойнаго писателя, и какъ онъ этими „скрытыми способностями“ злоупотреблялъ.

— Что за пакость?

— А это для Россіи. Изъ-за такихъ вещей газету въ Россію будутъ выписывать! Въ Россіи этого напечатать нельзя!

— Такъ вы бы ужъ лучше прямо „армянскіе анекдоты“ печатали!

— Ахъ, невозможно! Доступъ газеты въ Россію прекратятъ.

И вотъ въ одинъ, дѣйствительно, прекрасный день „Парижская Газета“ не вышла.

Другой день, третій.

Я было не обратилъ на это вниманія:

— Вѣроятно, перерывъ: какой-нибудь веселящійся купецъ пріѣхалъ и всю редакцію въ „Олимпію“ увелъ. И они тамъ ему „армянскіе анекдоты“ разсказываютъ.

Но продавщица газетъ въ кіоскѣ увѣдомила меня:

— Совсѣмъ кончилась!

— Почему?

— А помните, я вамъ про господина съ черной бородой говорила?

— Ну?

— Пересталъ покупать. „Лучше,—говоритъ,—пускай и по-русски грамотѣ разучусь, но такой ерунды читать не буду“. Ну, и газета прекратилась!

„Парижская Газета“ „какъ степной огонекъ, замерла“.

Г. Леонардъ съ горя сталъ, оказывается, себя за безсмертнаго несуществующей „промышленной французской академіи“ выдавать.

А что дѣлаютъ остальные безсмертные „Парижской Газеты“?

Богъ знаетъ!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ издавалась тоже русская, но еженедѣльная газета.

Издавалъ ее „тоже литераторъ“ въ компаніи... съ проводникомъ по секретнымъ мѣстамъ.

Фактъ.

На Place de l'Opéra долго потомъ приставалъ къ русскимъ какой-то русскій проводникъ.

— Посѣтить интересныя мѣста желаете? Господинъ! Господинъ! Желаете?

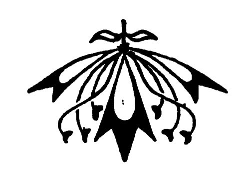
— Да оставьте меня, наконецъ, въ покоѣ!

— Господинъ, дайте заработать. Пожалѣйте русскаго писателя!

-- Что-о?

— Я вѣдь здѣсь вмѣстѣ съ такимъ-то русскую еженедѣльную газету издавалъ. Все, что было, на нее загубилъ, вотъ теперь принужденъ публику чортъ знаетъ по какимъ мѣстамъ водить. Піонеръ! Пожалѣйте піонера русскаго дѣла!

Богъ знаетъ, что теперь дѣлаютъ „піонеры русскаго дѣла" изъ „Парижской Газеты".

Театръ преступленія.

(Изъ парижскихъ впечатлѣній.)

Эту статью я посвящаю всѣмъ жаждущимъ славы артисткамъ безъ таланта, писательницамъ безъ дарованія.

Она могла бы носить заглавіе:

— Легчайшій способъ сдѣлаться знаменитостью.

Чтобы стать знаменитой актрисой и извѣстной писательницей, нужна коробка конфетъ и нѣсколько рыболовныхъ крючковъ...

Но начнемъ по порядку.

Крошка-театръ „Le Grand-Guignol", на Монмартрѣ, ломится отъ публики. Чтобъ достать мѣсто, надо записываться за нѣсколько дней.

Весь Парижъ знаетъ имя г-жи Режины Марсіаль, какъ знаютъ имена Лаведана и Режанъ.

И вся эта извѣстность пріобрѣтена въ одинъ вечеръ!

А между тѣмъ г-жа Режина Марсіаль не новичокъ на сценѣ.

Она уже много лѣтъ ищетъ славы знаменитой артистки и пользуется только маленькой извѣстностью „круглой и совершенной бездарности" среди директоровъ театровъ.

Она никогда не шла дальше пятистепенныхъ ролей.

Вѣроятно, она была такъ же бездарна въ любви, какъ и въ искусствѣ, и въ одинъ прекрасный день узнала, что любовникъ ей измѣняетъ.

Конечно, это была ея пріятельница. На что жъ у актрисъ и пріятельницы?

Обозленная г-жа Марсіаль поднесла счастливой соперницѣ коробку конфетъ, начиненныхъ... рыболовными крючками.

Я васъ прошу остановиться на этомъ декадентскомъ преступленіи

При полной неспособности къ чему-нибудь путному, какая способность ко злу!

Какой талантъ. Находчивость. Изощренность.

Не только отправить на тотъ свѣтъ, но отправить непремѣнно среди страшныхъ мученій.

„Знать, что жертва умираетъ въ ужасной агоніи, мучится невѣроятно,—какое наслажденіе!"—сентенція, которая могла бы занять мѣсто въ катихизисѣ „сверхчеловѣковъ".

Къ счастью для счастливой соперницы, она осталась жива, и г-жа Марсіаль, опозоренная, обезчещенная, была отправлена въ тюрьму Saint-Lazare.

Тамъ она встрѣтилась съ другой знаменитостью дня—г-жой Біанкини.

Бѣдняжка подсыпала стрихнина въ супъ своего мужа, извѣстнаго рисовальщика костюмовъ для театра и для большихъ портнихъ. Ей хотѣлось быть свободной.

Дама, подсыпавшая въ супъ стрихнина, была въ отчаяніи: что будетъ съ ней дальше? Но дама, угощавшая конфетами съ рыболовными крючками, поспѣшила ее успокоить:

— Не падайте духомъ. Карьера только начинается. Это вздоръ, будто дверь тюрьмы навсегда отдѣляетъ человѣка отъ міра. Для находчивой женщины тюрьма, это — только уборная, изъ которой она выходитъ въ свѣтъ еще интереснѣе. Добрые нравы! О нихъ говорятъ, но кто о нихъ думаетъ въ серьезъ! Кому они нужны, добрые нравы, въ современномъ буржуазномъ обществѣ?

Чѣмъ хуже нравы, тѣмъ веселѣе жить!.. Только бы намъ выйти отсюда!

Это случилось раньше, чѣмъ ждали: двѣ знаменитости были помилованы и „продѣлали“ только годъ тюрьмы.

И вотъ когда ихъ выпустили, Парижъ былъ окле**енъ афишами.**

— **Théâtre „Le Grand**-Guignol“—„A Saint-Lazare“.

Драма знаменито**й г-жи Марсіаль.**

Знаменитая „конфетчица“ **исполнитъ** главную роль арестантки.

Роль другой арестантки исполнитъ знаменитая отравительница г-жа Біанкини.

Арестантки въ роли арестантокъ! Преступницы въ роли преступницъ!

Съ тѣхъ поръ „Le Grand-Guignol“ не знаетъ другихъ сборовъ, кромѣ полныхъ, и мирная буржуазная семья отвѣчаетъ другой мирной буржуазной семьѣ, которая приглашаетъ ее въ гости „послѣ восьми“:

— Merci, но мы не можемъ. Въ этотъ день мы идемъ смотрѣть „A Saint-Lazare“.

— Вы увидите знаменитую отравительницу? Ахъ, какая вы счастливая!

Оглянитесь на залъ во время спектакля. Это не кокотки, не кутилы, не прожигатели жизни, ищущіе сильныхъ ощущеній.

Это тихіе и мирные буржуа, пришедшіе пощекотать себѣ нервы зрѣлищемъ позора и безобразія, нервы, огрубѣвшіе отъ сидѣнья за конторкой.

Они напоминаютъ здѣсь, въ этомъ театрѣ, свинью, отдыхающую въ кучѣ грязи.

Драма...

Надо быть женщиной, чтобы въ драму, которая длится четверть часа, вложить столько жестокости и столько сентиментальности.

Дѣйствіе происходитъ въ тюрьмѣ St. Lazare.

Конечно, героиня пьесы проститутка.

Эти „декадентки“ особенно охотно копаются въ грязи, точно такъ же охотно, какъ другія женщины смотрятся въ заркало.

Проститутка Мадлэнъ,—ее играетъ сама г-жа Марсіаль, — вотъ уже три мѣсяца какъ содержится въ St. Lazare въ ожиданіи суда.

Она героиня: приняла на себя чужое преступленіе.

У нея былъ любовникъ. Однажды въ воскресенье, вечеромъ, они возвращались изъ-за города, гдѣ провели день „на травѣ“.

— Мы были пьяны!—говоритъ Мадлэнъ.—Но мы не пили вина. Мы были пьяны отъ объятій.

Тутъ г-жа Марсіаль, закатывая глаза подъ лобъ, скрипя зубами и нервно передергивая плечами, разсказываетъ нѣкоторыя детали, — къ величайшему удовольствію тихихъ мирныхъ и нравственныхъ буржуа, которые не могутъ удержаться отъ „браво!“ — за нѣкоторыя подробности.

Итакъ, „пьяные отъ объятій“, Мадлэнъ и ея любовникъ возвращались въ городъ, когда встрѣтили толстаго, пожилого господина, постояннаго „кліэнта“ Мадлэнъ.

— Онъ никогда мнѣ не былъ такъ противенъ, какъ въ эту минуту!—восклицаетъ Мадлэнъ.

Завязалась ссора. Кліэнтъ ударилъ любовника палкой. Тогда тотъ выхватилъ ножъ и ударилъ имъ бѣднаго толстяка. Кліэнтъ хлопнулся на полъ мертвый.

— Бѣги!—крикнула Мадлэнъ своему любовнику.

Любовникъ бѣжалъ, а Мадлэнъ осталась около трупа и сказала явившимся полицейскимъ:

— Это сдѣлала я!

— Но вѣдь ты рискуешь эшафотомъ?! — ужасается другая арестантка, Мари.

— Что жъ! Я умру за него!

Исторія Мари—исторія совершенно другого сорта.

Она была честной женщиной. Имѣла мужа, ребенка.

Но съ нѣкоторыхъ поръ мужъ совершенно измѣнился.

— Онъ связался съ какой-то тварью.

Онъ бросилъ работу, являлся домой поздно, по ночамъ, жена, семья ему опротивѣли.

Однажды ночью онъ явился домой весь въ крови.

— У меня была драка съ пріятелемъ!

И на утро исчезъ, и больше не приходилъ.

Несчастье довело брошенную женщину до порока, до преступленія.

Арестантки дѣлятся другъ съ другомъ своими исторіями.

— И ты не знаешь, гдѣ теперь твой любовникъ? — спрашиваетъ Мари.

— Нѣтъ. Все, что у меня осталось отъ него, это— письмо, письмо, которымъ онъ приглашалъ меня на свиданіе, на наше послѣднее свиданіе, тогда, въ воскресенье!—говоритъ Мадлэнъ.—Хочешь, я прочту тебѣ это письмо.

И, закатывая подъ лобъ глаза, она чувствительнымъ тономъ читаетъ письмо.

— Подписано: такой-то.

Мадлэнъ цѣлуетъ его имя.

— Какъ ты сказала? — не своимъ голосомъ кричитъ Мари. — Это имя моего мужа!

Вотъ изъ-за кого онъ бросилъ семью. Вотъ почему онъ вернулся тогда въ воскресенье ночью весь въ крови.

Женщины кидаются другъ на друга, какъ разозленныя собаки.

— Тварь! Негодяйка! — кричитъ Мари.

— Законная жена! А онъ любилъ, онъ ласкалъ меня! Какъ любилъ! Какъ ласкалъ! — отвѣчаетъ ей Мадлэнъ.

— Такъ нѣтъ же, этого не будетъ! Тебѣ не удастся спасти его! Онъ будетъ наказанъ! Я открою все! Ядонесу!

— Сумасшедшая! Ты хочешь отправить на гильотину своего мужа!

— Нѣтъ! Я отправлю на гильотину твоего любовника! Сюда! Ко мнѣ! Мадлэнъ солгала! Она приняла на себя чужую вину! Я знаю настоящаго преступника!—кричитъ Мари.

Топотъ шаговъ по коридору. На крикъ бѣгутъ.

Моментъ, — и все погибнетъ.

Мадлэнъ выхватываетъ ножъ, на смерть ударяетъ Мари.

Ея „gigolo“ спасенъ!

И подъ громъ аплодисментовъ добрыхъ, мирныхъ, до глубины души тронутыхъ буржуа занавѣсъ падаетъ надъ этой жестокой драмой, полной сентиментальности и безчеловѣчія.

Буржуазки вытираютъ слезы умиленія предъ этой героиней, проституткой, убивающей несчастную женщину, чтобъ спасти убійцу — сутенера.

Такъ устроены декадентскіе умы г-жъ Марсіаль.

Онѣ ищутъ героинь въ публичныхъ домахъ и ударъ ножомъ считаютъ героизмомъ.

Это вызываетъ у нихъ сентиментальныя тирады, а сентиментальныя тирады, въ свою очередь, вызываютъ слезы у чувствительныхъ буржуа.

И въ концѣ концовъ все это декадентство — простонапросто скверный запахъ, который поднимается отъ современнаго буржуазнаго общества.

Знаменитая „Біанкини“, — некрасивая, какъ и Марсіаль, съ такимъ же непріятнымъ, длиннымъ, „лошадинымъ“ лицомъ, — играетъ маленькую роль подслѣдственной арестантки.

Роль самую незначительную. Она только „украшеніе спектакля“. Немножко кайенскаго перца, прибавленнаго для остроты.

Надо, чтобъ публика имѣла удовольствіе видѣть знаменитую отравительницу.

И когда г-жа Біанкини выходитъ на сцену, публика пытается аплодировать.

Но буржуа обдаютъ смѣльчаковъ строгими взглядами.

Ну, еще Марсіаль. Она — авторъ. Она исполнительница главной роли. Но Біанкини, играющая выходную роль.

Вѣдь нельзя же аплодировать женщинѣ только за то, что она пыталась отравить своего мужа!

— Это безнравственно!

Публика, собравшаяся посмотрѣть на отравительницъ, разсуждаетъ о нравственности!

Никто, впрочемъ, столько не любитъ говорить о нравственности, сколько гг. буржуа.

Но это еще не все.

Одна изъ газетъ упрекнула г-жу Біанкини за то, что она дѣлаетъ спекуляцію изъ своего позора.

Г-жа Біанкини отвѣтила письмомъ въ редакцію.

Она только зарабатываетъ свой хлѣбъ, играя арестантку St.-Lazar'a.

А если бъ она хотѣла спекулировать на своемъ позорѣ!

Сейчасъ же по выходѣ изъ тюрьмы ей предлагали наперерывъ ангажементы въ кафе-шантаны.

Чтобъ она только выходила на эстраду!

Таковы нравы.

А вѣдь знаете, это идея.

Заставлять „знаменитыхъ“ преступниковъ играть, ну, хотя бы въ благотворительныхъ спектакляхъ въ пользу бѣдныхъ.

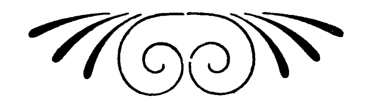
Публики будетъ масса, и бѣднымъ достанется отъ этихъ спектаклей гораздо больше, чѣмъ достается отъ „благородныхъ спектаклей“.

Такимъ образомъ, преступники не будутъ сидѣть на шеѣ у мирныхъ гражданъ и будутъ приносить даже пользу.

А затѣмъ, — если заставить, напримѣръ, преступниковъ разыгрывать пьесы современныхъ россійскихъ драматурговъ, — развѣ это не будетъ достаточнымъ наказаніемъ?

Выучить, напримѣръ, хоть весь репертуаръ художественно-литературнаго театра, — развѣ это не достаточное наказаніе даже за отцеубійство?

Такимъ образомъ, и преступленіе будетъ примѣрно наказано, и преступники будутъ приносить пользу, и современная драматическая литература хоть на что-нибудь да пригодится.

Мистерія.

Представьте себѣ совершенно невѣроятную картину.

Парижъ. Вечеръ. Городъ охваченъ весельемъ. Огромный театръ. Полный нарядный залъ. Фраки; великолѣпные туалеты.

И на эту блестящую толпу смотрятъ со сцены глаза распятаго Христа.

На сценѣ Голгоѳа. Три креста.

И надъ публикой, разодѣтой по-вечернему, раздается голосъ:

— Или! Или! Лима савахвани!

Войдя въ эту минуту въ театръ, вы отшатнулись бы.

— Не схожу ли я съ ума? Что такое?

Это—мистерія.

Аббатъ Жуэнъ, настоятель церкви св. Августина, самый извѣстный изъ проповѣдниковъ въ Парижѣ, захотѣлъ воскресить мистерію, уцѣлѣвшую отъ среднихъ вѣковъ только въ горахъ Баваріи, въ Обераммергау—въ самомъ центрѣ цивилизаціи, въ столицѣ міра — въ Парижѣ.

Аббатъ Жуэнъ сказалъ:

— Вы говорите, что театръ школа? Отлично. Пусть эта школа будетъ религіозной.

Онъ говоритъ:

— Вы нейдете къ религіи,—религія придетъ къ вамъ. Вы идете въ театръ, — вы услышите проповѣдь въ театрѣ.

Пылкаго и страстнаго аббата Жуэна не смутило то, что единственный свободный театръ въ Парижѣ — „Новый театръ“, на „грѣшномъ“ Монмартрѣ, рядомъ съ кафешантаномъ Casino de Paris,—даже въ одномъ домѣ!

Аббатъ Жуэнъ рѣшилъ:

— Тѣмъ лучше! Идемъ проповѣдывать на торжищахъ!

Онъ нашелъ компанію антрепренеровъ, которымъ рѣшительно все равно, что ставить. Собралъ труппу актеровъ, которымъ рѣшительно все равно, что играть.

И въ Парижѣ XX вѣка поставилъ средневѣковую мистерію.

Какъ отнеслась къ этому католическая Церковь?

Высшая духовная власть Парижа, кардиналъ Ришаръ немного сыгралъ роль Пилата.

Онъ умѣетъ умывать руки.

Онъ далъ время сдѣлать обстановку, костюмы, срепетировать и тогда уже высказался.

Онъ не благословляетъ, но онъ и не отворачивается.

— Конечно, онъ признаетъ такое начинаніе чрезвычайно, чрезвычайно рискованнымъ и не можетъ дать своего согласія.Но многіе очень почтенные люди, къ сожалѣнію, понесли уже большіе расходы на постановку, и онъ боится превысить власть, запретивъ аббату Жуэну ставить мистерію.

Въ общемъ:

— Будетъ это имѣть моральный успѣхъ,—мы будемъ рады и благодарны. Нѣтъ, ты одинъ будешь виновенъ во всемъ. Иди въ Вавилонъ и проповѣдуй!

Горячій и убѣжденный проповѣдникъ взялъ дѣло на свой рискъ.

И вотъ—первое представленіе.

Блестящій, переполненный театръ.

Въ ложахъ все Сэнъ-Жерменское предмѣстье. Что ни ложа, то нѣсколько титуловъ, самыхъ громкихъ.

Изъ опасенія демонстрацій при входѣ въ коридорахъ, сзади партера масса солдатъ національной гвардіи.

Проходишь какъ сквозь строй.

Въ мистеріи 16 картинъ. Число символическое. Католическая церковь считаетъ столько остановокъ во время Скорбнаго пути.

Мистерія заключаетъ въ себѣ событія отъ входа въ Іерусалимъ до Голгоѳы.

Аббатъ Жуэнъ выписалъ дословно все, что можно изобразить въ лицахъ. Имъ добавлена только одна сцена, которая всегда ставилась въ средневѣковыхъ мистеріяхъ, сцена въ аду. Сатана и смерть радуются предательству Іуды.

Мистерія идетъ такъ, какъ она и сейчасъ идетъ въ Обераммергау.

Сначала выходитъ хоръ и пѣвецъ, который разсказываетъ речитативомъ то, что сейчасъ произойдетъ.

Музыку, красивую и мелодичную, къ мистеріи написалъ композиторъ Жоржъ, очень внимательно передъ тѣмъ перелиставъ мейерберовскаго „Пророка“.

Производитъ ли мистерія впечатлѣніе?

Въ первую минуту—да. Сильное, огромное.

Вдали Іерусалимъ, залитый розовыми лучами заходящаго солнца. Горы, покрытыя кактусами и алоэ.

Толпа съ пальмовыми вѣтвями восклицаетъ:

— Осанна!

И на горѣ показывается видѣніе. Въ нѣжно - аломъ хитонѣ, въ голубомъ, небеснаго цвѣта, плащѣ, перекинутомъ черезъ плечо. Вьющіеся русые волосы падаютъ на плечи. Слегка раздвоена небольшая русая борода.

Лицо кротко и спокойно. Глаза тихо мерцаютъ.

Онъ движется.

Это—минута огромнаго, страшнаго волненія. Чувство и страха и благоговѣнія охватываетъ васъ.

Страшно въ театрѣ.

Но исполнитель заговорилъ.

Заговорилъ пѣвуче съ декламаціей, какъ на французской сценѣ произносятся красивые и благородные монологи.

И все исчезло.

Пѣніе хора, восклицающаго „Осанна!", — покрыто аплодисментами наемной клаки, что хотите! „Почтенные люди", затратившіе деньги на постановку,— только антрепренеры и должны позаботиться, чтобъ завтра въ газетахъ было напечатано:

— Успѣхъ огромный. Аплодировали много.

А въ антрактахъ обычная болтовня въ ложахъ.

Я сидѣлъ около ложи бенуара.

— Гдѣ вы проводите весну?—спрашивала одна дама у другой.

— Мы ѣдемъ на Пасху въ Римъ. Это очень интересно. А вы?

— Мы въ Севилью. Это тоже очень интересно. Процессіи и бой быковъ.

Конечно, аристократическая публика Сэнъ-Жерменскаго предмѣстья просмотрѣла пьесу прилично.

Но и только.

Картина ада,—эта картина, вѣроятно, потрясавшая въ среднихъ вѣкахъ,—конечно, теперь не напугала никого.

Разумѣется, ни одинъ изъ этихъ элегантныхъ кавалеровъ и ни одна изъ этихъ прекрасныхъ дамъ не спали тревожно эту ночь.

Конечно, Сэнъ- Жерменскаго предмѣстья не давилъ въ эту ночь кошмаромъ сатана въ черномъ блестящемъ трико, среди огненныхъ змій и огнедышащихъ драконовъ кричащій во все горло такъ, какъ на французской сценѣ кричатъ всѣ злодѣи свои злодѣйскіе монологи.

Конечно, онъ не носился кошмаромъ въ эту ночь надъ Сэнъ-Жерменскимъ предмѣстьемъ, какъ носился когда-то надъ средневѣковыми городами.

— Костюмы дьяволовъ недурны!—сказала дама дамѣ.

— Да. И декораціи эффектны.

Вотъ и все впечатлѣніе отъ ада.

Спектакль имѣлъ успѣхъ. Онъ очень, дѣйствительно, красивъ. Каждую минуту казалось, что передъ вами ожившія и движущіяся картины великолѣпныхъ мастеровъ.

Антрепренеръ въ выигрышѣ, но аббатъ Жуэнъ потерпѣлъ пораженіе.

Мистерія не воскресима.

Это было хорошо въ тѣ времена, когда весь городъ готовился постомъ къ мистеріи. А исполнители почти съ ужасомъ приступали къ своимъ ролямъ.

Теперь на мистеріи пріѣзжаютъ послѣ поздняго очень хорошаго обѣда—и всѣ отлично знаютъ, что передъ ними актеры занимаются своимъ ремесломъ.

— Мистеріи не воскресить, какъ не воскресить среднихъ вѣковъ!—долженъ былъ сказать себѣ съ отчаяніемъ въ этотъ вечеръ аббатъ Жуэнъ, фанатичный проповѣдникъ церкви св. Августина.

Со страннымъ чувствомъ я выходилъ изъ театра.

Мнѣ казалось, что я присутствовалъ при послѣднихъ конвульсіяхъ умирающаго. И что этотъ умирающій—католичество.

Католичество, которое крѣпко держитъ въ своихъ рукахъ Испанію, наполовину Италію,—католичество, которое, благодаря своимъ миссіонерамъ, страшно растетъ въ новыхъ, некультурныхъ странахъ,— католичество, мнѣ кажется, все проиграло въ цивилизованномъ мірѣ, если оно дѣлаетъ такія отчаянныя попытки, идетъ на рискъ даже профанировать святыню, которую проповѣдуетъ.

Это—попытка умирающаго встать.

Одна изъ послѣднихъ попытокъ,—сколько бы представителей Сэнъ-Жерменскаго предмѣстья ни явилось на мистерію, желая „подать хорошій примѣръ массѣ“.

Въ концѣ концовъ это былъ спектакль, какъ всякій другой. Сыгранный людьми, которымъ все равно, что ни играть, передъ людьми, которымъ все равно, что ни смотрѣть.

Единственное отличіе этого спектакля отъ всякаго другого состояло въ томъ, что кавалеры были не въ бѣлыхъ, а въ черныхъ галстукахъ.

— Мистерія! Надо надѣть черный галстукъ!

Это — единственная мысль, которую пробудила мистерія.

Времена мѣняются.

Съ величайшимъ интересомъ я шелъ смотрѣть Boule de Suif, — новую пьесу, которую только что поставили въ театрѣ Антуана.

Вы помните этотъ чудный разсказъ Мопассана? Онъ передѣланъ въ комедію. Во Франціи передѣлки свирѣпствуютъ не меньше, чѣмъ у насъ. Наше время ничего не создаетъ, но все передѣлываетъ. Говорятъ, египетскія пирамиды скоро будутъ передѣланы въ великолѣпные отели. Въ литературѣ нѣтъ новыхъ художниковъ, зато сколько угодно превосходныхъ мастеровыхъ. Ни одного пера, но масса отличныхъ ножницъ.

Итакъ, я шелъ въ театръ съ особымъ интересомъ.

Пьеса бьетъ по раненому мѣсту. Она воскрешаетъ въ памяти пораженіе, униженіе, позоръ.

Дѣйствіе, — вы помните, — происходитъ во время франко-прусской войны.

Прусскій лейтенантъ третируетъ французовъ и самодурствуетъ надъ ними, какъ ему угодно.

И у нихъ не хватаетъ духа даже осадить наглеца.

Онъ не удостоиваетъ отвѣчать на поклоны, принимаетъ графа Губеръ-де-Бревилль, почтенныхъ коммерсантовъ Луазо и Карре-Ламадонъ въ халатѣ, задравъ ноги на каминъ, не давая себѣ труда даже повернуть голову въ сторону просителей.

Онъ не разрѣшаетъ имъ и ихъ женамъ ѣхать дальше.

— Я такъ хочу. Вотъ и все.

Онъ доходитъ до того, что требуетъ ѣдущую съ ними Boule de Suif къ себѣ для развлеченія.

— Вы не поѣдете до тѣхъ поръ, пока она не придетъ!

И вся эта почтенная компанія унижается до того, что уговариваетъ кокотку Boule de Suif „пожертвовать собой“ и пойти къ прусскому офицеру.

Вспомните исторію Юдиѳи и Олоферна! Юдиѳь была героиней! Это былъ подвигъ съ ея стороны! Ей удивляются, и ее прославляютъ цѣлыя тысячелѣтія!

Мнѣ было интересно, какъ будетъ смотрѣть все это французская публика.

Я выбралъ не первое представленіе, съ его исключительной публикой, а обыкновенный воскресный день, когда театръ переполненъ обыкновенной, средней публикой, взятой изъ самой сердцевины народа.

Появленіе на сценѣ прусскаго лейтенанта вызвало легкій смѣхъ.

Но въ этомъ смѣхѣ не было ничего злого. Ничего враждебнаго.

Добродушно смѣялись надъ мужчиной, который затянулся въ корсетъ, чтобъ вытянуться въ ниточку.

Добродушно и презрительно смѣялись надъ великолѣпнымъ графомъ, надъ почтенными коммерсантами, когда они изъ трусости глотали оскорбленія.

Отъ души хохотали, когда эти порядочныя женщины и порядочные мужчины уговаривали кокотку „совершить подвигъ“ — пойти къ прусскому офицеру.

Но вотъ, наконецъ, громъ аплодисментовъ. Какихъ аплодисментовъ! Всего театра. Аплодируетъ партеръ, ложи, галлереи, раекъ.

Это Фолланви, старуха-крестьянка, хозяйка постоялаго двора, гдѣ арестованы французы, говоритъ о войнѣ.

— Развѣ не мерзость убивать людей, кто бы они ни были? Будь это пруссаки, англичане, поляки или французы!

Эти слова покрыты трескомъ аплодисментовъ.

Артистка должна прервать монологъ.

— Отомстить за себя дурно, потому что за это наказываютъ!—продолжаетъ она. — Но когда уничтожаютъ нашихъ дѣтей, когда за ними охотятся съ ружьями, какъ за дичью, это очень хорошо: кто больше убьетъ, того награждаютъ орденами!

Снова громъ аплодисментовъ всего театра.

Аплодисменты не прерываются. Театръ дрожитъ отъ аплодисментовъ.

Кто-то одинъ свистнулъ.

Но этотъ свистокъ утонулъ въ бурѣ новыхъ рукоплесканій.

— Такъ каждый вечеръ! — сказалъ мнѣ потомъ одинъ изъ актеровъ.

Во всей пьесѣ эти двѣ фразы и имѣютъ огромный успѣхъ.

Я шелъ изъ театра холоднымъ, почти морознымъ вечеромъ и вспоминалъ прошлое. Такое недавнее-недавнее прошлое.

На самой красивой площади во всемъ мірѣ, на площади Согласія, яснымъ, теплымъ и свѣтлымъ весеннимъ утромъ происходила манифестація передъ траурной статуей Страсбурга.

Молодая женщина, эльзаска родомъ, съ огромнымъ чернымъ эльзасскимъ бантомъ изъ муаровыхъ лентъ на головѣ, водила въ Маделэнъ причащать своего сынишку.

Она купила букетъ фіалокъ въ два су, чтобъ ребенокъ возложилъ этотъ букетъ на статую Страсбурга.

— Пропустите ребенка! Пропустите ребенка.

Но толпа была слишкомъ густа.

— Ребенокъ несетъ цвѣты Страсбургу!

Его схватили на руки, подняли надъ головами и передавали изъ рукъ въ руки.

Такъ въ церкви передаютъ свѣчку святому.

Моментъ, когда онъ положилъ свой букетъ на колѣни статуи, — какое-то безуміе охватило всѣхъ.

— Въ Страсбургъ! Въ Страсбургъ! — кричала молодежь.

Воздухъ дрожалъ отъ аплодисментовъ.

Счастливая мать рыдала.

Многіе въ толпѣ плакали.

Ребенка снова передавали изъ рукъ въ руки, цѣловали, пока онъ, наконецъ, не заплакалъ и не началъ проситься. Овація подѣйствовала на него разслабляюще.

Это было всего восемь, много-много девять лѣтъ тому назадъ.

Лицо женщины, изображающей Страсбургъ, въ то время было закутано чернымъ флеромъ, пьедесталъ убранъ вѣнками, траурными лентами и золотыми надписями, которыя горѣли на солнцѣ, призывая къ мщенію. И всегда вы находили у ногъ статуи нѣсколько букетовъ, которые не успѣли еще завянуть.

Вѣтеръ истрепалъ черный флеръ и разнесъ его обрывки, какъ черную паутину.

Иногда бываютъ манифестаціи. Иногда. Когда хотятъ сдѣлать непріятность правительству, которое терпѣть не можетъ никакихъ манифестацій.

Высохшіе цвѣты сгнили подъ непогодами.

Металлическіе вѣнки заржавѣли, почернѣли, съ нихъ слѣзла краска, дожди смыли надписи съ лентъ.

И вся статуя Страсбурга напоминаетъ забытую могилу, которой больше никто не посѣщаетъ.

— Иногда... Въ годовщины... По обычаю...

Такъ бываетъ, когда умираетъ старая бабушка.

Сначала ѣздятъ къ ней на могилу. Потомъ перестаютъ.

Ея не забываютъ совсѣмъ. Наканунѣ годовщины ея смерти говорятъ:

— Ахъ, да! Пусть няня завтра съѣздитъ къ бабушкѣ на могилу и отслужитъ тамъ панихиду.

Tempora mutantur, et nos mutamus in illis.

Можетъ-быть, это плохо. Можетъ-быть, это хорошо. Но это такъ.

Эмберъ.

(ИНТЕРВЬЮ СЪ ПАРИЖЕМЪ.)

„Avez vous vu m'dame Humbert?"
Парижская пѣсенка.

Это было этимъ лѣтомъ.

— Mesdames! Messieurs! Посторонитесь! Посторонитесь! Дорогу г. министру!

Проходилъ удивительно похожій на В. И. Сафонова, „маленькій аббатъ"—г. Комбъ.

— Вотъ бы спросить у него, гдѣ теперь m-me Эмберъ?— засмѣялся въ толпѣ господинъ.

— А развѣ Комбъ знаетъ?—спросила стоявшая рядомъ хорошенькая женщина.

— Tiens!

Онъ только презрительно оттопырилъ губу и свысока взглянулъ на хорошенькую собесѣдницу.

„Стоитъ съ такой дурочкой разговаривать?!"

Меня это, чортъ возьми, заинтересовало.

Я рѣшилъ проинтервьюировать Парижъ. Что думаетъ Парижъ, весь Парижъ, все населеніе о дѣлѣ Эмберъ?

— А что, правительство знаетъ, гдѣ теперь m-me Эмберъ?—спросилъ я у извозчика.

Извозчикъ даже остановилъ лошадь.

— Правительство?

Онъ повернулся ко мнѣ на козлахъ съ раздраженнымъ, почти бѣшенымъ лицомъ.

— Прежде всего у насъ теперь нѣтъ никакого правительства! Есть банда измѣнниковъ: Комбъ и К°. Знаютъ ли они, гдѣ теперь m-me Эмберъ? Ха-ха-ха! Знаю ли я, гдѣ теперь вы? Должны знать, если m-me Эмберъ заплатила Комбу 5 милліоновъ, мошеннику Валле 3 милліона...

— Откуда, citoyen, вы знаете такія подробности?

— Отъ Рошфора! Старикъ Рошфоръ, повѣрьте мнѣ, не станетъ даромъ говорить въ своей газетѣ. Старикъ Рошфоръ знаетъ, что печатаетъ! Старикъ Рошфоръ всегда знаетъ, за сколько, когда, кѣмъ продана Франція! Когда Андрэ продалъ насъ Германіи...

— Когда же онъ продалъ?

— А на слѣдующій день послѣ назначенія его военнымъ министромъ!

— Въ 24 часа?

— Разъ существуетъ телеграфъ! Рошфоръ сейчасъ же написалъ: продалъ и за сколько. За 20 милліоновъ. Старикъ Рошфоръ...

— Citoyen, ѣдемъ!

— Старикъ Рошфоръ...

— Citoyen, ѣдемъ!

— Старикъ Рошфоръ...

Съ извозчикомъ, говорившимъ о „Московскомъ Листкѣ“ Парижа, мы остановились у редакціи „Temps“, „Русскихъ Вѣдомостей“ Франціи.

„Temps“—официозный органъ министерства.

Мнѣ надо было видѣть политическаго редактора газеты.

Поговоривъ о дѣлѣ, я спросилъ этого всезнающаго офиціоза:

— Ну, а скажите, правительство-то знаетъ, гдѣ находится m-me Эмберъ?

Онъ улыбнулся той самой улыбкой, про которую говоритъ Гамлетъ:

„Не улыбайтесь такъ, словно вы хотите сказать: „Мы могли бы многое сказать, но мы молчимъ"... „Конечно, если бы хотѣли, мы могли бы"...

Было рано для палаты, и я заѣхалъ напротивъ въ клубъ „Capucines",—самый крупный изъ игорныхъ клубовъ.

Партія баккара была въ самомъ разгарѣ.

Я обратился къ одному изъ всевѣдущихъ бульвардье.

— А что, какъ вы думаете? Правительство знаетъ, гдѣ теперь m-me Эмберъ?

Онъ отвѣчалъ, продолжая игру:

— Правительство? Сто франковъ первое табло! Оно не хочетъ скандала! Довольно скандаловъ! Бито? Сто франковъ а cheval! Правительство? Франціи необходимо дать время успокоиться. А то что это? Кражи, скандалы, разоблаченія! Второе табло дано! Крупье, передвиньте мои деньги на второе табло! Скоро стыдно будетъ называться французомъ. Что за страна! Разоблаченіе за разоблаченіемъ! Дано? Остается! Не снимаю! „Хороши вы,—скажутъ,—господа!" Франція хочетъ покоя. Опять дано? Половину снимаю. Остальное остается! Покоя! И правительство избѣгаетъ скандала! Оно хочетъ затушить скандалъ. Оно не желаетъ арестовывать! А знаетъ ли оно? Дано? Оставьте, оставьте всю ставку.

Изъ „Capucines", по дорогѣ въ палату, я заѣхалъ въ „Automobile".

Клубъ свѣтскій. Члены — націоналисты, роялисты.

— Знаетъ ли правительство, гдѣ m-me Эмберъ?—съ запальчивостью воскликнулъ молодой человѣкъ съ громкой фамиліей, съ такою же запальчивостью онъ только что разсказывалъ о послѣдней дуэли, на которой былъ секундантомъ, — знаетъ ли „это правительство"? Оно готовитъ скандалъ! Оно хочетъ сдѣлать скандалъ! Оно ни о чемъ не думаетъ, кромѣ скандала! Оно держитъ Эмберовъ! Это камень за пазухой! Оно даетъ время, чтобъ

накричали: „у Эмберовъ были связи съ націоналистами!“ И тогда арестуетъ m-me Эмберъ! Арестовать сейчасъ — вдругъ все окажется пуфомъ. А пока пусть газеты накричатъ этой идіотской толпѣ: у Эмберовъ связи съ націоналистами! Правительство придерживаетъ Эмберовъ ради скандала! Оно дѣлаетъ этимъ скандалъ! Оно ничего не хочетъ, кромѣ скандала!

Въ палатѣ меня представили старику Бодри д'Ассону, знаменитому депутату Вандеи.

Онъ не заговорилъ, — онъ закричалъ, какъ всегда, отчаянно жестикулируя, размахивая кулаками, весь багровѣя, дергаясь, вотъ-вотъ покатится въ припадкѣ падучей.

— Знаетъ ли правительство? Хо-хо-хо! Оно знаетъ! Оно не смѣетъ сказать! Не смѣетъ! Не смѣетъ! Не смѣетъ! Тогда подъ судъ всѣхъ Комбовъ, всѣхъ Валле! Всѣхъ подъ судъ! Эмберъ давала имъ денегъ на республиканскую пропаганду! Она давала имъ денегъ на выборы. Эмберъ и радикалы,—это одно и то же! Они знаютъ! Но они не смѣютъ сказать, гдѣ m-me Эмберъ! Не смѣютъ! Я кричу это громко! Слышите ли? Не смѣютъ! Не смѣютъ! Не смѣютъ!

Одинъ изъ сторонниковъ министерства, депутатъ, близкій къ министерству, отвелъ меня въ сторону, когда я задалъ ему вопросъ:

— А какъ, по вашему мнѣнію, знаетъ правительство, гдѣ m-me Эмберъ?

— Видите ли, мой молодой другъ, правительство должно быть мудро и предусмотрительно. Правительство Комба таково. Это продолженіе правительства Вальдека-Руссо! Правительство должно имѣть въ рукахъ нити отъ всего. Но только имѣть въ рукахъ, — а дергать за эти нитки только тогда, когда это будетъ нужно! Какъ говорилъ Фушэ: „Полиція всегда должна имѣть наготовѣ, въ запасѣ, заговоръ“. И открывать, когда надо! Нужный

моментъ,—и открылъ. Предусмотрительное правительство должно знать гдѣ m-me Эмберъ. Но мудрое правительство должно беречь этотъ эффектъ до необходимаго момента. Пришелъ нужный моментъ сдѣлать „cour" — арестовали Эмберъ! Такъ должно поступать мудрое и предусмотрительное правительство! Это диктуютъ политическія соображенія! А наше правительство, правительство Комба—мудрое и предусмотрительное правительство.

Обѣдалъ я на Монмартрѣ.

Въ артистическомъ ресторанчикѣ „полковника Лисбонна", полковника коммуны, человѣка, который былъ помилованъ за десять минутъ до разстрѣлянья, человѣка, три раза въ своей жизни приговореннаго къ смертной казни, бѣжавшаго съ каторги,—обѣдало обычное общество: художники, музыканты, непризнанные геніальные поэты.

Ругали знаменитыхъ художниковъ, „мэтровъ".

— Идіоты! Разжирѣвшіе скоты! Не принимать произведенья, — oeuvre'a! oeuvre'a! — только потому, что у женщинъ тѣло нарисовано зеленое! Придирка! Зависть! Рутинеры! Подлецы!

Ругали „мэтровъ"-музыкантовъ.

— Идіоты! Болваны! Чиновники! Снимать копіи съ Вагнера—больше ни на что не способны! Не исполнять произведенья только потому, что оно сразу написано въ разныхъ тонахъ! Обскуранты! Балбесы! Ослы!

Ругали „мэтровъ"-литераторовъ.

— Формы имъ! Содержаніе! Шарлатаны! Зажирѣвшіе буржуа! Боятся конкуренціи! Скоты.

Кто-то попробовалъ было сказать:

— А въ Мартиникѣ-то, говорятъ, цѣлый городъ провалился...

На него цыкнули со всѣхъ сторонъ:

— А провались хоть полміра! Ну, ее къ чорту, эту политику!

Говорили только о художественныхъ новостяхъ:

— Иксъ хотѣлъ лѣпить группу женщинъ. Фурій! Но увлекся первой же натурщицей!

— Живутъ теперь вмѣстѣ!

— И она запрещаетъ, чтобъ передъ нимъ кто-нибудь еще раздѣвался!

— Вмѣсто группы женщинъ вылѣпитъ только одну!

— Вмѣсто фурій — фурія!

— Зато—настоящая!

— Погибъ теперь для искусства! Будетъ лѣпить теперь всю жизнь одну и ту же бабу!

— Раздѣвать передъ всѣмъ міромъ свою жену!

— Какое удовольствіе для міра!

— Ты какой сыръ жрать будешь? — спросилъ меня патронъ, „полковникъ".

— Бри!

— Кто нынче жретъ бри! Дать ему Комбъ-Эмберъ.

И это произношенье слова „комамберъ" вызвало всеобщій хохотъ.

— Сюда Комбъ-Эмберъ!.. Сюда... Сюда... И мнѣ Комбъ-Эмберъ!.. Да здравствуетъ полковникъ Лисбоннъ!

— А развѣ Комбъ знаетъ, гдѣ m-me Эмберъ? — воскликнулъ я.

Это вызвало новый взрывъ хохота.

— Дважды два четыре!

— Знаете новость: въ Парижѣ выстроена Эйфелева башня!

— Послѣднее извѣстіе; на свѣтѣ былъ всемірный потопъ.

Посыпалось на меня со всѣхъ сторонъ.

Въ этотъ вечеръ я ужиналъ въ компаніи артистовъ.

— Вотъ, господа, одинъ вопросъ, который меня мучитъ весь день. Что вы думаете объ этомъ, господа? Знаетъ правительство, гдѣ m-me Эмберъ?

— Tu es bête, mon vieux! — отвѣтила мнѣ одна лирическая артистка, взглянувъ на меня съ удивленьемъ.— Comment non?

Остальные не отвѣтили даже этого.

Я возвращался домой пѣшкомъ.

Жалкое и несчастное существо, бродившее по тротуару, обрадовалось, когда я протянулъ два франка.

— Какъ вы думаете, mademoiselle, знаетъ правительство, гдѣ m-me Эмберъ?

По ея усталому больному лицу скользнула улыбка:

— Какъ вонъ тотъ полицейскій, который стоитъ здѣсь, чтобъ гнать такихъ женщинъ, какъ я, съ тротуара, — знаетъ, чѣмъ я занимаюсь. Pardon, я васъ оставляю. Изъ 2 франковъ, которые вы мнѣ дали, я должна пойти и дать ему одинъ.

Я позвонилъ къ себѣ въ Grand-Hötel.

— Не пріѣзжала m-me Эмберъ? Не остановилась у насъ въ отелѣ?—спросилъ я отворявшаго дверь консьержа, опуская ему въ руку франкъ.

За франкъ онъ сказалъ:

— Merci.

А на вопросъ отвѣтилъ улыбаясь:

— Объ этотъ надо спросить у monsieur Комба.

Передъ смертной казнью.

Я передаю вамъ этотъ разсказъ такъ, какъ самъ его слышалъ отъ бывшаго помощника смотрителя блаженной памяти Большой Рокетской тюрьмы.

Пьеръ Верно и Жакъ Майо сидѣли вмѣстѣ и ожидали казни.

Когда ихъ привели обоихъ въ одну и ту же камеру, они съ любопытствомъ посмотрѣли другъ на друга.

— Вы къ чему?

— А вы?

— Я къ гильотинѣ.

— Я тоже.

Они кисло улыбнулись и пожали другъ другу руку.

— Вы за что?

— А вы?

— Я за кокотку.

— А я за старика. Много взяли?

— Я? Ничего. Меня поймали на мѣстѣ.

Жакъ Майо расхохотался.

— Ну, а я такъ попользовался! Старикъ попался жирный. Ужасная гадина при жизни, но хорошій покойникъ.

— А вы его знали при жизни? — спросилъ Пьеръ Верно.

— Нѣтъ!—беззаботно отвѣтилъ Жакъ Майо.—У меня никогда не было знакомства въ такихъ кругахъ. Богатый рантье. Иногда лишь приходилось встрѣчаться съ людьми этого круга, но, вы понимаете, знакомство не продолжалось. Я давалъ имъ coup de père Françoise *),—и все.

И Жакъ Майо прошелся по камерѣ, потирая руки.

— Вамъ холодно?

— Нѣтъ, я вспоминаю о нѣкоторыхъ, недурныхъ дѣлахъ. Это было тоже не изъ плохихъ. Старикъ былъ каналья препорядочная. Настоящій гадъ. Я слыхалъ о немъ много отъ дѣвицъ. О немъ много разсказывали. Онъ бралъ самыхъ несчастныхъ и послѣднихъ тварей. Свинья! Что онъ только выдѣлывалъ. Потомъ онъ платилъ имъ гроши и выгонялъ. Онъ былъ очень извѣстенъ среди нихъ. Старый судья на пенсіи и вдовецъ. Раньше дававшій деньги подъ проценты. Очень уважаемый человѣкъ среди своихъ. Онъ прожилъ всю жизнь съ женою, въ порядочномъ обществѣ, примѣрнымъ семьяниномъ, судьей, буржуа, а теперь, на старости лѣтъ, вознаградилъ себя за все. Жизнь, чортъ возьми, прошла скучно, и старикъ наверстывалъ. Онъ жилъ одинъ въ небольшой квартиркѣ и не имѣлъ даже прислуги, чтобъ удобнѣе было устраивать оргіи. Днемъ онъ принималъ друзей и кліэнтовъ, а по вечерамъ выходилъ тихонько, бродилъ по улицамъ, набиралъ себѣ голодныхъ тварей и велъ ихъ къ себѣ. Скотина!

— Какъ же вы его застукали?

— А очень просто. Какъ-то разъ, на улицѣ, я услыхалъ, одна дѣвица говоритъ другой: „Какъ ни мерзко, а надо итти къ старику. Заработковъ никакихъ. А ты?“— „Я тоже. Не умирать же съ голоду!“—„Подберемъ еще компанію и маршъ. Напишемъ записку, предупредимъ, и идемъ!“ — „Да, но какъ же доставить записку? Ста-

*) Удавить платкомъ, напавъ сзади.

рикъ не велитъ, чтобы мы ходили къ нему днемъ!“ Мнѣ и пришла въ голову мысль! „Mesdames, ничего не можетъ быть проще. Напишите, а я отнесу. Вы мнѣ заплатите два су, все равно, хоть потомъ!“ Онѣ тутъ же карандашомъ нацарапали разныхъ свинствъ, — я и пошелъ. Какъ на счастье, старикъ былъ одинъ. Самъ отперъ мнѣ дверь и, кажется, испугался, увидѣвъ вдругъ передъ собой такого молодца. Ну, я, конечно, свалялъ дурака. „Двѣ, молъ, красивыя дамы приказали вамъ передать это письмо. Пожалуйте! Просятъ отвѣтъ“. Старикъ тутъ же принялся разбирать каракули. Ахъ, скотина! Какъ онъ улыбался, губы у него дрожали! Ни одна еще свинья не умирала, думая о такихъ свинствахъ! Развѣ долго? Я взялъ его за горло. Крякъ! Старикъ только задрыгалъ ножками. Я взялъ его за шиворотъ, стащилъ въ чуланъ и принялся.

— Ну, ну?

— Чего „ну“! Все было заперто. Желѣзная касса, которой не сломать десяти человѣкамъ. Кинулся въ ночной столикъ, ничего, кромѣ свинскихъ фотографій. Сломалъ бюро, — какія-то бумаги и опять пачки свинскихъ фотографій. Во всѣхъ ящикахъ! Пришлось приняться за самого. Выворотилъ всѣ карманы. Ну, старикъ имѣлъ кое-что при себѣ. Триста франковъ бумажками да два золотыхъ, отличные часы, цѣпочка. Таки кутнулъ потомъ нѣсколько дней!

— И васъ никто не замѣтилъ?

— Ни одна душа. Какъ пришелъ, такъ и ушелъ.

— Какой вы счастливый! Какъ же васъ потомъ взяли?

— Представьте, все записка! Эта тварь подписала свое имя. Словно барыня! Ее схватили, а она помогла найти меня. Вѣдь сама, тварь, говорила, что старикъ мерзавецъ. Можно ли было думать, что она станетъ изъ-за него такъ хлопотать? Ну, да понятно! Ей до-

садно: потеряла кліэнта. А все-таки нѣсколько дней пожилъ въ свое удовольствіе. Могу сказать! Когда меня схватили, при мнѣ нашли всего десять су!

И Пьеръ Майо захохоталъ, хлопнувъ себя по колѣнкѣ.

Вы ловко обдѣлали дѣльце!—сказалъ Пьеръ Верно.— Хоть есть изъ-за чего умирать!

— Нѣтъ, а вы какъ же такъ опростоволосились?

— Что подѣлаешь! — вздохнулъ Пьеръ Верно. — Видно, это былъ несчастный для меня день. Въ нашемъ дѣлѣ, какъ въ картахъ, бываютъ счастливые и несчастливые дни!

— Для меня несчастный день пятница.

— Для меня вторникъ, а это было въ среду. Была среда,—и я пошелъ. Собственно, я вовсе даже не имѣлъ въ виду убивать. И не думалъ!

— Разсказывайте!

— Да при мнѣ не было даже оружія!

— А руки?

— Руки не въ счетъ. Я никогда никого не душилъ. И не умѣю. Просто я былъ голоденъ. Второй день не жравши. Я шатался такъ, по Елисейскимъ Полямъ, зашелъ въ какой-то дворъ, поднялся по черной лѣстницѣ. Думаю, — схватятъ, скажу: „ищу работы, не нужно ли столяра?“

— Ха-ха, столяра!

— Я столяръ.

— Въ самомъ дѣлѣ столяръ?

— Въ самомъ дѣлѣ столяръ. Настоящій столяръ.

— Скажите! Ну-ну!

— Вижу, дверь въ кухню открыта, а въ кухнѣ никого, я и юркнулъ. Хотѣлъ схватить кастрюлю и драла. Но на лѣстницѣ раздались шаги, я бросился дальше въ квартиру. Никого. Я въ одну комнату, я въ другую. Слышу гдѣ-то разговоръ. Я спрятался въ какую-то ка-

морку. Тамъ все висѣли платья и такъ хорошо пахли! И все такія тонкія, — я ихъ пробовалъ наощупь. Вижу, что сломалъ дурака, — думаю: „дождусь ночи и какъ-нибудь уйду“. Спать легли поздно. Разговаривали, хохотали, визжали, играли на музыкѣ. Наконецъ, какъ все стихло, я подождалъ, потомъ снялъ сапоги и пошелъ. Ну, вы понимаете, вездѣ темно. Заблудился! Иду по стѣнкѣ, боюсь уронить что-нибудь, нащупываю двери, иду изъ одной комнаты въ другую.

— А спичекъ съ собой не было?

— Боюсь зажечь. Вдругъ что-то уронилъ. И въ ту же минуту слышу женскій голосъ: „кто тамъ?“ Я было назадъ въ дверь,—но въ эту минуту вся комната вдругъ освѣтилась. Вы знаете, это у нихъ тамъ такъ устроено. Называется электричество. Вы нажимаете пуговку надъ постелью, — и сразу днемъ. Смотрю, спальня. А на постели — огромная такая постель—женщина въ длинной бѣлой рубашкѣ, словно покойница.

— Красивая хоть женщина?

— Не разсмотрѣлъ. Очень былъ испуганъ.

— Ну, а потомъ, въ Моргѣ, вѣдь васъ подводили къ трупу?

— Да вѣдь я же разбилъ ей голову!

— Ну, ну!

— Ну и стоимъ. Я испуганъ, она испугана. Она какъ закричитъ, я къ ней: „Не кричите! Ради Бога, не кричите!“ Она пуще. „Не кричите же! Да не кричи же ты, тварь!“ Я схватилъ, что попалось подъ руку. Потомъ оказалось, это былъ стаканъ для воды на ночномъ столикѣ, мнѣ показывали, тяжелый такой, литой. Тогда я ничего не помнилъ. Просто вскочилъ на кровать и ударилъ женщину по головѣ, чтобы не кричала. А она упала, и еще сильнѣе. Оретъ. Я ее и началъ молотить, Молотилъ-молотилъ, — смотрю, чего жъ я ее? Она ужъ мертвая. Такъ насилу въ себя пришелъ отъ испуга. А

тутъ, слышу, топотъ, крики, бѣгутъ. Смотрю на столѣ какія-то склянки, думаю: „отравлюсь“! Хватилъ чего-то изъ хрустальной склянки, весь ротъ обожгло и послѣ, когда сидѣлъ въ полиціи, отъ лица очень хорошо пахло.

— Ну?

— Въ эту минуту меня и схватили.

Прислуга, консьержъ, полиція. Здорово-таки поколотили. Должно-быть, барышня имъ очень хорошо платила, такъ жаль. Потомъ ужъ на судѣ узналъ, что она была кокотка.

— Прислуга всегда любитъ кокотокъ! Вы попали въ преглупую исторію! — замѣтилъ Жакъ Майо.

— Да ужъ чего глупѣе!—вздохнулъ Пьеръ Верно.

Они сидѣли вмѣстѣ, ожидая смертной казни. По обыкновенію, просьба о помилованіи идетъ къ президенту.

Но въ тѣ времена это было простой формальностью, только затягивавшей дѣло. Сади-Карно никогда никого не миловалъ. Это онъ называлъ „не вмѣшиваться въ дѣла правосудія“.

Онъ подписывалъ смертные приговоры, какъ письма, между другими дѣлами, и шелъ принимать министровъ, посланниковъ или должностныхъ лицъ, улыбаться и говорить любезности, спокойно, какъ человѣкъ, всегда исполняющій свой долгъ. Въ чемъ бы этотъ долгъ ни состоялъ: въ офиціальной любезной улыбкѣ, или въ подписи смертнаго приговора.

Можетъ-быть, это тяжелѣе самой смертной казни, — ожиданіе ея.

Каждое утро, просыпаясь, Пьеръ Верно, вздохнувъ всей грудью, говорилъ:

— А сегодня за нами не пришли!

— Мы можемъ еще сегодня поболтать и поиграть въ карты. Разъ утромъ не пришли, значитъ не сегодня. Это дѣлается по утрамъ!—отвѣчалъ Жакъ Майо.

— А вдругъ помилуютъ!

Жакъ Майо только пожималъ плечами и смѣялся.

Они жили, какъ живутъ всѣ въ ожиданіи смертной казни: тоскуя, съ каждымъ днемъ худѣя, блѣднѣя, дѣлаясь все болѣе и болѣе нервными и раздражительными.

Однажды Пьеръ Верно спросилъ Жака:

— Вы парижанинъ?

— Чистокровный парижанинъ! — отвѣчалъ съ большимъ достоинствомъ Жакъ Майо.

— Значитъ, на вашей казни будетъ присутствовать кто-нибудь изъ близкихъ?

Жакъ Майо посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ:

— Ни души! У меня нѣтъ ни души близкихъ!

— Ваши отецъ и мать померли?

Жакъ пожалъ плечами:

— Моя мать, вѣроятно, была порядочная потаскушка. А отецъ? Врядъ ли она и сама хорошенько знала, кто именно мой отецъ. То-есть это я такъ предполагаю. Дѣло въ томъ, что меня нашли около Porte Maillot, — отсюда и мое прозвище — Майо. Жакъ Майо! Я ни малѣйшаго понятія не имѣю, кто были мой отецъ и моя мать.

— Но женщина? Вѣдь у васъ была какая-нибудь женщина?

— Вы думаете, что я сутенеръ? Нѣтъ, среди насъ, конечно, много сутенеровъ. Всѣ почти сутенеры. Это принято. Но я никогда этимъ не занимался. У меня отвращеніе—вожжаться съ женщинами. Конечно, иногда послѣ удачнаго дѣла, когда бывали деньги, я бралъ какую-нибудь тварь. Но она мнѣ сейчасъ же дѣлалась такъ противна, что я колотилъ ее и прогонялъ. Находились и такія твари, которыя и послѣ этого еще приходили ко мнѣ. Но я ихъ колотилъ ужъ такъ, что отбивалъ у нихъ всѣ легкія, и у нихъ ужъ пропадала охота приставать ко мнѣ. Я имъ нравился, но ни одной изъ нихъ не удалось меня захороводить!

— Вы можете нравиться женщинамъ!

— Да я-то не люблю этихъ тварей. А вы?

— У меня тоже никого нѣтъ въ Парижѣ. Была одна, она давала мнѣ деньги въ трудные дни. Да она умерла въ больницѣ. Такъ что въ Парижѣ у меня никого нѣтъ. Я вѣдь не здѣшній, я родомъ изъ-подъ Сентъ-Этьена.

— Это во Франціи?

— Это во Франціи. Неподалеку отъ Ліона.

— Ліонъ. Я слыхалъ про Ліонъ.

— Отъ насъ столько же до Ліона, сколько и до Сентъ-Этьена. А, это хорошія мѣста! Тамъ, вы знаете, гораздо теплѣе, чѣмъ въ Парижѣ, и живутъ хорошіе люди! Ахъ, какой хорошій народъ. Очень честный народъ. Ну, да! Очень честный народъ, потому что они работаютъ. Наша вся деревня столяры. Изъ поколѣнія въ поколѣніе всѣ столяры. Съ незапамятныхъ временъ. Деревня, сколько себя помнитъ, — помнитъ столярами. Дѣды были столяры, отцы столяры, внуки столяры. Мой дѣдъ тоже былъ столяромъ, мой отецъ былъ столяромъ...

— Вашъ отецъ померъ?

— Да, но мать жива. Мать, два брата и три сестры. Когда они узнаютъ, что я казненъ! А, по мнѣ есть кому плакать!

И Пьеръ замолкъ, испуганный, при видѣ страннаго взгляда, который кинулъ на него Жакъ Майо.

Въ этотъ день они больше не говорили.

Жакъ молча, заложивъ руки за спину, ходилъ по камерѣ.

Молча они легли спать.

Утромъ Пьеръ проснулся и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Кто-то держалъ его за плечо.

Пьеръ весь похолодѣлъ и вскочилъ:

— Уже?

Передъ нимъ стоялъ Жакъ, хохоталъ и смотрѣлъ на него со злобой:

— Вставай! Твоей матери пора плакать!

Пьеръ съ ужасомъ и недоумѣніемъ оглядѣлся кругомъ. Въ камерѣ, кромѣ нихъ двоихъ, никого не было.

Жакъ вновь разразился хохотомъ и руганью:

— Что? Испугался? Дрянь! Мозглякъ! Крыса! У, поганая тварь!

Пьеръ смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

Полдня прошло въ молчаніи.

Пьеръ попробовалъ было заговорить:

— Послушайте... Можетъ-быть, завтра... Намъ надоѣло жить... Зачѣмъ мы будемъ ссориться?..

Жакъ отступилъ отъ него съ отвращеніемъ, съ ненавистью:

— Пошелъ къ чорту, мозглякъ! Слышишь ты? Пошелъ къ чорту!

И Жакъ Майо зашагалъ по комнатѣ, сумрачный, все о чемъ-то думая.

Вечеромъ, снимая сапоги, онъ обратился къ Пьеру:

— Ты! Столяръ! Изъ этого... какъ его?.. Сентъ-Этьена, что ли. Какого же чорта вы являетесь сюда и убиваете людей въ Парижѣ?! Это дѣло наше, наше,— Майо! Чего же вы суетесь, чортъ васъ побери? Когда у васъ тамъ есть чортъ знаетъ что?

И Пьеръ остановился, самъ пораженный нелѣпостью той мысли, которая пришла ему въ голову.

— Ну, ну! Проѣзжай! — воскликнулъ съ хохотомъ Жакъ.—Ты сейчасъ бы вмѣсто того, чтобы тебя казнили, сколотилъ бы гильотину для меня! Ты! Столяръ! Ахъ, вы черти, черти, честные люди!

Пьеръ вскочилъ. Онъ заговорилъ горячо.

— Я хотѣлъ сказать, что я взялъ бы работу! Ну, да! Ну, да! Я всегда хотѣлъ работы! Всегда! Я хотѣлъ быть столяромъ и ничего больше. Но когда умираешь

съ голоду, развѣ тогда думаешь? Ты можешь хохотать, сколько тебѣ угодно, а я все-таки всегда хотѣлъ работы! Всегда!

— Все-таки тебѣ завтра утромъ отрубятъ голову! — сказалъ Жакъ и повернулся лицомъ къ стѣнкѣ.

— И пускай! А все-таки я хотѣлъ работать!

И они замолчали.

Жакъ не могъ спать. Его душила злоба. Онъ чувствовалъ, что весь полонъ ненависти къ Пьеру. За что?

Жакъ отвѣчалъ себѣ:

— За то, что онъ тварь! Кисляй! Поганецъ! Несчастный столяришка, съ которымъ противно сидѣть!

И Жакъ чувствовалъ, что это все что-то не то.

На слѣдующій день Жакъ стоялъ и смотрѣлъ въ окно, а Пьеръ лежалъ на кровати, какъ вдругъ Жакъ повернулся къ нему и сказалъ:

— А вѣдь твоимъ роднымъ дадутъ знать, что тебя казнили!

— Навѣрное, дадутъ!—со вздохомъ отвѣчалъ Пьеръ.— Я не хотѣлъ говорить своего имени, когда меня взяли, да они узнали сами. Имъ все нужно! Казалось бы, поймали человѣка на мѣстѣ преступленія, ну, и казни! Нѣтъ, имъ еще нужно до всего докопаться! Черти!

Жакъ подошелъ, сѣлъ къ Пьеру на кровать и спросилъ:

— Твои родные очень будутъ плакать о тебѣ?

— Какъ же не плакать? Очень будутъ плакать...

— Разскажи мнѣ, какъ будутъ плакать твои родные?

— Я самъ какъ разъ думалъ о томъ, какъ они будутъ плакать. Извѣстіе, вѣроятно, передадутъ комунибудь изъ братьевъ. Должно-быть, старшему. Его позоветъ къ себѣ мэръ: „Такъ и такъ, вашъ братъ Пьеръ казненъ въ Парижѣ за грабежъ"... Бр... за грабежъ!.. Ну, того это какъ обухомъ по лбу. Онъ вернется домой, вызоветъ младшаго брата во дворъ и тамъ ему

скажетъ. И оба заплачутъ. А потомъ ужъ передадутъ сестрѣ. Эта-то ужъ будетъ убиваться! О Господи!.. Младшая сестра! Я ее вынянчилъ. Она ужъ побѣжитъ и скажетъ другимъ двумъ сестрамъ. Одна замужемъ въ той же деревнѣ. Да, нѣтъ! Куда ей побѣжать? Какъ услышитъ, такъ и грохнется, я думаю, объ землю.

— А мать? А мать?

— Отъ матери будутъ скрывать. Да развѣ скроешь, когда вся деревня будетъ знать. Вся деревня будетъ плакать. Меня очень любили. Знаешь, что я тебѣ скажу, Жакъ? Я не думаю, чтобъ моя мать выжила такой ударъ! Я не думаю! Она въ одинъ день посѣдѣетъ! Вѣдь ты подумай! Нѣтъ даже могилки, чтобъ прійти поплакать! Она будетъ такъ рыдать, она будетъ такъ рыдать...

Жакъ вдругъ сорвался съ мѣста, вскочилъ, весь блѣдный, какъ полотно, трясущійся, съ широко раскрытыми глазами, и закричалъ:

— Дрянь! Кисляй! Столяришка! И мать твоя тварь! И сестры твои потаскушки! Что ты мнѣ разсказываешь? Всѣ вы твари! Всѣ!

Пьеръ съ ужасомъ и недоумѣніемъ глядѣлъ на Жака.

А тотъ кричалъ, ругался, неистовствовалъ, чувствуя, что что-то давитъ его горло, душитъ.

И Жакъ упалъ въ постель, въ припадкѣ, крича прерывающимся голосомъ:

— Дрянь! Тварь! Тварь!

Онъ только что, стоя у окна, думалъ о своей казни.

Онъ былъ однажды на смертной казни. Шнырялъ въ толпѣ и работалъ по карманамъ. Нарядныя дамы и господа въ цилиндрахъ узнали по газетамъ, кого будутъ казнить. А большинство не знало имени.

— Какъ его зовутъ?

— Не знаю.

— А вы?

— Я тоже.

— Ведутъ, ведутъ!

Собственно, никто ничего не видѣлъ, кромѣ первыхъ рядовъ. Всѣ встали на цыпочки, что-то звякнуло.

— Кончено! Кончено!

— Проходите! Проходите!—закричали полицейскіе.

— Говорятъ, держался молодцомъ!

И все.

Всѣ разошлись, и движеніе по площади пошло своимъ порядкомъ, словно ничего и не случилось.

Шутили, смѣялись, болтали.

— Былъ Жакъ Майо, не стало Жака Майо, никто и не замѣтитъ... Никто... Никто... Въ эту минуту Жакъ Майо обратился къ Пьеру...

... Припадокъ кончился. Жаку было стыдно. Онъ съ ненавистью смотрѣлъ на „столяришку", который все видѣлъ.

Ему хотѣлось оскорбить столяришку, наказать, заставить страдать.

Два часа Жакъ крѣпился: „стоитъ ли связываться съ такой тварью?" Но, наконецъ, не выдержалъ и сказалъ:

— Слушай! Ты! Столяръ!

Пьеръ поднялъ голову.

Жакъ хотѣлъ улыбнуться. У него перекосилось отъ этой улыбки все лицо.

— Сколько ты ни хвастайся тамъ своими матерями, а все-таки, — ты убійца! Да! Да! Убійца! Убійца, и тебя казнятъ! Слышишь ты? Убійца и тебя казнятъ, потому что ты убійца! Столяръ, а убійца! Столяръ, а убійца!..

Пьера задѣло за живое. Онъ поднялся. Онъ ненавидѣлъ теперь Жака. Ему хотѣлось ударить его посильнѣе.

А Жакъ все подступалъ и подступалъ:

— Что жъ ты ничего не отвѣчаешь? Ты убійца! Убійца!..

И смотря на него широко открытыми, полными ненависти глазами, Пьеръ тихо и медленно отвѣтилъ:

— А все-таки по мнѣ есть кому плакать. Есть кому плакать.

Жакъ поблѣднѣлъ, затрясся и крикнулъ:

— Молчи!.. Молчи!..

— А все-таки по мнѣ есть кому плакать...

— Молчи!..

Жакъ схватился за табуретъ.

Пьеръ, въ свою очередь, тоже.

Жакъ кинулъ табуретъ въ уголъ:

— Тварь!

И, весь дрожа, отошелъ къ окну.

До вечера не было сказано ни слова. Пьеръ раздѣлся и легъ. Жакъ сидѣлъ у окна, отвернувшись, и думалъ:

„Постой же!“

Ночью изъ камеры приговоренныхъ къ смертной казни раздался сильный стукъ.

Когда сторожъ отворилъ дверь, передъ нимъ стоялъ Жакъ Майо, блѣдный, задыхавшійся, съ мокрыми волосами, прилипшими къ вспотѣвшему лбу, и сказалъ дрожащимъ голосомъ, стараясь говорить спокойно:

— Уберите трупъ. Я задушилъ эту тварь!

Казнь, назначенную на утро, пришлось отсрочить.

— За что вы его убили? — спросилъ слѣдователь.

— Это ужъ мое дѣло! — отвѣчалъ Майо.

— Да вѣдь это же глупо: убивать человѣка наканунѣ казни! Да вѣдь это же глупо! — воскликнулъ слѣдователь.

Майо посмотрѣлъ на него свысока и пренебрежительно:

— А вамъ досадно, что не вы это сдѣлали! Вмѣсто того, чтобъ болтать, вы бы дѣлали свое дѣло и казнили меня поскорѣй, буржуа!

Ницца.

— Герцогиня де-Ларошфуко сегодня не принимаетъ. Потрудитесь передать мнѣ горчицы!—сказала очень полная дама.

— Но почему? Что за причина?—воскликнула очень худощавая дама, страшно пораженная этимъ извѣстіемъ.

— Герцогиня должна сегодня отдать визитъ графинѣ де-Латуръ!—сухо и строго замѣтилъ пожилой господинъ, съ орденомъ Почетнаго Легіона въ петлицѣ.

— Совершенно вѣрно! Я совсѣмъ и забыла!—поблагодарила его взглядомъ худощавая дама.

— Осмѣлюсь замѣтить, вы не совсѣмъ хорошо освѣдомлены!— вступился господинъ съ сѣдыми баками. — Герцогиня никакъ не можетъ сегодня отдать визита графинѣ де-Латуръ. Она весь день остается у себя. Герцогиня не совсѣмъ здорова!

— Что, однако, не помѣшало ей быть вчера на балу у Вандербильда!—тономъ прокурора замѣтилъ господинъ съ Почетнымъ Легіономъ.

— Ну, да! Послѣ бала она и простудилась!

Всѣ сидѣвшіе за табль д'отомъ покачали головой.

— Ахъ, какая неосторожность!

— Бѣда съ этой герцогиней!—воскликнула пожилая дама.—Ей рѣшительно нельзя ѣздить на балы! Рѣшительно! Каждый разъ, какъ я пріѣзжаю въ Ниццу, она ѣдетъ на балъ и простуживается!

— Почему же вы ей не скажете?—робко замѣтилъ очень молодой человѣкъ, только что пріѣхавшій въ гостиницу, которому очень хотѣлось тоже участвовать въ свѣтскомъ разговорѣ.

Его обдали взглядами, полными изумленія,—взглядами, полными негодованія.

Онъ сдѣлался пунцовымъ и уткнулся въ тарелку.

Его не удостоили отвѣтомъ.

Что? Они бываютъ въ этомъ обществѣ? Они знакомы съ этимъ обществомъ?

Никогда!

Они слѣдятъ за нимъ по газетамъ.

Кто они?

Маленькіе французскіе буржуа, нѣмецкіе „совѣтники“ въ отставкѣ, петербургскіе чиновники, взявшіе отпускъ на 28 дней, помѣщики чахлыхъ и заложенныхъ имѣній, хлѣбные комиссіонеры съ юга Россіи, которымъ удалось сорвать недурной куртажъ.

Что влечетъ ихъ сюда? Что заставляетъ ихъ тратить послѣдніе гроши и тащиться сюда, платить здѣсь за все бѣшеныя цѣны, разсчитанныя на милліонеровъ.

Лазурное море? Яркое солнце? Цвѣтущая сирень и фіалки?

Но море, солнце, цвѣты есть и въ другихъ мѣстахъ.

Ихъ тянетъ сюда, гдѣ герцогини де-Ларошфуко и графини де-Латуръ танцуютъ у Вандербильда.

Они вырастаютъ въ собственныхъ глазахъ, живя около этого міра.

Только что вставши, они первымъ долгомъ берутся за свѣтскія газеты и первымъ долгомъ бросаются читать „Journée Mondaine“.

— Герцогиня де-Ларошфуко сегодня не принимаетъ.

— У графини де-Латуръ сегодня пріемъ.

— Мистеръ Вандербильдъ младшій давалъ вчера блестящій балъ, третій въ этомъ сезонѣ. Среди присутствующихъ...

И они живутъ этими интересами, этими пріемами, на которыхъ они не бываютъ, этими балами, на которыхъ они не танцуютъ.

— О, Боже мой! Жить въ Ниццѣ! Сколько удовольствій!

Можно встрѣтить маркиза д'Эглизъ, барона Артура Ротшильда, маркиза Кастелляно,—и сказать:

— Вотъ маркизъ де-Кастеллянъ!

— Этотъ?—вытаращитъ глаза спутникъ.

— Ну, да! Я его видѣлъ тысячу разъ!

Какая гордость,—вернуться въ свои маленькіе, мирные города.

— Много народу было въ Ниццѣ?

— О, да! Какъ всегда! Герцогиня де-Ларошфуко, баронъ Артуръ, принцъ такой-то, принцъ такой-то...

Половина готскаго альманаха!

Наконецъ, счастье шаловливо. Мало ли что можетъ случиться.

Принцъ такой-то можетъ уронить палку. Принцесса такая - то — носовой платокъ. Можно подбѣжать, поднять!

Сколько потомъ разсказовъ у себя дома!

— Представьте себѣ, какой со мной былъ случай! Въ Ниццѣ! Этой зимой! Иду я по Promenade des Anglais. Навстрѣчу мнѣ принцъ. Тамъ вѣдь это дѣло обыкновенное. На всякомъ шагу—принцъ. И вдругъ, можете себѣ представить, принцъ роняетъ палку. Хорошо, что я былъ около! А то принцу нагибаться, въ его лѣта! Я, конечно, нагибаюсь, поднимаю. Ну, и тутъ у насъ маленькій разговоръ. Онъ мнѣ: „Merci, monsieur“. Я ему: „Jl n'y a pas de quoi, Monseigneur!“ Онъ улыбнулся. Чрезвычайно милый и пріятный человѣкъ! Тамъ вѣдь вообще запросто!

И исправничиха гдѣ-нибудь въ Сарептѣ, пораженная, ошеломленная такимъ событіемъ, спрашиваетъ:

— Золотая палка-то?

Конечно, не всегда нападешь на такой счастливый случай, какъ не всегда выиграешь въ рулетку. Но все же бываютъ счастливцы!

О такихъ случаяхъ разсказываютъ обыкновенно въ двухъ поколѣніяхъ.

Отецъ разсказываетъ, потомъ сынъ разсказываетъ:

— Покойный батюшка-то все въ Ниццу каждый годъ ѣздилъ. Вотъ и растранжирилъ, что имѣлъ. Пріятель у него тамъ былъ, принцъ одинъ. Не могли другъ безъ друга жить!

Преданье переходитъ даже въ третье поколѣніе, и внукъ говоритъ съ таинственнымъ видомъ:

— Дѣдъ-то мой, кажется, участвовалъ въ договорѣ орлеанистовъ. У него тамъ съ принцами шуры-муры были. Кажись, съ чего бы! А участвовалъ!

Ахъ! Да такія ли еще бываютъ происшествія въ Ниццѣ! Я думаю, не будетъ большой нескромностью, если я разскажу про одинъ романъ, который разыгрался почти на моихъ глазахъ. Романъ моего друга Загогуленко съ принцессой Астурійской.

Дѣло прошлое. Къ тому же принцесса теперь уже замужемъ. Такъ что, я думаю, я могу разсказать?

Дѣло было въ Ниццѣ.

Мой другъ Жанъ Загогуленко, по паспорту „сынъ коллежскаго секретаря“, гулялъ себѣ въ Ниццѣ и зашелъ въ лавочку, гдѣ продаютъ почтовую бумагу.

Зашелъ и сказалъ самому себѣ вдругъ:

— Tiens!

Русскіе за границей всегда говорятъ сами съ собой по-французски.

Въ лавочкѣ принцесса Астурійская, красивая, какъ май, выбирала себѣ почтовыя карточки съ видами.

Ну, вы знаете, принцессы вѣдь вообще не стѣсняются въ тратахъ. Онѣ очень мало объ этомъ думаютъ!

То та карточка нравится, то эта. Принцесса взяла и набрала себѣ на цѣлыхъ два франка.

— Я беру эти!

— Bien, mademoiselle!

Хвать-похвать, а денегъ-то и нѣту.

Ахъ, эти принцессы! Народъ легкомысленный! Забыла захватить кошелекъ.

— Положенье, вы сами понимаете, тонкое!— разсказывалъ мнѣ Загогуленко. —Вѣдь не должать же принцессѣ въ мелочной лавкѣ!

Принцесса смутилась.

По словамъ моего друга.

— Это было ужасно! Она покраснѣла! Она готова была плакать, рыдать, бѣжать на край свѣта! Конечно, она такъ воспитана, что ничѣмъ этого не выдала! Ни-ни! И виду не подала! Но я, ужъ слава Богу, насмотрѣлся на ихняго брата, на принцессъ. Понимаю безъ словъ. Я чувствовалъ, что она готова была провалиться сквозь землю! Минута была ужасная!

И даже черезъ три года при воспоминаніи объ этой минутѣ мой другъ вытиралъ потъ со лба.

Принцесса, словомъ, смутилась, хоть и виду не подала.

— Хорошо, я зайду въ другой разъ. Или вы мнѣ пришлете.

Но тутъ Загогуленко снялъ шляпу, сдѣлалъ поклонъ и сказалъ:

— Votre Altesse! Если позволите...

Услыхавъ „votre Altesse“, продавщица, конечно, засуетилась.

— Oh, Votre Altesse! Это ничего не значитъ, это рѣшительно ничего не значитъ.

Но Жанъ Загогуленко отстранилъ ее рукой и спросилъ

— Сколько?

— О, всего два франка! Всего два франка!

Загогуленко подалъ два франка.

— Она ожила!—разсказывалъ онъ.—Вы понимаете, она ожила! Конечно, она и виду не подала! Но она ожила! Ахъ, какъ она улыбнулась! Это была ея первая улыбка!

И Загогуленко при этихъ словахъ слегка блѣднѣлъ, померкалъ глазами и испускалъ вздохъ.

— Какъ? Неужели съ этой минуты принцессѣ ни разу въ жизни не случалось улыбнуться? Бѣдная принцесса!—воскликнулъ я какъ-то совершенно искренно.

Но Загогуленко уничтожилъ меня взглядомъ:

— Ея первая улыбка мнѣ!

Словомъ, принцесса ожила, улыбнулась и сказала:

— Благодарю васъ. Вы позволите мнѣ вашу карточку, чтобъ прислать...

Жанъ Загогуленко счелъ долгомъ поклониться разъ восемь:

— О, принцесса, помилуйте... такіе пустяки...

Но принцесса попалась съ норовомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, иначе я не беру.

И мой другъ подалъ ей карточку:

Jean de Jean
Zagogoulenko
fils de secretaire du College.

Принцесса, по словамъ Загогуленко, сказала: „merci“,—мой другъ поклонился, бросился — отворилъ дверь съ поклономъ, пропустилъ принцессу, потомъ еще разъ поклонился ей вслѣдъ, пошелъ домой, къ себѣ въ отель, забрался на пятый этажъ и бросился въ постель „полный мыслей“.

— И что же бы вы думали,—разсказывалъ онъ всегда съ волненіемъ,—не прошло и получаса!

Не прошло и получаса, какъ хозяинъ, самъ хозяинъ отеля отворилъ его дверь и торжественно сказалъ:

— Monsieur! Человѣкъ принцессы Астурійской желаетъ васъ видѣть!

Жанъ Загогуленко вскочилъ, оправился передъ зеркаломъ, откашлялся и торжественно сказалъ:

— Просите человѣка принцессы Астурійской, пусть войдетъ!

Вошелъ человѣкъ принцессы Астурійской, весь въ глубокомъ траурѣ.

Всѣ принцы между собою въ роднѣ. У принцессъ всегда кто-нибудь изъ родни да померъ, и потому ихъ лакеи всегда ходятъ въ траурѣ.

Мой другъ сказалъ человѣку принцессы Астурійской „здравствуйте", а хозяину гостиницы повелительно:

— Оставьте насъ однихъ.

— Son Altesse прислала вамъ два франка, monsieur, и приказала васъ, monsieur, еще разъ благодарить!— сказалъ человѣкъ принцессы Астурійской

Мой другъ былъ потрясенъ. „Еще разъ благодарить!"

— Мой привѣтъ... мой поклонъ... Нѣтъ, нѣтъ, засвидѣтельствуйте мое почтенье... мою преданность принцессѣ...

Онъ взялъ у человѣка принцессы Астурійской два франка и далъ ему пять франковъ на чай.

Человѣкъ принцессы взялъ и даже не поблагодарилъ.

Съ этого и началось.

Мой другъ никогда не могъ забыть этого визита. И спустя три года, каждый разъ при воспоминаніи объ этомъ визитѣ въ отчаяньи хватался за голову и былъ близокъ къ самоубійству.

— Мнѣ не такъ слѣдовало тогда поступить! Не такъ! Въ ожиданіи этого визита! Надо было немедленно, вернувшись домой, взять въ отелѣ помѣщеніе внизу, въ бельэтажѣ, въ 100, въ 200 франковъ, чортъ возьми!

А онъ бросился на постель „полный мыслей!“...

— Надо было дать лакею 100 франковъ! Не меньше! Не меньше!

Этимъ мой другъ Загогуленко погубилъ и себя и принцессу.

Но не будемъ предупреждать событій.

На слѣдующій день Жанъ Загогуленко, все еще „полный мыслей“, шелъ по той же самой улицѣ, — и вдругъ...

Принцесса Астурійская, шедшая навстрѣчу, вдругъ демонстративно, при всѣхъ, среди бѣлаго дня, зашла въ ту же самую лавочку, гдѣ продаютъ почтовую бумагу.

— Но, можетъ-быть, ей нужны были опять почтовыя карточки. Принцессамъ дѣлать нечего, вотъ онѣ и пишутъ!—нѣсколько разъ пробовалъ я выражать догадку.

Но мой другъ всякій разъ убивалъ меня возраженіемъ:

— Это послѣ того-то, какъ она наканунѣ купила почтовыхъ карточекъ на цѣлыхъ два франка?!

И онъ разражался саркастическимъ, сатирическимъ, сардоническимъ смѣхомъ.

Мнѣ оставалось только безпомощно разводить руками, а мой другъ, наклонившись къ самому моему уху, шепталъ:

— Она меня не могла не замѣтить! Я шелъ напротивъ. Она меня не мог-ла не за-мѣ-тить...

Мой другъ, конечно, „все понялъ“ и зашелъ въ лавочку.

— Даже продавщица улыбнулась! — разсказывалъ онъ.—Конечно, она и виду не подала, что улыбается. О, эти продавщицы въ Ниццѣ, онѣ отлично выдрессированы, имъ часто приходится имѣть дѣло съ принцессами! Она и виду не подала, что улыбается! Но я по глазамъ увидѣлъ, что она улыбается.

Принцесса отобрала себѣ почтовыхъ карточекъ, обернулась, увидѣла моего друга Загогуленко и улыбнулась.

— Будто тутъ только замѣтила.

Мой другъ Загогуленко позволилъ себѣ тоже съ поклономъ улыбнуться. Онъ считалъ умѣстнымъ даже пошутить:

— Не прикажете ли уплатить, Votre Altesse?—приготовилъ онъ уже фразу.

Но развѣ съ принцессами надо говорить? Съ принцессами не надо говорить!

— А!—говоритъ мнѣ часто мой другъ.—Вы, конечно, не знаете! Но эти принцессы, это—такой народъ, такой народъ!

Вѣроятно, очень продувной народъ.

Принцесса безъ словъ поняла, что онъ хотѣлъ сказать, улыбнулась, заплатила два франка и ушла.

Пока мой другъ дѣлалъ свои придворные поклоны, принцессы уже не было въ лавочкѣ.

Мой другъ вернулся домой ужъ совсѣмъ безъ мыслей. Онъ не зналъ, что думать!

На слѣдующій день, часъ въ часъ, минута въ минуту, онъ былъ на томъ же самомъ мѣстѣ.

И снова изъ-за угла навстрѣчу ему шла принцесса!

На этотъ разъ, однако, она была благоразумна. Она не зашла въ лавочку.

На третій день онъ снова въ тотъ же часъ встрѣтилъ ее на томъ же мѣстѣ, на четвертый, на пятый.

— Она съ точностью замѣтила часъ, когда я гуляю!

И мой другъ, — надо отдать ему полную справедливость,—былъ всегда аккуратенъ и не заставлялъ принцессу дожидаться.

При встрѣчѣ съ принцессой Жанъ Загогуленко дѣлалъ шагъ въ сторону, отвѣшивалъ глубокій поклонъ, она кивала головой, и они расходились въ разныя стороны.

— И больше ничего? — съ изумленіемъ спросилъ я однажды моего друга, слушая въ двѣсти семьдесятъ второй разъ повѣсть о влюбленной принцессѣ.

Мой другъ посмотрѣлъ на меня сверху внизъ:

— Чего жъ вамъ еще? Мы отлично понимаемъ другъ друга. Принцесса,—претонкій народъ эти принцессы,—пускалась на хитрости.

Однажды мой другъ встрѣтилъ ее съ какимъ-то графомъ.

— Я понялъ сразу!—говорилъ мнѣ Загогуленко.—Она хотѣла скрыть наши отношенія.

И когда мой другъ по обыкновенію отсалютовалъ принцессѣ,—графъ, противъ воли игравшій такую недостойную роль, приподнялъ шляпу и отвѣтилъ на поклонъ.

Какъ наивны иногда бываютъ графы!

Вечеромъ мой другъ встрѣтилъ графа одного и, конечно, счелъ долгомъ ему поклониться. Не могъ же онъ не поклониться графу вечеромъ, разъ графъ поклонился ему утромъ!

На слѣдующее утро Жанъ Загогуленко встрѣтилъ графа съ однимъ маркизомъ. Загогуленко поклонился, и ему уже отвѣчалъ и графъ и маркизъ.

Еще черезъ день онъ встрѣтилъ этого маркиза съ виконтомъ, — раскланялся и получилъ поклонъ отъ виконта. Пришлось начать кланяться и съ виконтомъ и со всѣми знакомыми виконта.

Черезъ недѣлю у него было огромное знакомство. Онъ былъ „въ отношеніяхъ" со всѣми лучшими фамиліями въ Европѣ.

Онъ гулялъ уже почти безъ шляпы. И когда выходилъ на Promenade des Anglais, ему приходилось глядѣть въ оба и во всѣ стороны, чтобы не пропустить безъ поклона кого-нибудь изъ знакомыхъ виконтовъ.

— Это утомительно, я думаю?—интересовался я.—Эта свѣтская жизнь, я думаю, должна ужасно тяготить?

Мой другъ пожималъ плечами:

— Привычка! 432 графа, 327 маркизовъ, 28 виконтовъ и штукъ 800 бароновъ! Каждую недѣлю приходилось покупать новую шляпу. Всѣ поля захватываешь пальцами

— Однако, это чортъ возьми, расходъ!

Мой другъ снисходительно улыбался.

— Что дѣлать! Свѣтская жизнь требуетъ жертвъ! Мнѣ даже пришлось участвовать въ дуэли! Что дѣлать, свѣтъ имѣетъ свои законы!

Къ счастью, дуэль не кончилась смертью для моего друга.

Дрался, собственно, не онъ, а одинъ его знакомый графъ со знакомымъ маркизомъ. Но мой другъ счелъ долгомъ завезти свою визитную карточку къ тому и другому, поздравляя съ успѣшнымъ и безболѣзненнымъ окончаніемъ дуэли. И графъ и маркизъ, въ отвѣтъ, прислали ему свои карточки.

Тѣмъ дуэль и кончилась.

— Все было соблюдено какъ слѣдуетъ! Я ихъ поздравилъ, они мнѣ отвѣтили!—преспокойно разсказывалъ мой другъ.

Вотъ что значитъ сдѣлаться свѣтскимъ человѣкомъ! Начинаешь совершенно спокойно говорить о такихъ вещахъ, какъ дуэль!

А романъ, между тѣмъ, шелъ какъ нельзя лучше, т.-е. мой другъ и принцесса каждый день встрѣчались, кланялись и расходились въ разныя стороны.

Какъ вдругъ случилось происшествіе, перебудоражившее всю Европу.

Въ одинъ ужасный день былъ открытъ орлеанистскій заговоръ! То-есть, собственно, орлеанистскій заговоръ былъ открытъ всего двумя газетами въ Парижѣ, но онѣ требовали ужасныхъ мѣръ. Изгнанія всѣхъ принцевъ, всѣхъ графовъ, всѣхъ маркизовъ:

— И ихъ друзей! — многозначительно разсказывалъ мой другъ.—Рѣчь шла о головѣ!

— А вы?

— Я остался!

Я горячо пожалъ ему руку.

Мой другъ принялъ только кое-какія мѣры, самыя незначительныя. Среди ночи, когда вся гостиница спала, онъ всталъ, на цыпочкахъ подошелъ къ камину, сжегъ на спичкѣ визитныя карточки графа и маркиза и пепелъ съѣлъ.

Только и всего.

Но въ общемъ онъ остался.

Графы могли быть имъ довольны! Онъ раскланивался съ ними, несмотря на бѣшеную ругань двухъ газетъ, которыя выходили въ Парижѣ.

Принцесса сумѣла оцѣнить самоотверженное благородство моего друга.

Онъ говорилъ мнѣ это со слезами на глазахъ:

— Говорятъ, онѣ бездушны! Не всѣ! Вѣрьте мнѣ,— не всѣ!

Она рѣшила „вознаградить его за все и однажды, встрѣтившись съ нимъ, уронила платокъ.

— Замѣтьте, въ это время на улицѣ не было ни души! — многозначительно добавлялъ всякій разъ Загогуленко.

Онъ нашелъ маневръ!

Онъ бросился, конечно, поднимать платокъ...

Но тутъ случилась одна изъ величайшихъ катастрофъ, какія только случаются въ мірѣ.

Мой другъ и принцесса стукнулись лбами. Принцесса тоже нагнулась за платкомъ!

Это было страшное мгновенье.

— Принцесса вскрикнула, ея крикъ до сихъ поръ звучитъ въ моихъ ушахъ! У меня искры посыпались изъ глазъ.

Когда мой другъ пришелъ въ себя,—принцессы уже не было.

Тщетно онъ явился на слѣдующій день,—принцессы не было.

На слѣдующій день—тоже.

— Я думаю! Вѣроятно, на лбу выскочила шишка!— замѣтилъ я какъ-то съ сочувствіемъ.

Но не удостоился даже получить отвѣтъ на мое доброжелательное замѣчаніе.

— Черезъ два дня я прочелъ въ газетѣ извѣстіе, которое вырѣзалъ и храню до сихъ поръ.

Принцесса Астурійская была помолвлена за герцога Ангулемскаго.

Въ тотъ же день мой другъ выѣхалъ изъ Ниццы, и я его вполнѣ понимаю: что ему оставалось дѣлать?

— Какія, однако, эти принцессы злыя! И какъ онѣ мстительны! — замѣтилъ я моему другу, но онъ остановилъ меня!

— Не говорите такъ! Я самъ думалъ такъ. О, что это было за ужасное время! Какіе мѣсяцы я переживалъ! Я проклиналъ свою несчастную любовь, я проклиналъ себя, проклиналъ даже ее. Бѣдняжка!

На слѣдующій годъ, однако, мой другъ снова поѣхалъ въ Ниццу.

Что дѣлать! Сердце не камень!

— Я хотѣлъ еще разъ посѣтить эти мѣста.

— Но если бы вы встрѣтили ее? — спрашивалъ я, дрожа при одной мысли.

— Я думалъ и объ этомъ. Конечно, при встрѣчѣ я бы ничего не сказалъ! Этикетъ остается этикетомъ. Конечно, я бы поклонился!

— Ну, еще бы! Не поклониться это было бы черезчуръ жестоко по отношенію къ принцессѣ.

— Но я сумѣлъ бы поклониться! Она поняла бы все и безъ словъ.

И мой другъ много разъ,—нѣсколько мѣсяцевъ,—репетировалъ этотъ поклонъ.

Хорошо, что поклона не состоялось! Онъ убилъ бы принцессу.

Мой другъ встрѣтилъ ее. Она шла подъ руку съ мужемъ.

— И вы знаете!—говорилъ онъ мнѣ.—Во взглядѣ ея было столько страданія. Конечно, она и виду не подавала.

Она старалась улыбаться, она заставляла себя болтать, но я-то понималъ, что это за улыбка! И я... я не сдѣлалъ своего поклона!

Мнѣ всегда хотѣлось на этомъ мѣстѣ разсказа пожать руку великодушнаго человѣка.

— Напротивъ! Я поклонился съ лицомъ, полнымъ грусти!

— И вы не видѣли ее, не говорили съ ней? Я думаю, одно ваше слово утѣшенія...

— Это было — увы! — невозможно! Ревнивецъ не оставлялъ ее ни на минуту.

Дѣло чуть было не дошло до дуэли.

О, это было страшное происшествіе!

Принцесса,—теперь ужъ „герцогиня“.

Нѣтъ, надо слышать моего друга, какъ онъ произноситъ это.

— „Герцогиня!“

Герцогиня ѣхала въ Болье, и герцогъ на платформѣ отошелъ отъ жены на нѣсколько шаговъ.

Конечно, мой другъ былъ около нея.

Поѣздъ какъ разъ подлеталъ.

Они стояли на самомъ краешкѣ платформы.

— Герцогиня, осторожно!—воскликнулъ мой другъ.— Не упадите подъ паровозъ!

Герцогиня кинула на него взглядъ, полный ужаса,— и въ это время мой другъ почувствовалъ жгучую боль въ пальцахъ лѣвой ноги.

Герцогъ наступилъ ему на ногу и,—до чего доводитъ ревность! — даже не извинившись, словно не замѣтилъ, сказалъ:

— Осторожнѣе, мой другъ. У меня вчера украли портмоне изъ кармана. Здѣсь много воровъ...

— Кровь бросилась мнѣ въ голову! — разсказываетъ мой другъ. — Но я увидалъ взглядъ, полный испуга, который устремила на меня принцесса...

Онъ не хотѣлъ называть ее „герцогиней“.

— ...Я понялъ этотъ взглядъ. Я сдержался. Я повернулся. Я уѣхалъ изъ Ниццы!

Такъ кончился этотъ романъ.

Мой другъ женатъ. Онъ женился на дочери своей прачки.

Вотъ чего я долго не могъ понять!

Но онъ часто мнѣ говоритъ тихо, почти на ухо, когда жена бываетъ въ духѣ:

— Смотрите, замѣчаете вы эту улыбку? Рѣшительно, въ ней есть что-то похожее на улыбку той.

И я понимаю, почему мой другъ женатъ на этой женщинѣ.

Къ сожалѣнію, она рѣдко даетъ ему возможность полюбоваться сходствомъ съ „тою“.

Жена моего друга рѣдко улыбается.

Главное ея занятіе—ругать мужа. И исторія съ принцессой особенно приводитъ ее въ неистовство.

Мой другъ имѣлъ печальную неосторожность разсказать ей эту деликатную исторію.

Когда жена моего друга приходить „въ ражъ“, она кричитъ на своего мужа:

— Я тебѣ не принцесса какая-нибудь досталась!

Съ принцессами только умѣешь шуры-муры строить!

И я думаю, что если бы этимъ двумъ женщинамъ пришлось когда-нибудь встрѣтиться,—это кончилось бы плохо для принцессы.

Къ счастью, онѣ никогда не встрѣтятся.

Нѣтъ, какія исторіи, однако, разыгрываются въ Ниццѣ! Исторіи, о которыхъ никто не подозрѣваетъ! О которыхъ не подозрѣваютъ даже сами принцессы Астурійскія!

Карнавалъ.

Цѣлый городъ дурачится.

По улицамъ маски, домино, пьерро, коломбины, арлекины.

Въ воздухѣ градъ бѣлыхъ алебастровыхъ конфетти.

На главной площади Massena, подъ шутовской тріумфальной аркой, колоссальная фигура Карнавала.

Добавьте къ этому тепло, весну, голубое небо, яркое солнце, пальмы, цвѣты.

Какой контрастъ послѣ кислаго Петербурга или нахмурившейся Москвы.

Карнавалъ не привился къ нашей жизни.

Еще Петръ хотѣлъ ввести веселье административнымъ порядкомъ.

— Съ такого-то по такое-то число быть всѣмъ веселымъ.

Но изъ всѣхъ реформъ эта не удалась больше другихъ.

Даже въ административномъ порядкѣ мы оказались народомъ невеселымъ.

Итакъ, надъ цѣлымъ городомъ — веселая власть Карнавала XXXI.

Не знаю, можетъ-быть, это потому, что нѣмцы наводнили Ривьеру. Но только и Карнавалъ онѣмечился.

Карнавалъ XXXI держитъ въ рукѣ бокалъ шампанскаго. Но лицо у него нѣмца, до краевъ налитаго пивомъ. Настоящіе швабскіе усы.

Карнавалъ представляетъ собой довольнаго, сытаго, раскормленнаго буржуя. Самодовольное, сіяющее самодовольствомъ, плоское пошлое лицо.

У него, прямо обожравшійся видъ.

Онъ глядитъ съ высоты, торжествующій, наглый.

— Вотъ по чьей дудкѣ вы нынче пляшете!

Арлекинъ, на которомъ онъ ѣдетъ верхомъ, превосходенъ.

Положительно, это произведеніе недюжиннаго художника.

Длинному, узкому лицу Арлекина онъ придалъ что-то дьявольское.

Арлекинъ смѣется зло, умно, презрительно и съ какой-то жалостью, прищуривъ умные глаза, смотритъ на бѣснующуюся, пляшущую, кувыркающуюся толпу.

При видѣ этой смѣющейся морды мнѣ вспомнился одинъ изъ сонетовъ Бутурлина:

> ...„Какъ ты жизнь и людей глубоко презиралъ,
> „Арлекино, мой другъ!"

Онъ смотритъ такъ на дурачащихся кругомъ, пестрой толпой заполнившихъ всю площадь людей, — словно видитъ сквозь маски.

Кругомъ вертлявые паяцы, бѣснующіяся коломбины, прыгающіе пьерро, а онъ видитъ петербургскихъ среднихъ лѣтъ чиновниковъ, англійскихъ мистриссъ съ лошадиными зубами и фабрикантовъ усовершенствованныхъ подтяжекъ.

Вотъ летятъ, пляшутъ подъ звуки „il grandira" изъ „Птичекъ пѣвчихъ", — два клоуна, паяцъ, какая-то рѣзвушка — домино.

Они замѣтили вертящагося на одной ногѣ пьерро.

Окружили.

Бѣлая пыль столбомъ.

Градъ confetti.

Пьерро завертѣлся, завизжалъ, какъ поросенокъ. Зацѣпилъ жестянымъ совочкомъ confetti, ловко запустилъ ихъ прямо въ ротъ хохочущему домино.

— Счастливыя дѣти юга, солнца, весны! — думаете вы.

Рѣзвушка-домино взвизгнуло:

— Schoking!

Но и съ ловкаго пьерро слетѣла маска.

Передъ вами красное жирное лицо съ напомаженными усами вверхъ. Словно двумя штопорами онъ хочетъ выколоть себѣ глаза.

Градъ confetti посыпался на него съ особой силой.

Кругомъ крики, хохотъ, визгъ.

Онъ закрылъ толстыми красными пальцами жирное, красное лицо:

— Ah! Meine Herren...

Арлекинъ смотритъ на него прищуренными глазами, со злой улыбкой на тонкихъ губахъ:

— Пари, что это фабрикантъ усовершенствованныхъ подтяжекъ?

Они являются сюда, чтобы играть „въ дѣтей".

Если вы вырветесь на минуту изъ этого вихря confetti и подниметесь передохнуть на балконъ casino, — видъ передъ вами необыкновенный.

Вмѣсто площади — разноцвѣтное, пестрое море, которое волнуется, кипитъ, шумитъ, реветъ.

Водоворотомъ кружатся синіе, желтые, красные, зеленые костюмы.

Среди этихъ водоворотовъ медленно движутся процессіи.

Вотъ на гигантскомъ омарѣ ѣдетъ madame Карнавалъ съ моноклемъ и наглымъ взглядомъ кокотки.

Взвился въ воздухъ колоссальный оселъ, и двое колоссальныхъ крестьянъ съ глупѣйшими, испуганными лицами безпомощно машутъ въ воздухѣ руками.

Проѣзжаетъ колоссальная римская тріумфальная арка. Курятся жертвенники передъ статуями боговъ. Жрецы, матроны, сами статуи боговъ на пьедесталѣ пляшутъ канканъ.

Качается на огромныхъ качеляхъ колоссъ-Гулливеръ съ лиллипутами дѣтьми.

Лиллипуты его все перевѣшиваютъ.

Гулливеръ рыжій.

— Вотъ англичанинъ и буры! — кричитъ кто-то.

Между кулаками съ огромными головами драка.

Карикатурный полицейскій заглянулъ въ несгораемый шкапъ.

Въ шкапу оказался „lapin“.

Тереза Эмберъ налетѣла на полицейскаго, ударила его по затылку:

— Не любопытствуй!

И между огромнымъ Фредерикомъ Эмберъ, цѣлой Эйфелевой башней — Евой Эмберъ, Терезой и партіей колоссовъ-полицейскихъ затѣвается драка.

— Браво, Тереза! — кричатъ кругомъ.

— Положительно она пріобрѣтаетъ всеобщія симпатіи.

Полицейскіе смяты, подхватываютъ товарища, у котораго болтаются руки и ноги, и отступаютъ.

Тереза захлопываетъ несгораемый шкапъ и побѣдоносно командуетъ:

— Впередъ!

Жестъ такой, словно:

— Правда въ ходу, и ничто не можетъ ее остановить!

Ураганъ восторженныхъ криковъ. „Семья“ засыпана confetti.

А кругомъ пляшетъ, крутится, вертится въ дыму бѣлой пыли, вихрѣ confetti пестрая, разноцвѣтная толпа, но все это иностранцы, въ лучшемъ случаѣ, парижскіе буржуа, играющіе „въ дѣтей“.

Сами „дѣти юга“, — Ницца, — стоятъ въ сторонѣ отъ всего этого празднества, хмуро, мрачно и озлобленно.

Франція становится плохимъ мѣстомъ для веселья. Ницца — въ особенности.

Съ каждымъ годомъ наплывъ иностранцевъ, ѣдущихъ во Францію повеселиться, все растетъ и растетъ. Въ Европѣ нѣтъ приказчика, который не мечталъ бы побывать въ Парижѣ.

Это цѣлый потокъ „маленькихъ буржуйчиковъ“, въ которомъ тонетъ Франція.

А изъ десяти иностранцевъ, ѣдущихъ во Францію, если не восемь, то девять имѣютъ главнымъ образомъ въ виду ознакомиться съ „легкостью тамошнихъ нравовъ“.

Спросъ на „дешевые сорта кокотокъ“, какъ дѣловито говорятъ французы, возросъ чрезвычайно.

Трудно представить себѣ, какое колоссальное число молодыхъ дѣвушекъ поглощаетъ ежегодно этотъ „спросъ“ со стороны иностранцевъ.

Дѣвицы, въ свою очередь, плодятъ сутенеровъ. А сутенеры безчинствуютъ, дерутся, устраиваютъ скандалы, избирая своими жертвами главнымъ образомъ иностранцевъ.

Такъ и идетъ все кругомъ.

Иностранцамъ приходится накалываться на шипы, срывая „бутоны“.

Въ Парижѣ хозяйки мастерскихъ и магазиновъ перестали жаловаться на развратъ среди мастерицъ и ученицъ.

Даже напротивъ.

Онѣ находятъ:

— Молодая дѣвушка, которая имѣетъ посторонніе заработки, украшаетъ магазинъ. Она лучше одѣвается, а за ужинами въ отдѣльныхъ кабинетахъ онѣ пріобрѣтаютъ шикъ и отпечатокъ элегантности. Онѣ пріучаются обращаться съ людьми.

Но Ницца, куда налетаетъ стая парижскихъ кокотокъ, стономъ стонетъ отъ этого нашествія.

Меня заинтересовалъ этотъ необыкновенный, небывалый, невиданный наплывъ сутенеровъ въ Ниццѣ.

Сутенеры — хозяева улицы.

Они ходятъ толпами. Они на каждомъ шагу.

И все самый юный народъ, почти мальчики, 15—16—17 лѣтъ.

Я пользовался ранними часами, когда мало покупателей, чтобъ зайти въ маленькій магазинъ, къ ремесленнику, что-нибудь купить и разговориться на интересовавшую меня тему.

Вся ремесленная Ницца волкомъ воетъ.

— Нѣтъ никакой возможности! Что дѣлаетъ съ нашимъ городомъ эта саранча! Вѣрите ли, нѣтъ возможности имѣть ученика, подмастерье! Они всѣ помѣшаны на томъ, чтобъ поступить на содержаніе къ какой-нибудь твари! Нѣтъ молодого мастерового, который не бѣжалъ бы въ сутенеры!

— Я перемѣнилъ трехъ подмастерьевъ въ теченіе мѣсяца!

— Я четырехъ!

— Я остался безъ учениковъ. Всѣ на улицѣ. Всѣ пошли въ сутенеры.

Добрые люди забываютъ только прибавить, при какихъ условіяхъ у нихъ живутъ и воспитываются эти ученики, такъ охотно мѣняющіе „честный кусокъ хлѣба" на позорную профессію.

Какъ бы то ни было, но сутенеры въ Ниццѣ—хозяева положенія.

Въ отеляхъ васъ предупреждаютъ:

— Вечеръ. Возьмите извозчика. Теперь не безопасно ходить одному.

— Итти вечеромъ съ дамой?! Да избави васъ Богъ!

И это по самымъ центральнымъ улицамъ.

Въ газетахъ только и читаешь:

— Банда какихъ-то молодыхъ бродягъ выбила глазъ прохожему такому-то.

— Въ полицію доставленъ раненый въ бокъ ножомъ. Онъ сказалъ, что получилъ ударъ въ ссорѣ съ такими же, какъ онъ, не имѣющими опредѣленной профессіи юношами.

На главной улицѣ Ниццы, на avenue de la Gare, вовсе не рѣдкость услыхать вечеромъ вопли, крики.

— Что случилось?

Толпа сутенеровъ бьетъ въ чемъ-то провинившуюся передъ ними несчастную кокотку.

И это на глазахъ у цѣлой толпы.

— Кому же охота съ ними связываться и получить ножъ въ бокъ?

Сутенеры положительно терроризируютъ публику.

Кражи и грабежи увеличились невѣроятно. И все это съ чисто сутенерскою наглостью.

Стали воровать даже въ первоклассныхъ отеляхъ, обыкновенно хорошо охраняемыхъ. То на-дняхъ у какой-то испанской маркизы стащили на 50,000 франковъ драгоцѣнностей и на 200 тысячъ франковъ цѣнныхъ бумагъ.

А то избили и ограбили въ 8 часовъ вечера на главномъ центральномъ бульварѣ какого-то иностранца.

Англичане и американцы подняли уже шумъ въ своихъ газетахъ.

„New-York Herald“, въ своемъ парижскомъ изданіи, и „Daily News“ напечатали статьи о томъ, что:

— Въ Ниццѣ становится невозможно жить!

Англичане и американцы! Самые „доходные гости“! Когда жалуются на что-нибудь англичане и американцы,— на ихъ жалобы нельзя не обратить вниманія. Сейчасъ начнутъ бойкотировать!

И ниццскія газеты, какъ онѣ ни распинаются за „нашъ прекрасный городъ“, принуждены были напечатать:

— Къ сожалѣнію, сообщенное приходится подтвердить... Конечно, наша полиція великолѣпна!.. Но качество не замѣняетъ количества... Полиціи у насъ оказывается мало...

Добавьте къ этому все увеличивающееся и увеличивающееся недовольство среди коренныхъ обитателей Ниццы.

— Чортъ возьми! Что же мы выигрываемъ отъ всего этого шума и гама, который поднимаютъ въ нашемъ городѣ? Пріѣзжаютъ изъ Парижа содержатели гостиницъ, модистки, изъ Лондона портные. Пріѣзжаетъ изъ Парижа прислуга, изъ Парижа мастера. Обираютъ всѣ деньги, какія тратятъ здѣсь иностранцы, и уѣзжаютъ домой. Намъ-то отъ этого что?

Не надо забывать, что мы находимся въ странѣ, гдѣ все цѣнится съ одной точки зрѣнія:

— Насколько это заставляетъ двигаться коммерцію?

Растетъ недовольство и иностранцами.

Особенно взбѣшено оно нѣмцами, появившимися въ необычайномъ количествѣ:

— Что жъ это за иностранецъ пошелъ? Развѣ мы къ такому иностранцу привыкли? Ѣдетъ во второмъ классѣ! Останавливается въ отелѣ второго разбора! Ѣстъ, пьетъ въ пансіонѣ! Все привозитъ съ собой! Ничего не заказываетъ! Ничего не покупаетъ! Развѣ прежде такіе иностранцы были?! Ни обѣдовъ не даютъ! Ни завтраковъ со знакомыми не устраиваютъ! Въ омнибусахъ ѣздятъ!

Одинъ парикмахеръ съ ужасомъ говорилъ мнѣ:

— Бреются сами!!!

Такъ что я долженъ былъ его умолять:

— Ради Бога! Вы меня зарѣжете отъ ужаса! Вѣдь я же бреюсь не самъ! За что?!

И это презрѣніе къ иностранцамъ „за плохое качество“ показывается на каждомъ шагу.

Презрѣніе лавочниковъ къ „плохимъ покупателямъ“.

Озлобленіе общее.

И озлобленіе самое сильное потому, что оно на экономической подкладкѣ.

Вотъ среди какой атмосферы приходится „веселиться“ иностранцамъ, пріѣзжающимъ сюда играть въ дѣтей“.

На первой же bataille des fleurs банды сутенеровъ, выстроившись рядами, накидывались на ѣхавшіе къ „мѣсту сраженія“ экипажи, обрывали съ нихъ цвѣты, ругали сидѣвшихъ въ колясках, вскакивали на подножки.

Произошло нѣсколько побоищъ.

Во время batailles des confetti сутенеры въ своихъ типичныхъ каскеткахъ шныряли среди масокъ и запускали прямо камнями.

И, наконецъ, на второй bataille des fleurs какой-то извозчикъ, въ отвѣтъ на случайно попавшій въ него букетикъ цвѣтовъ, запустилъ въ трибуны „ключомъ“, которымъ отвинчиваютъ гайки у колесъ.

„Ключъ“ попалъ въ какого-то мэра, пріѣхавшаго съ сѣвера Франціи на югъ повеселиться. И разбилъ мэру физіономію.

Извозчикъ, оказывается, былъ „вообще золъ“.

— Малы заработки. Дешево нанялся!

А букетъ фіалокъ, неловко брошенный веселымъ мэромъ, привелъ его въ полное экономическое остервенѣніе.

Что за проклятое время!

Нынче ни шагу безъ экономическихъ вопросовъ.

Съ экономическими вопросами приходится встрѣчаться даже на bataille des fleurs.

Вы кидаете букетъ фіалокъ, а вамъ въ отвѣтъ летитъ „экономическій вопросъ".

И бѣдный мэръ съ разбитымъ экономическимъ ключомъ лицомъ долженъ былъ думать:

— А экономическое положеніе, чортъ возьми, вовсе не такъ блестяще, какъ объявляется объ этомъ съ министерской скамьи! Въ воздухѣ стали летать ключи.

И вотъ это веселье иностранцевъ среди озлобленнаго города кончилось.

На площади префектуры вспыхнули костры бенгальскаго огня. Загремѣла артиллерія. Съ трескомъ лопнули въ воздухѣ сотни ракетъ, — пологъ изъ разноцвѣтныхъ искръ нависъ надъ площадью. Тысячи римскихъ свѣчей осыпали фигуру Карнавала XXXI.

„Веселый властитель" вспыхнулъ огромнымъ костромъ.

Маски, домино, паяцы, коломбины, схватившись за руки, въ послѣдній разъ съ криками, съ пѣснями закружились вокругъ пылавшаго Карнавала.

И, право, было что-то даже грустное, меланхолическое въ этой традиціонной церемоніи сожженія Карнавала.

Карнавалъ умиралъ съ тѣмъ же самодовольнымъ лицомъ.

А изъ столба пламени долго-долго еще смотрѣлъ на бѣснующуюся толпу съ презрительной улыбкой на тонкихъ губахъ Арлекинъ.

Но пламя лизнуло и его по мордѣ и стерло улыбку.

Карнавалъ былъ конченъ.

День въ Монте-Карло.

Зима, похожая на наше лѣто, кончилась.

Едва-едва начинается весна.

Подъ моими окнами садъ, — цѣлая роща апельсиновыхъ деревьевъ.

Сегодня ночью прошелъ обильный теплый лѣтній ливень.

Утромъ я открылъ окно и отшатнулся.

Волна аромата, влетѣвшая въ окно, сшибла меня съ ногъ, какъ на морскихъ купаньяхъ весело сшибаетъ съ ногъ большая набѣжавшая волна.

И меня охватило восторгомъ. Я почувствовалъ, какъ мое сердце расцвѣло и наполнилось жизнью, весельемъ, любовью. Ко всему!

Если бъ земной шаръ былъ полметра въ діаметрѣ, я прижалъ бы его къ моей груди. Горячо и страстно, какъ безумно любимую женщину.

Если бъ человѣчество могло воплотиться въ одномъ лицѣ, я упалъ бы передъ нимъ на колѣни и цѣловалъ его руки.

— Я люблю тебя! Я люблю тебя!

Что случилось?

За ночь расцвѣла апельсиновая роща.

Только и всего!

И ароматъ, ароматъ весны, лучшій изъ ароматовъ въ мірѣ, наполнилъ мою комнату, душу и сердце.

Я иду гулять.

Вверху прозрачное голубое небо. Внизу лазурное прозрачное море.

Горы скидываютъ ночную туманную пелену, рѣзче и рѣзче вырѣзываются на безоблачномъ небѣ.

Цвѣты на горахъ только еще начинаютъ цвѣсти и кажется, что по морщинамъ горъ легли легкія бѣлыя, розовыя, голубыя тѣни.

А солнце все затопляетъ золотомъ своихъ лучей.

Какъ прекрасенъ Божій міръ!

Боже! Благослови богатыхъ и бѣдныхъ!

Но растопленное золото солнечныхъ лучей становится все жгучѣй и жгучѣй. Да и время.

Я иду завтракать въ Café de Paris.

Кругомъ только и слышно, что русская рѣчь.

Прежде бывало столько только англичанъ.

Русскихъ за послѣдніе два года ужасно много шатается по Ривьерѣ.

— Они нагрянули, когда исчезли англичане, пораженные національнымъ горемъ,— этой войной!— съ глубокой печалью по англичанамъ сообщилъ мнѣ французъ, хозяинъ гостиницы.

Можетъ-быть, потому, что англичане смущали ихъ своей чопорностью и требованіемъ во что бы то ни стало приличій.

Безъ англичанъ легче!

Мы не любимъ англичанъ.

Можетъ-быть, тутъ играло роль самолюбіе русскихъ?

Мы привыкли во всемъ остальномъ итти въ хвостѣ у остальныхъ, но мы привыкли быть „первыми гостями“.

Это наше національное самолюбіе.

А когда есть англичане, — „первые гости“ они. Потому что они богаче.

Можетъ-быть, поэтому и нахлынули на Ривьеру русскіе, когда отхлынули англичане?

Не знаю.

Но нѣтъ ничего забавнѣе, какъ завтракать, когда кругомъ сидятъ русскіе.

— Закуски?— спрашиваетъ метръ д'отель у богатаго москвича.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Никакихъ закусокъ!—съ испугомъ восклицаетъ москвичъ.

— Устрицъ?

— П-пожалуй!

— Затѣмъ?

— Д-дайте мнѣ... д-дайте мнѣ... Дайте мнѣ хорошій бифштексъ!

Это дешевле.

— Фруктовъ? Свѣжая земляника!

— О, нѣтъ, нѣтъ!

— Сыру?

— Non plus!

Онъ съ ужасомъ восклицаетъ это, словно ему предлагаютъ подать живую очковую змѣю.

Забавный народъ русскіе за границей!

Они почему-то рѣшаютъ, что „здѣсь франкъ—рубль", и готовы отказать себѣ во всемъ, чтобъ съэкономить 2 франка. 75 копеекъ!

Завтракъ конченъ, и компатріотъ съ ужасомъ видитъ, что счетъ все-таки выросъ до 14 франковъ!

По лицу видно, что онъ дѣлаетъ въ умѣ умноженіе. И успокоивается:

— 5 руб. 25 коп.

За эти деньги въ Москвѣ „не повернешься" въ ресторанѣ.

Я иду въ казино.

Странное чувство.

Словно послѣ ходьбы по зеленой шелковистой муравѣ вы вдругъ вступили въ грязь по щиколотку.

Словно днемъ идешь къ Омону.

Нѣтъ ничего ужаснѣе такого лупанара днемъ, при яркомъ свѣтѣ правдивыхъ лучей солнца.

Ѣздили вы когда-нибудь днемъ въ загородный ресторанъ?

Все, что вечеромъ горитъ, блеститъ, сверкаетъ въ лучахъ искусственнаго свѣта, при свѣтѣ дня кажется тусклымъ, мерзкимъ, покрытымъ грязью.

Противно дотронуться.

Съ отвращеніемъ глядишь кругомъ и мерзокъ самому себѣ.

Вокругъ столовъ съ утра до ночи толпа.

И хоть бы дѣйствительно страшно возбужденныя „лица", какъ описываютъ фантазеры-туристы.

Ничего подобнаго!

Просто вспотѣвшія физіономіи.

На лицахъ скука и тоска:

— Поставилъ на 14,— вышло 13. Поставилъ на 13— вышло 14. Ставилъ на черное, — выходило красное. Поставилъ на красное, — стало выходить черное. Чортъ знаетъ, какъ глупо, утомительно и скучно!

Особенно противны мнѣ старухи, безвыходно проводящія здѣсь день за днемъ, годъ за годомъ,— пока къ нимъ медленно приближается смерть.

Кашляющія, харкающія въ платки.

Дрожащими руками разсовывающія пятифранковики на номера, на дюжины, на четъ, нечетъ, на красное, на черное.

За плечами каждой стоитъ уже смерть.

На кой шутъ имъ это?

Какая мерзкая старость!

И мнѣ кажется, какъ Раскольникову, что задушить одну изъ этихъ старыхъ гадинъ—раздавить насѣкомое,— не болѣе. Не можетъ быть даже угрызеній совѣсти.

Мнѣ ужасно хочется хватить кулакомъ по головѣ одну изъ этихъ мерзкихъ старухъ.

Просто изъ удовольствія посмотрѣть, какъ она будетъ корчиться на полу, кончаться и расползаться, какъ расползается студень, когда его внесли въ теплую комнату.

Должно-быть, это ужасно мерзко!

— Гдѣ же, однако, моя любовь ко всему міру, которая охватила меня сегодня утромъ?

Почему сейчасъ ничего, кромѣ злобы и ненависти, нѣтъ въ моемъ сердцѣ?

Господи! Господи! Неужели можно любить людей, только не видя ихъ? И одного соприкосновенія съ людьми достаточно, чтобъ все это замѣнилось ненавистью и злобой?

Поѣду въ такомъ случаѣ любоваться природой.

Я ѣду на лошадяхъ въ Ниццу и обратно, любуясь вновь небомъ, моремъ и сказочной прелести горами.

И снова любовь ко всему, что живетъ и дышитъ, просыпается въ моемъ сердцѣ.

Послѣднюю часть пути до Монте-Карло я дѣлаю уже при лунѣ, когда, облитыя таинственнымъ голубымъ свѣтомъ, громады горъ встаютъ какъ сказка, а съ виллъ, какъ привѣтъ, несется ароматъ расцвѣтающихъ ночью цвѣтовъ.

Я возвращаюсь поздно, къ обѣду—и иду обѣдать въ hôtel de Paris, на веранду, чтобы посмотрѣть „самое блестящее, что есть въ природѣ“.

Рядомъ со мной la belle. О...., постарѣвшая, подурнѣвшая, реставрированная насколько возможно.

„La belle“—звучитъ только, какъ старая фирма.

И скоро будутъ говорить:

— Бывшая „la belle“.

Съ ней русскій.

Молодой человѣкъ, лѣтъ 35, съ лысиной во всю голову. Si jeune et si biendecorè!

Лакеи передъ ними сгибаются въ три погибели. Имъ подаютъ только все самое дорогое, что есть.

Ему невыносимо скучно съ ней. Ей нестерпимо скучно съ нимъ.

За весь обѣдъ они перебросились только двумя фразами.

Она его за что-то ругнула.

Онъ что-то пробурчалъ невнятное.

Монте-карловскія сплетни разсказываютъ, что „la belle" его разоряетъ, что онъ кругомъ въ долгу, что телеграммы въ Россію срочныя летятъ каждый день и начали ужъ оставаться безъ отвѣта.

Слышали, какъ онъ однажды говорилъ пріятелю:

— Ты понимаешь, я ее ненавижу! Она мнѣ мерзка. Но...

Но какъ же онъ, русскій, спасуетъ передъ какой-то тамъ французской кокоткой?

Какъ онъ покажетъ, что она ему „не подъ силу", не по средствамъ?

Что бъ сказали про русскаго?

Какъ много у насъ національнаго самолюбія въ смѣшномъ.

Мнѣ вспоминается сцена съ „la belle", сцена, которую я видѣлъ здѣсь же, въ Монте-Карло, въ этомъ же самомъ ресторанѣ, на этой же самой террасѣ.

„La belle" была съ американцемъ.

Они завтракали и обѣдали всегда втроемъ: американецъ, спокойный, сухой и холодный, она и ея „другъ сердца", какой-то бравый испанецъ.

Лакей подавалъ блюдо всегда сначала ей, потомъ несъ американцу.

— Нѣтъ! Нѣтъ! — останавливала его „la belle". — Подайте ему! — и указывала на „друга-испанца".

Американецъ относился къ этому, какъ будто его не касалось.

Однажды, во время завтрака, явился приказчикъ отъ ювелира со счетомъ.

„La belle“ взглянула на счетъ и указала приказчику на американца:

— Ему!

Американецъ такъ же спокойно, сухо, холодно, какъ всегда, всталъ и сказалъ:

— Нѣтъ! „Подайте ему“!

Указалъ на испанскаго друга сердца и вышелъ.

Все кругомъ разразилось хохотомъ, а „la belle“ чуть не хватилъ ударъ.

Послѣ обѣда сраженье въ казино разгорается съ новой силой, и публика истекаетъ золотомъ.

Меня интересуютъ спеціально русскіе.

Рѣшительно мы самые плохіе игроки въ мірѣ.

Выигравшій русскій—такая же рѣдкость, какъ бѣлый слонъ.

Здѣсь гремитъ имя одного одессита, выигрывавшаго помногу. Но этотъ одесситъ—грекъ.

Въ Парижѣ есть одинъ русскій докторъ, когда-то выигравшій здѣсь 2.000,000 франковъ. Но этотъ русскій докторъ—армянинъ.

Такіе случаи, какъ въ этомъ сезонѣ, что одинъ петербуржецъ выигралъ 300,000 франковъ, наперечетъ и рѣдкость.

Намъ не хватаетъ ни выдержки нѣмца ни смѣлости „очертя голову“ американца, чтобъ пускаться въ азартныя предпріятія.

Берлинскій Блейхредеръ пріѣхалъ на-дняхъ, повелъ игру со смѣлостью, которую можетъ позволить себѣ только банкиръ, но, выигравъ въ одинъ вечеръ 275,000 франковъ, сказалъ:

— Баста!

И уѣхалъ.

Американцы—лучшіе игроки въ мірѣ.

Человѣкъ рѣшаетъ:

— Такая-то сумма на проигрышъ!

Набиваетъ карманы золотомъ и билетами и ставитъ пригоршнями, вѣря въ слѣпое счастье, насилуя его.

Счастье существуетъ для храбрыхъ.

И американцы менѣе всего могутъ пожаловаться на Монте-Карло.

Тогда какъ русскій игрокъ! Посмотрите „рядъ волшебныхъ измѣненій милаго лица“, пока компатріотъ нерѣшительно протягиваетъ руку.

— Ставить, не ставить? Удвоить кушъ, не удвоивать?

Когда начинаетъ везти счастье,—онъ пугается и въ испугѣ спѣшитъ сократить ставки.

— Не все же будешь везти! Не можетъ этого быть, чтобъ повезло!

Зато неудача заставляетъ его моментально терять голову. Онъ начинаетъ увеличивать ставки, чтобъ „отыграться“, и проигрывается дотла.

Говорятъ, нигдѣ такъ не узнаются характеры, какъ за игрой.

Боязнь счастья.

Неужели это наша національная особенность характера.

Неужели мы такъ привыкли къ несчастью, что пробleскъ счастья насъ пугаетъ. Какъ что-то „не для насъ“?

Игра и наблюденія надоѣли, и я иду пока въ читальню.

Всѣ газеты заняты, кромѣ единственной русской.

Зато въ Монте-Карло въ кіоскахъ вы можете найти газеты всего міра, почти нѣтъ только русскихъ.

— Почему?

— Русскіе не спрашиваютъ своихъ газетъ! — отвѣчаютъ продавщицы.

Англичанинъ дня не можетъ прожить безъ своей газеты. Нѣмецъ, французъ. Только русскіе...

Почему?

Неужели, переѣзжая черезъ границу, мы перестаемъ интересоваться нашей родиной.

Что мы за странный, что мы за странный народъ! Или, по нашему мнѣнію, въ нашихъ газетахъ нечего читать?!

Бьетъ одиннадцать, и игра внизу кончена.

Толпа шумная, нарядная валитъ изъ казино. Проигравшаяся, — но что жъ это значитъ? Передъ каждымъ зато близко, около, почти по лицу задѣлъ, мелькнулъ рукавъ одежды богини счастья.

А развѣ видѣть вблизи счастье—не составляетъ уже счастье?

Чтобъ кончить вечеръ, надо попозднѣе отправиться въ „La Festa".

„Максимъ" Монте-Карло. Ночной ресторанъ, куда собирается все, что кутитъ.

Какая милая встрѣча!

Тотъ самый москвичъ, который давеча за завтракомъ отказывалъ себѣ въ кускѣ сыра:

— Потому что это можетъ стоить лишнихъ два франка.

Теперь его окружаютъ шесть кокотокъ, зовутъ „mon coucon", и „coucon" таетъ.

— Но ты долженъ быть любезенъ, mon coucon. Спроси еще бутылку шампанскаго.

— Гарсонъ! Двѣ бутылки... три... сразу полдюжины!

Онъ не думаетъ уже, сколько лишнихъ франковъ это будетъ стоить.

Развѣ можно!

Онъ теперь „boyard russe", лакеи зовутъ его „prince", кокотки лепечутъ:

— Русскіе всегда такъ любезны!

И онъ долженъ „показать":

— Что такое русскій!

Какъ много у него выходитъ на „внѣшнюю политику“. Придется наверстывать это на „продовольственномъ вопросѣ!“

Однако, поздно. Зашла луна. Ночь, темная, тихая и теплая, закрыла и одѣла все.

Я спускаюсь по спящимъ улицамъ Монте-Карло, и изъ-за рѣшетокъ садовъ ароматомъ дышатъ расцвѣтающіе цвѣтники.

День конченъ. Бездѣльный и безполезный. Вычеркнутъ изъ жизни. Я могъ бы считать его совсѣмъ потеряннымъ, если бы одна мысль не пришла мнѣ въ голову за этотъ день:

— Неужели вся наша „ширь“, которой мы такъ гордимся, можетъ проявляться только тамъ, гдѣ не нужно?

Если каждый день будетъ приходить въ голову по хорошей мысли,—можно умереть умнымъ человѣкомъ.

Въ Монте-Карло.

(Пасхальный разсказъ).

„Ежегодно въ Монте-Карло бываетъ 400 самоубійствъ“.

Изъ сообщенія, сдѣланнаго во французской палатѣ депутатовъ въ 1883 г.

„По расчету на каждый изъ столовъ рулетки приходится въ недѣлю по одному самоубійству“.

Изъ одной рѣчи въ томъ же засѣданіи.

„Администрація игорнаго дома должна прежде всего принимать всѣ мѣры и не останавливаться ни предъ какими жертвами, только бы свѣдѣнія о самоубійствахъ не доходили до публики“.

Изъ инструкціи Блана, основателя игорнаго дома въ Монте-Карло.

Стояла лунная, весенняя ночь, теплая и благоухающая.

Снизу доносились тихіе, какъ вздохи, всплески моря о скалу. Изъ-за казино неслись звуки цыганскаго оркестра. Скрипки плакали, рыдали, тосковали и жаловались на что-то. Тамъ, за казино, все было залито электричествомъ, было шумно, весело, была толпа. Здѣсь, на площадкѣ надъ скалой, Василій Петровичъ былъ одинъ.

Море было залито луннымъ свѣтомъ. Тамъ и сямъ бѣлѣли паруса, горѣли огоньки яхтъ и пароходовъ. Лунный столбъ дрожалъ и сверкалъ на водѣ, тихой и спокойной. По горамъ свѣтились огоньки виллъ. Гдѣ-то

далеко на виллѣ пускали фейерверки. Извивались ракеты, разсыпались разноцвѣтными искрами и гасли въ темно-синемъ небѣ.

Василій Петровичъ смотрѣлъ въ эту глубь, въ эту даль, и въ этой глубинѣ, въ этой дали онъ видѣлъ совсѣмъ другую картину.

Свѣжая весенняя ночь, холодная, съ легкимъ морозцемъ. Черная, мокрая степь и несущійся надъ нею въ полночь звукъ колокола, протяжный и торжественный. Церковь, освѣщенная плошками. Толпа со свѣчами въ рукахъ. Хоругви и образа, горящіе золотомъ. Голосъ стараго священника, дрожащій и взволнованный, поющій „въ первый разъ“:

— Христосъ воскресе...

И радостныя, взволнованныя лица кругомъ.

Какъ это хорошо!

И Василія Петровича охватило отвращеніе, охватила ненависть къ этому Монте-Карло, къ заламъ игорнаго дворца, къ нарядной толпѣ, отъ которой пахнетъ надушеннымъ тѣломъ, — къ оранжерейному воздуху и оранжерейному теплу Монте-Карло, ко всей этой пышной природѣ.

Залы, картины, позолота, мраморъ, бронза. Словно женщина, разодѣвшаяся на продажу, у которой всякая пряжка кричитъ: „смотри, какъ это дорого! Дайте мнѣ побольше!“

Пальмы, которыя окапываютъ ежедневно по утрамъ, чтобъ онѣ не засохли, рѣдкіе цвѣты, которые закрываютъ на ночь парусинными наметами, чтобъ они не замерзли. Всѣ эти фальшивыя, накладныя прелести Монте-Карло.

— Словно притертая, примазанная кокотка! Если бъ можно было въ одну минуту перенестись туда, въ мокрыя, черныя степи, гдѣ все свое, все настоящее. Подъ нѣжною ласкою мягкаго, весенняго солнца онѣ загорятся

изумруднымъ огнемъ, какъ заливаются яркимъ румянцемъ щеки молодой, свѣжей, здоровой дѣвушки.

Какъ хорошо тамъ! И при мысли объ этой далекой странѣ, объ этой тихой и спокойной природѣ, которая послѣ долгаго сна медленно, нѣжно раскрываетъ свои чары, свои красоты,—сердце сжалось у Василія Петровича тоскою и любовью.

Полчаса тому назадъ онъ почувствовалъ въ сердцѣ эту тоску. Почувствовалъ вдругъ. Онъ стоялъ около стола рулетки и думалъ, на что поставить пять тысячъ франковъ,—на rouge или на noire.

Rouge вышло только два раза, но, можетъ-быть, это и начинается полоса?

Одинъ изъ стоявшихъ сзади него русскихъ сказалъ другому:

— А вѣдь у насъ сегодня въ Россіи Пасха!

— Ставь на zéro, я чувствую, что выйдетъ zéro! — отвѣчалъ тотъ.

И Василій Петровичъ вдругъ остановился:

— А вѣдь на самомъ дѣлѣ у насъ сегодня Пасха.

И ему показалось это такъ странно. Есть далекая страна, гдѣ онъ „свой“. Тамъ смѣняются свои радости, свое горе, которыя были когда-то и его радостями, его горемъ.

Когда?

О Господи! Какъ далеко все это! Какъ давно все это было!

Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ?

Неужели всего... мѣсяцъ?

Онъ входилъ сюда въ этотъ, полный стукомъ серебра и золота, игорный дворецъ съ мыслью, „шутя“ выиграть на ужинъ тысячу франковъ.

— Или проиграю тысячу! 375 рублей!

Неужели это было только мѣсяцъ тому назадъ?

И какъ это случилось?

Сначала онъ много что-то выигрывалъ. И онъ вдругъ почувствовалъ то, чего не чувствовалъ никогда, чего никогда не зналъ, не подозрѣвалъ за собой, — жадность!

Бѣшеную, безумную жадность!

— Поставить вотъ это, вотъ это, вотъ это,—сейчасъ все удвоится!

И онъ говорилъ себѣ:

— Надо быть разсудительнымъ. Вѣдь это же не мои деньги, это выигранныя! Вѣдь я не своими деньгами рискую, а чужими! Конечно, ставить. Или удвоить или ну ихъ къ чорту!

И онъ кидалъ бумажки и золото тогда, когда крупье кричалъ:

— Rien'n'v'plus!

О, дьявольщина! Лопаточка то пододвигала новыя кучки золотыхъ, то протягивалась и быстро загребала все.

И Василію Петровичу становилось вдругъ ужасно жаль этихъ проигранныхъ „чужихъ“ денегъ. Онѣ ужъ побывали у него, онѣ ужъ были „его деньгами“! Хотѣлось ихъ отыграть назадъ.

Потомъ началось:

— Хоть бы вернуть свои деньги!

Потомъ:

— Хоть бы половину своихъ!

Потомъ... Потомъ ужъ нечего... Когда кончался день, когда начиналась ночь? Когда онъ просыпался? Когда спалъ?

Мѣсяцъ... Нѣтъ, не мѣсяцъ... Вѣчность стука золота. Вѣчность, въ которой звучало только:

— Messieurs, faites v'jeu... Rien n'v'plus... Treize... Rien n'v'plus...

Едва Василій Петровичъ заводилъ глаза, передъ нимъ вертѣлась рулетка, голосъ кричалъ:

— Faites v'jeu... Rien n'v'plus... Quatre... Faites v'jeu, messieurs... Rien n'v'plus... Dix neuf... Faites v'jeu...

Просыпаясь, въ полуснѣ, онъ старался запомнить номеръ.

И засыпалъ шепча про себя:

— 14... 15... 16...

Утромъ, наскоро проглоченный стаканъ чаю,—и снова игорный залъ, стукъ золота:

— Messieurs, faites v'jeu... rien n'v'plus... huit... Messieurs, faites v'jeu...

Словно во снѣ.

И это цѣлый день.

Завтраки, обѣды наскоро, то вынешь носовой платокъ, лакей кидается поднимать вамъ упавшій скомканный тысячефранковый билетъ, — во всѣхъ карманахъ скомканныя бумажки, то послѣдняя пятидесятифранковая бумажонка въ кошелькѣ.

И такъ каждый день. Съ перерывами, чтобъ сбѣгать въ банкъ.

А въ банкъ приходилось бѣгать все чаще и чаще. Служащій въ банкѣ, необыкновенно прилизанный молодой человѣкъ, въ необыкновенно высокомъ воротничкѣ и безукоризненной синенькой парочкѣ, особенно раздражалъ Василія Петровича.

— Мерзавецъ!

Необыкновенно прилизанный молодой человѣкъ отличался невѣроятной любезностью.

Онъ повторялъ на все:

— Mais oui... mais oui... parfaitement...

Безстрастно и съ противной любезностью выполнялъ все, что ему приказывали. Онъ производилъ впечатлѣніе какого-то скопца въ гаремѣ.

Человѣкъ, готовый перевести хоть весь свѣтъ на другую планету, только бы ему дали на это надлежащій чекъ.

— Не подлецъ?—бѣсился Василій Петровичъ.—Этакій банковскій крупье! Каналья! Вѣдь небось триста франковъ въ мѣсяцъ получаетъ,—переводитъ, выдаетъ человѣку чуть не каждый день сотни тысячъ, хоть бы взглянулъ: „на что, молъ, тебѣ такая уйма денегъ?"

Ничего! Машина, подлецъ!

А тотъ, знай себѣ сновалъ, какъ челнокъ у ткацкаго станка, и повторялъ:

— Mais oui... mais oui... parfaitement...

Вѣдь знаетъ, подлецъ, что продуваюсь. Знаетъ, понимаетъ,—и ничего. Никакого вниманія! Взгляда человѣческаго не броситъ. Чисто служащій въ бюро похоронныхъ процессій! Факельщикъ, подлецъ!

И Василій Петровичъ уходилъ злой, разсвирѣпѣвшій на „подлеца", и сердце у него мучительно-мучительно сжималось:

— И такъ никому до тебя нѣтъ дѣла... Никому...

И снова игорный залъ, снова:

— Messieurs, faites v'jeu... Rien n'v'plus... trente-cinq... Messieurs faites v'jeu..

Съ перспективой снова итти въ банкъ и слушать:

— Mais oui... mais oui... parfaitement...

— Ну, и жизнь! — злобно улыбался надъ самимъ собой Василій Петровичъ.

Иногда онъ бросалъ:

— Ну его къ чорту! Прерву! Идетъ дурная полоса!

Онъ шелъ на вокзалъ, бралъ билетъ въ Ниццу, ѣхалъ и думалъ:

„А можетъ-быть, теперь-то какъ разъ, именно въ эту минуту, счастье ко мнѣ и повернулось! Именно сейчасъ...

Онъ не выдерживалъ, выскакивалъ по дорогѣ, гдѣ-нибудь въ Beaulieu, въ la Turbie, садился въ обратный поѣздъ и летѣлъ назадъ, въ игорный залъ, полный дрожи:

— Быть-можетъ, именно сейчасъ, сію минуту, я выигралъ бы...

Онъ ловилъ себя съ ужасомъ:

— Господи! Что же я дѣлаю! Я мечусь. А это самое вѣрное, чтобы проиграть! Нужно спокойствіе! Спокойствіе, чортъ возьми!

Но сейчасъ же говорилъ себѣ:

— А чортъ! Какое тамъ спокойствіе! Счастье — и больше ничего!

И такъ до 11 вечера.

А съ одиннадцати игра наверху, въ cercle privé.

Одни мужчины безъ дамъ. Разрѣшается курить. Крупная игра.

Фраки, смокинги. Всѣ trés distingués. Лица красныя, какъ піонъ, бѣлыя, какъ мѣлъ, лица съ красными и бѣлыми пятнами.

Накурено. Свинцовая, тяжелая атмосфера.

— Messieurs, faites v'jeu... Rien n'v'plus... vingt six... Messieurs faites v'jeu...

И выходъ оттуда въ 5 часовъ утра, въ сѣрыхъ сумеркахъ разсвѣта.

— Словно фабрика!

Нѣсколько дней тому назадъ Василій Петровичъ въ послѣдній разъ былъ въ банкѣ.

Взялъ сразу все, что оставалось:

— Чтобъ больше не видать подлеца!

Необыкновенно прилизанный „подлецъ" взялъ чекъ, свѣрился съ книгами:

— Parfaitement!

Сдѣлалъ все, что нужно, и съ такой же противной любезностью принялся за другое дѣло.

Зло душило Василія Петровича.

— Прощай... станокъ!—по-русски сказалъ онъ.

„Станокъ", думая, что съ нимъ прощаются, съ обычной любезностью, но не отрываясь отъ работы, откликнулся:

— Au plaisir de vous revoir, monsieur! Au plaisir!

— „Па-адлецъ!“ выругался еще разъ въ душѣ Василій Петровичъ. — Со сколькими онъ такъ прощался въ послѣдній разъ...

Спазмы схватывали горло.

— Хоть бы по башкѣ его треснуть, что ли!

И Василій Петровичъ покачалъ головой:

— Ну, и нервочки у меня! Однако!

Послѣднюю недѣлю ему не везло. „Гнусно не везло! Подло не везло! Издѣвательски не везло!“ какъ говорилъ онъ.

Онъ ставилъ на номеръ, ставилъ два раза, три, четыре:

— Да вѣдь долженъ же когда-нибудь выйти!

Онъ бѣсился, выходилъ изъ себя. „Нарочно“ ставилъ.

— Врешь, подлецъ!

Проигрывалъ разъ за разомъ, наконецъ, „остепенился“, — говорилъ себѣ:

— Счастья не изнасилуешь!

Переходилъ на другой номеръ,—выходилъ прежній.

Василій Петровичъ готовъ былъ кричать, драться. Кровь кидалась ему въ голову. И такъ каждый разъ.

Онъ кидался очертя голову, дѣлалъ ставки, — и все пропадало. И какъ назло, счастье вертѣлось все время около, около, около.

И вотъ, наконецъ, этотъ послѣдній, ужасный вечеръ.

Залы были набиты биткомъ. Католическая Пасха. Вездѣ вакаціи. Наканунѣ хлынулъ народъ изъ Парижа, Лондона, Брюсселя. Къ столамъ съ трудомъ можно было пробраться. Въ залахъ было трудно дышать. Жара, духота!

„Словно передъ грозой!“ думалъ Василій Петровичъ.

Деньги никогда такъ сильно не звенѣли, не стучали. Тамъ, здѣсь, тутъ, — вездѣ стукъ золота и серебряныхъ „лепешекъ“ — пятифранковиковъ.

Люди проигрывали, выигрывали, отдавали, брали.

Василію Петровичу во весь вечеръ ни одного удара.

Онъ метался отъ стола къ столу.

— Да вѣдь должно же гдѣ-нибудь быть мое счастье!— съ отчаяніемъ оглядывался онъ кругомъ. — Гдѣ-нибудь только пять минутъ!

Только пять минутъ, чтобы повезло.

Около одного стола какой-то молодой американецъ велъ отчаянную игру. Передъ нимъ лежали кучки бумажекъ, груда золота, и ему придвигали все еще и еще.

Американецъ казался пьянымъ, — отъ вина, быть-можетъ, отъ успѣха.

Онъ ставилъ максимумы, дѣлалъ совершенно сумасшедшія ставки, на него оглядывались съ интересомъ и недоумѣніемъ даже крупье.

Около американца стояла толпа и, затаивъ духъ, слѣдила за его игрой, какъ смотрятъ въ циркѣ на упражненія на трапеціи подъ самымъ потолкомъ и безъ предохранительной сѣтки.

Но американецъ „на воздухѣ“ чувствовалъ себя, какъ на землѣ.

Онъ ставилъ и выигрывалъ.

За нимъ рисковали ставить гроши и другіе, — и съ восклицаніями радости, изумленія получали изъ банка.

— Не везетъ самому, попробую на чужое! — сказалъ себѣ Василій Петровичъ.

— Rien'n v'plus...

Онъ кинулъ maximum на ставку американца.

— А-а-а! — пронеслось въ толпѣ.

Американецъ проигралъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ сѣлъ.

Василій Петровичъ далъ американцу снова поставить и снова поставилъ на его номеръ.

Снова возгласъ разочарованія пронесся въ толпѣ.

Американецъ снова проигралъ.

Василій Петровичъ снова дождался ставки.

Снова проиграно.

Толпа начала рѣдѣть.

— Американецъ проигрываетъ.

— Американецъ обернулся и кинулъ на Василія Петровича взглядъ, полный бѣшенства.

Василій Петровичъ покраснѣлъ и отошелъ.

Американецъ пробормоталъ вслѣдъ какое-то ругательство.

Около одного изъ столовъ стояла молодая, красивая, нарядно одѣтая дама, съ очень скромнымъ видомъ.

Она ставила по пяти франковъ то на rouge, то на noire.

Дама, видимо, рѣшила, во что бы то ни стало, выиграть себѣ на новую шляпку. И судьбѣ, видимо, было угодно, чтобъ у дамы была новая шляпка! Дама переходила удивительно удачно съ rouge на noire и обратно. Она шла нога въ ногу съ судьбой

Василій Петровичъ подошелъ, пригладѣлся и поставилъ пять тысячъ франковъ къ дамской серебряной лепешкѣ на rouge.

Дама оглянулась на него и улыбнулась, словно хотѣла сказать:

— Вотъ „мы" сейчасъ выиграемъ!

Вышло noire.

Дама обидѣлась и поставила на noire.

Василій Петровичъ поставилъ на noire.

Вышло rouge.

Дама осталась на rouge. Василій Петровичъ поставилъ пять тысячъ на rouge.

Вышло noire.

Дама взглянула на него съ ненавистью, съ звѣрствомъ! Василій Петровичъ даже отскочилъ.

„Что это? Я ужъ приношу несчастье другимъ?!" съ грустью, съ тоской, чуть не со слезами подумалъ онъ.

Стоило ему поиграть нѣсколько минутъ около стола, какъ сосѣдніе игроки сторонились отъ него, глядѣли злобно, испуганно сдвигали свои ставки съ номеровъ, на которые ставилъ онъ.

Эта огромная рулетка посреди длиннаго стола казалась ему гигантскимъ паукомъ, который во всѣ стороны протягивалъ свои длинныя тонкія лапы и таскалъ себѣ золото.

И весь залъ былъ полонъ этихъ пауковъ, высасывавшихъ кровь у черныхъ мухъ и пестрыхъ бабочекъ, которыя толпились около паутины, испещренной цифрами.

Василій Петровичъ, словно въ кошмарѣ, метался отъ одного паука къ другому, запутываясь въ паутинѣ этихъ цифръ.

И что-то давило, гнело его. Ему казалось, что кто-то сзади гонится за нимъ по пятамъ, караулитъ, ждетъ чего-то.

Онъ оглянулся.

Трое мужчинъ въ смокингахъ, словно съ чужого плеча, и съ лакейскими лицами, и дама, одѣтая только съ претензіями на шикъ, накрашенная, съ усталыми, скучающими глазами.

Никто изъ нихъ не игралъ. Но къ какому бы столу Василій Петровичъ ни подходилъ, онъ непремѣнно видѣлъ ихъ около себя.

Они переходили вмѣстѣ съ нимъ черезъ залъ, метались, бѣгали отъ стола къ столу и становились такъ около, словно каждую минуту хотѣли схватить его за руки. Дама въ особенности. Она держалась совсѣмъ ужъ вплотную его праваго плеча и, не отрываясь, слѣдила своими утомленными и скучающими глазами, когда онъ опускалъ руку въ карманъ.

И Василію Петровичу вдругъ стало тяжело, отвратительно.

— Уже?.. Неужели на самомъ дѣлѣ пора?.. Ужъ, значитъ, другіе находятъ, что мнѣ пора! Онъ употребилъ всѣ усилія и улыбнулся своей полиціи.

Тѣ словно не замѣтили, сохраняя невозмутимыя лица сфинксовъ или лакеевъ. Восклицаніе въ толпѣ: „А вѣдь у насъ, въ Россіи, сегодня Пасха!“—наполнило сердце Василія Петровича новой грустью, новой тяжестью, новой тоской.

„Пасха... Пасха“... думалъ онъ, хорошенько не замѣтивъ даже, на что кинулъ пять тысячныхъ билетовъ, видѣлъ только, что паукъ протянулъ длинную, тонкую лапку и потащилъ ихъ къ себѣ.

Василій Петровичъ отошелъ отъ стола. Накрашенная дама шагала съ правой стороны. Трое господъ въ смокингахъ не отставали ни на шагъ.

Василій Петровичъ прибавлялъ ходу,—прибавляли ходу и они. Онъ замедлялъ шаги,—они замедляли шаги.

„Словно готовы сейчасъ взять и понести... тѣло!“ подумалъ онъ съ отвращеніемъ. Въ карманѣ было нѣсколько золотыхъ. Они быстро растаяли.

Василій Петровичъ, все время подъ конвоемъ, пошелъ къ выходу.

— Нѣтъ, въ карманѣ была еще одна серебряная „лепешка“.

На ходу онъ подошелъ къ одному изъ столовъ и бросилъ. Монета покатилась по столу и упала на какой-то номеръ.

— 13?—спросилъ крупье у Василія Петровича.

— 14!—отвѣтилъ онъ.

— Тринадцать! — воскликнули выигравшій номеръ.

У Василія Петровича задрожали ноги. Невѣрной походкой вышелъ изъ зала, одѣлся и пошелъ въ паркъ.

Въ паркѣ не было ни души. Было тепло, хорошо. Послѣ духоты зала, крѣпкаго запаха духовъ и теплоты человѣческихъ тѣлъ здѣсь дышалось полной грудью.

Василій Петровичъ сѣлъ на скамью. Голова шла кругомъ у него.

Онъ чувствовалъ только одно счастливое и легкое:

— Одинъ... одинъ...

А по аллеямъ замелькали бѣлые панталоны. Шумя юбками, пробѣжала по аллеямъ, заглядывая на всѣ скамейки, женщина, увидѣла, наконецъ, Василія Петровича, сѣла рядомъ и, обдавая его запахомъ духовъ, испуганно спросила:

— Почему ты одинъ, mon coucou? Поди, угости меня ужиномъ!

Это была та же женщина, которая неотступно слѣдовала за нимъ въ залѣ.

Онъ всталъ и, ни слова не отвѣчая, ушелъ.

„Значитъ, дѣйствительно, пора! — со злобной и иронической улыбкой думалъ онъ. — Ни на шагъ не отпускаютъ человѣка безъ присмотра. Со стороны виднѣй! Всѣ ужъ видятъ, что пора человѣку стрѣляться“.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько туровъ, чтобы скрыться отъ своихъ „сторожей“, и пришелъ на площадку надъ скалой.

Онъ сидѣлъ здѣсь, счастливый, что его оставили одного, что хоть этихъ-то минутъ не отравятъ, — и черныя, мокрыя поля рисовались ему, — черныя, мокрыя поля, по которымъ несется благовѣстъ, медленный и торжественный...

Становилось холодно и сыро.

— Пора!

Василій Петровичъ всталъ и пошелъ домой.

— Ну, вотъ я и спокоенъ! Развѣ я не спокоенъ? Совсѣмъ спокоенъ! Давеча немножко нервы, — а теперь совершенно спокоенъ.

Онъ съ удовольствіемъ провѣрялъ себя. Да! Онъ совершенно спокойно подходилъ къ „мѣсту казни“ — къ своему отелю.

Все, чего онъ хотѣлъ бы, хотѣлъ бы страстно, глубоко въ эту минуту, — чтобы ему встрѣтился человѣкъ, хоть бродяга, хоть нищій, хоть въ рубищѣ и сказалъ бы ему:

— Христосъ воскресъ!

Чтобъ отвѣтить ему:

— Воистину воскресъ!

И поцѣловать съ восторгомъ лицо человѣка. Человѣка, а не машины! Не машины для уборки труповъ.

Онъ поднялся въ свой этажъ. Въ коридорѣ было полутемно. Въ уголкѣ сидѣлъ на стулѣ человѣкъ. Когда Василій Петровичъ проходилъ мимо, человѣкъ посмотрѣлъ на него подозрительно, словно хотѣлъ спросить взглядомъ:

— Застрѣлишься ты или не застрѣлишься? Скажи по чистой совѣсти.

— „Караулитъ! Машина!" — улыбнулся Василій Петровичъ въ душѣ, вошелъ въ свой номеръ и заперъ дверь на ключъ:

— Пусть подлецы поломаютъ!

Перемучившись, перестрадавши, переволновавшись, — онъ былъ теперь спокоенъ, равнодушенъ.

— Рѣшено, — и другого ничего не остается дѣлать!

Онъ спокойно досталъ револьверъ, хотѣлъ написать традиціонную записку:

— Прошу въ моей смерти...

Но съ улыбкой отбросилъ бумагу:

— Здѣсь не надо! Они привыкли и знаютъ, въ чемъ дѣло...

Василій Петровичъ посмотрѣлъ на часы:

— Безъ пяти два. У насъ, тамъ, теперь три. Пришли изъ церкви, разговляются. Ну-съ! Василій Петровичъ, поздравляю васъ съ праздникомъ и желаю вамъ хорошо попасть.

Онъ взялъ револьверъ.

Въ сосѣдней комнатѣ раздался какой-то трескъ, потомъ что-то грохнуло, потомъ стонъ...

Василій Петровичъ вскочилъ:

— Что это? Выстрѣлъ?

А въ его дверь уже ломились. Караульщикъ стучалъ обѣими руками.

Василій Петровичъ кинулся къ двери, отворилъ.

Караульщикъ, казалось, былъ потрясенъ:

— Не вы?

— Въ сосѣднемъ номерѣ! Въ сосѣднемъ номерѣ! По лѣстницѣ, по коридору, бѣжали въ туфляхъ, босикомъ, неодѣтые управляющіе, лакеи.

Принялись ломать замокъ.

Двери номеровъ открывались. Выглядывали испуганныя лица жильцовъ.

— Что случилось?

— Ничего! Идите къ себѣ! Спите! Ничего!

— Monsieur! — шикалъ одинъ изъ управляющихъ, стараясь втолкнуть Василія Петровича въ номеръ. — Именемъ закона требую, чтобы вы вошли въ свой номеръ! Именемъ закона.

Какая-то кокотка, жившая въ гостиницѣ, выбѣжала въ коридоръ, всплескивая руками:

— Ради Бога! Ради Бога! Что случилось?

Управляющій схватилъ ее за руки и швырнулъ въ дверь:

— Сиди въ своей комнатѣ, тварь!.. Monsieur, я еще разъ требую именемъ закона, чтобъ вы вошли къ себѣ! — шипѣлъ онъ.

Василій Петровичъ отстранилъ его такъ, что управляющій отлетѣлъ въ сторону:

— Не смѣйте дотрогиваться до меня руками.

— Monsieur, вы дѣлаете безпорядокъ въ отелѣ! Вы будете отвѣчать по закону!

Дверь взломали. Прислуга кинулась туда...

Василій Петровичъ успѣлъ только взглянуть. На полу лежалъ, закинувъ руки и ноги, трупъ.

Управляющіе и лакеи прямо вталкивали жильцовъ въ ихъ номера, требуя „именемъ закона“ не выходить.

И когда порядокъ былъ возстановленъ, по коридору послышался тяжелый топотъ людей, несшихъ что-то тяжелое.

И этотъ топотъ съ ужасомъ и дрожью слушали люди, стоявшіе въ одномъ бѣльѣ за закрытыми дверями.

Василій Петровичъ съ трудомъ очнулся, какъ послѣ кошмара.

Этотъ сосѣдъ, который застрѣлился какъ разъ въ ту минуту, когда „надо было“ застрѣлиться ему...

Эта шайка управляющихъ, лакеевъ, набѣжавшая, схватившая и уволокшая куда-то ночью трупъ. Этотъ караульщикъ, карауливш̌ій его смерть и подкараулившій смерть другого...

Словно зазвали, ограбили, убили человѣка и спрятали трупъ.

И это убійство видѣлъ, въ немъ участвовалъ онъ...

Василія Петровича охватилъ ужасъ.

Ему всѣ показались участниками убійства!

Администрація игорнаго дома, предупреждающая гостиницы по телефону:

— Слѣдите за такимъ-то. Сегодня долженъ застрѣлиться. Мы его обыграли начисто!

Содержатели гостиницъ, управляющіе, служащіе, прячущіе трупы обобранныхъ людей. Тѣ тунеядцы, дармоѣды, лѣнтяи, — весь этотъ high life, — благодаря которому, процвѣтаетъ, существуетъ этотъ притонъ, гдѣ обираютъ и убиваютъ.

И не Монте-Карло вызвало ужасъ, отвращеніе Василія Петровича, а весь этотъ людъ, всѣ эти знатные хлыщи, истасканные юнцы, члены лучшихъ клубовъ,

развратные старики, хорошо поставленныя женщины, старающіяся побѣдить туалетами кокотокъ.

Весь этотъ міръ, гдѣ онъ жилъ, мнѣніемъ котораго дорожитъ. Всѣ эти замашки выигрывать тысячу франковъ на ужинъ и разсчитывать всегда на чужія деньги: на наслѣдство, выигрышъ, приданое.

Всю эту „большую публику", для которой нужны игорные притоны, нужны человѣческія жертвы.

Ненависть, отвращеніе, гордость проснулись въ Василіи Петровичѣ.

— Что? Изъ-за того, что я не могу быть въ этомъ мірѣ, — я долженъ совсѣмъ не существовать?

И смѣхъ, полуистерическій смѣхъ, полный слезъ, охватилъ его.

— Нѣтъ другой жизни?

И что-то радостное, теплое, начало разливаться по душѣ. Василію Петровичу показалось, что въ открытое окно льется свѣжій воздухъ мокрыхъ, черныхъ полей, и что тихій благовѣстъ, медленный и торжественный, несется по нимъ.

Онъ бросился въ постель и зарыдалъ...

Когда Василій Петровичъ поднялъ лицо съ мокрой отъ слезъ подушки, было уже почти свѣтло.

Онъ чувствовалъ себя спокойнымъ, счастливымъ, но уже не равнодушнымъ, а полнымъ веселаго интереса къ жизни.

„Воображаю! — подумалъ онъ. — Какую рожу скорчатъ здѣсь въ отелѣ, когда я скажу: „Проигрался, заплатить не могу". — „Но, monsieur, какъ же такъ? Les gens chic"... — „Да я больше не принадлежу къ les gens chic!" Вотъ будутъ поражены: человѣкъ, который самъ про себя рѣшается сказать, что онъ не принадлежитъ къ „хорошему" обществу. Затѣмъ въ казино: „Потрудитесь дать на отъѣздъ!" Это отвратительно. Но пусть это будетъ мнѣ казнью за прежнее. Воображаю, съ ка-

кимъ презрѣніемъ будутъ смотрѣть на меня... крупье!!! И изъ первыхъ же заработанныхъ денегъ вышлю имъ ихъ проклятыя деньги. Проклятыя, запачканныя кровью! Изъ первыхъ же заработанныхъ, заработанныхъ денегъ!

И какъ музыку онъ, слушалъ это слово:

— Заработанныхъ!

И ему грезились черныя, влажныя поля, надъ которыми въ синевѣ неба серебряными колокольчиками звенѣли жаворонки.

Весенній вѣтеръ, теплый и ласковый, несся по полямъ и шепталъ:

— Здѣсь жизнь! Сюда! Здѣсь трудъ и работа! Сюда....

Конгрессъ въ вертепѣ.

Въ государствѣ терпимости собирается конгрессъ мира.

Вотъ ужъ именно:

— Пойдемъ въ кафе-шантанъ,—поговоримъ о добродѣтели.

Принцъ Монакскій любезно предложилъ „друзьямъ мира“ собраться у него,—„друзья мира“ съ восторгомъ приняли предложеніе.

И одиннадцатый международный конгрессъ мира соберется 20-го марта—нашего, 2-го апрѣля—новаго стиля въ княжествѣ Монако.

Среди игроковъ и кокотокъ.

Люди будутъ защищать человѣческую жизнь тамъ, гдѣ случается по 400 самоубійствъ въ годъ, гдѣ этимъ только и живутъ.

На землѣ, пропитанной человѣческой кровью, они будутъ проповѣдывать:

— Не убій!

Гг. конгрессистамъ можно рекомендовать одну предосторожность.

Если ихъ пренія о возвышенныхъ предметахъ затянутся слишкомъ долго,—часа въ два, въ три ночи не проходить мимо казино.

Можетъ случиться, что щегольски одѣтый полицейскій накинется на нихъ съ настоятельнымъ требованіемъ:

— Проходите! Проходите съ дороги, говорятъ вамъ!

Иначе они могутъ встрѣтить крошечную процессію.

Нѣсколько лакеевъ игорнаго дома и маленькій осликъ, который тащитъ длинный ящикъ изъ четырехъ досокъ наверхъ, къ „La Turbie", на кладбище самоубійцъ.

Наверху — кладбище, гдѣ за 17 лѣтъ похоронено 6,032 трупа самоубійцъ.

Внизу, въ палаццо, засѣдаетъ международный конгрессъ.

Какая плюха европейскому общественному мнѣнію,— плюха, которую даютъ люди, желающіе благотворно вліять на европейское общественное мнѣніе.

Говорятъ, будто нравственность все болѣе и болѣе воцаряется въ международныхъ отношеніяхъ.

А между тѣмъ какое отсутствіе брезгливости!

Совершенно понятно, почему княжеству Монако лестно залучить къ себѣ конгрессъ мира.

Когда богатъ,—хочется почета.

А какой ужъ тутъ почетъ, когда княжество только терпятъ въ Европѣ, какъ терпятъ извѣстнаго рода дома.

Всякому маркеру лестно раскланяться публично съ порядочными людьми:

— Нами не гнушаются.

„Княжество" не имѣетъ никакихъ политическихъ дѣлъ, и его единственнымъ представителемъ въ Европѣ долгое время былъ докторъ Колиньонъ.

Главный докторъ компаніи игорнаго дома.

Это—персонажъ, на которомъ стоитъ остановиться.

Мнѣ не слѣдовало бы говорить о немъ дурно,— я обязанъ ему, можетъ-быть, жизнью. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ вылѣчилъ меня здѣсь, въ Монте-Карло, отъ воспаленія легкихъ.

Но достоинство журналиста состоитъ въ томъ, чтобъ онъ не зналъ никакихъ „благодарностей".

Доктора остаются докторами, больные, на ихъ несчастье, иногда выздоравливаютъ и платятъ неблагодарностью.

Во время визитовъ я часто смотрѣлъ на него и думалъ:

„Вотъ человѣкъ, который могъ бы написать одну изъ интереснѣйшихъ книгъ. Любопытно, пишетъ ли свои мемуары этотъ человѣкъ, которому платятъ за молчанiе?“

Доктора Колиньона зовутъ при каждомъ самоубiйствѣ въ Монте-Карло.

Онъ является, помогаетъ или констатируетъ смерть.

Всѣ 6,032 самоубiйцы за 15 лѣтъ прошли черезъ его руки.

И если вы видите этого сухого господина, съ плотно сжатыми губами, съ холодными и спокойными глазами, торопливо идущимъ въ казино, вы можете быть увѣрены, что въ подвальномъ этажѣ, какъ разъ подъ самой игорной залой, дергается въ послѣднихъ конвульсiяхъ или лежитъ бездыханнымъ самоубiйца.

Странное впечатлѣнiе произвелъ на меня въ первый разъ этотъ человѣкъ, какъ только онъ вошелъ въ комнату.

Мнѣ вспомнился фельдшеръ при мертвецкой въ одной изъ московскихъ больницъ.

Одинъ изъ моихъ прiятелей удавился. Трупъ отвезли анатомировать,— это было лѣтомъ,— въ 6—ое отдѣленiе больницы для чернорабочихъ.

Я вмѣстѣ съ родственниками отправился хлопотать о похоронахъ.

— Сiю минуту! Сiю минуту-съ! Зашиваю!—со сладчайшей улыбкой сообщилъ мнѣ фельдшеръ, прiотворяя дверь анатомическаго зала.

Анатомировать только что кончили, и фельдшеръ „зашивалъ“ трупъ.

— Пожалте! Готово!

На анатомическомъ столѣ лежало обнаженное желтое тѣло. Словно восковая фигура.

Журчала вода.

Розоватыя струйки воды, подкрашенной кровью, стекали по желобкамъ.

Около лебезилъ фельдшеръ.

Такъ какъ сестра покойнаго истерически рыдала, упавъ на колѣни передъ анатомическимъ столомъ, такъ какъ другіе родственники рыдали тоже, то фельдшеръ обратился ко мнѣ.

— Сами хоронить будете?—лебезилъ онъ съ заискивающей улыбкой.

— Да.

— Такъ ужъ нельзя ли-съ, чтобъ гробикъ въ мою пользу! Мнѣ ужъ оставьте!

— Какой гробъ?

— А тотъ-съ, полицейскій-съ, въ которомъ ихъ привезли. Въ своемъ хоронить будете, такъ что вамъ этотъ не нуженъ. А мы продаемъ подержанные гробики.

Въ этомъ сладко улыбавшемся человѣкѣ было что-то страшное, что-то ястребиное, хищное безъ конца.

— Ужъ будьте такіе добрые. Мнѣ!

Такія лица бываютъ у людей, живущихъ на счетъ чужого несчастія, питающихся около труповъ.

„Привычка сдѣлала его равнодушнымъ!“ какъ говоритъ Гамлетъ про могильщика.

И хищникъ проступаетъ изо всѣхъ его поръ.

Меня поразило сходство доктора Колиньона съ этимъ фельдшеромъ при мертвецкой.

Тѣ же тонкія, плотно сжатыя губы, холодные, спокойные глаза на сладко улыбающемся лицѣ,—то же что-то ястребиное во всей физіономіи.

Неужели профессія дѣлаетъ людей такъ похожими другъ на друга?

Вотъ этотъ-то могильщикъ и былъ долгое время единственнымъ представителемъ княжества Монако для всего міра.

Оригинальный представитель оригинальнаго государства!

Онъ командировался на всѣ международные ученые конгрессы. По всѣмъ отраслямъ знанія!

Какъ еще могло княжество Монако заявить о своемъ существованіи?

— Не думайте, что мы только маркеры,—мы просвѣщенные люди! Мы интересуемся наукой!

На большее „княжество" не смѣло рискнуть. Петиціи о закрытіи притона сыпались со всѣхъ сторонъ. Негодованіе Европы было слишкомъ сильно.

Того и гляди съ гадливостью оттолкнутъ любезно протянутую руку:

— Пшелъ!

Но посылка могильщика къ ученымъ, это—все-таки мало для самолюбія разжившагося маркера.

И вотъ вдругъ притонъ дѣлается гнѣздомъ науки.

Княжество рѣшило:

— Наука! Что можетъ быть почтеннѣе? Но она бѣдна. Пролѣземъ черезъ эту дверь.

Расчетъ—что у ученыхъ интересы науки пересилятъ брезгливость. И нуждающіеся ученые не откажутся принять золотой изъ руки, выпачканной въ крови и грязи.

Въ Монако,—какъ все здѣсь,—на средства игорнаго дома строится чудный, небывалый дворецъ,—музей океанской фауны и флоры.

Построенная на средства игорнаго дома яхта „Принцесса Алиса" снабжена самыми послѣдними и дорогими приспособленіями для изслѣдованія морскихъ глубинъ.

Подкупленныя газеты кричатъ:

— Открытія принца Монако обогащаютъ науку! Они необыкновенны! Вотъ гдѣ наука свила себѣ гнѣздо, на

берегу лазурнаго моря, на великолѣпной, красивой, убранной пальмами и цвѣтами скалѣ!

Но у науки тоже есть нравственность.

Вѣдь это не продажная женщина, готовая цѣловать всякую руку, которая даетъ ей деньги.

Наука приняла жертву игорнаго притона съ очень кисло-сладкой улыбкой.

Вотъ что писалъ извѣстный ученый Альфредъ Жіаръ въ *Bulletin scientifique 1889*.

— Нѣсколько литровъ морской воды,—будь они добыты при помощи всѣхъ усовершенствованій современной техники въ самой глубинѣ океана! — не смогутъ смыть пятенъ крови тѣхъ, кто кончилъ самоубійствомъ за игорнымъ столомъ. Это именно тѣ пятна, о которыхъ говоритъ поэтъ: „Море могло бы пройти по нимъ и все-таки не смыло бы ихъ грязи!“

Чтобъ поднять себя въ общественномъ мнѣніи, этотъ притонъ, дрожащій предъ общимъ негодованіемъ, схватился за конгрессы.

— Удешевленный проѣздъ. Самое дешевое пребываніе, которое только можно себѣ представить! Мы позаботимся о дешевизнѣ и объ удобствахъ! Чудный климатъ! Развлеченія! Блестящіе пріемы у князя! Прогулки на яхтѣ!

Только удостойте притонъ своимъ присутствіемъ.

Это необходимо. Необходимо, чтобъ общественное мнѣніе Европы перестало считать Монако только притономъ терпимости, который давнымъ-давно пора закрыть.

— Нѣтъ! Это—мѣсто, которое оказываетъ человѣчеству и огромныя услуги. Тамъ собираются конгрессы для мирной и доброй работы!

Необходимо возразить общественному мнѣнію:

— Не одни игроки и не однѣ кокотки! Смотрите, какіе почтенные люди нами не гнушаются!

Сегодня—конгрессъ представителей медицинской печати.

Завтра—международный конгрессъ всеобщаго мира.

Благо, брезгливость, самая обыкновенная брезгливость, очевидно, сильно понизилась въ Европѣ въ наше время „нравственности даже въ международныхъ отношеніяхъ“.

Идея всеобщаго мира, получившая свое крещеніе въ Гаагѣ,—великое и святое дѣло.

Это не только прекрасная мечта, какъ ее зовутъ, это — мысль, которая все глубже и глубже пропитываетъ современное общество отъ верхнихъ до нижнихъ слоевъ.

Это—мысль, которая пущена въ ходъ. А когда мысль пущена въ ходъ,—ничто ея не остановитъ.

Но еще въ исторіи Иловайскаго сказано, что:

— За арміей крестоносцевъ шла толпа всякаго сброда.

И за крестоносцами всеобщаго мира, мыслителями, писателями, проповѣдниками, идетъ толпа людей, любящихъ удешевленныя поѣздки, сбавки въ гостиницахъ, праздники, увеселенія въ честь конгрессистовъ.

Толпа графомановъ, пишущихъ бездарныя, наивныя, кисло-сладкія брошюрки à la баронесса Берта фонъ-Суттнеръ.

Толпа пустоболтовъ, жаждущихъ срывать аплодисменты громкими и банальными фразами.

Толпа лжеученыхъ, лжеписателей, лжемыслителей.

Бездарныхъ, но очень самолюбивыхъ самозванцевъ.

Къ нимъ и обратилось государство терпимости съ предложеніемъ удешевленнаго проѣзда, почти безплатнаго пребыванія, увеселеній и тріумфовъ.

— Какъ только сезонъ кончится,—милости просимъ.

Совершенно предложеніе содержателя лупанара:

— Какъ только гости уйдутъ, — устройте бесѣду о добродѣтели!

Надо очень много любви къ скидкамъ со счетовъ, чтобъ дойти до такого цинизма.

Профанировать великія и святыя идеи конгрессомъ въ притонѣ!

Помогать содержателямъ игорнаго дома укрываться отъ общественнаго мнѣнія.

Служить ширмой для игры, позора, смерти и разврата.

Въ то время, какъ всякій порядочный человѣкъ въ Европѣ полонъ возмущенія этимъ пріютомъ терпимости, и когда надо стараться, чтобъ это благородное чувство росло и росло,—принимать „любезное предложеніе“ игорнаго княжества и ѣхать туда разсуждать о великихъ, гуманныхъ идеяхъ.

Никогда гуманныя идеи не падали въ такую грязь.

Къ чести Россіи надо добавить, что въ этой комедіи,— или безнравственной или, въ лучшемъ случаѣ, просто неразумной,—русское общество никакого участія не принимаетъ.

Именно совсѣмъ никакого, потому что во всей Россіи нашелся всего одинъ человѣкъ, который согласился поѣхать на конгрессъ мира въ Монако.

Вчера я имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ распорядителемъ конгресса, г. Гастономъ Мокъ, совѣтникомъ при дворѣ свѣтлѣйшаго принца Монакскаго.

Онъ очень жался, когда я спрашивалъ его:

— Кто изъ извѣстныхъ ученыхъ, писателей, мыслителей, поэтовъ будетъ на этомъ конгрессѣ?

— Ученые... писатели... мыслители... поэты... все это народъ, знаете, очень занятой...

Какъ будто рѣчь шла о конгрессѣ „бездѣльниковъ“.

Даже когда рѣчь зашла о знаменитости очень неясной пробы.

— А мистеръ Стэдъ?

— Мистеръ Стэдъ... Мистеръ Стэдъ... врядъ ли... Онъ не говоритъ по-французски...

Г. Мокъ совсѣмъ замялся, когда рѣчь зашла о Россіи.

— Россія... Это такъ далеко... Россія...

— Отчего же! Русскихъ много ѣздитъ на Ривьеру!

— Да... Но это далеко... Никто не отвѣтилъ на приглашеніе. Хотя у насъ будетъ русскій! Monsieur de-Novicoff, d'Odessa.

Г. Яковъ Новиковъ изъ Одессы.

Или: г. Жакъ де-Новиковъ, де-канатный де-фабрикантъ.

Личность высоко-анекдотическая, мужчина водевильный и международный.

Это — тотъ самый Жакъ де-Новиковъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ читалъ лекцію въ Миланѣ въ театрѣ „La Scala".

Лекцію, по поводу которой всѣ миланскія газеты въ одинъ голосъ заявили:

— Можетъ-быть, это и очень хорошо. Но никто рѣшительно не понялъ, что г. Новиковъ хотѣлъ сказать. Пусть повторитъ еще разъ.

Это — тотъ самый Жакъ де-Новиковъ, котораго въ Западной Европѣ считаютъ „знаменитымъ ученымъ въ Россіи", а въ Россіи думаютъ:

„Онъ знаменитъ на Западѣ!"

Международное недоразумѣніе. Небольшой колоколъ, повѣшенный на вѣтреномъ мѣстѣ. Онъ звонитъ безъумолку, но и безъ-толку.

Ученые говорятъ:

— Положимъ, въ своихъ книгахъ этотъ канатный фабрикантъ, почему-то вообразившій себя ученымъ, повторяетъ зады, то, что ужъ давнымъ-давно забыто! Но его очень читаетъ публика!

А публика въ это время думаетъ:

„Положимъ, мы его не читаемъ,—но зато, говорятъ, его цѣнятъ ученые".

Въ наукѣ онъ, такъ сказать, живетъ по просроченной книжкѣ, какъ можно жить по просроченному паспорту.

По недосмотру научныхъ властей!

Онъ будетъ единственнымъ представителемъ русскаго общества на этомъ конгрессѣ.

Другими словами, не будетъ никого.

— Всѣ заняты! — какъ пояснилъ мнѣ г. Мокъ. — Мы очень просили г. Рафаловича...

Г. Рафаловича имъ хотѣлось завлечь, конечно, очень.

Это очень декоративный мужчина, даже на карточкахъ снимающійся не иначе, какъ въ треуголкѣ и шитомъ мундирѣ. Онъ занимаетъ положеніе: нашъ торговый агентъ въ Парижѣ.

Это афишировало бы конгрессъ:

— Почти официальный представитель Россіи.

Но г. Рафаловичъ имѣлъ, конечно, тактъ отказаться

— Онъ очень занятъ, — съ грустью объяснилъ мнѣ г. Мокъ и откровенно добавилъ:

— Это придало бы конгрессу блеска!

Итакъ, какъ видите, конгрессъ не изъ самыхъ блестящихъ, если онъ нуждается въ лакѣ даже второго сорта.

Онъ состоится подъ громкимъ именемъ и высокимъ знаменемъ.

— Конгресъ всемірнаго мира.

Но на этотъ разъ назначеніе знамени неважное: прикрыть пятна грязи на игорномъ притонѣ.

Притонъ подкупилъ французскую печать деньгами и теперь старается подкупить представителей европейскаго общества любезностью, гостепріимствомъ и угощеніемъ.

Все, чтобы задобрить негодующее общественное мнѣніе.

Пусть господа, собирающіеся высокимъ знаменемъ прикрывать грязь и кровь, подумаютъ: какую роль они играютъ?

Конечно, они могли бы, совершая обычный для „конгрессистовъ“ осмотръ достопримѣчательностей, спро-

сить относительно главной достопримѣчательности княжества:

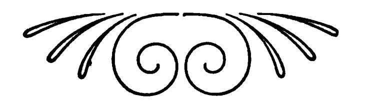
— А гдѣ у васъ кладбище самоубійцъ?

И въ отвѣтъ на привѣтственную рѣчь монакскаго принца сказать:

— 400 смертей въ годъ. Цифра стоитъ хорошаго сраженія. Не потрудитесь ли вы прекратить кровопролитіе у себя?

Но они этого нѐ скажутъ: удешевленный проѣздъ, скидка въ гостиницахъ, увеселенія, пріемы...

Отъ души желаю участникамъ конгресса всеобщаго мира выиграть въ рулетку!

Римъ.

I.

— Amico!

И на мое плечо „тяжело“ опустилась чья-то рука.

Передо мной стоялъ человѣкъ маленькаго роста, завернутый въ черный плащъ, въ широкополой калабрійской шляпѣ, надвинутой на глаза.

А я какъ разъ шелъ и думалъ:

„Чортъ! Ни одного типичнаго римлянина!“

Я полѣзъ было въ карманъ, чтобъ дать римлянину пару сольди.

Но римлянинъ воскликнулъ знакомымъ голосомъ:

— Caro!.. Voi?!.

— Если вы хотите быть вѣжливымъ, такъ ужъ говорите не „voi“, а „lei“. Здравствуйте и вообще, если вы не забыли еще русскаго языка, не будемъ ли мы говорить лучше по-русски?

Это былъ поэтъ Пончиковъ. Ему удалось продать какому-то легкомысленному издателю „пукъ своихъ стиховъ“,— и я зналъ, что онъ поѣхалъ въ Италію.

Пончиковъ сдвинулъ на затылокъ свою калабрійскую шляпу, — она была ему страшно велика, — и схватился за свой „воспаленный“ лобъ.

— Здѣсь мнѣ хотѣлось бы говорить по-латыни!

— Врядъ ли сумѣю.

— Двѣ недѣли какъ я не спалъ!

— Вы нездоровы? Что у васъ?

Онъ взглянулъ на меня „страшно“.

— Что у меня? У меня — Римъ!

— Римъ?!

Онъ „судорожно“ схватилъ меня за руку:

— Мнѣ хотѣлось бы разбить голову объ эти камни Вы понимаете? Вы понимаете? Колизей! Капитолій! Аппіева дорога! А-а!

У него вырвался какой-то стонъ.

— Весь міръ перевернулся на моихъ глазахъ! Минутами я смотрю на міръ глазами Нерона!

— Господи, спаси и помилуй!

— Да, Нерона!

Онъ опять посмотрѣлъ „страшно“.

— Жизнь человѣческая не представляетъ для меня никакой цѣны. Я все ниспровергаю. Море крови—для меня это только сладострастіе! Огонь,—я вижу въ немъ только красоту. Я требую красоты! Я мечомъ, пытками, огнемъ заставляю міръ быть красивымъ! Я могъ бы сжечь Римъ!

— Господи, какіе ужасы!

Теперь ужъ онъ шепталъ „страшнымъ“ шопотомъ:

— Вокругъ меня скользятъ тѣни. Цезари, Мессалина, Агриппина, „мѣд-но-бо-ро-дый“! Отпущенники, сенаторы, весталки...

— Другъ мой, ужъ женщины сходятъ съ тротуара, чтобы васъ обойти. Вы такъ махаете руками...

— А! Римлянки! — въ восторгѣ крикнулъ онъ, сдѣлавъ оглядывавшимся на него съ изумленіемъ женщинамъ такой какой-то жестъ, что онѣ расхохотались.

— Вы куда идете? — весело обратился онъ ко мнѣ.— Мнѣ на форумъ! Меня ждутъ на форумѣ друзья. Идемъ на форумъ?

— Идемъ, пожалуй, хоть на форумъ.

И онъ пошелъ такой походкой, съ такимъ видомъ что каждый долженъ былъ подумать:

— А этотъ человѣкъ идетъ на форумъ. У него есть тамъ дѣло!

Такой походкой, съ такимъ видомъ, словно онъ шелъ предложить сенаторамъ немедленно разрушить Карѳагенъ.

— Двое соотечественниковъ,— пояснялъ онъ мнѣ на ходу, — такъ, встрѣтились дорогой. Случайно. Благоуханскій одинъ, учитель. Другой...

Пончиковъ сдѣлалъ въ высшей степени презрительное лицо:

— Вы его увидите!

И онъ, насколько возможно, басомъ добавилъ:

— Мы рѣшили сегодня сойтись всѣ на форумѣ.

Слова его были полны значительности.

Но „друзья“ не успѣли дойти до форума.

Благоуханскаго мы догнали по дорогѣ.

Невысокаго роста господинъ, въ сѣренькомъ трико-вомъ костюмѣ, приподнялъ пуховую шляпу надъ жиденькими, длинными, бѣлесоватыми волосами, поправилъ на носу золотыя очки и тонкимъ голосомъ сказалъ:

— Благоуханскій.

— Magister! — пояснилъ Пончиковъ.

— Да-съ, учитель! — подтвердилъ г. Благоуханскій, кивнувъ маленькой козлиной бородкой.

Мы пошли вмѣстѣ.

— А этотъ? — съ омерзѣніемъ спросилъ Пончиковъ.

— Онъ сейчасъ догонитъ-съ.

Пончиковъ сдѣлалъ еще болѣе омерзительное лицо.

— Все?

— Постоянно-съ!

— Вы въ первый разъ въ Италіи? — спросилъ я у Благоуханскаго.

Онъ посмотрѣлъ на меня ласково и мило.

— Въ первый разъ съ легкимъ сердцемъ переѣхалъ я черезъ Альпы.

— И нравится?

— Привѣтливо встрѣтила меня эта страна древней цивилизаціи. Обиліе достопримѣчательностей...

Но намъ кто-то отчаянно „цыкалъ“ сзади.

Мы оглянулись.

Съ котелкомъ на затылкѣ, въ какомъ-то необыкновенно цвѣтномъ жилетѣ, летѣлъ человѣкъ, лѣтъ подъ 40, съ прыщами по всему лицу, въ золотомъ пенснэ и шнуркомъ за ухомъ.

— Онъ! — съ отвращеніемъ сказалъ Пончиковъ.

„Онъ“, какъ ни быстро шелъ, но оглядывался на каждую проходившую женщину, мѣрилъ ее взглядомъ отъ затылка до пятокъ.

И говорилъ очень громко свое заключеніе.

— Дрянь!

Или:

— Ничего себѣ!

Или:

— Вотъ такъ чортъ!

Онъ крѣпко тиснулъ мою руку.

— Ситниковъ, изъ Москвы.

— Замѣшкались? — съ милой улыбочкой спросилъ Благоуханскій.

— Обѣщали штукецъ!

И, обратившись ко мнѣ, „Ситниковъ изъ Москвы“ вдругъ спросилъ:

— Что, батенька, тоже на здѣшнюю рухлядь собрались посмотрѣть?

Но я не успѣлъ отвѣтить.

Мы вышли изъ-за поворота, и Пончиковъ съ такимъ „широкимъ“ жестомъ, словно онъ отдергивалъ занавѣсъ со всего міра, воскликнулъ:

— Forum Romanum!

Г. Ситниковъ поморщился:

— Не люблю я, признаться сказать, передъ завтракомъ эти гадости смотрѣть.

Даже я изумился.

— Какія гадости?!

— Да вотъ форумы-то эти! Аппетитъ только этотъ форумъ отбиваетъ!

— Какъ же можетъ форумъ аппетитъ отбивать?!

— Ну, что хорошаго? Смотрѣть противно. Торчатъ изъ земли какія-то почернѣвшія колонны ломаныя. Чисто корешки гнилыхъ зубовъ. Тфу! Не понимаю, какое удовольствіе.

Пончиковъ исказился въ лицѣ.

— Этими зубами Римъ пережевывалъ вселенную! — съ ненавистью прошипѣлъ онъ.

— Пожевалъ, да и будетъ, — спокойно отвѣтилъ Ситниковъ, — а теперь бы это безобразіе слѣдовало и убрать. Что это! Посреди города, — и вдругъ какой-то мусоръ. Ни къ чему.

Пончиковъ задыхался отъ злобы.

— И это адвокатъ? Это адвокатъ! — только и нашелся сказать онъ, обращаясь ко мнѣ.

— И очень просто, что адвокатъ! — съ тѣмъ же невозмутимымъ спокойствіемъ отозвался г. Ситниковъ. — А вотъ англичаночка-то не вредная!

Онъ подробно осмотрѣлъ остановившуюся рядомъ молоденькую англичанку съ „Бедекеромъ“ и сказалъ прямо ей въ глаза:

— Бабецъ высокихъ качествъ!

Благоуханскій въ это время, размахивая „Бедекеромъ“, торговался съ проводникомъ.

— Вы видите, у насъ „Бедекеръ“! — говорилъ онъ на какомъ-то невозможномъ французскомъ языкѣ, произнося „Бѣдѣкѣръ“. — Вы видите, у насъ Бѣдѣкѣръ? Вы намъ не нужны! Но мы васъ беремъ. Насъ четверо. Одинъ франкъ, — и никакихъ „pour boir“. Одинъ франкъ, — и

все показать! Желаете вы? Желаете на этихъ условіяхъ?

— Не покажи ему чего!—усмѣхнулся г. Ситниковъ.— Онъ каждый вечеръ счетъ составляетъ, что истратилъ и что видѣлъ, и дѣлитъ. „Венера Капитолійская“,— говоритъ — мнѣ въ $12^1/_2$ копеекъ обошлась, но если бъ я сегодня еще пошелъ въ Пантеонъ, можно бы ее и въ шесть копеекъ вогнать.

— Господа! Гидъ согласенъ! По 25 чентезимовъ съ человѣка! — подбѣжалъ Благоуханскій.

— О Господи! — простоналъ Пончиковъ, проводя рукой по лбу, словно отгоняя какой-то кошмаръ.—Зачѣмъ вамъ гидъ? Я знаю здѣсь каждый камень.

— Ну, да! — спокойно, какъ всегда, замѣтилъ „Ситниковъ изъ Москвы“. — Намедни поѣхали Аппіеву дорогу смотрѣть, а попали куда-то на водостокъ. А вы все еще себѣ голову объ эти камни хотѣли разбить!

Пончиковъ только смѣрилъ его презрительномъ взглядомъ и вздохнулъ.

Мы спустились на форумъ.

— Хорошо-съ! — бѣжалъ впереди, поправляя очки, Благоуханскій. — Сначала сюда-съ! По порядку, по порядку-съ, чтобъ ничего не пропустить! Отлично-съ. Это атріумъ Весты-съ. Превосходно-съ! А гдѣ жъ тутъ долженъ быть домъ весталокъ? Въ книжкѣ обозначено: „домъ весталокъ“. Ахъ, направо-съ? Превосходно. Домъ весталокъ видѣли.

Онъ зачеркнулъ карандашомъ въ книжкѣ.

— Позвольте! Тутъ должно быть два дома весталокъ! Гдѣ же другой-то-съ? Гдѣ же другой-то-съ? Ахъ, налѣво тоже домъ весталокъ? Благодарю васъ. Значитъ все. Оба видѣли! Теперь дальше-съ!

— Весталки! — въ изнеможеніи простоналъ Пончиковъ, чуть не падая, прислоняясь къ какой-то колоннѣ.

— Еще неизвѣстно, какія онѣ изъ себя-то были, эти весталки! — тономъ глубокаго разсужденія замѣтилъ г.

Ситниковъ. — Можетъ, такой бабецъ... кромѣ какъ въ весталки-то и итти было не во что... Мордальонъ!

— Ситниковъ!!! — въ отчаяньи воскликнулъ Пончиковъ. — Вамъ никогда не приходила мысль о самоубійствѣ?

Г. Ситниковъ отвѣчалъ спокойно и подумавъ:

— Нѣтъ. А что?

— Жаль.

Онъ отвернулся.

— Я чувствую, что тутъ гдѣ-то близко „священная дорога"! — въ томленьи сказалъ онъ.

— Господа, торопитесь! — кричалъ намъ и махалъ „Бедекеромъ" Благоуханскій, — этакъ мы не успѣемъ всего видѣть. „Священная дорога"!

— Я говорилъ! Я предсказывалъ! — простоналъ Пончиковъ, бросился бѣжать и вдругъ, взбѣжавъ на огромныя плиты „священной дороги", остановился въ какой-то необыкновенно вдохновенной позѣ.

— Via Sacra!

И онъ взмахнулъ руками:

— Пустите меня разбить голову объ эти камни!

— Бейте! — спокойно сказалъ Ситниковъ и, потрогавъ огромныя плиты тросточкой, замѣтилъ: — А мостовая у римлянъ была дрянь!

— Римляне не ѣздили! — съ презрѣніемъ огрызнулся Пончиковъ. — Римлянъ носили въ носилкахъ.

— Все равно, хоть и въ носилкахъ, а мостить мостовую слѣдовало добросовѣстно. Какъ вымощено?

Пончиковъ пересталъ вдругъ махать руками. Онъ легъ на возвышеніе около „священной дороги".

— Благоуханскій, дайте мнѣ помечтать среди этихъ развалинъ. Благоуханскій, я закрою глаза, а вы идите. Вы идите!

Благоуханскій пошелъ, на ципочкахъ перебираясь съ камешка на камешекъ.

— Нѣтъ, — съ досадой воскликнулъ Пончиковъ, — у васъ не римская поступь. Ситниковъ! у васъ сапоги на двойной подошвѣ?

— Всегда на двойной.

— Идите по „священной дорогѣ“. Это болѣе напоминаетъ сандаліи. Идите, я буду слушать эту музыку.

И, „запрокинувшись“, онъ заговорилъ „словно въ бреду“:

— Это идетъ Титъ... Нѣтъ, Веспасіанъ... Воскурить въ собственномъ храмѣ... Его шаги... Иди, иди, Веспасіанъ!..

— Вотъ бабецъ! Это бабецъ! — закричалъ вдругъ г. Ситниковъ, прекращая „шествіе“ по „священной дорогѣ“.

Пончиковъ вскочилъ, весь багровый, весь трясущійся:

— Ситниковъ, вы... вы...

Какое-то страшное, ужасное слово готово было сорваться у него „съ устъ“.

Но Ситниковъ, приставивъ руку козырькомъ къ глазамъ, весь былъ занятъ разсматриваніемъ какой-то толстой нѣмки, которая съ „Бедекеромъ“ лазила по камнямъ.

— Вотъ бабецъ! Если только, подлая, не въ интересномъ положеніи, округлость формъ поразительна! Бомба! Прямо, бомба! Ногу подняла! Ахъ, подлая! Глядите, глядите, какая нога!

— Cloaca Maxima, господа! Cloaca Maxima!—радостно воскликнулъ Благоуханскій, вслѣдъ за гидомъ нагибаясь надъ какимъ-то отверстіемъ.

— На „священной-то дорогѣ“ да клоака? Ловко!—оторвался отъ нѣмки Ситниковъ.

— Cloaca Maxima! — сверкая глазами, сказалъ Пончиковъ.

— Все равно, нечистоты по ней текли.

— Я и римскія нечистоты бы выпилъ! — внѣ себя, съ ненавистью, сжавъ кулаки, крикнулъ Пончиковъ. — Вы профанируете!

Г. Ситниковъ сплюнулъ:

— Тфу! Какія вы гадости всегда передъ завтракомъ говорите! Помилуйте, этакъ и кусокъ въ глотку не полѣзетъ! Тутъ и древности-то эти омерзѣніе внушаютъ, а вы еще мерзости говорите.

— Господа! не ссорьтесь! — чуть не плакалъ Благуханскій, съ умиленнымъ лицомъ обращаясь то къ тому, то къ другому. — Потомъ будете ссориться. Теперь смотрѣть! Гидъ и то сердится! „За франкъ", говоритъ. Идемте. Онъ намъ арку Севера покажетъ. Идемъ, пожалуйста, смотрѣть арку Севера!

Пончиковъ бросилъ на Ситникова уничтожающій взглядъ и величественно сказалъ, „красиво" запахивая плащъ:

— Идемъ къ аркѣ императора Севера!

Ситниковъ по дорогѣ къ аркѣ дѣловито объяснялъ мнѣ:

— Не знаю, насколько вѣрно, но обѣщали показать бабецъ сверхъестественный. Не знаю, насколько вѣрно. Изъ знатной, говорятъ, фамиліи. Патриціанка, чортъ побери! Лестно въ патриціанской семьѣ по себѣ воспоминаніе оставить. Да я за знатностью, положимъ, не гонюсь. Я не честолюбивъ. Мнѣ бы бабецъ былъ. Вы не изволили быть около Scala d'Ispania?

— Нѣтъ.

— Рекомендую. Замѣчательный бабецъ есть. Натурщицы. Онѣ тамъ сидятъ. Думаю, художникомъ прикинуться. „Венеру, молъ, мнѣ нужно!" Этакую Милосскую. Пусть покажутся!

Пончиковъ стоялъ уже подъ аркой Севера и, закативъ глаза такъ, что были видны одни бѣлки, говорилъ снова „какъ бы въ изступленіи":

— Легіоны... плѣнники... изнеможденные цѣпями... знамена... проходятъ... я слышу топотъ ихъ въ гулѣ и звонѣ этого мрамора...

Г. Ситниковъ хлопнулъ ладонью по звонкому мрамору:

— Вещица старенькая!

— Ситниковъ, вы... вы рабъ?—воскликнулъ Пончиковъ.

Изъ глазъ его готовы были брызнуть слезы.

II.

Во второй разъ я встрѣтился съ „друзьями“ въ trattoria, гдѣ они столовались.

Это была омерзительная, но „римская“ тратторія, гдѣ кормили за гроши и поили на удивленье сквернымъ виномъ.

Когда Джузеппе, офиціантъ, подавалъ „супъ изъ рыбы“, разлитый въ тарелки,—это былъ бенефисъ его большого пальца. Въ эти дни,—и только въ эти,—его большой палецъ мылся хоть супомъ.

Изъ кухни пахло чѣмъ-то такимъ, словно тамъ была не кухня, а что-то совсѣмъ напротивъ.

Тратторію, оказалось, разыскалъ Благоуханскій.

— Это онъ для экономіи,—пояснилъ мнѣ г. Ситниковъ,—чтобъ капитолійскихъ Венеръ себѣ подешевле вгонять.

Когда я пришелъ, „друзья“ не были еще въ сборѣ.

Ситниковъ, по обыкновенію, „замѣшкался“.

Пончиковъ полулежалъ на лавкѣ, разбитый, изнемогающій, почти умирающій.

— Я былъ на аренѣ Колизея!—объяснилъ онъ мнѣ кратко.

Благоуханскій сидѣлъ за столомъ и что-то зачеркивалъ и перечеркивалъ въ книжечкѣ Бедекера.

— Много сегодня успѣли осмотрѣть?—спросилъ я.

Онъ на минутку поднялъ голову.

— 82 картины и 174 статуи!—отвѣтилъ онъ со счастливой улыбкой и снова погрузился въ зачеркиванія, перечеркиванія и вычисленія.

Вошелъ Ситниковъ. Шляпа, какъ всегда, на затылкѣ. Видъ радостный.

— Честной компаніи. Замѣшкался! Античную вещицу разыскалъ!

— Какую? Гдѣ? — оживился Пончиковъ.

Ситниковъ прищелкнулъ языкомъ.

— Въ сосѣднемъ коридорѣ, въ нашемъ же альберго, горничная! Что-то потрясающее! Мимо проходилъ, номеръ отворенъ, комнату убирала. Остановился, залюбовался. Въ Ватиканъ подлую! Такой округлости формъ... Надо будетъ у хозяина въ другой коридоръ попроситься!

Пончиковъ безнадежно померкъ глазами и гаснущимъ голосомъ сказалъ Джузеппе:

— Giuzeppe, date noi maccaroni!

Ситниковъ съ неудовольствіемъ навертѣлъ на вилку макаронъ:

— Опять макароны!

— Не поросенка же вамъ въ странѣ Данте!—съ презрѣніемъ отозвался Пончиковъ.

— Поросенка хорошо бы! — согласился Ситниковъ и, все навертывая и навертывая на вилку макароны, продолжалъ: — У меня въ Москвѣ какъ устроено? Древлимъ обычаемъ, благолѣпнымъ, желаетъ со мной кліэнтъ о дѣлѣ разговоръ имѣть — расположи меня Тѣстовымъ. Расположенъ будучи хлѣбомъ и солью, могу! И дать сейчасъ поросеночка. Чтобъ былъ, какъ младенецъ высѣченный, — весь розовый. И чтобъ кожа у него съ мясцомъ сливочнымъ въ ссорѣ была. Чтобъ топорщилась!

Благоуханскій глоталъ слюнки.

— Да-съ! Чтобъ топорщилась! — продолжалъ „Ситниковъ изъ Москвы".—И чтобъ отставала и хрустѣла. Чтобъ на зубахъ была музыка! И чтобъ ребро его можно было грызть, все равно какъ корочку. Хрюскъ и хрюскъ. Чтобъ былъ онъ весь, шельмецъ, изъ одного хрящика. И чтобъ каша подъ нимъ...

Пончиковъ въ негодованіи бросилъ вилку.

— Г. Ситниковъ! Сколько разъ я вамъ говорилъ, чтобъ вы за ѣдой этихъ мерзостей не говорили!

Ситниковъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ:

— Поросенокъ мерзость? Совѣтую вамъ поэму написать и поросенка съѣсть!

— Тутъ макароны, тутъ ризото, тутъ fritto misto!

Лицо у Пончикова пошло пятнами.

— Дрянь фритто мисто! — подтвердилъ Ситниковъ.— Требушина жареная!

— Г. Ситниковъ!

Пончиковъ даже взвизгнулъ и вскочилъ.

— Если вы будете такъ отзываться объ Италіи!..

— Господа, господа! Успокойтесь! — забезпокоился Благоуханскій. — Giuzeppe, poi... dopo... да скажите же ему, чтобъ подавалъ слѣдующее. Обѣщали сегодня за тѣ же деньги курицу сдѣлать. Гдѣ курица? Спросите его: гдѣ курица?

Курицу подали, но курица была дрянь.

— Осталось еще только 584 достопримѣчательности въ Римѣ посмотрѣть! — сказалъ Благоуханскій, чтобъ „опять чего не вышло“, и съ умильной улыбкой добавилъ: —И меня зоветъ къ себѣ Кампанья!

— Очень вы ей нужны, Кампаньѣ!—сердито буркнулъ Ситниковъ, уплетая курицу.

— И Апеннины мнѣ улыбаются! — продолжалъ со сладкой улыбкой Благоуханскій, стараясь не замѣчать грубости.

— Да что, они знакомы, что ли, съ вами, Апеннины эти самыя? Ну, съ какой это стати они станутъ вамъ улыбаться? Чему обрадовались?

— Апеннины — горы.

— Тѣмъ болѣе было бы глупо съ ихъ стороны улыбаться. Выдумываете! А вотъ курица дрянь. Дохлая курица. И вино дрянь. И весь вашъ Римъ дрянь! Апеннины!

— Для господина Ситникова нѣтъ ничего! — замѣтилъ, даже не глядя на него: такъ велико было презрѣніе, Пончиковъ.—Ни древнихъ памятниковъ, ни высокихъ горъ, ни великихъ произведеній искусства. Предъ господиномъ Ситниковымъ все гладко, все ровно. Вы знаете, что онъ про папу сказалъ?

— Да-съ, не могъ! — хихикнулъ и Благоуханскій. — Умъ нашъ другъ имѣютъ положительный. Вмѣстѣ ходили-съ въ Соборъ Петра. Несутъ на носилкахъ папу среди восторженнаго народа.

— Pontifex Maximus! — пояснилъ Пончиковъ, поднявъ палецъ.

— Властитель душъ! Всемірный владыка! А г. Ситниковъ пенснэ вдвое сложили, посмотрѣли, говорятъ: „Личность пожилая!" Только и всего замѣчанія!

— Конечно, личность, дѣйствительно, престарѣлая! Достойно вниманія! — подтвердилъ Ситниковъ, разгрызая грецкіе орѣхи.

— Вотъ-съ! — хихикнулъ Благоуханскій.

Пончиковъ только пожалъ плечами и отвернулся.

— А знаете,—сказалъ вдругъ, весь оживляясь, Ситниковъ, — оказывается, что ѣстъ папа? Цыпленка! Я нарочно у какого-то камердинера разспрашивалъ. Весь въ галунахъ. Далъ двѣ лиры. „Что, молъ, ѣстъ папа?" Оказывается, цыпленка! И то только бѣлое мясо... Выѣдаетъ у цыпленка бѣлое мясо...

Но тутъ Пончиковъ вдругъ вскочилъ окончательно, бросилъ о столъ салфетку и крикнулъ:

— Г. Ситниковъ! Объявляю вамъ разъ и навсегда. Вы — рабъ! Вы — рабъ!

Онъ былъ даже торжественен. Словно проклиналъ и отлучалъ.

— Вы — рабъ!

Г. Ситниковъ посмотрѣлъ на него съ глубокимъ удивленіемъ:

— То-есть чей же это рабъ? Не вашъ ли?

Пончиковъ фыркнулъ.

— Чей можетъ быть рабъ! Того, кто будетъ его господиномъ! Рабъ! Res nullius!

— Res nullius, — это я понимаю! — даже со смакомъ сказалъ адвокатъ Ситниковъ.

— Но онъ долженъ принадлежать кому-нибудь. Люди родятся свободными и родятся рабами!

Г. Пончиковъ говорилъ „вдохновенно".

— Рабъ долженъ кому-нибудь принадлежать. И если онъ лишился одного господина, его беретъ къ себѣ другой. Онъ не можетъ быть самъ по себѣ, оставаться свободнымъ. Если васъ не держитъ подъ башмакомъ одна горничная, — васъ будетъ держать другая!

— Ну, это какая горничная! — замѣтилъ г. Ситниковъ, переходя на миндаль.

— Въ чемъ рабство? Въ натурѣ раба. Въ его вкусахъ, грубыхъ, животныхъ, низкихъ. Въ его низкой природѣ. Собственная природа отдаетъ его въ рабство. Онъ видитъ только низкое, мерзкое. Онъ кидается только на низкое, мерзкое, гнусное. И его беретъ себѣ всякій, когда онъ сидитъ на этомъ низкомъ, мерзкомъ, гнусномъ и жретъ. Какъ свинья, не можетъ оторваться отъ грязи и посмотрѣть на небо. Это и есть рабство, глубокое рабство природы. И его поведутъ, куда угодно, поманивъ только: „здѣсь тебѣ дадутъ грязи, мерзости вволю". Тфу! Вы рабъ, г. Ситниковъ. Вы рабъ! По природѣ рабъ!

Пончиковъ задыхался.

Г. Ситниковъ перебралъ на тарелкѣ, нѣтъ ли не гнилыхъ миндалинъ.

— А вы, что же, патрицій?

— Я — патрицій! — крикнулъ Пончиковъ. — Патрицій духа! А онъ, — Пончиковъ показалъ пальцемъ на Благуханскаго, — онъ всадникъ!

Благоуханскій съ испугомъ взглянулъ на Пончикова.

Ситниковъ посмотрѣлъ на Благоуханскаго съ недовѣріемъ.

— Всадники были купцы древняго Рима. И онъ купецъ, хоть и учитель. Онъ заботится о томъ, чтобы ему каждая статуя подешевле обошлась. Онъ купецъ. Ему хочется за свои деньги посмотрѣть побольше. Онъ высчитываетъ: „Рафаэль мнѣ обошелся въ 7 копеекъ". Но онъ тратитъ свои семь копеекъ на Рафаэля. А ты на что? Ты? Ты? Рабъ?

Г. Ситниковъ поднялся:

— Ну, ужъ насчетъ ты извините! Мы съ вами брудершафтъ не пили. Насчетъ моего соціальнаго положенія въ древнемъ Римѣ вы можете имѣть сужденія, какія вамъ угодно. А персонально для меня оскорбительныхъ отзывовъ я не позволю. Довольно я тутъ галиматью-то слушалъ да на разныя гнилушки смотрѣлъ...

Пончиковъ задыхался и лѣзъ черезъ столъ.

— На гнилушки? Рабъ! На гнилушки?

Г. Ситниковъ надѣлъ шляпу на затылокъ, не торопясь пожалъ руку мнѣ и Благоуханскому, и пошелъ къ выходу:

— Разбивайте вашу небьющуюся голову хоть обо всѣ римскія клоаки. А я пойду у хозяина проситься, чтобъ меня въ другой коридоръ перевели!

И вышелъ.

Пончиковъ „ринулся" за нимъ.

Благоуханскій схватилъ его поперекъ туловища и кричалъ:

— Успокойтесь! Успокойтесь!

Пончиковъ воскликнулъ, скрежеща зубами:

— Я его заколю!

Но я остановилъ его вопросомъ:

— Чѣмъ?

Пончиковъ зарыдалъ.

Такъ разсорились „друзья".

III.

Съ недѣлю я не видалъ „друзей“.

Какъ вдругъ встрѣчаю на улицѣ Благоуханскаго.

— Здравствуйте. Ну, какъ?

— Благодарю васъ. Все осмотрѣлъ. Теперь осматриваю то, что у Бедекера звѣздочками отмѣчено, во второй разъ. А тамъ и прощай, вѣчный городъ. Въ долинѣ Кампаньи! Меня ждетъ Везувій.

Мнѣ вспомнился Ситниковъ.

„Очень нужно Везувію тебя дожидаться!“

— Какъ друзья? — спросилъ я у „всадника“.—Какъ патрицій? Какъ рабъ?

Благоуханскій только хихикнулъ и махнулъ рукой.

— Все вретъ! Ситникову-то и скучно. Онъ славный малый. Да г. Пончиковъ на такую линію попалъ, — теперь съ нимъ ничего не сдѣлаешь! „Какія,—говоритъ,— могутъ быть примиренья между рабомъ и патриціемъ? Скажите ему, если хочетъ, можетъ прійти поцѣловать мою пятку, когда я сплю. Только, чтобъ я объ этомъ не зналъ!“

— Ну, а Ситниковъ? Сказали вы ему это?

— Сказалъ-съ. Плюнулъ. „Тфу, ты, — говоритъ, — какія мерзости выдумываетъ! И вы-то хороши: передъ самымъ завтракомъ этакія вещи передавать. Теперь мнѣ все и будетъ казаться, что у меня губы въ пяткѣ“. Ситниковъ теперь въ бѣдственномъ положеніи.

— Что съ нимъ?

Благоуханскій махнулъ рукой уже съ отчаяніемъ.

— Это надо видѣть! Этому повѣрить невозможно!

Онъ вдругъ ожилъ:

— Знаете что? Пойдемте къ намъ въ альберго! Можетъ-быть, вамъ удастся ихъ примирить. Такъ бы хорошо было. Вѣдь въ сущности всѣ такіе хорошіе малые. Только что съ разныхъ сторонъ на жизнь смотрятъ.

Такъ жизнь велика, для всѣхъ взглядовъ на ней мѣста хватитъ. А оно, когда втроемъ, такъ и гиды, и все втрое дешевле. Ей Богу! Пойдемъ!

— Пойдемъ.

— Прямо къ Ситникову!

— Прямо къ нему! Онъ теперь въ другомъ коридорѣ?

Благоуханскій тяжело вздохнулъ:

— Въ томъ-то и дѣло, что въ томъ же!

Я ужъ окончательно ничего не понималъ.

Не успѣли мы стукнуть въ дверь, какъ Ситниковъ крикнулъ:

— Avanti!

И, отворивъ дверь, мы съ нимъ столкнулись носъ съ носомъ.

— Ахъ, это вы?! — сказалъ онъ, отступая и разочарованно.

— Быть-можетъ, вы кого ждете? Мы помѣшали?

— Нѣтъ, нѣтъ!

Онъ вздохнулъ.

— Что жъ ее, подлую, ждать!

Я улыбнулся.

— Изъ сосѣдняго коридора?

— Коли бы изъ сосѣдняго! — снова вздохнулъ Ситниковъ.

— Г. Ситниковъ состоятъ въ нѣжныхъ отношеніяхъ съ горничной изъ этого коридора! — пояснилъ деликатно Благоуханскій.

— Убилъ бобра, могу сказать! — прошелся по комнатѣ Ситниковъ. — Бабецъ.

Г. Ситниковъ даже комнату за собой сами убираютъ! — продолжалъ пояснять Благоуханскій.

— Комнату! Воды въ кувшинъ самъ подъ кранъ набирать хожу! Римъ!

— Какъ же это такъ? А горничная?

Г. Ситниковъ покачалъ головой и даже подразнился:

— Пойдите, поговорите съ нею. „У меня, —говоритъ,— въ другихъ номерахъ работы много! А ты, caro, и самъ уберешь!“ — „Ахъ, ты! — говорю. — Да вѣдь я синьоръ!“ Смѣется, римлянка! „Такъ что жъ,—говоритъ,—ты синьоръ, а я синьора. Это ничего не значитъ! Убирай, — говоритъ,— убирай“.

— Да что жъ, красива она, что ли, такъ ужъ?

Ситниковъ отступилъ отъ меня съ изумленіемъ.

Благоуханскій хихикнулъ и даже лицо закрылъ, чтобъ смѣха не было видно.

— Красива?! Мордальонъ! Рябая форма!

— Да какъ же это могло случиться, что она васъ такъ?

Ситниковъ развелъ руками:

— А вотъ пойдите же! И самъ ума не приложу. Римъ, чтобъ ему пусто было! Стоило ѣхать. Въ Римѣ былъ! Что видѣлъ? Рябую горничную. Бабецъ, нечего сказать

Онъ говорилъ съ глубокимъ отчаяньемъ.

И перешелъ даже въ тонъ наставительный:

— Вотъ-съ вамъ, милостивый государь мой, глубоко поучительный примѣръ! Да-съ. Вотъ онъ-съ, патрицій-то этотъ самый, г. Пончиковъ. Духомъ живетъ-съ! Въ мечтаніяхъ-съ! Въ Мессалину онъ, что ли, теперь влюбленъ?

— Говоритъ, тѣнь ея два раза около постоялаго двора на улицѣ видѣлъ! — подтвердилъ Благоуханскій.

— Оно, положимъ, Мессалина была бабецъ не вредный! —раздумчиво проговорилъ Ситниковъ.—Да-съ! Такъ вотъ-съ! — снова схватилъ онъ нить мыслей.— Въ Мессалину тамъ, что ли, влюбленъ. Нерономъ себя воображаетъ. Меня, чай, разъ десять въ день мысленно въ Колизеѣ гладіаторами убиваетъ! Смѣшно это все и глупо-съ. А все же жизнь духа. Мечтанія - съ возвышенныя. А тутъ жирнымъ мясомъ своимъ къ землѣ прикрѣпленъ!

Всякія паренія духа отвергаю! Не только на колонну почернѣвшую, на женскую статую, ежели у нея башка отбита, смотрѣть не желаю. И вотъ вамъ результатъ-съ. Въ Римѣ, — и рябой бабецъ!

— Она еще, эта горничная-то, требовала, чтобъ г. Ситниковъ ей и для другихъ жильцовъ воду въ кувшинѣ носилъ! — съ соболѣзнованіемъ добавилъ Благоуханскій.

— И требовала-съ! И понесу-съ. Ибо что я долженъ дѣлать? Превыспреннее меня не интересуетъ. Городъ чужой. Ну, и сижу въ комнатѣ, слушаю: не идетъ ли она по коридору?

— Знаете, это у васъ, дѣйствительно, отъ скуки. Что бы вамъ опять съ Пончиковымъ помириться?

Ситниковъ безнадежно свистнулъ:

— Съ патриціемъ?

— Ну, что тамъ... Человѣкъ молодой... погорячился...

— Да я не о томъ-съ. Я про то и забылъ ужъ. Ругай! Это даже хорошо, когда лаютъ. Въ родѣ массажа.

— Ну, такъ за чѣмъ же дѣло?

— Позвольте, какое же мнѣ удовольствіе? Я его по ночамъ буду тайно ходить въ пятку цѣловать, а онъ днемъ со мной разговаривать не будетъ! Увеселеніе мнѣ небольшое! Вамъ объ его условіяхъ передавали?

Г. Ситниковъ вдругъ смолкъ, прислушался, поднялся на цыпочки и, какъ балерина, пошелъ къ двери.

— Кажется, рябой бабецъ идетъ...

Мы поспѣшили проститься.

— Чортъ знаетъ, что такое! — сказалъ я, оставшись въ коридорѣ.

Благоуханскій хихикнулъ.

— Это еще не все-съ!? Пончиковъ ему гибель готовитъ!

— Какъ гибель?

— Гибель окончательную.

Пончикова мы застали расхаживающимъ по номеру въ какомъ-то вдохновенномъ состояніи.

— Здѣсь носятся атомы классическаго великаго духа! — воскликнулъ онъ, крѣпко стискивая намъ руки.— Друзья мои, угадайте, чѣмъ я занимался!

— Ну?

— Я создавалъ „метаморфозу", настоящую овидіевскую метаморфозу! И клянусь вамъ, что съ этого дня я не буду писать иначе, какъ гекзаметромъ! Клянусь!

Онъ поднялъ руку въ знакъ клятвы.

— Дай Богъ, чтобъ печатали!

Я приступилъ къ моей „дипломатической" миссіи.

— Бѣдный Ситниковъ! — сказалъ я.— Вы слышали конечно?

Пончиковъ сдѣлался мраченъ.

— Я отдамъ его псу!

— Какъ псу?

— Вотъ я говорилъ вамъ! — подскочилъ на мѣстѣ Благоуханскій. — Я говорилъ, что они питаютъ мрачные замыслы.

— Какъ псу?

— Рѣшилъ и отдамъ! — мрачно повторилъ Пончиковъ, „словно фатумъ".— Тѣломъ раба я накормлю пса!

— Какой песъ? Гдѣ песъ?

— Пса они купили! — пояснилъ Благоуханскій. — Мальчишка на веревкѣ велъ. Топить, должно-быть. А они дали два сольди и откупили. Песъ слабъ еще?

— Я кормлю его сырымъ мясомъ, чтобъ ожесточить!— мрачно и однотонно произнесъ Пончиковъ и продекламировалъ гекзаметромъ:

„Песъ мой ретивъ и свирѣпъ, ему нипочемъ разгрызанья".

— У нихъ ужъ и ода „на смерть раба" готова! — снова пояснилъ мнѣ Благоуханскій.

— И когда песъ будетъ его ѣсть...

Лицо Пончикова вдругъ сдѣлалось кровожаднымъ:

— Даже въ этомъ будетъ своя красота!

— Но позвольте, это ужъ какое-то безуміе!

Пончиковъ посмотрѣлъ на меня свысока и отвѣчалъ, взвѣшивая каждое слово:

— Это будетъ казнь патриція надъ рабомъ.

— Они въ коридорѣ ихъ затравятъ!—въ ужасѣ воскликнулъ Благоуханскій.

— Надо будетъ, въ такомъ случаѣ, предупредить Ситникова, пока песъ не разъѣлся. Пусть бѣжитъ и отъ пса и отъ „рябой формы".

Пончиковъ вдругъ ни съ того ни съ сего взмахнулъ обѣими руками и ничкомъ, съ „громовымъ" хохотомъ, повалился на постель, которая заскрипѣла и затрещала.

— Ха-ха-ха! Пусть рабъ спасается бѣгствомъ!

И „дико нахохотавшись", онъ сказалъ намъ:

— Господа, оставьте меня побесѣдовать съ музами древнихъ!

Ватиканъ.

Даже „король джентльменовъ“, „образецъ хорошаго тона“, король Эдуардъ VII не могъ удержаться, чтобъ не выразить на лицѣ удивленія, когда ему въ Ватиканѣ представили господина въ средневѣковомъ костюмѣ, раскланивавшагося по всѣмъ правиламъ этикета:

— Начальникъ дорогъ!

У Эдуарда VII едва не вырвалось:

— Какихъ?

А за мѣсяцъ передъ этимъ случилось происшествіе, заставившее хохотать весь Римъ.

Часовой у замка Святого Ангела звонкомъ вызвалъ начальника караула.

По мосту Ангела ѣхала невиданная карета, вся въ золотѣ, вся въ шнурахъ, запряженная шестеркой бѣлыхъ лошадей съ жокеями, съ залитымъ золотомъ кучеромъ, лакеемъ, съ расшитыми гайдуками на запяткахъ.

Начальникъ караула,—молодой офицеръ, провинціалъ, недавно переведенный въ Римъ, — рѣшилъ:

— Королева!

Приказалъ ударить въ барабанъ.

Караулъ выстроился, звякнулъ ружьями и отдалъ честь приближающейся каретѣ.

Изъ кареты съ изумленіемъ глядѣлъ на военныя почести господинъ въ высокомъ кружевномъ воротникѣ, бархатномъ колетѣ и съ широкой золотой цѣпью по плечамъ

Несчастный офицеръ схватился за голову.

Королевскіе солдаты отдали почесть папскому придворному!

„Врагу"!

Офицера посадили на гауптвахту.

„Промахъ" вызвалъ общій смѣхъ.

Почему же могъ знать бѣдняга-провинціалъ, что это ѣдетъ съ такой пышностью по Риму представляться вновь назначенный папскій... начальникъ почтъ.

— Какихъ?

Папской области не существуетъ,—но всѣ должностныя лица остались.

Въ ватиканскихъ садахъ не дороги, а дорожки. Но имѣется начальникъ дорогъ.

Папская почта упразднена 33 года тому назадъ. Но начальникъ почтъ остался.

Все это требуетъ себѣ соотвѣтствующаго содержанія, соотвѣтствующихъ почестей и соотвѣтствующихъ штатовъ.

Папѣ утромъ подается два яйца всмятку. Это главная его пища.

Персоналъ особой, папской, кухни состоитъ изъ ста человѣкъ.

Кухня имѣетъ особое сообщеніе съ покоями папы. Изъ кухни „блюда", по особой лѣстницѣ, несутся въ „credenziera".

Это контора, завѣдующая папскимъ столомъ. Въ ней состоитъ 50 человѣкъ служащихъ. Начальникомъ ея — кавалеръ Джіузеппе Мачелли. Должность „начальника credenziera" очень почетная.

Въ „credenziera" „блюда" перекладываются на тарелки съ шифромъ „S. P. A." („sancto palazzo apostoliquo"),— и ихъ снова, особой лѣстницей, несутъ въ переднюю папы и передаютъ личному камердинеру папы.

А тотъ уже просто подаетъ яйца всмятку святому отцу.

Пройдя столько рукъ, два яйца всмятку должны сильно остыть!

Ватиканъ содержитъ въ себѣ, — по однимъ „вычисленіямъ", одиннадцать, по другимъ (вычисленія Бокнани) тринадцать тысячъ комнатъ, капеллъ и коридоровъ, двадцать огромныхъ дворовъ, двѣсти лѣстницъ и, кромѣ того, еще подземелья, которыя идутъ подъ всѣмъ Ватиканомъ, подъ его садами, подъ всѣмъ кварталомъ Бургъ до замка Святого Ангела.

Въ этомъ лабиринтѣ живетъ минотавръ: дворъ и штатъ папы. Онъ питается деньгами и съѣдаетъ ихъ невѣроятное количество.

Монахи имѣютъ фабрики, промышленныя предпріятія, дистилляціонные заводы, на которыхъ вырабатываютъ водки и ликеры. Монахини имѣютъ колоссальныя мастерскія, въ которыхъ, пользуясь безплатнымъ трудомъ „призрѣваемыхъ изъ милосердія", шьютъ наряды и „роскошное бѣлье". Всѣ эти деньги идутъ въ Римъ и исчезаютъ тамъ безъ остатка.

Римъ очень неохотно посылаетъ деньги церквамъ и монастырямъ.

Онъ требуетъ, чтобы церкви и монастыри посылали ему.

И, глядя „по усердію" церквей и монастырей, вознаграждаетъ ихъ подарками: копіями священныхъ картинъ, сработанными въ папской „живописной мастерской", картинами изъ мозаики, работы тоже папской „мозаичной мастерской", виномъ изъ собственныхъ виноградниковъ папы.

Несмотря на „усердіе" церквей и монастырей, Ватиканъ вѣчно нуждается въ деньгахъ.

И папѣ приходится жаловаться „на крайнюю бѣдность, которую испытываетъ святой престолъ".

На католическомъ конгрессѣ въ Крефельдѣ кардиналъ города Кельна монсиньоръ Шмитцъ отъ имени папы обратился къ католическому міру съ воззваніемъ.

Папѣ — только исключительно „для управленія церковью“, т.-е. для содержанія Ватикана, — нужно ежегодно еще 7 милліоновъ франковъ. Церковь можетъ дать только три, — четыре должны явиться „изъ приношеній всего міра“.

Раньше эти четыре милліона съ избыткомъ давали добровольныя приношенія, — „динарій святого Петра“.

Но времена измѣнились.

Испанія со времени войны съ Америкой значительно сократила свои приношенія. „Старшая дочь церкви — Франція“, становится все менѣе и менѣе щедрой. Австрія, „добрая католическая Австрія“ заняла теперь послѣднее мѣсто среди странъ, приносящихъ дары.

„Динарій святого Петра“ даетъ не болѣе двухъ съ половиной милліоновъ въ годъ.

Монсиньоръ, которому было поручено спеціально изложить во всѣхъ подробностяхъ „la miseria profonda“, — переводите, какъ хотите: „крайняя бѣдность“ или „крайняя нищета“,—святого престола, требовалъ, чтобъ въ Германіи былъ устроенъ постоянный сборъ на нужды папскаго престола, и чтобъ католическая Германія давала, „по крайней мѣрѣ, два милліона“.

— Безъ денегъ, — говорилъ монсиньоръ, — нѣтъ свободы у папы.

Ни Пій IX ни Левъ XIII не трогали тѣхъ суммъ, которыя имъ ассигнованы „объединенной Италіей“ по цивильному листу.

Эти суммы ежегодно вписываются въ солидную-таки книгу государственныхъ долговъ Италіи. Проценты приписываются къ капитальному долгу, и на проценты идутъ проценты.

На 1-е января 1897 года въ книгѣ государственныхъ долговъ Италіи значилось:

„Долгу по цивильному листу святому престолу, съ процентами — 60.337,000 франковъ золотомъ“.

Теперь этотъ долгъ, вѣроятно, какъ снѣжный комъ, доросъ до ста милліоновъ.

Въ финансовомъ отношеніи „долгій понтификатъ“ Льва XIII, несмотря на вѣчныя жалобы на „крайнюю бѣдность“, былъ однимъ изъ наиболѣе блестящихъ.

Послѣ папы Пія IX въ казначействѣ Ватикана осталось всего 50 милліоновъ франковъ неприкосновеннаго капитала.

За 25 лѣтъ Левъ XIII этотъ капиталъ, по меньшей мѣрѣ, утроилъ.

Неприкосновенный капиталъ Ватикана теперь исчисляется отъ 150 до 200 милліоновъ.

Изъ приношеній вѣрующихъ явилась возможность „сдѣлать экономіи“ на 100, на 150 милліоновъ.

Надо имѣть при этомъ въ виду, что расходы Ватикана при этомъ ничуть не уменьшились, а увеличились страшно, потому что это былъ „блестящій“ понтификатъ, гдѣ заботились о внѣшнемъ великолѣпіи больше, чѣмъ когда бы то ни было.

Но это не все.

Папа Левъ XIII создалъ еще „запасный капиталъ“ Ватикана.

Сто милліоновъ, составленныхъ исключительно изъ „юбилейныхъ“ приношеній вѣрующихъ, — изъ тѣхъ экстренныхъ приношеній, которыя дѣлались вѣрующими по случаю безчисленныхъ юбилеевъ папы.

Къ этому добавьте личное состояніе папы: оно таково, что папа получаетъ со своихъ личныхъ капиталовъ около 10 милліоновъ ежегоднаго дохода. А семья Печчи, изъ которой происходитъ папа, одна изъ самыхъ бѣдныхъ семей „черной знати“. У нея не было ничего кромѣ маленькаго родового „замка“ въ провинціи, — и кардиналъ Джіакомо Печчи вступилъ на папскій престолъ бѣднымъ человѣкомъ.

Эти капиталы, съ которыхъ получается до 10 милліоновъ ежегоднаго дохода, — тѣ приношенія, которыя дѣлались лично папѣ по случаю различныхъ торжествъ.

Не слѣдуетъ забывать, что „семья Печчи“ стоила Льву XIII очень дорого. Наскучавшись въ бѣдности, родственники „бѣднаго кардинала“ спѣшили вознаградить себя, сдѣлавшись „родственниками папы“. Они торопились жить, потому что кончины Льва XIII въ теченіе 25 лѣтъ ждали со дня на день. И молодежь папской семьи не переставала причинять своему августѣйшему родственнику непрерывныя огорченія своими кутежами, „безумными тратами“, огромными долгами, а главное—ихъ уплатой.

Сложите суммы всѣхъ этихъ „экономій“, добавьте къ нимъ грандіозные расходы Ватикана, — и передъ вами получится картина: во что же обходится католическому міру Римъ?

Это былъ странный „понтификатъ“.

Понтификатъ контрастовъ.

Контрастовъ между тѣмъ, что говорилось и что происходило.

Папа ежедневно говорилъ о близости смерти, — и „превзошелъ годы Петра“.

Кардиналы получали миссіи говорить о „крайней бѣдности Ватикана“, — и накоплены сотни милліоновъ.

Кипиталы Ватикана и папы выгодно размѣщены среди самыхъ солидныхъ банкировъ Европы и Америки.

Они составляютъ то же оружіе, и могучее, въ рукахъ Ватикана.

Капиталы перемѣщаются изъ страны въ страну соотвѣтственно политикѣ.

И когда Франція, напримѣръ, приняла законъ о конгрегаціи, — первое, что сдѣлалъ Ватиканъ, онъ ударилъ ее по карману: изъялъ всѣ свои капиталы изъ Франціи

Отливъ такого большого количества золота долженъ былъ создать Франціи затрудненія.

Ватиканъ мститъ и борется всякимъ оружіемъ.

Вы познакомились съ Ватиканомъ и разбираетесь въ ощущеніяхъ.

Что больше всего поразило васъ?

Вы отвѣчаете себѣ:

— Пышность и попрошайничество.

Пышность, доходящая до театральности, и попрошайничество — до нищенства.

Вы входите въ Ватиканъ.

Сразу можно вообразить себя за кулисами театра передъ 4-мъ актомъ „Фауста".

Солдаты „швейцарской гвардіи" въ средневѣковыхъ костюмахъ.

Вы идете на „пріемъ поклонниковъ". Входите въ покои папы.

Можно вообразить себя въ артистическомъ фойэ во время представленія „Гугенотовъ".

Кругомъ какіе-то Сенъ-Бри, въ кружевныхъ воротникахъ, въ бархатныхъ колетахъ, черномъ трико, съ золотыми цѣпями, опирающіеся на эфесъ шпаги, приподнимающей черный плащъ.

Эти стражи въ костюмахъ, рисованныхъ Микель-Анджело, эти „кавалеры, плащи и шпаги, — все это не нашего времени.

Все это какіе-то „призраки прошлаго", питающіеся на счетъ настоящаго.

Кардиналы не появляются иначе, какъ въ сопровожденіи процессій, поражающихъ своей пышностью и многолюдствомъ.

Если вамъ нужно видѣть „maestro di camera" папы, его управляющаго дворомъ, — васъ раза четыре по дорогѣ останавливаютъ отряды швейцарской гвардіи и требуютъ „пропуска". Въ передней съ васъ бросается снимать пальто десятокъ лакеевъ. Другой десятокъ пе-

редаетъ васъ съ рукъ на руки, пока вы не дойдете до канцеляріи, одной изъ самыхъ обширныхъ въ мірѣ.

Тогда начинаются хожденія по безчисленнымъ личнымъ секретарямъ.

И вездѣ вамъ любезно говорятъ, — въ Ватиканѣ говорятъ не иначе, какъ изысканно любезно:

— Будьте добры, зайдите завтра!

Васъ необходимо проводить недѣлю,—иначе чѣмъ же заниматься всему этому штату?

Если у васъ есть дѣло въ викаріатѣ,—вы подумаете, что тутъ по какому-то экстренному поводу собрано все духовенство Рима.

Всѣ залы полны сутанами, гуляющими со скучающимъ видомъ.

Это „штатъ", которому при всемъ изобиліи канцелярской переписки рѣшительно нечего дѣлать. Такъ его много.

Духовный антуражъ папы, кромѣ безчисленныхъ интригъ, которыми кишитъ Ватиканъ, занятъ процессіями и торжествами, которыхъ необыкновенно много. Каждый выходъ кардинала—торжество.

Свѣтскій антуражъ, кромѣ тѣхъ же интригъ, занимается „этикетомъ".

Нигдѣ не имѣется такъ много этикета, какъ при папскомъ дворѣ.

Такіе-то кавалеры могутъ ходить только до такихъ-то комнатъ, такой-то только до такихъ-то.

Въ передней папы имѣютъ право садиться только „князья церкви", кардиналы, и „римскія княгини", которыя должны быть въ черныхъ платьяхъ, безъ перчатокъ, въ испанской кружевной „мантильѣ" на головѣ.

Все предусмотрѣно.

И однажды, въ этой самой пріемной, „усмотрѣна была"... la belle Отеро.

Въ черномъ платьѣ, безъ перчатокъ, съ кружевной испанской мантильей на головѣ.

„Къ счастью“, ее узналъ одинъ изъ молодыхъ „знатныхъ гвардейцевъ“.

— Какъ вы попали сюда?

Въ переднюю папы, куда „римскія княгини“ попадаютъ только по особому разрѣшенію.

Ей по дорогѣ отдали разъ десять честь швейцарскіе гвардейцы, „кавалеры плаща и шпаги“ отвѣшивали ей поклоны, „князья церкви“ встали и поклонились при ея появленіи.

Еще нѣсколько минутъ, и она была бы принята въ аудіенціи папой.

Какъ это могло случиться?

Виновата ватиканская прислуга.

Трудно представить себѣ прислугу болѣе распущенную, чѣмъ эта безчисленная и ничего не дѣлающая прислуга Ватикана.

Вы можете ходить сколько угодно и ни за что не добьетесь билета на папскія торжества.

Только что появляются эти билеты съ крупной надписью на каждомъ: „Gratis“,—ватиканская прислуга расхватываетъ ихъ всѣ. Билеты, какъ театральные, продаются съ надбавкою барышниками. Билетами торгуютъ въ кабачкахъ. Они продаются пачками.

Билетами на торжества торгуютъ швейцары большихъ отелей.

— Сто франковъ.

— Почему такъ дорого?

— Лучшія мѣста.

— Да ихъ гдѣ угодно сотнями!

— То худшія мѣста. А это мѣста почетныя. Ватиканская прислуга доставляетъ ихъ только въ отели.

Швейцары въ отеляхъ идутъ дальше и предлагаютъ вамъ:

— Не угодно ли вамъ видѣть папу. Завтра пріемъ поклонниковъ.

— Надо просить разрѣшеніе у кардинала maestro di camera?

— Вы проходите три недѣли. У меня есть готовое разрѣшеніе.

— Сколько стоитъ?

— 200 франковъ.

И онъ подаетъ вамъ „приглашеніе отъ папскаго двора" явиться завтра въ Ватиканъ на пріемъ поклонниковъ, такъ какъ святой отецъ соизволяетъ васъ принять. То-есть не васъ, а какого-то „Карла Миллера" или „Іоганна Фохта", на имя котораго написанъ билетъ.

Такъ попала въ Ватиканъ и „la belle" Отеро.

Она была приглашена пѣть въ одинъ изъ римскихъ кафе-шантановъ. Въ свободное время осматривала достопримѣчательности города, и швейцаръ отеля, гдѣ она жила, предложилъ ей:

— Видѣть папу!

Ей хотѣлось аудіенціи.

Швейцаръ взялся обдѣлать и это и за огромную сумму досталъ черезъ прислугу и канцелярскихъ приглашеніе на аудіенцію на имя какой-то герцогини.

Конечно, когда „la belle" узнали, ее попросили вернуться назадъ.

Она побывала въ Римѣ, такъ и не увидавъ папы.

Попрошайничествомъ полонъ воздухъ Ватикана.

Начиная съ мягкаго и любезнаго аббата, секретаря кардинала maestro di camera:

— Вы желаете сдѣлать приношеніе въ динарій святого Петра?

И кончая комиссіонеромъ, который на подъѣздѣ суетъ вамъ въ руку листокъ:

„Священныя изображенія, освященныя самимъ папой".

Это находящаяся въ Ватиканѣ торговля священными статуями, картинами. Вы покупаете тамъ вещь, платите

дороже, чѣмъ вездѣ, — черезъ день вамъ возвращаютъ ее, якобы благословленную самимъ папой.

Торговля принадлежитъ частному лицу, но за помѣщеніе Ватиканъ беретъ съ него огромныя деньги.

— Прошеніе объ отпущеніи грѣховъ! — пристаютъ къ вамъ на каждомъ шагу.

Посмертное отпущеніе грѣховъ, — in articulo mortis, — дается безплатно, но прошеніе о немъ, съ портретомъ папы, стоитъ 1 франкъ въ лавкѣ, пять — у ватиканской прислуги.

Вы подаете это прошеніе, вписывая имя, черезъ нѣсколько дней вамъ возвращаютъ его съ папской печатью.

Прошеніе съ печатью превратилось уже въ индульгенцію.

Вымогательству ватиканской прислуги нѣтъ предѣловъ.

Въ каждомъ залѣ нѣсколько сторожей, и каждый протягиваетъ руку.

Вы идете осматривать картинныя галлереи, васъ ведутъ въ галлерею „папской живописной мастерской“.

— Копіи, и недорого.

— Да я хочу смотрѣть оригиналы. Ведите меня въ галлерею.

Васъ ведутъ по лѣстницамъ и приводятъ въ „папскую мозаичную мастерскую“:

— Всѣ иностранцы покупаютъ. Лучшая работа и недорого.

Изъ васъ вымотаютъ всѣ нервы, пока увидятъ, что изъ васъ нельзя ничего вымозжить, и только тогда васъ, какъ „безнадежнаго“, поведутъ въ галлерею.

— Потрудитесь здѣсь оставить палку и заплатить прислугѣ десять чентезимовъ.

— Потрудитесь взять палку.

— Да вѣдь въ слѣдующей комнатѣ опять галлерея.

— Тамъ особый гардеробъ.

Этихъ заставъ въ Ватиканѣ устроено прислугой безчисленное множество.

— Здѣсь принято давать на чай! — объясняетъ „чичероне“.

— Этому принято давать 20 чентезимовъ.

— Сейчасъ вамъ отопрутъ особый кабинетъ!

— Что тамъ такое?

— Очень интересно.

Вы входите.

— Копіи съ картинъ. Очень дешево.

— Да ничего я не желаю покупать.

— Заплатить прислугѣ за то, что отпирала.

И вся эта безчисленная челядь Ватикана живетъ отлично, сыто, ничего не дѣлая.

Васъ поражаетъ, въ какой грязи и запустѣніи держится великолѣпнѣйшій дворецъ.

Соръ, паутина, неметенные полы.

Умирая, прислуга Ватикана оставляетъ наслѣдство по десяткамъ, по сотнямъ тысячъ франковъ.

Существуетъ „обыкновеніе“... Именно обыкновеніе, такъ какъ оно ведется изъ глубины вѣковъ.

Когда умираетъ папа, пока еще не опечатано имущество, прислуга Ватикана кидается хватать, кто что можетъ, кто что успѣетъ.

Драгоцѣнныя вещи, произведенія искусства,—у каждаго папы цѣлый музей изъ приношеній, — одежды, посуду, обстановку.

Этотъ „разгромъ покоевъ папы“ происходитъ каждый разъ, когда умираетъ папа.

Этотъ моментъ караулятъ и, дождавшись, пользуются.

Есть что-то ужасное въ смерти папы.

Въ ту минуту, какъ pontifex maximus навѣки сме-житъ глаза, — дворъ кишитъ интригами:

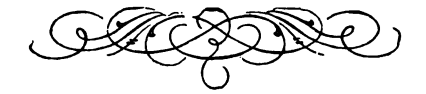
— Кому быть новымъ папой?

Прислуга кидается на грабежъ.

Въ Ватиканѣ царитъ полная анархія.

Старый папа въ эту минуту забытъ всѣми.

Одни сражаются на смерть изъ-за честолюбія. Другіе дерутся изъ-за вещей, которыя тащатъ.

„25 лѣтъ владычества надъ міромъ“.

Юбилей папы.

I.

Надъ Римомъ нависли темныя тучи.

Къ Риму это очень идетъ.

Въ полумракѣ на фонѣ свинцоваго неба еще грознѣе встаютъ его старыя стѣны, развалины, его памятники, его форумъ.

Римъ это—старое, заржавѣвшее, но все еще грозное оружіе. Въ пятнахъ ржавчины мерещится засохшая кровь.

Со страннымъ чувствомъ я подъѣзжалъ къ этому городу:

— Сколько единицъ я получалъ за него!

Титъ Ливій не правъ, говоря, что городъ построенъ на семи холмахъ.

По-моему, на семидесяти семи. И я объѣхалъ ихъ всѣ, отыскивая, гдѣ бы приклонить голову.

Что ни отель:

— Есть свободная комната?

Только улыбаются въ отвѣтъ:

— За двѣ недѣли ужъ все разобрано.

Вспомнилъ свои лондонскія мытарства во время season'а. Тамъ я жилъ нѣсколько дней въ... ваннѣ. Къ великому смущенію какой-то леди, бравшей ванну въ шесть часовъ утра.

— Нельзя ли помѣститься хоть въ ванной комнатѣ?

— Все занято!

Бросивъ отели, поѣхалъ по второстепеннымъ меблированнымъ комнатамъ, по третьестепеннымъ. Все переполнено.

И вотъ я, наконецъ, въ какомъ-то благочестивомъ пансіончикѣ.

Чуть не расцѣловалъ хозяина, когда онъ сказалъ:

— Есть одна комнатка.

Передо мной на стѣнѣ виситъ гравюра „Тайная вечеря".

Надъ моей постелью маленькая олеографія:

— Maria Santissima del Divin Parte.

На столѣ у меня „Diario Romano". Комната завалена клерикальными изданіями.

Съ ихъ страницъ смотрятъ портреты папы. Проектъ памятника Льву XIII. Медаль въ память 25-лѣтія папы.

Я сижу надъ „Constitutiones de electione Romani Pontificis" и перевожу:

— Si electus Papa non potest inthronizari...

Въ первый разъ въ жизни пригодился латинскій языкъ,

Войдя въ комнату, меня можно принять за благочестивѣйшаго пилигрима, ревностнѣйшаго католика! благоговѣйно готовящагося къ юбилею святого отца.

На юбилей въ соборъ св. Петра роздано 60,000 билетовъ.

Иду по отелямъ, по гидамъ.

Цѣна билету отъ 100 до 150 франковъ.

Надо пошарить около Ватикана.

Лишь только перейдя на другую сторону Тибра, къ замку св. Ангела, вы въ царствѣ духовенства.

Отъ нихъ черно на тротуарахъ и въ узкихъ уличкахъ Борга, ведущихъ къ св. Петру.

Подобравъ свои рясы, въ широкихъ черныхъ плюшевыхъ шляпахъ, патеры, молодые, старые бѣгутъ, хлопочутъ, что-то устраиваютъ.

Совсѣмъ не благочестивая мысль приходитъ въ голову.

Вспоминаются „зайцы" въ узкихъ переулочкахъ около биржи въ „самые горячіе часы".

Всѣ языки слышатся кругомъ. Вотъ среди итальянскаго говора мелькнули двѣ испанскія фразы

Пробѣжало нѣсколько патеровъ-испанцевъ.

Французскій языкъ. Нѣмецкій. Сзади словно кто-то говоритъ, щелкая орѣхи и выплевывая скорлупу.

Оглядываюсь, — два породистыхъ бритыхъ англиканскихъ католическихъ патера.

Языки польскій, армянскій, шведскій, венгерскій, — все это смѣшивается все болѣе и болѣе, когда вы приближаетесь къ св. Петру.

Словно у подножія Вавилонской башни.

Звенятъ какія-то совершенно ужъ непонятныя нарѣчія.

По площади бѣгаютъ во всѣхъ направленіяхъ черныя фигуры. Среди нихъ горятъ алыя сутаны семинаристовъ. У праваго крыла колоннады сверкаютъ своими лысинами и бѣлыми эксельбантами огромные папскіе гвардейцы въ колоссальныхъ медвѣжьихъ шапкахъ.

На паперти св. Петра вы перестаете что-нибудь понимать,—до того кругомъ „смѣшались языки".

Идея всемірнаго владычества всегда жила въ Римѣ, отъ императоровъ она перешла къ папамъ.

И папа—повелитель міра. Въ его владѣніяхъ никогда не заходитъ солнце.

И вы сейчасъ увидите это нагдядно,—стоитъ, пройдя лѣвую колоннаду, войти во внутренній дворъ, ко входу въ сакристію.

Отъ картины, которая передъ вами, вѣетъ лагеремъ, гдѣ собрались солдаты всѣхъ родовъ оружія.

Коричневые францисканцы, бѣлые доминиканцы, въ черныхъ ряскахъ монахи „ордена Святого Іисуса".

На черныхъ, бѣлыхъ, коричневыхъ сутанахъ нашиты огромные красные, синіе, голубые кресты.

Отъ этого вѣетъ какимъ-то заговоромъ.

Недостаетъ, кажется, только великолѣпной музыки Мейербера, чтобъ все это въ изступленіи подняло руки, и началось благословеніе мечей.

Есть зловѣщія фигуры, отъ которыхъ прямо вѣетъ ужасомъ.

Проходятъ монахи съ закрытыми капюшонами, въ которыхъ свѣтятся только въ щелкахъ глаза.

Картина какихъ-то среднихъ вѣковъ.

Ко мнѣ подходитъ траппистъ въ верблюжьей сутанѣ, подпоясанный веревкой, босой, въ сандаліяхъ, и молча протягиваетъ кружку, другой рукой перебирая четки.

Онъ не отстаетъ, идетъ какъ тѣнь, безмолвно, перебирая четки, протягивая кружку.

И когда я даю ему пять чентезимовъ, онъ глубоко кланяется и въ видѣ благодарности говоритъ:

— Memento mori!

Единственныя два слова, которыя можетъ произносить этотъ давшій обѣтъ молчанія человѣкъ.

Какія грубыя, безъ проблеска мало-мальской интеллигентности, почти дикія лица.

Юркіе, подвижные, съ интеллигентными умильными мордочками патеры въ черномъ, шныряющіе среди нихъ, похожи на пронырливыхъ маркитантовъ, шныряющихъ среди солдатъ.

И отъ этихъ загорѣлыхъ, обвѣтрѣвшихъ людей вѣетъ, дѣйствительно, солдатами, наряженными въ сутаны.

Солдатами, явившимися на тріумфъ изъ далекаго, труднаго похода.

Откуда, откуда только не свезли этихъ „солдатъ папы“ на тріумфъ „двадцатипятилѣтняго владычества надъ міромъ“!

На этихъ красныхъ, потныхъ, грубыхъ лицахъ написана энергія. Ничего, кромѣ энергіи. Такихъ солдатъ можно вести на какія угодно стѣны. Всѣ сломаютъ.

Какіе-то странные, дикіе звуки раздаются въ сторонѣ.

Оглядываюсь туда, — въ коричневомъ капуцинѣ съ огромнымъ краснымъ крестомъ, нашитымъ на груди, скаля бѣлоснѣжные зубы, о чемъ-то говоритъ монахъ-негръ.

Мимо проходитъ въ бѣломъ съ двухцвѣтнымъ крестомъ человѣкъ, больше похожій на обезьяну. Лобъ ушелъ совсѣмъ назадъ. Подбородокъ острымъ угломъ. Вмѣсто носа торчатъ двѣ ноздри. Огромныя красныя губы. Вмѣсто волосъ — коротенькіе завитки черной шерсти.

Это — зулусъ.

Съ лѣстницы сакристіи медленно спускается огромный, статный монахъ, съ прищуренными глазами, съ гордымъ и печальнымъ взглядомъ.

Гдѣ я видалъ такое мѣдно-красное лицо съ приплюснутымъ носомъ, съ черными, жирными волосами, съ печальнымъ и гордымъ взглядомъ черныхъ глазъ?

И вдругъ мнѣ вспомнилась Америка. Маленькая станція.

Къ нашему вагону подошелъ такой же медленной, словно торжественной походкой человѣкъ въ рубищѣ, съ длинными, черными, жирными, лоснящимися волосами, падающими по плечамъ, съ печальнымъ и гордымъ взглядомъ.

На шеѣ у него болталась огромная серебряная медаль „за спасеніе погибавшихъ", какъ оказалось.

Онъ слышалъ, что за двѣ станціи случилась катастрофа, и пришелъ узнать о подробностяхъ.

Онъ обратился къ кондуктору:

— Много погибло людей?

— Ни одного человѣка.

Онъ помолчалъ.

— А индѣйцевъ?

— Индѣйцевъ погибло шестеро.

Онъ посмотрѣлъ тѣмъ же спокойнымъ, печальнымъ и гордымъ взглядомъ, повернулся и пошелъ своей медленной, торжественной походкой.

Словно воплощеніе печали.

Вотъ гдѣ я видѣлъ такое лицо, какъ у этого мѣдно-краснаго монаха, спускающагося съ лѣстницы сакристіи.

Это — индѣецъ.

Какой-нибудь команчъ или апахъ, обращенный въ католичество и теперь съ такой же ревностью охотящійся за человѣческими душами, какъ его отцы охотились за человѣческими скальпами.

Со всей страстностью проповѣдующій религію и царство, гдѣ нѣтъ дѣленія на „людей" и на „индѣйцевъ".

Это центуріоны императора-папы, завтра справляющаго въ Римѣ свой тріумфъ.

Ихъ навезли со всѣхъ странъ міра.

Они огласятъ тысячами говоровъ соборъ святого Петра, и это будетъ самый побѣдный шумъ.

Всѣ съѣхавшіеся и переполнившіе Римъ пилигримы увидятъ воочію, что царству папы нѣтъ границъ и предѣловъ, и разнесутъ это по лицу всей земли. И увидятъ это populus Romanus.

Со всего міра свезены эти „римскіе центуріоны" всѣхъ расъ и народовъ.

Свезены самые доблестные, самые отличившіеся изъ нихъ, чтобъ украсить папскій тріумфъ.

Свезены какъ побѣдители и какъ побѣжденные.

Чтобъ итти за тріумфальнымъ кортежемъ императора-папы, „папы — побѣдителя міра".

И когда вы послѣ этой картины на площадкѣ предъ сакристіей проходите мимо папской гвардіи.

Этихъ гигантовъ въ бѣлыхъ лосинахъ, съ бѣлыми напутанными эксельбантами, въ огромныхъ медвѣжьихъ шапкахъ...

Они кажутся вамъ оловянными солдатиками.

Вы глядите на эту горсточку съ жалостью послѣ той арміи.

И думаете съ улыбкой сожалѣнія:

— И охота „всемірному владыкѣ“ играть въ игрушечные солдатики.

II.

Завтра тріумфъ „владычества надъ міромъ“.

Сегодня исполнена увертюра къ этому тріумфу.

Она прозвучала эффектно, грандіозно, величественно.

Въ великолѣпной церкви Пропаганды Вѣры алтарь тонетъ въ пурпурѣ кардиналовъ.

Все кругомъ черно отъ сутанъ.

Патеры, присутствующіе здѣсь, это — все миссіонеры, съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ свѣта.

Блестящій смотръ наканунѣ тріумфа.

Это торжественное собраніе.

Academia polyglotta.

Оркестръ исполнилъ увертюру Верди въ „Силѣ судьбы“, и на каѳедру поднялся человѣкъ съ сильно выраженнымъ семитическимъ типомъ.

Пославъ глубокій поклонъ залитымъ пурпуромъ „князьямъ церкви“ и „рядовымъ“ чернымъ сутанамъ, онъ заговорилъ горячо, страстно на какомъ-то красивомъ, величавомъ, но странномъ языкѣ.

Это Шкубралла Мубаракъ, миссіонеръ, пріѣхавшій съ Ливана.

Онъ на древне-еврейскомъ языкѣ прославляетъ научные труды папы.

За нимъ вслѣдъ поднимается другой семитъ, пожилой, съ огненными глазами, и говоритъ на странномъ, гортанномъ языкѣ, съ выкриками, съ какими-то необыкновенными звуками.

Это Франческо Каттула, халдей.

За нимъ слѣдуетъ сиріецъ, турокъ, арабъ.

На каѳедрѣ появляется человѣкъ съ орлинымъ профилемъ.

Это Андреа Моловикъ, албанецъ.

Статный и красивый арабъ Каліанъ-Бехнамъ не говоритъ, а поетъ.

Черный, словно обожженный солнцемъ, курдъ Джіованни Ниссанъ, изъ Курдистана.

Всѣ они славятъ и прославляютъ папу, каждый на своемъ языкѣ.

И словно музыку слушаютъ князья церкви и солдаты-миссіонеры эти непонятныя рѣчи.

Это говоритъ вселенная.

Снова гремитъ оркестръ увертюру къ „Гораціамъ и Куріацамъ“ Верди, — и на каѳедрѣ два человѣка съ желтыми плоскими лицами, узенькими, косо прорѣзанными глазками.

Это Джуэнъ и Паоло Тьенъ, китайцы. Они восхваляютъ подвиги и страданія миссіонеровъ въ Китаѣ.

За ними выростаетъ на каѳедрѣ огромный негръ.

Это Андреа Нгхиди, кафръ.

Его смѣняетъ коричневый сингалезъ, съ ласковыми и нѣжными глазами, — Маттео Коккикуннель.

И чѣмъ дальше звучатъ эти непонятныя рѣчи, тѣмъ больше и больше растетъ восторгъ собранія.

Это вселенная всѣми голосами міра славитъ папу.

Этотъ странный „дивертисментъ“ длится безъ конца.

Словно во снѣ все это видишь и слышишь.

По рядамъ слушателей то тамъ, то здѣсь пробѣжитъ улыбка радости.

Армяне, поляки, шведы, испанцы, англичане услыхали съ каеедры родную рѣчь.

Я вздрагиваю.

Раздается русская рѣчь.

Станиславъ Бортновскій произноситъ по-русски рѣчь въ честь папы.

Я смотрю на аудиторію.

Вздрагиваютъ то тамъ, то здѣсь, услыхавъ родную рѣчь среди этого столпотворенія.

Голландскій языкъ смѣняется румынскимъ, румынскій— греческимъ, греческій — нѣмецкимъ.

Прозвучала вѣнская музыка „Танца часовъ" изъ „Джіоконды" Поккіели, и на каеедрѣ появился проповѣдникъ — индѣецъ Сѣверной Америки, Альберто Неганкветъ.

За нимъ вырастаетъ зулусъ, Луиджи Моисхонга.

Словно какая-то феерія разыгрывается передъ вами. Вся эта пестрота говоровъ, разнообразіе представителей странъ, самый порядокъ, въ которомъ они говорятъ, Палестина, Мадагаскаръ, Венгрія, Канада, Китай, разсчитано на то, чтобъ поразить воображеніе.

Это экзальтируетъ миссіонеровъ.

Передъ ними воочію римская церковь покрываетъ вселенную.

И когда послѣдній изъ проповѣдниковъ кончаетъ свою рѣчь, на каеедру поднимается ректоръ-академикъ Пропаганды и заканчиваетъ собраніе коротенькой рѣчью:

— Передъ вами говорили не слабые люди,—вы слышали голосъ святой римской церкви. Она говорила на своемъ латино-греческо-еврейско-халдейско-сирійско-турецко-самаритянско-испанско-албанско-арабско-курдско-армянско-кельтско-французско-кафрско-польско-португальско-шведско-коптско-англійско-русско-нѣмецко-китайско-сингалезско-индѣйско-ирландско-зулусско-венгерско-румынско-эеіопско-голландско-норвежско-итальян-

скомъ языкѣ. На языкѣ всей вселенной. Всюду римская церковь несетъ христіанскую культуру, нѣтъ уголка, гдѣ бы не слышалось нашей латинской рѣчи. И на ея рѣчь вселенная всѣми языками отвѣчаетъ хвалами Святому Отцу.

Грянувшій послѣ этого торжественный маршъ зазвучалъ особенно побѣдно.

Съ горящими глазами шли подъ его звуки миссіонеры.

Словно римскіе легіонеры шли сражаться и побѣждать міръ.

Всѣ углы улицъ заклеены огромными желтыми афишами:

— Римляне, иллюминуйте завтра, въ день 25-лѣтняго юбилея папы Льва XIII, ваши окна!

Передъ церквами толпятся нищіе.

Патеры даромъ раздаютъ лампады для того, чтобы зажигать ихъ на окнахъ.

Нищіе тутъ же на папертяхъ десятками перепродаютъ ихъ скупщикамъ.

Все дѣлается для того, чтобы завтра вечеромъ иллюминованный Римъ имѣлъ видъ „папскаго Рима".

И какой крошечной, жалкой, ничтожной кажется эта „политическая" манифестація передъ той грандіозной, которая устроила сегодня пропаганда въ видѣ предисловія и поясненія къ завтрашнему тріумфу.

III.

25 лѣтъ тому назадъ, 3 марта 1878 года, кардиналъ Мертель, исполняя обязанности архидіакона, возложилъ на голову Леона XIII золотую митру и громкимъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесъ сакраментальную гордую формулу:

— Accipe Thiaram, tribus coronis ornatam, et scias te esse Patrem principum et regum, rectorem orbis, in terra Vicarium salvatoris Nostri I. C. cui est honor et gloria in saecula saeculorum.

„Прими тіару, украшенную тремя коронами, и знай, что ты отецъ властителей и царей, правитель міра, намѣстникъ на землѣ Спасителя нашего Іисуса Христа, Ему же честь и слава во вѣки вѣковъ".

Это происходило въ Сикстинской капеллѣ.

Съ Ватиканскаго холма отлично виденъ Квириналъ.

Съ Квиринальскаго холма отлично виденъ Ватиканъ.

Но Ватиканъ не желаетъ замѣчать Квиринала. Квириналъ не желаетъ замѣчать Ватикана.

Они стоятъ другъ противъ друга, другъ друга невидя. Какъ поссорившіеся Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Рядомъ съ трагедіей завоеванія міра католицизмомъ разыгрывается водевиль.

И на этой водевильной почвѣ произошло событіе, въ свое время надѣлавшее „аховъ" и „оховъ" въ дипломатіи, надъ которымъ посмѣются историки.

25 лѣтъ тому назадъ полицейскій инспекторъ Борга, улицъ, прилегающихъ къ собору св. Петра, чинъ небольшой, немногимъ развѣ больше участковаго пристава, какъ и всѣ другіе чиновники, получилъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ бумагу:

„Его превосходительство, г. министръ внутреннихъ дѣлъ извѣщаетъ васъ, что такъ какъ правительству офиціально ничего неизвѣстно объ избраніи новаго папы, то власти и чиновники должны воздержаться отъ какого бы то ни было участія въ торжествѣ, которое духовенство устраиваетъ, чтобъ отпраздновать это событіе".

Получивъ такую бумагу, участковый приставъ не замедлилъ увѣдомить „находящійся въ сосѣдствѣ съ его

участкомъ Ватиканъ", что такъ какъ правительство никто офиціально не увѣдомлялъ о восшествіи на престолъ новаго папы, а по дошедшимъ до него, участковаго пристава, свѣдѣніямъ въ соборѣ св. Петра готовится торжество, то онъ, участковый приставъ, не ручается за порядокъ на находящейся въ его районѣ и ввѣренной его охранѣ площади св. Петра.

Не зная офиціально ничего объ избраніи новаго папы, правительство не можетъ предоставить въ распоряженіе Ватикана ни войскъ ни усиленнаго наряда полиціи. И онъ, участковый приставъ, рѣшительно не отвѣчаетъ за то, что могутъ сдѣлать изступленные католики или возбужденные анти-клерикалы.

Криспи черезъ участокъ сносился съ Ватиканомъ и объявлялъ шахъ чрезъ участковаго пристава, срывая коронацію.

Въ отвѣтъ на сообщеніе участковаго пристава въ Ватиканѣ собрался совѣтъ изъ 60 кардиналовъ, подъ предсѣдательствомъ папы.

Какъ быть?

По законамъ церкви объ избраніи, сейчасъ же какъ только конклавъ выберетъ изъ своей среды новаго папу, возвѣщается съ балкона св. Петра.

Кардиналъ, глава ордена діаконовъ, выходитъ на балконъ и провозглашаетъ „urbi et orbi"",—Риму и міру:

— Annunzio vobis gaudium magnum, habemus Pontificem, Eminentissimum et Reverendissimum Dominum... qui sibi nomen imposuit...

„Возвѣщаю вамъ великую радость: мы имѣемъ первосвященникомъ высочайшаго и чтимѣйшаго владыку (имя избраннаго кардинала), который возложилъ на себя имя (имя, подъ которымъ онъ желаетъ царствовать).

Затѣмъ объ этомъ сообщается всѣмъ иностраннымъ дворамъ, имѣющимъ своихъ пословъ при римской куріи, чрезъ посредство этихъ пословъ.

Итальянское правительство не имѣетъ посла при святѣйшемъ престолѣ, слѣдовательно, его особо увѣдомить было не черезъ кого и невозможно.

Само не держитъ посла, чтобъ узнавать ватиканскія новости, слѣдовательно, предпочитаетъ узнавать ихъ такъ же, какъ и узнаетъ весь остальной міръ.

„Всему міру“ было объявлено съ балкона св. Петра.

Слѣдовательно, итальянское правительство незнаніемъ того, кто теперь папа, отговариваться не можетъ.

Но какъ же все-таки быть?

Законы церкви требуютъ, чтобъ папа былъ коронованъ въ соборѣ св. Петра.

Послѣ коронаціи онъ долженъ съ балкона послать собравшимся на площади народомъ три благословенія: присутствующимъ, своему городу, всему міру.

Безъ войска, безъ усиленной полиціи,—этотъ моментъ обѣщаетъ быть страшнымъ на площади.

Толпа вѣрныхъ и толпа невѣрныхъ. Въ ожиданіи демонстрацій явится съ оружіемъ.

Демонстраціи, свалка и въ результатѣ неизбѣжное колоссальное побоище на площади.

Соборъ кардиналовъ рѣшилъ, что коронованіе папы произойдетъ въ Сикстинской капеллѣ. Папа тамъ, съ трона, заочно пошлетъ благословеніе „своему городу“.

Это рѣшеніе одобрилъ Левъ XIII.

Криспи торжествовалъ.

Участковый приставъ квартала Борга оказался рѣшительно молодчиной!

Министерскія газеты объявили въ ликующихъ статьяхъ, что такая келейная коронація папы не дѣйствительна. Противорѣчитъ постановленіямъ церкви. Что папа, коронованный не всенародно, не въ соборѣ св. Петра, — не папа.

Но соборъ кардиналовъ предвидѣлъ это заранѣе.

На совѣтѣ кардиналовъ по поводу сообщенія участковаго пристава были предусмотрѣны всѣ возраженія и подобраны всѣ законы.

Соборъ кардиналовъ опубликовалъ въ клерикальныхъ газетахъ законъ... 1059 года.

Извлеченіе изъ „Constitutiones de electione Romani Pontificis Nicolai. P. P. in concilio apud Latenarum habito"...

— Si electus Papa, si bellica fuerit tempestas, non potest inthronzinari, nihilominus est verus Papa, et potest regere Ecclesiam Romanam et de omnibus facultati buseius disponere.

Если избранный папа, „по случаю военной грозы", вовсе даже не можетъ торжественно взойти на престолъ и быть коронованъ,—все-таки онъ остается истиннымъ папой, можетъ царствовать надъ римской церковью и располагать всѣми ея силами.

Соборъ кардиналовъ объявилъ только переживаемыя времена „военной непогодой". Вотъ и все!

Такъ Криспи, объявившій шахъ, самъ получилъ матъ отъ Ватикана.

Надо было изворачиваться.

Находчивый участковый приставъ квартала борга былъ моментально выгнанъ въ отставку „за самовольныя сношенія съ Ватиканомъ".

Министерскія газеты помѣстили офиціозныя сообщенія, что министерство внутреннихъ дѣлъ никогда никакихъ представленій Ватикану не дѣлало и никому дѣлать не поручало.

Гдѣ происходитъ какое торжество, — правительство даже не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться. Это дѣло внутренняго распорядка Ватикана.

Правительство относится всегда одинаково ко всѣмъ торжествамъ въ соборѣ св. Петра. При каждомъ такомъ торжествѣ оно всегда посылаетъ на площадь св. Петра

для поддержанія порядка усиленный нарядъ полиціи и войскъ. Пошлетъ точно такъ же и на предстоящее торжество 3-го марта.

Солдатамъ былъ отданъ приказъ, въ случаѣ появленія папы на балконѣ св. Петра, отдать ему обычныя воинскія почести.

Объ этомъ было офиціозно заявлено въ министерскихъ газетахъ.

Такъ Криспи звалъ папу на балконъ св. Петра.

— Ничто не мѣшаетъ святѣйшему отцу послать традиціонное пастырское благословеніе народу.

Криспи дѣлалъ послѣдній ходъ.

Онъ соблазнялъ даже воинскими почестями, чтобы папа только сдѣлалъ первый шагъ.

Ватиканъ даже не замѣтилъ мирныхъ маневровъ Криспи.

„Военная непогода“.

И по случаю „tempestatis bellicae“ коронованіе папы произошло въ Сикстинской капеллѣ, въ присутствіи князей церкви, пословъ иностранныхъ дворовъ при римской куріи и немногихъ избранныхъ высокопоставленныхъ лицъ.

Папа левъ XIII, по случаю „военной непогоды“, заочно послалъ благословеніе „своему городу“ и благословилъ „весь міръ“ изъ своей Сикстинской капеллы.

Выстроенные лицомъ къ собору св. Петра въ парадной формѣ, приготовившіеся отдавать почести батальоны такъ и простояли, не сдѣлавъ ни одного артикула ружьемъ, передъ пустымъ балкономъ.

На балконѣ никого не появилось.

Положеніе было тягостное и не умное.

Пришли первыми чествовать, а къ нимъ даже не вышли.

Криспи, вѣроятно, въ этотъ день чувствовалъ себя преотвратительно.

Хуже его въ Римѣ чувствовалъ себя только одинъ человѣкъ: выгнанный за „безтактность“ участковый приставъ квартала Борга.

Такими мелкими и ничтожными обстоятельствами сопровождалось 25 лѣтъ тому назадъ восшествіе на престолъ одного изъ величайшихъ папъ, какого только видѣла римская церковь.

IV.

Римъ проснулся подъ проливнымъ дождемъ.

— Слава Богу! — сказалъ мнѣ итальянецъ-патеръ, съ которымъ я успѣлъ подружиться, чтобъ онъ меня протаскивалъ „гдѣ лучше видно“,—само Небо покровительствуетъ тріумфу святого отца!

— Такимъ дождемъ-то?

— Сумасшедшіе собирались устроить демонстрацію передъ соборомъ святого Петра и омрачить юбилей святого отца. Само Небо разрушило ихъ планы. Пусть явятся подъ такимъ дождемъ.

Площадь святого Петра была перегорожена во всю длину солдатами.

Полицейскіе, въ два ряда, осматривали билеты и пропускали поодиночкѣ.

Происходило что-то странное.

У всѣхъ одинаковые билеты.

Но полицейскій долго разсматриваетъ, читаетъ, — словно ищетъ какихъ-то условныхъ знаковъ.

Однихъ пропускаетъ. Другихъ останавливаетъ:

— Нельзя.

И сколько ни спорьте,— передъ вами двойная живая стѣна изъ полицейскихъ, за ней четверная стѣна изъ солдатъ.

Я не могу утверждать, выдавались ли билеты, могущіе попасть въ сомнительныя руки, съ особыми знаками,

сами ли полицейскіе съ полицейской психологіей выбирали такихъ, которые „хоть и не демонстранты, но могутъ быть демонстрантами“.

Но происходило что-то странное и таинственное.

Едва гдѣ-нибудь скоплялась кучка людей,— на нихъ, словно ненарокомъ, маршировалъ взводъ солдатъ, и маршировалъ до тѣхъ поръ, пока отступавшая кучка не разсѣивалась окончательно.

Но съ неба лило какъ изъ ведра. Ни о какой демонстраціи не могло быть и рѣчи.

И всѣ эти военные экзерцисы продѣлывались простонапросто надъ злосчастными иностранцами съ Бедекерами и огромными биноклями бѣгавшими по лужамъ, по колѣно въ водѣ, по самой большой площади въ мірѣ.

Храмъ Петра съ восьми часовъ былъ полонъ народомъ.

Приглашенія предлагали быть во фракахъ.

Иностранцы съ Бедекерами, съ биноклями,—даже съ фотографическими аппаратами!— были оттерты назадъ и тоскливо бродили на цыпочкахъ, стараясь что-нибудь разсмотрѣть черезъ море головъ.

Впереди плотно сбились одѣтыя во все черное дамы, мужчины во фракахъ, въ черныхъ сюртукахъ. Слышался только итальянскій говоръ.

Это „populus Romanus“ стоялъ по пути тріумфальнаго шествія.

Толпа, какъ южная толпа, была настроена шумно и весело.

Когда въ куполахъ вспыхнуло электричество и освѣтило пурпуръ, которымъ одѣты колонны и стѣны на пути тріумфальнаго шествія,—толпа привѣтствовала это громкимъ, радостнымъ:

— А-а-а-а!

То тамъ, то здѣсь вспыхивали крики:

— Evviva papa il re!

„Да здравствуетъ папа-король“.

Трещалъ громъ аплодисментовъ.

Но весь соборъ сдерживалъ эти преждевременные восторги дружнымъ:

— Тсс...

Волненіе и тревога охватывали всѣхъ.

Папская месса была назначена въ 10 часовъ.

Одиннадцать... Половина двѣнадцатаго...

— Сможетъ ли сегодня появиться тріумфаторъ-папа? Льву XIII, какъ разъ наканунѣ, 2-го марта, исполнилось 93 года.

Для своихъ лѣтъ онъ крѣпокъ и здоровъ.

Какъ другой великій старецъ, у насъ, въ Россіи, онъ избралъ предметомъ для своихъ шутокъ медицину.

Профессоръ Лаппони, который дежуритъ при немъ неотлучно, несчастный мученикъ папскаго остроумія. Папа не можетъ его видѣть безъ улыбки. И преслѣдуетъ шутками на каждомъ шагу.

Послѣ какой-нибудь утомительной церемоніи, на которой профессоръ „совѣтовалъ бы его святѣйшеству лучше не присутствовать“, девяностотрехлѣтній старикъ, утомленный, разбитый, вернувшись въ свои комнаты, требуетъ, чтобъ къ нему позвали „почтеннаго профессора Лаппони“.

Только для того, чтобы сказать ему:

— Какъ видите, снова были правы мы, а не вы. Мы чувствуемъ себя великолѣпно.

Недавно, принимая какое-то большое посольство, папа долженъ былъ произнести рѣчь.

Профессоръ Лаппони снабдилъ его пастилками, чтобы принять, когда утомится голова.

Папа началъ свою рѣчь.

Въ серединѣ, когда пора уже была принять пастилки, Лаппони началъ кашлять, чтобы обратить на себя вниманіе папы и напомнить о лѣкарствѣ.

Папа остановился и приказалъ подозвать Лаппони.

— Мы замѣтили, что вы кашляете! Не угодно ли вамъ принять вотъ этихъ пастилокъ?

И послѣ церемоніи очень довольный, что поставилъ профессора въ такое положеніе, онъ замѣтилъ:

— Вы видите, мы еще можемъ рѣзвиться какъ юноша?

Въ 92 года!

На-дняхъ папа, во время торжественнаго пріема, зацѣпился за складку ковра и пошатнулся.

Все замерло въ ужасѣ:

— Неужели?

За каждымъ шагомъ его приходится слѣдить со страхомъ.

Въ послѣдніе дни какъ разъ онъ какимъ-то образомъ простудился и получилъ насморкъ и лихорадку.

Къ тому же папа возвелъ въ постоянное развлеченіе не слушаться Лаппони и очень любитъ пробовать лѣкарства, которыя ему запрещаетъ профессоръ.

— Что сегодня съ папой?

Но вотъ изъ дверей показались аллебарды швейцарской гвардіи.

Радостное „а—а—а!“ вырвалось у толпы.

Тріумфъ начался.

Вынесли крестъ.

Безконечной вереницей потянулись мальчики въ кружевныхъ накидкахъ сверхъ красныхъ сутанъ, священники въ ризахъ, епископы въ золотыхъ митрахъ, князья церкви въ пурпурѣ, князья церкви въ фіолетовыхъ облаченіяхъ, кавалеры папскаго двора въ черныхъ колетахъ, кружевныхъ воротникахъ, черныхъ перчаткахъ съ орденской цѣпью на шеѣ, со шпагой сбоку,—настоящіе Сенъ-Бри изъ „Гугенотовъ“.

И вотъ въ дверяхъ мелькнули бѣлыя страусовыя перья опахалъ.

Истерическій вопль вырвался у толпы, стоявшей у дверей, передался другимъ, охватилъ весь храмъ.

Грянулъ громъ несмолкающихъ аплодисментовъ.

60,000 человѣкъ ринулись впередъ, едва сдерживаемые папскими жандармами и папскими гвардейцами.

Весь соборъ св. Петра наполнился однимъ крикомъ:

— Evviva papa il re!

Женщины махали платками, мужчины—шляпами, зонтами, палками.

Навстрѣчу папѣ заигралъ оркестръ, грянула великолѣпными сопрано папская капелла.

Весь храмъ гремѣлъ:

— Evviva papa il re!

И вдругъ эти крики, вопли, музыку, пѣніе прорѣзалъ могучій, страшный, адскій, словно мефистофельскій, свистъ.

Совсѣмъ музыкальная картина изъ финала пролога бойтовскаго „Мефистофеля“.

Человѣкъ пятьдесятъ, навѣрное, сбившись кучей, дружно, по командѣ, издали этотъ раздирающій свистъ, освистывая тріумфатора-папу.

Полная картина римскаго тріумфа, съ хулителями среди кликовъ восторга.

Но этотъ свистъ только подлилъ масла въ пламя. И истерическое „Evviva!“ разразилось, загрохотало, забушевало какъ ураганъ.

Въ тѣ нѣсколько минутъ, пока папу несли по собору св. Петра, люди успѣли потерять всѣ силы.

Пронесли, и когда стихло все, кругомъ красныя лица, по которымъ крупными каплями льется потъ, мокрые волосы. Люди едва переводятъ дыханіе. Многіе еле держатся на ногахъ.

Красные воспаленные глаза, хриплое запаленное дыханіе, мокрые, смявшіеся воротнички рубашекъ.

Словно это продолжалось не нѣсколько минутъ, а нѣсколько долгихъ часовъ.

Можете судить, какъ ревѣла толпа.

На высокихъ носилкахъ, ровно, медленно, еле-еле плывшихъ надъ толпой, на золотомъ и пурпурномъ тронѣ, среди бѣлоснѣжныхъ опахалъ изъ страусовыхъ перьевъ, въ бѣлой одеждѣ, съ золотой тіарой на головѣ несли призракъ папы, идею о папѣ.

Почти безплотную идею.

Среди бѣлыхъ опахалъ и бѣлой одежды свѣтло-желтое, восковое лицо и руки папы кажутся прозрачными.

Лица нѣтъ. Есть только обострившіяся неподвижныя черты. И кости, обтянутыя кожей.

Очень большой заострившійся носъ только и кидается въ глаза на этомъ лицѣ. Все остальное мелко, почти неразборчиво.

Первую минуту казалось, что на носилкахъ среди страусовыхъ перьевъ несутъ закоченѣвшій трупъ.

Папа лежалъ въ креслѣ безъ движенія.

Но это былъ только припадокъ кашля.

Маленькій, желтый, восковой человѣкъ въ огромной золотой тіарѣ задвигался.

Крики кругомъ поднялись изступленные.

Онъ посылалъ благословеніе впередъ, на обѣ стороны.

Со старческой суетливостью двигался на тронѣ, поворачивался то въ эту, то въ ту сторону, нагибался къ тянувшимся къ нему рукамъ, протягивалъ свои прозрачныя, восковыя руки, благословлялъ.

И тамъ, куда онъ посылалъ благословеніе, поднимался истерическій, изступленный вопль.

Женщины плакали, крича, махая платками.

Папа кашлялъ, и его провалившіяся щеки надувались. Онъ повертывался изъ стороны въ сторону и благословлялъ дрожащими руками.

Никакой „вѣчной улыбки“, съ которой рисують папу на всѣхъ портретахъ, не играло на его лицѣ. На этомъ желтомъ, почти не живомъ уже лицѣ дрожалъ, мерцалъ, еле трепеталъ огонекъ жизни. И было что-то милое и доброе въ этомъ огонькѣ.

Когда папу донесли до его мѣста,—профессоръ Лаппони первымъ подбѣжалъ къ нему.

Но папа чувствовалъ себя „великолѣпно“.

Началась месса.

Вмѣсто папы ее служилъ одинъ изъ кардиналовъ.

Звонко и сочно запѣла папская капелла.

И когда затихло ея пѣніе, вдругъ началось шиканье. Оно шло отъ окружающихъ папу, кругами расходилось по храму,—и весь храмъ св. Петра погрузился въ мертвое молчаніе.

Слѣпой въ эту минуту, стоя среди 60-тысячной толпы, подумалъ бы, что въ храмѣ нѣтъ ни души.

Нѣсколько секундъ, долгихъ, безконечныхъ, длилось это мертвое молчаніе.

И вдругъ какой-то дрожащій звукъ донесся съ того мѣста, гдѣ папскій престолъ.

Послышалось,—какъ будто послышалось только:

— Filii...

Громъ аплодисментовъ, воплей, криковъ:

— Evviva papa il re! — грянулъ въ отвѣтъ.

Это войско, дворъ, епископы, — все склонило колѣни передъ папой, и онъ послалъ свое благословеніе „urbi et orbi“.

То торжественное благословенье, которое долженъ произнести въ храмѣ св. Петра 25 лѣтъ тому назадъ.

— Папу было слышно во всемъ соборѣ!—говорили съ восторгомъ, съ восхищеніемъ, со слезами.

И когда снова поплыли надъ толпой носилки съ этимъ благословляющимъ призракомъ папы, съ этой почти безплотной идеей папы,— новый ураганъ аплоди-

сментовъ, криковъ, воплей, какихъ-то стоновъ разразился въ храмѣ св. Петра.

Тріумфъ былъ конченъ.

Съ колоссальной лѣстницы храма св. Петра, словно безконечный водопадъ, лилась человѣческая рѣка.

Populus Romanus расходился съ тріумфа довольный великолѣпнымъ и побѣднымъ зрѣлищемъ.

Слышались всѣ нарѣчія міра.

Словно во время императоровъ, когда Римъ былъ властителемъ „всего круга земель".

Словно на тріумфѣ Тита или Веспасіана.

V.

Urbi et orbi.

Это не энциклика, не тронная рѣчь. Но даже, будучи напечатано на простой газетной бумагѣ, это имѣетъ силу документа.

Это статья, помѣщенная во всѣхъ официозныхъ газетахъ Ватикана.

Такіе документы не печатаются безъ „imprimatur" римской куріи.

Эта статья звучитъ тронной рѣчью, гордой и побѣдоносной.

25 лѣтъ тому назадъ папа Левъ XIII, которому исторія, быть-можетъ, дастъ наименованіе Мудраго, вошелъ на одинокій и всѣми оставленный престолъ.

Послѣ „несчастныхъ событій" 1870 года всѣ правительства отвернулись отъ римской куріи. Папство казалось конченнымъ. Криспи, какъ мы видѣли, разговаривалъ съ Ватиканомъ чрезъ участокъ.

„Тронная рѣчь", напечатанная въ видѣ статьи, перечисляетъ всѣ конкордаты, заключенные Львомъ XIII, всѣ сношенія съ иностранными державами, имъ завязанныя, всѣ миссіи и посольства, чрезвычайныя и постоянныя, имъ посланныя.

— Пришлось бы переименовать почти всѣ государства цивилизованнаго міра! — восклицаетъ „рѣчь". — И все это великое дѣло „признанія папы" снова государемъ—дѣло исключительно великаго Льва XIII.

Рѣчь сначала говоритъ объ „еретическихъ" странахъ.

Особенно подробно и внимательно останавливается „рѣчь" на Англіи.

Англія пользуется за послѣднее время особымъ вниманіемъ со стороны римской куріи.

На Англію у Ватикана особый аппетитъ.

Католичество особенно сильно работаетъ надъ Англіей.

Даже „беатификація" Жанны д'Аркъ, которой добиваются французскіе католики, „пока" отклонена Римомъ:

— Жанна д'Аркъ, конечно, святая дѣвушка. Но ее сожгли англичане. И имъ это можетъ не понравиться!

„Въ Англіи, — говоритъ „тронная рѣчь", — гдѣ, какъ они называютъ, къ „папизму" относились всегда особенно враждебно, римская церковь понемногу дѣлаетъ все новыя и новыя завоеванія. Этимъ мы обязаны той отзывчивой и благородной предупредительности, съ которой папа Левъ XIII относился всегда ко всѣмъ событіямъ за время долгаго правленія покойной королевы Викторіи и за то время, которое царствуетъ Эдуардъ VII. Слова и дѣйствія папы открыли глаза милліонамъ англичанъ, предубѣжденнымъ противъ Рима, и заставили пасть старые предразсудки англичанъ. Римская церковь обязана лично святому отцу этимъ дѣломъ сближенія, симпатіи и справедливости. Многочисленныя теперь въ Англіи обращенія въ католическую вѣру суть предъ Господомъ плоды высокой мудрости, которая характеризуетъ сношенія святого отца съ могущественной англійской націей. И блестящая миссія, съ которой прибылъ къ подножію

папскаго трона герцогъ Норфолькъ, во главѣ самой отборной и блестящей аристократіи Англіи является почестью, вполнѣ заслуженной великимъ старцемъ, власть котораго надъ душами еще обширнѣе, чѣмъ Британская имперія“.

Герцогъ Норфолькъ, какъ извѣстно, постоянный гость Рима. Онъ живетъ въ поѣздѣ желѣзной дороги. Не успѣетъ окончить одного путешествія „къ подножію папскаго престола“, какъ снова мчится съ толпой самыхъ аристократическихъ англійскихъ пилигримовъ „припасть къ стопамъ святого отца“.

А „число обращеній“ все растетъ и растетъ въ евангелической Англіи.

Такъ работаетъ Римъ въ самой „еретически-протестантской изъ странъ.

„Тронная рѣчь“ переходитъ къ странамъ „вѣрнымъ“.

У меня передъ глазами стоитъ покойный великій Росси въ лучшей изъ его ролей, — въ королѣ Лирѣ.

Для каждой изъ дочерей у него свой, особый голосъ.

Какъ свое, особое чувство.

— Tu, Generilia... — говоритъ онъ, и это не тотъ голосъ, которымъ онъ сейчасъ скажетъ:

— Tu, Regana...

— E tu...

И въ этомъ голосѣ звучитъ неизъяснимая нѣжность:

— Mia bella Cordelia!

Послѣ мелодіи, которая зазвучала въ этомъ голосѣ, становятся ужъ лишними слова:

— Младшая, но не послѣдняя изъ нашихъ дочерей!

Гонерилья — Бельгія.

На ней со спокойствіемъ, любуясь ею, останавливается величественная „тронная рѣчь“:

„— Бельгія видѣла, какъ во время правленія Льва XIII и благодаря умѣлой дѣятельности святого отца, либеральная партія потеряла власть въ странѣ и уступила ее католической партіи, которая широко пользуется этой властью въ интересахъ справедливости и истинной свободы!“

Кто вспомнитъ хотя бы прошлогодніе ужасы, происходившіе въ Бельгіи, тотъ составитъ себѣ понятіе о „счастіи и процвѣтаніи“ бельгійскаго народа...

„Тронная рѣчь“ переходитъ къ Реганѣ.

Испанія.

Въ классической странѣ инквизиціи патеры должны переодѣваться въ штатское платье, чтобъ безбоязненно пройти по улицѣ. Церковныя процессіи могутъ происходить только подъ охраной батальоновъ солдатъ.

Парламентъ вотируетъ противъ духовныхъ конгрегацій.

И въ это самое время король посылаетъ особое, блестящее посольство, чтобъ принести „къ стопамъ папы“ поздравленіе съ 25-лѣтнимъ юбилеемъ.

Передъ великолѣппымъ мадридскимъ дворцомъ день и ночь стоитъ призракъ Донъ-Карлоса.

Какъ Бибиковъ про Пугачева, про Донъ-Карлоса можно сказать:

— Страшенъ не Донъ-Карлосъ, страшно общее негодованіе.

Какъ пушкинскій Самозванецъ, Донъ-Карлосъ можетъ сказать про себя:

„Я предлогъ раздоровъ и войны“.

Все, что есть недовольнаго, зоветъ Донъ-Карлоса подъ свои знамена.

Если армія, въ которой приходится безо всякой надобности держать на хорошемъ жалованьѣ безчисленное количество офицеровъ, по большей части за короля, то духовенство, недовольное „слабостью теперешняго пра-

вительства“, пользуется въ Испаніи славой „карлистовъ въ черныхъ и коричневыхъ сутанахъ“.

И забота королевскаго дома — привлечь духовенство на свою сторону.

Когда пролетаетъ мимо призракъ Донъ-Карлоса, дрожитъ и колеблется испанскій тронъ.

И юноша-король въ испугѣ хватается за Ватиканъ.

Это экстренное блестящее посольство въ Римъ — мольба за то, что вотируетъ парламентъ, мольба за то, что вся страна противъ духовенства.

И Ватиканъ снисходительно принимаетъ эту мольбу о помощи. Отвѣчаетъ на нее надменно и безчисленными „если“.

„— Если испанцы и тѣ, кто правитъ ея судьбами, будутъ имѣть счастіе слѣдовать благороднымъ и всеобъемлющимъ совѣтамъ, которые имъ будутъ преподаваться Ватиканомъ; если они будутъ приводить въ исполненіе указанія Ватикана, указанія на то, какъ достигать истиннаго единенія, согласія въ странѣ плодоноснаго процвѣтанія труда, истиннаго прогресса, настоящей свободы, развитія искренняго и просвѣщеннаго патріотизма; указанія, самыя высшія, какія только могутъ быть имъ даны, потому что эти указанія нисходятъ съ высоты апостольскаго престола! Тогда мы, ни на минуту не сомнѣваясь, сможемъ утверждать, что новая эра процвѣтанія могущества, величія начнется для Испаніи, и Испанія снова займетъ то мѣсто среди другихъ націй Европы, какое она занимала когда-то въ иныя, чѣмъ теперь, времена“.

Позволяю себѣ думать, что послѣ такого утвержденія папскаго престола испанскія пезеты не поднялись на биржѣ ни на одинъ сантимъ.

Ватиканъ продолжаетъ побѣдоносно:

„— Несомнѣнно, эти самыя мысли и эти надежды внушили молодому королю тотъ прекрасный актъ, кото-

рый онъ выполнилъ съ такимъ великолѣпіемъ, пославъ къ святому отцу знатнѣйшее и блестящее посольство, уполномоченное представлять его на великолѣпныхъ торжествахъ, и передать папѣ, съ изъявленіемъ благоговѣнія крестнаго сына, собственноручное письмо юнаго короля. Почесть, которая вполнѣ достойна глубокой и признательной почтительности короля".

Такъ Ватиканъ, недовольный Испаніей, отвѣтилъ на „знатнѣйшее блестящее посольство".

— Почести принимаемъ, какъ должное. Они дѣлаютъ честь вамъ, а не намъ. Это хорошо, что вы такой почтительный. Если будете во всемъ слушаться, все будетъ хорошо.

Ватиканъ переходитъ къ Франціи.

— E tu, mia lella Cordelia.

И нѣжностью и глубокою грустью „за любимую дочь" звучатъ слова римской церкви.

Это почти поэтическая часть „тронной рѣчи".

Такъ грусть располагаетъ къ поэзіи!

„Отеческіе взоры Льва XIII давно уже направлены на Францію, которая кажется забывшею свою роль и свою миссію любимой дочери церкви"...

E tu, mia bella Cordelia...

А, можетъ-быть, вѣрнѣе.

— E tu, Desdemona?!

„Печальныя событія, безпрерывныя огорченія, непримиримая ненависть, — все это не уменьшаетъ ни доброты ни терпѣнія и кротости старца, который не только намѣстникъ, но и олицетвореніе (sic!) Христа на землѣ. Онъ разсѣялъ сокровища своего сердца, чтобъ спасти дѣло церкви во Франціи, и, несмотря на черную неблагодарность, которую получалъ въ отвѣтъ, онъ все еще хочетъ надѣяться. Исторія скажетъ, потомство оцѣнитъ,— какое великое дѣло справедливости, согласія, умитворенія умовъ и истиннаго процвѣтанія было предпринято

и велось папой во Франціи, чтобъ обезпечить ей полное славы грядущее и первенствующее значеніе въ мірѣ“.

E tu, Desdemona?!?!...

Папа даже не надѣется, папа только „хочетъ надѣяться“.

Этой элегической, полной почти отчаянья „за Францію“ нотой заканчивается обращеніе къ „вѣрнымъ“ странамъ.

И какъ органъ послѣ Miserere —„Te, Deum“,—„тронная рѣчь“ гремитъ въ финалѣ великолѣпными аккордами въ честь папства.

„— По лицу всей земли распространяется духовное владычество папы. Ему нѣтъ границъ, оно не знаетъ предѣловъ. Папство льетъ на всю землю лучи христіанской культуры, христіанскаго прогресса. И нѣтъ мѣста на землѣ, куда бы теперь не проникали его благодѣтельные лучи. Юбилей славнаго, побѣдоноснаго для церкви 25-лѣтія владычества надъ міромъ Льва XIII, Великаго, наполнилъ радостью весь христіанскій міръ и открываетъ для церкви новые горизонты. Изумленные народы поднимаются и идутъ къ этому несравненному источнику путеводнаго свѣта, который Богъ возжегъ на престолѣ Петра 25 лѣтъ тому назадъ. Куда стремятся эти тысячи и тысячи пилигримовъ всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ, всѣхъ общественныхъ положеній, всѣхъ языковъ и говоровъ, всѣхъ странъ,—куда? Въ Ватиканъ! Въ Ватиканъ, чтобъ лицезрѣть и славить великаго старца, который сближаетъ небо съ землей. Они идутъ въ этотъ дворецъ, откуда папа не можетъ выйти и который сдѣлался центромъ міра. Оракулы Дельфъ и Эфеса, которые привлекали къ себѣ толпы въ древности, блѣднѣютъ предъ этой святыней — Ватиканомъ, откуда сіяютъ лучи свѣта и тепла, несущіе жизнь и истинный прогрессъ всѣмъ христіанскимъ націямъ“.

Это античное сравненіе папы съ дельфійскимъ оракуломъ я перевелъ только дословно.

Такъ заканчивается „тронная рѣчь“.

— А Италія? — быть-можетъ, спросите вы.

Гдѣ жъ она?

Ея нѣтъ ни среди вѣрныхъ ни среди невѣрныхъ.

Италіи,—„безбожной“ Италіи, Италіи Гарибальди и Виктора-Эммануила, — не существуетъ вовсе на свѣтѣ.

Ватиканъ ея не видитъ со своего холма.

Все, что извѣстно относительно Италіи, это-- то, что объявили католическія газеты.

— Папа заплакалъ, услышавъ вѣсть о проектѣ закона о разводѣ.

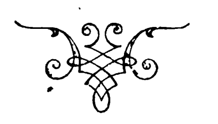
— Папа заплакалъ! Папа заплакалъ! — кричатъ, истерически визжатъ, скулятъ теперь всѣ субсидированныя Ватиканомъ газеты. — Это правительство нарочно! Это сдѣлано нарочно! Нарочно такой богопротивный законъ въ юбилейный годъ великаго старца! Старца не пощадили!

И на этой почвѣ изо всѣхъ силъ стараются подготовить провалъ закону о разводѣ.

— Папа заплакалъ!

Въ Ватиканѣ объ Италіи могутъ только плакать.

Даже не молиться.

Папа.

„Профессоръ Лаппони съ минуты на минуту ожидаетъ агоніи".

Изъ телеграммъ.

„Здоровье папы вполнѣ удовлетворительно".

Тоже изъ телеграммъ.

„У папы начали пухнуть ноги. Одинъ изъ кардиналовъ сказалъ, что это начало конца".

Опять-таки изъ телеграммъ.

„Папа возобновляетъ пріемъ поклонниковъ".

Снова изъ телеграммъ.

I.

Одно близкое къ Ватикану лицо говорило мнѣ:

— Папа погаснетъ, какъ гаснетъ свѣча, въ которой больше нечему горѣть. Однажды изъ комнаты папы долго не раздастся утренняго звонка. Войдутъ въ спальню и найдутъ папу бездыханнымъ.

Какъ старики, папа капризенъ.

Онъ не желаетъ, чтобъ камердинеръ дежурилъ рядомъ съ его спальней.

Дежурный камердинеръ спитъ, вѣрнѣе, всю ночь не спитъ, — въ комнатѣ, находящейся какъ разъ подъ папской спальней.

Какъ старики, папа спитъ мало и плохо.

Онъ просыпается страшно рано, почти съ зарею. Въ 7 часовъ утра папа уже завтракаетъ.

И каждое раннее утро Ватиканъ съ замираніемъ ждетъ:

— Раздастся ли папскій звонокъ?

Время тянется медленно и тревожно.

Но въ комнатѣ камердинера дребезжитъ электрическій звонокъ.

И Ватиканъ принимается за обычную жизнь.

— Не сегодня.

Когда это случится?

На это лучшій отвѣтъ далъ самъ папа годъ тому назадъ, принимая французскихъ паломниковъ:

— Когда человѣкъ прожилъ 90 лѣтъ, — онъ не можетъ знать, есть ли у него завтрашній день?

Папа поражаетъ всѣхъ своей феноменальной памятью.

Принимая этой весной короля Эдуарда VII, онъ разсказалъ старику-королю, какъ былъ, тогда еще епископомъ, съ посольствомъ въ Лондонѣ.

— Вы были тогда прелестнымъ ребенкомъ. Вамъ было въ это время?

— Четыре года.

У папы есть „подруга дѣтства".

Синьора Анна Морони Туски, 101 года.

Она родилась въ 1802 году въ городѣ Кори и воспитывалась въ монастырѣ „Buon Consilio", гдѣ настоятельницей была тетка Джіакомо Печчи. Маленькаго Джіакомо, двухъ, трехъ, четырехъ лѣтъ, часто привозили гостить къ теткѣ, и воспитанницы съ нимъ играли.

Теперь онѣ, конечно, всѣ умерли.

Осталась одна Анна Морони Туски.

Столѣтняя старуха, „игравшая съ папой", разумѣется, достопримѣчательность маленькаго городка.

Кто-то изъ окружающихъ папу узналъ объ этомъ и разсказалъ Леону XIII.

— Существуетъ женщина, которая носила на рукахъ ваше святѣйшество и помнитъ васъ еще ребенкомъ.

Папа сейчасъ же вспомнилъ Анну и пожелалъ ее видѣть.

Столѣтнюю подругу дѣтства привезли въ Римъ и представили папѣ.

— Это васъ я звалъ маленькой мамой? — спросилъ папа.

И девяностотрехлѣтній старикъ съ столѣтней старухой провели добрый часъ, разговаривая о дѣтствѣ.

На прощанье папа ее поцѣловалъ и въ 101-й день рожденія послалъ ей особое благословеніе.

Анна Туски, сама сохранившая отличную память, была поражена:

— До какихъ мельчайшихъ подробностей святой отецъ помнитъ все, что происходило 90 лѣтъ тому назадъ!

Но съ папой случаются такія непріятныя происшествія.

Въ прошломъ году, во время пріема паломниковъ, онъ вдругъ обратился къ кардиналу, министру двора, maestro di camera, и спросилъ:

— Что это за люди?

— Это поклонники изъ Моравіи, святой отецъ.

— Зачѣмъ же они здѣсь?

— Чтобъ засвидѣтельствовать свое благоговѣніе главѣ церкви, ваше святѣйшество.

— А! Очень хорошо! — сказалъ папа и сталъ декламировать стихи изъ „Энеиды“.

Горацій — любимый поэтъ папы, и онъ помнитъ наизусть цѣлыя страницы, заученныя еще въ юности.

Но, увидавъ однажды князя Роспильози, папа съ удивленіемъ спросилъ:

— Кто это такой?

— Командиръ благородной гвардіи вашего святѣйшества.

Папа былъ удивленъ еще больше.

— Онъ? А я думалъ, что гвардіей командуетъ Альтьери!

Князь Альтьери умеръ за нѣсколько недѣль передъ этимъ, и папа самъ послалъ ему посмертное отпущеніе грѣховъ, in articulo mortis...

Явленіе, не рѣдкое у древнихъ стариковъ.

94-лѣтній папа отлично помнитъ, что происходило давнымъ-давно, и не помнитъ того, что было недѣлю тому назадъ.

Подлежитъ большому сомнѣнію даже, знаетъ ли папа, что происходитъ теперь въ мірѣ.

И, напримѣръ, къ папскому отзыву о бѣлградской трагедіи:

— Это удивительно напоминаетъ исторію императора Коммода!

Позволительно отнестись съ большимъ сомнѣніемъ.

Такой блестящій классикъ, какъ папа Леонъ XIII могъ бы привести болѣе „непогрѣшимое сравненіе".

Коммодъ — „звѣрь и шутъ". Выступавшій на аренѣ цирка, гдѣ гладіаторы должны были ему поддаваться. Одинъ изъ кровожаднѣйшихъ тирановъ, спортсменъ, искавшій славы перваго гладіатора. Что общаго между нимъ и влюбленнымъ, потерявшимъ отъ любви голову, юношей, несчастнымъ сербскимъ королемъ?

Монета слишкомъ грубой чеканки, — позволительно заподозрѣть ея подлинность.

Личность папы отдѣлена отъ міра такъ, какъ не отдѣлена личность ни одного монарха.

Всѣ эти телеграммы:

— Ждутъ агоніи.

— Здоровье папы превосходно.

Только догадки и предположенія.

Единственно, по чему можно судить о состояніи здоровья папы, это пріѣзды и отъѣзды папскихъ племянниковъ.

Среди нихъ есть ужъ „сами дѣдушки". И когда папа хочетъ видѣть ихъ, онъ говоритъ:

— Позовите дѣтей.

Входятъ старики.

Когда родственники папы вдругъ начинаютъ съѣзжаться въ Римъ, — предполагаютъ:

— Въ здоровьѣ папы наступило, вѣроятно, ухудшеніе.

Когда они разъѣзжаются изъ Рима по своимъ замкамъ, говорятъ:

— Опасность миновала.

Какъ и у простыхъ, но богатыхъ смертныхъ, самое вѣрное судить о положеніи больного по „движенью" наслѣдниковъ.

Это единственный и вѣроятный показатель.

Профессоръ Лаппони на всѣ вопросы о здоровьѣ его августѣйшаго больного отвѣчаетъ категорически:

— Святой отецъ пользуется здоровьемъ удивительнымъ...

Но дипломатически добавляетъ:

— Для его возраста.

Дальше въ тайны Ватикана проникнуть нѣтъ возможности.

Каждое утро въ десять часовъ придворныя папскія кареты пріѣзжаютъ за дежурными въ этотъ день камергерами.

Камергерскую карету, въѣзжающую въ Ватиканъ, можно узнать по тому, что у нея наполовину спущены окна.

Замѣтивъ по этому признаку камергерскую карету, швейцарская гвардія Ватикана, одѣтая въ средневѣковые костюмы, рисунки для которыхъ дѣлалъ Микель-Анджело, отдаетъ честь.

Карета въѣзжаетъ во внутренній дворъ, — дворъ „Святого Дамаска", и камергеры входятъ въ папскіе покои, находящіеся во второмъ этажѣ.

Но камергеръ не имѣетъ права переступить порога той залы, въ которой онъ назначенъ дежурить.

Ходить по всѣмъ заламъ и проникать во всякое время до передней личныхъ покоевъ папы можетъ только одинъ человѣкъ, — секретный камергеръ.

Въ личные покои папы входятъ только по его звонку.

Папа не любитъ показываться ни одному человѣку, когда чувствуетъ хоть малѣйшее нездоровье, и „запросто“ его видятъ только два человѣка: докторъ и камердинеръ.

Докторъ отвѣчаетъ десять лѣтъ одной и той же фразой.

Камердинеръ нѣмъ, какъ рыба.

Въ Римѣ существуетъ легенда, которая очень распространена и держится очень упорно.

Будто папскій престолъ занимаетъ уже третій Левъ XIII.

Будто настоящій Левъ XIII давно уже скончался. Но, такъ какъ кардиналы не могутъ прійти къ соглашенію, кого избрать папой, то они и продолжаютъ править именемъ Льва XIII.

Левъ XIII, будто бы, тайно похороненъ, и его замѣнили очень похожимъ на покойнаго старикомъ. Но и этотъ старикъ, будто бы, померъ, и его снова замѣнили другимъ.

Легенда, конечно, вздоръ. Но въ ней не совсѣмъ безосновательна, быть-можетъ, одна фраза:

— Кардиналы правятъ именемъ Льва XIII.

Отъ Льва XIII, быть-можетъ, осталось только имя.

Трудно, конечно, узнать, каковъ теперь папа въ послѣдніе годы.

Но по нѣкоторымъ признакамъ можно судить.

Еще два года тому назадъ журналы Ватикана безпрестанно сообщали, что сказалъ папа на такомъ-то, такомъ-то пріемѣ.

Въ этихъ разсказахъ рисовался очень добродушный старичокъ, съ улыбкой и шуткой на устахъ.

Принимая епископовъ, съѣхавшихся съ разныхъ концовъ свѣта, онъ говорилъ:

— Вотъ мы можемъ, не выходя изъ нашего Ватикана, совершить путешествіе вокругъ свѣта.

И, выслушавъ отъ одного епископа о католическихъ церквахъ въ Африкѣ, обращался къ другому:

— Теперь совершимъ, не боясь морскихъ бурь, переѣздъ въ Америку. Введите насъ въ вашу страну.

Отчеты объ этихъ добродушныхъ бесѣдахъ прекратились.

Можно предполагать, что прекратились и самыя бесѣды.

Ватиканъ, бережно передающій „urbi et orbi" каждое слово папы, становится все скупѣе и скупѣе на извѣстія.

Свѣдѣнія о папѣ или очень кратки:

— Папа заплакалъ, узнавъ о проектѣ закона о разводѣ въ Италіи.

Или очень сомнительны, какъ сравненіе короля Александра съ императоромъ Коммодомъ.

Существуютъ два папы.

Одинъ, для котораго нѣтъ времени.

Онъ отличается феноменальнымъ здоровьемъ. Онъ съ утра, очень ранняго утра, до 9 часовъ вечера занятъ дѣлами, знаетъ все и откликается на каждое событіе въ мірѣ. Его голосъ звучитъ такъ, что когда онъ даетъ благословеніе,—голосъ 94-лѣтняго старца наполняетъ самый большой храмъ въ мірѣ, соборъ святого Петра, и „слышенъ во всѣхъ уголкахъ храма".

Это — „папа легенды".

И тотъ, кто былъ въ соборѣ святого Петра во время юбилея, когда папа давалъ благословеніе, знаетъ, сколько въ этой легендѣ пылкой фантазіи.

Другой папа, не „старецъ", какъ въ легендахъ, а 94-лѣтній старикъ.

Онъ очень подверженъ простудѣ, и когда у него, такого древняго старика, начинается насморкъ,—уже дрожатъ за его жизнь.

94 года—болѣзнь, при которой страшно всякое осложненіе.

Этотъ папа, маленькій, даже крошечный, высохшій, сгорбившійся старичокъ. Бѣлыя одежды еще сильнѣй подчеркиваютъ восковую прозрачную желтизну его лица и рукъ.

На портретахъ у него очень живые, то, что называется „быстрые“, даже „пронзительные“ глаза. Но это — ретушь, и даже не особенно искусная.

Папу рисуютъ не иначе, какъ съ улыбкой, но это „улыбка старости“. Чѣмъ ближе человѣкъ къ другому міру, тѣмъ онъ сильнѣе смѣется. Словно надъ жизнью. Черепъ уже хохочетъ. У старика беззубый ротъ складывается въ морщины, похожія на добродушную, снисходительную, слегка насмѣшливую улыбку. Это уже невольная улыбка.

Когда вы видите папу, васъ охватываетъ страхъ.

Вамъ кажется, что на тронѣ сидитъ одѣтый въ бѣлыя одежды покойникъ.

Это въ первую минуту.

Затѣмъ вы замѣчаете, какъ трясется его слегка отвисшая нижняя челюсть. И это говоритъ о жизни.

Когда папѣ представляются паломники, пришедшіе въ Римъ поклониться святому отцу и принести свою лепту въ „динарій святого Петра“, широкія бѣлыя одежды сидящаго на тронѣ папы задрапированы такъ, что папа кажется стоящимъ на колѣняхъ.

Этимъ скрадывается и ростъ и то, какъ сгорбило папу время святого отца.

Передъ поклонниками — опустившійся на колѣни, молитвенно склоненный старецъ. Трясущаяся нижняя челюсть имѣетъ видъ, будто папа шепчетъ молитву.

И поклонники, переживающіе во время этого пріема сильнѣйшее волненіе, разсказываютъ потомъ о великой минутѣ ихъ жизни:

— Я видѣлъ (чаще видѣла) папу. Онъ стоялъ на колѣняхъ и молился за грѣшный міръ.

Такой же молитвенно колѣнопреклоненной кажется фигура папы, когда его проносятъ надъ головами толпы въ храмѣ святого Петра.

Папа не можетъ писать и ничего не читаетъ.

Свои латинскіе стихи онъ сочиняетъ про себя и затѣмъ диктуетъ ихъ строфами въ 10—20 строкъ.

Тѣ отвѣты, съ которыми онъ обращается къ привѣтствующей колѣнопреклоненной толпѣ паломниковъ, и которые чаще всего читаетъ стоящій около трона кардиналъ, пишутся секретарями, исправляются кардиналами. Затѣмъ читаются папѣ, и онъ вноситъ въ нихъ свои исправленія устно.

Когда папѣ надо подписать грамоту или, какъ по просьбѣ короля Эдуарда VII, фотографію, ему ставятъ на столъ особый деревянный станокъ, на который папа кладетъ руку. Станокъ не даетъ трястись рукѣ, и папа дрожащими пальцами очень медленно подписываетъ буквы своего имени.

Буквы, не имѣющія, конечно, ничего общаго съ тѣмъ ровнымъ, словно печатнымъ, почеркомъ, какимъ писалъ кардиналъ Джіакомо Печчи.

Во время пріемовъ руки папы покоятся на ручкахъ трона, и ихъ старческаго дрожанія не видно.

Когда же папа протягиваетъ свою ласковую и ласкающую руку къ тѣмъ драгоцѣнностямъ, произведеніямъ искусства, которыя поклонники приносятъ въ даръ ему, къ насыпанному на блюдѣ золоту и пачкамъ банковыхъ билетовъ, которые приносятся въ „динарій святого Петра“, дрожаніе руки видно сильно.

И умиленные поклонники и поклонницы всю жизнь потомъ вспоминаютъ:

— Нашъ даръ былъ принятъ хорошо. Руки святого отца дрожали отъ радости, когда онъ касался нашего благочестиваго дара, а лицо его было озарено свѣтлой улыбкой.

Въ этихъ же выраженіяхъ описываютъ пріемы паломниковъ и ватиканскія газеты, неизмѣнно и радостно добавляющія въ концѣ странно какъ-то звучащую фразу:

— Вчерашній пріемъ далъ превосходные результаты для „динарія святого Петра". Итоги выразились въ столькихъ-то десяткахъ тысячъ франковъ, на столько-то выше средняго за этотъ годъ.

Эти пріемы паломниковъ, которыми и пополняется „динарій святого Петра", особенно утомляютъ папу.

Но они необходимы, потому что дѣла Ватикана всегда и хронически очень плохи.

Очень часто назначенныя послѣ общаго пріема поклонниковъ особыя аудіенціи частнымъ лицамъ отмѣняются.

Папа лишается чувствъ.

Профессору Лаппони,—папа не любитъ лѣкарствъ,—стоитъ большого труда убѣдить своего паціента принять нѣсколько капель возбуждающаго лѣкарства. Папѣ растираютъ конечности, чтобъ возбудить жизнедѣятельность.

Личные покои папы не велики. Маленькая спальня, отдѣланная въ „папскій" красный цвѣтъ. Надъ постелью большая картина — Мадонна. Два стула, два кресла, письменный столъ и аналой. Обѣдаетъ папа въ библіотекѣ.

Около помѣщается капелла.

Проснувшись и позвонивъ камердинера Чендра—его самое довѣренное лицо, папа одѣвается съ его помощью и служитъ мессу.

Прежде къ торжественной службѣ, къ мессѣ, совершаемой папой, приглашались лица изъ „черной“ римской знати, окружающей Ватиканъ.

Въ послѣднее время не допускается никто. Не имѣютъ доступа даже ближайшіе родственники папы.

Можно догадываться, какъ слабъ папа, и какъ трудно ему совершать даже краткую мессу. Но видѣть,—этого не видитъ никто, кромѣ вѣчно и предъ всѣми молчащаго камердинера Чендра.

Въ семь часовъ папѣ подаютъ завтракъ. Молоко, шоколадъ, два яйца всмятку, бисквиты, хлѣбъ и масло. Папа „трогаетъ“ изъ этого то, что ему нравится.

Именно „трогаетъ“, потому что онъ почти ничего не ѣстъ.

Обѣдъ уносятъ снова почти нетронутымъ.

Пришлось устроить цѣлую особую систему калориферовъ, чтобы постоянно сохранять въ комнатахъ папы извѣстную температуру. И теперь изъ этой теплицы папа выходитъ очень рѣдко.

Онъ очень любилъ поѣздки по безконечнымъ ватиканскимъ садамъ.

Любилъ смотрѣть на панораму Рима, которая развертывается съ пригорковъ этихъ садовъ. Любилъ ласкать ручныхъ газелей, которыя живутъ около грота, представляющаго собой точную копію грота въ Лурдѣ. Очень интересовался своимъ „хозяйствомъ“. У папы въ ватиканскихъ садахъ обширный виноградникъ. Около 3000 литровъ вина. Изъ этого вина папа дарить обыкновенно тѣмъ изъ окружающихъ и разсылаетъ тѣмъ изъ монастырей, которымъ хочетъ проявить свое особое благоволеніе.

Но за послѣднее время эти поѣздки по садамъ прекратились.

Малѣйшая перемѣна воздуха грозитъ опасностью 94-лѣтнему старцу.

Такъ,—возьмемъ ватиканское сравненіе,—„мерцаетъ этотъ свѣтильникъ, въ которомъ осталось лишь нѣсколько капель масла“.

Таковъ папа, не „папа легендъ“, распространяемыхъ ватиканскими легендами, а тотъ настоящій, „реальный“ папа, „именемъ котораго правятъ католическимъ міромъ“.

II.

Когда 20-го февраля 1878 года на конклавѣ избраніе склонилось на сторону кардинала Джіакомо Печчи, онъ со слезами обратился къ своему сосѣду-кардиналу:

— Вы хотите избрать второго Адріана V?!

Папа Адріанъ V царствовалъ одинъ мѣсяцъ.

28-го апрѣля 1903 года папа Левъ XIII, кромѣ своей „главной и неизлѣчимой болѣзни, 94 лѣтъ, страдающій „болѣзнью вѣка“, любовью къ юбилеямъ, праздновалъ еще одинъ юбилей.

Въ этотъ день онъ:

— Annos Petri superavit.

„Превзошелъ годы Петра“.

Апостолъ Петръ, по преданію, стоялъ во главѣ церкви 25 лѣтъ 2 мѣсяца и 8 дней.

Среди папъ 3 царствовали по одному мѣсяцу, 6 папъ и того меньше. Одинъ папа, Бонифацій XI, царствовалъ 15 дней. А святой Этьенъ былъ папой всего три дня.

Левъ XIII и его предшественникъ Пій IX только двое „превзошли годы Петра“.

Долголѣтіе папы вовсе не является достоинствомъ въ глазахъ Ватикана.

Прежде въ самой формулѣ возведенія въ папское достоинство, торжественно произносимой при коронованіи, заключалось пожеланіе и пророчество.

— Non videbis annos Petri.

„Ты не увидишь лѣтъ Петра“.

Только папа Бенедиктъ XIV исключилъ изъ посвященія эту мало поощряющую фразу.

Кардиналы, и среди нихъ „papabili“, т.-е. имѣющіе шансы быть избранными въ папы, находятся въ томъ возрастѣ, когда нѣтъ времени долго ждать.

И черезчуръ продолжительный „понтификатъ“ разрушаетъ много честолюбивыхъ надеждъ.

При продолжительномъ „понтификатѣ“ въ Ватиканѣ не происходитъ никакого „движенія“.

Всѣ лучшія, самыя почетныя и самыя выгодныя должности заняты родственниками папы.

Родственники „papabili'ей“ ждутъ, живутъ „въ тѣни“, старѣютъ, теряютъ надежды.

Изъ окружающихъ папу, кромѣ его семьи, слишкомъ затянувшійся „понтификатъ“ никому не можетъ нравиться.

Отсюда тѣ легенды, которыя окружаютъ Ватиканъ. Легенды о папахъ, которыхъ въ прежнія времена, будто бы, умерщвляли, если они жили слишкомъ долго. Сколько въ этихъ старыхъ легендахъ правды,—знаютъ, конечно, только ватиканскіе архивы.

Левъ XIII не только одинъ изъ долголѣтнѣйшихъ папъ, — онъ старѣйшій изъ кардиналовъ. И единственный епископъ римско-католической церкви, посвященный еще папой Григоріемъ XVII.

Говорятъ, что папа Пій IX, посвящая его въ кардиналы, предсказалъ ему папство.

Послѣ торжественной формулы:

— Accipe galerum rubrum.

Онъ сказалъ новому кардиналу:

— Привѣтствую въ вашемъ лицѣ моего будущаго преемника.

Тѣмъ не менѣе, въ папы Левъ XIII былъ избранъ съ трудомъ.

Какъ старѣйшій изъ кардиналовъ Джіакомо Печчи носилъ званіе кардинала-камергера при папѣ Піи IX.

Когда папа умираетъ, на обязанности „кардинала-камергера“ лежитъ созвать конклавъ.

Такимъ образомъ, кардиналъ Джіакомо Печчи самъ и подготовлялъ конклавъ, который долженъ былъ избрать его папой.

У него было два сильныхъ соперника: кардиналъ Билліо, котораго прочили въ папы „непримиримые“, консервативная ватиканская партія, итальянскіе кардиналы и кардиналъ Франки, за котораго были „иностранные кардиналы“.

У того и у другого былъ всего одинъ недостатокъ.

И тотъ и другой пользовались цвѣтущимъ здоровьемъ и были сравнительно „молоды“.

И тотъ и другой обѣщали „долгій понтификатъ“.

И тотъ и другой, будучи избраны въ папы, грозили разрушить всѣ честолюбивыя надежды стариковъ-кардиналовъ.

Ни при томъ ни при другомъ ни одному изъ кардиналовъ не было надежды дожить до новаго конклава.

Выборъ остановился на 70-лѣтнемъ старикѣ-кардиналѣ Джіакомо Печчи.

Когда за нѣсколько дней до конклава кардиналы Бартолини, ди-Пьетро и Ника отправились въ палаццо Фальконьери, гдѣ жилъ кардиналъ Печчи, предложить ему понтификатъ, старикъ-кардиналъ отвѣтилъ „рѣшительнымъ отказомъ“:

— Я не чувствую за собой ни достаточнаго авторитета ни достаточной святости, чтобы занять такой постъ. А главное, у меня нѣтъ для этого силъ. Я старъ, слабъ и боленъ.

Бартолини, ди-Пьетро и Нико настаивали.

Кардиналъ Печчи подумалъ и отвѣчалъ „еще рѣшительнѣе“:

— Нѣтъ. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, какія переживаетъ теперь церковь, принять на себя „понтификатъ“! Это было бы для меня смертью. Я больной старикъ, я едва дышу.

Семья кардинала Печчи только и говорила:

— Дядя Джіакомо становится очень-очень плохъ. Онъ старѣется страшно быстро.

Во дворцахъ „черной знати“ главнымъ предметомъ разговоровъ было:

— Крайне плохое состояніе здоровья кардинала Печчи!

При такихъ условіяхъ былъ избранъ папа Левъ XIII.

При первой баллотировкѣ голоса раздѣлились. При второй за кардинала Печчи изъ 60 голосовъ было подано 42.

Кардиналъ Печчи заплакалъ и объявилъ, что онъ:

— Склоняется предъ божественной волей.

И на поздравленія кардиналовъ съ легкимъ укоромъ качалъ головой и говорилъ:

— Вы хотѣли имѣть на папскомъ престолѣ второго Адріана V! Вы хотѣли второго Адріана V!

Если у кардиналовъ, дѣйствительно, было такое желаніе, и если вопросъ о здоровьѣ игралъ большую, и именно такую роль въ выборѣ папы, то „князья церкви“ упустили изъ вида только одно. Но существенное и главное.

Чрезвычайную мнительность кардинала Джіакомо Печчи.

Папа Левъ XIII не любитъ лѣчиться и смѣется надъ своимъ докторомъ, но онъ постоянно ожидаетъ близкой кончины.

За время своего,—одного изъ самыхъ долгихъ,—„понтификата“ онъ не перестаетъ повторять почти ежедневно:

— Теперь ужъ скоро, скоро!..

И только иногда у папы прорываются фразы, въ родѣ той, какую онъ сказалъ на своемъ 25-лѣтнемъ юбилеѣ:

— Когда мы будемъ справлять нашъ тридцатилѣтній юбилей...

Но чаще отъ него слышатъ о близости кончины...

Когда пять лѣтъ тому назадъ 89-лѣтній папа выдержалъ трудную операцію, и по выздоровленіи его впервые вынесли въ ватиканскіе сады, — онъ, улыбаясь, обратился къ окружавшей его „знатной гвардіи“, „кавалерамъ плаща и шпаги“, камергерамъ простымъ и „тайнымъ“:

— На этотъ разъ я долженъ былъ умереть. Но Господу не угодно было этого. Но теперь ужъ несомнѣнно, что мой часъ скоро пробьетъ. И скоро я обремению дѣлами новаго первосвященника.

Въ Ватиканѣ и во дворцахъ „черной знати“ папу Льва XIII зовутъ „человѣкомъ, который долго говоритъ о смерти“.

Первое, что сдѣлалъ Левъ XIII, вступивъ на папскій престолъ, — это онъ самъ урегулировалъ все, что относилось къ будущему конклаву.

— Онъ уже не далекъ!

И съ тѣхъ поръ „превзошелъ дни Петра“.

Папа пережилъ сто сорокъ пять кардинала.

Среди нихъ многіе были „papabili“.

И всѣхъ этихъ кандидатовъ на папскій престолъ Левъ XIII благословилъ на тотъ свѣтъ, пославъ имъ посмертное отпущеніе грѣховъ,—in articulo mortis.

Всѣхъ кардиналовъ въ римской церкви 70.

Папа Левъ XIII посвятилъ 144 кардинала.

За время его понтификата „святая коллегія“ обновилась два раза.

И папа могъ съ улыбкой сказать, какъ онъ это сдѣлалъ, „святой коллегіи“:

— Non vos me eligistis, sed ego elegi vos!

„Не вы меня избрали, а я избралъ васъ".

Такъ долгій понтификатъ совершенно нарушаетъ основное правило „республики церкви", гдѣ папа есть „лицо, избранное кардиналами".

Два раза смѣнилась „святая коллегія",—папа по отношенію къ кардиналамъ не есть уже „избранное лицо".

Самое существенное отношеніе между папой и „священной коллегіей" нарушено.

Среди кардиналовъ остался всего на все одинъ, посвященный не папой Львомъ XIII,—кардиналъ Орелья ди-Санъ-Стефано.

Это единственный теперь въ римской церкви кардиналъ, посвященный папой Піемъ IX.

Какъ старѣйшій изъ кардиналовъ, онъ—„кардиналъ-камергеръ". На его обязанности будетъ созвать и приготовить конклавъ.

Въ 1878 году кардиналъ Орелья ди-Санъ-Стефано, „непримиримый", былъ самымъ ярымъ противникомъ избранія въ папы кардинала Джіакомо Печчи.

Временное управленіе церковью папа Левъ XIII передастъ въ руки своему давнишнему и постоянному противнику.

Кардиналъ Орелья будетъ организовывать будущіе выборы и, конечно, все вліяніе, которое при этомъ возможно, употребитъ на то, чтобы обезпечить избраніе кандидату, представляющему собой полную противоположность папѣ Льву XIII.

Въ этомъ и заключается одна изъ главныхъ опасностей для кардинала Рамполла, который считается „alter ego" папы Льва XIII.

И достигнуть того, чтобы въ папы былъ избранъ кардиналъ, полная противоположность по взглядамъ Льву XIII, не представляетъ особой трудности.

Какъ долголѣтіе папы Льва XIII умиляетъ всѣхъ, кромѣ Ватикана, такъ и царствованіе его считается „блестящимъ“ во всемъ мірѣ, кромѣ Ватикана.

Можно опредѣлить такъ:

Папа Левъ XIII пользуется симпатіями всего міра, за исключеніемъ крошечнаго уголка земли. Но этотъ уголокъ земли—Ватиканъ.

Ватиканъ опредѣляетъ понтификатъ Льва XIII такъ:

— Это было время возвеличенія папы, но упадка католичества.

Папу при его торжественныхъ появленіяхъ предъ народомъ „вѣрные“ привѣтствуютъ кликами:

— Evviva papa il re!

„Да здравствуетъ папа-король“.

Папа совмѣщаетъ въ себѣ двѣ особы.

Владыку свѣтскаго и духовнаго. Монарха и „намѣстника Христа“.

„Королевство“ папы съ 1870 года состоитъ изъ одного дома и сада. Правда, этотъ домъ — Ватиканъ. Правда, домашней церковью при этомъ домѣ числится соборъ святого Петра. А сады Ватикана—цѣлое большое имѣніе. Но все-таки это только „домъ и садъ“. Кромѣ дома и сада, папѣ принадлежитъ еще въ Римѣ соборъ San-Giovanno in Laterano, — „всѣмъ церквамъ глава и мать“. Вотъ и вся теперешняя „папская область“, владѣнія монарха-папы.

Какъ духовный владыка,—„въ его владѣніяхъ никогда не заходитъ солнце“.

Царствованіе монарха Льва XIII было блестящимъ.

Онъ принялъ отъ „великаго, но побѣжденнаго“ Пія IX престолъ „разореннымъ“. Папа послѣ пораженія „объединенной Италіей“ былъ не монархъ, а „ватиканскій плѣнникъ“. Никто почти въ Европѣ не признавалъ его болѣе монархомъ. При дворѣ его не было посольствъ почти ни отъ одного государства.

25-лѣтній понтификатъ Льва XIII — рядъ блестящихъ дипломатическихъ побѣдъ. Папскій дворъ окружаютъ блестящія посольства. Многія державы уже имѣютъ особыхъ пословъ при дворѣ папы. Онъ заключаетъ договоры съ правительствами. Дворъ святого Дамаска видитъ коронованныхъ особъ, дѣлающихъ визиты папѣ. Австрійскій императоръ, католикъ, не можетъ сдѣлать визита своему союзнику, королю Италіи, потому что папа требуетъ, чтобы первый визитъ былъ сдѣланъ ему. Король Англіи „непримиримо протестантской страны“ дѣлаетъ визитъ папѣ-монарху, визитъ, хоть и „нѣсколько инкогнито“: ѣдетъ по Риму въ простой каретѣ, безъ королевской пышности. Но только что онъ переступаетъ „границы папскихъ владѣній“, какъ этотъ визитъ къ „по чтенному старцу“ превращается въ визитъ коронованной особѣ. Эдуарда VII встрѣчаютъ съ королевскими почестями, папа принимаетъ его какъ монархъ монарха. Они бесѣдуютъ, сидя подъ балдахиномъ на тронахъ. Германскій императоръ рискуетъ вызвать досаду въ хозяевахъ итальянцахъ и, будучи у нихъ въ гостяхъ, дѣлаетъ визитъ папѣ даже съ большею пышностью и торжествомъ, чѣмъ дѣлаются обыкновенно визиты монархамъ.

Сравните двѣ картины.

Умираетъ папа Пій IX. На престолъ восходитъ Левъ XIII. Министръ Криспи черезъ мѣстную полицію даетъ знать въ Ватиканъ, что „если не будетъ официально дано знать о готовящихся, по слухамъ, въ Ватиканѣ торжествахъ, то особаго наряда войскъ и полиціи назначено не будетъ“.

Тяжко заболѣваетъ папа Левъ XIII, и король Италіи, по слухамъ, намѣренъ, въ случаѣ печальнаго исхода, отложить свою поѣздку въ Парижъ.

Какъ монархъ, папа, за время „долгаго понтификата“, поднялся на страшную высоту.

„Долгій понтификатъ, — какъ говорятъ въ Ватиканѣ, — вызолотилъ папскій престолъ".

Левъ XIII, вступившій на „одинокій престолъ", оставляетъ своему преемнику великолѣпное положеніе среди „прочихъ правительствъ".

Но власть папы — власть духовная. Ея главное основаніе — не дружескія отношенія съ правительствами, а владычество надъ народомъ.

Римская церковь даже формулу создала, которую любитъ повторять при ссорѣ съ какимъ-нибудь правительствомъ:

— Правительства проходятъ,—церковь остается.

За время „долгаго понтификата" Льва XIII католичеству пришлось пережить много и тяжкихъ ударовъ.

„Старшая дочь церкви" — Франція, изгоняетъ конгрегаціи и даже грозитъ расторженіемъ конкордата. И это вызываетъ маленькіе, сравнительно, безпорядки, а не общее народное возбужденіе. Тамъ, здѣсь происходятъ уличные, только уличные безпорядки. Но страна но народъ въ общемъ спокойны.

Франція уже отошла отъ католичества.

„Преданнѣйшая дочь церкви"—Испанія. Въ Испаніи,—кто повѣрилъ бы, въ самой Испаніи!—патеръ боится показаться на улицу и долженъ переодѣваться въ штатское платье. Боится кого? Народа. Духовныя процессіи приходится охранять войсками. Отъ кого? Отъ народа.

„Ближайшая дочь церкви"—Италія. Во время величайшихъ церковныхъ торжествъ кѣмъ полны церкви? Женщинами. Антиклерикальныя демонстраціи кого собираютъ? Чуть не поголовно все населеніе города.

Латинская вѣра теряетъ латинскія страны.

Она теряетъ свою главную власть—власть надъ народомъ. При этомъ плохое утѣшеніе — добрыя отношенія съ правительствами, которыя, по словамъ самой же католической церкви, „проходятъ".

Не было бы бѣдою, если бъ палата и правительство Франціи рѣшили изгнать конгрегаціи. Но бѣда, что противъ этого не протестуетъ народъ.

Плохое утѣшеніе, что король Испаніи пишетъ папѣ собственноручное письмо съ поздравленіемъ и посылаетъ такое пышное посольство, на какое способна только Испанія, когда страна его принимаетъ антиклерикальныя мѣры.

Очень лестно, что „враждебный" король Италіи каждый часъ освѣдомляется о состояніи здоровья папы, но каждая демонстрація во всей Италіи обязательно кончается криками:

— Долой сутаны!

Подъ зданіемъ католичества трещатъ основы въ то время, какъ блестяще украшается его фронтонъ.

Ватиканъ, который далеко не въ восторгѣ отъ „долгаго понтификата", упрекаетъ папу Льва XIII въ честолюбіи, доходящемъ до той границы, гдѣ уже начинается тщеславіе, и говоритъ, что самое дѣло католической вѣры при немъ упало сильно.

„— Святой отецъ приказалъ собрать всѣ вырѣзки изъ газетъ, описывавшихъ его юбилей, и съ удовольствіемъ слушалъ, какъ ихъ читалъ кардиналъ Рамполла".

Это извѣстіе *Osservatore Romano* читается Ватиканомъ безъ особаго восторга, если десятью строками ниже напечатана телеграмма:

„Во Франціи рѣшено окончательно изъять образованіе изъ рукъ духовенства".

Насколько виноватъ въ этомъ упадкѣ католичества папа Левъ XIII и насколько духъ вѣка?

Льву XIII пришлось встрѣтиться въ католическихъ странахъ съ такимъ врагомъ, котораго не знали предшествующіе папы. Съ соціализмомъ.

На знамени Ватикана появился новый девизъ:

— Борьба съ соціализмомъ.

Двумя противниками встали лицомъ къ лицу старый, закаленный въ бояхъ, — исполинъ-католичество и новорожденный соціализмъ.

Каковы ихъ силы?

Соціалистскіе журналы писали:

— Это юный Давидъ, который поднялся на Голіаөа.

Католическіе журналы имъ совѣтовали:

— Вспомните лучше исторію Авессалома, поднявшагося на Давида.

Левъ XIII, чтобъ обезвредить новое движеніе, рѣшилъ взять его въ свои руки.

Ватиканъ „непримиримый", консервативный Ватиканъ нахмурился:

— Не наше дѣло мѣшаться въ экономическія реформы.

Папа издалъ двѣ энциклики. Смыслъ обѣихъ былъ одинъ:

— У папы ищите разрѣшеніе вопроса объ экономической справедливости.

Онъ обращался и къ „хозяевамъ" и къ „работникамъ".

Буржуазія съ интересомъ читала его энциклики, но никакихъ реформъ „по энцикликамъ" не вводила. Число просто соціалистскихъ обществъ въ Западной Европѣ росло тысячами, тогда какъ новыя „католическо-соціальныя" общества едва-едва выростали и прозябали единичными исключеніями.

Ватиканъ „непримиримый" и консервативный торжествовалъ:

— Что? Мы не говорили? Эти „новшества" намъ не принесутъ ничего, кромѣ вреда.

Интересная черта.

Противъ долгихъ понтификатовъ выставляется доводъ:

— Папа, уже избранный старикомъ, да еще провластвовавъ много лѣтъ, въ концѣ концовъ дѣлается „человѣкомъ другого времени". Анахронизмомъ. Вѣкъ уже переживаетъ его. Онъ на годится для новаго времени.

Противъ Льва XIII выставляется обвиненіе:

— Онъ слишкомъ увлекается новшествами послѣдняго времени.

94-лѣтній старикъ оказывается слишкомъ передовымъ человѣкомъ для „истиннаго католицизма".

Какъ бы то ни было, „блестящая" жизнь Льва XIII была въ сущности временемъ, полнымъ глубокой печали.

Кардиналомъ онъ былъ свидѣтелемъ паденія свѣтской власти папы. Папой — свидѣтелемъ упадка духовнаго владычества.

И исторія рѣшитъ вопросъ:

— Кто былъ виноватъ въ этомъ?

Дряхлость папы или дряхлость католичества?

Въ сторонѣ отъ большого свѣта.

(сицилія.)

I. Сахалинъ средиземнаго моря.

Всѣ новѣйшія теченія, волненія, увлеченія мысли, какъ тучи, безслѣдно пронеслись надъ этимъ прекраснымъ островомъ, который иностранцы зовутъ „цвѣткомъ среди острововъ“, который итальянцы называютъ „cinerentola'ой“, „сандрильоной“—золушкой Италіи.

Сицилія, это — европейскій Цейлонъ. По красотѣ. Это — „итальянская Ирландія“. Такъ ее называютъ экономисты.

Это — страна чудесъ.

Необычайное богатство природы и невѣроятная бѣдность жителей. Вы ѣдете среди нескончаемыхъ апельсинныхъ и лимонныхъ рощъ, гдѣ вѣтви ломятся отъ обилія плодовъ, и съ удивленіемъ видите „курныя избы“. Сицилійскіе крестьяне не мечтаютъ даже о такой роскоши, какъ дымовыя трубы. Дымъ идетъ въ открытыя двери.

Надо всѣми дверьми копоть. И когда вы подъѣзжаете утромъ къ деревнѣ, вамъ кажется, что вся деревня горитъ. Изо всѣхъ дверей валитъ густой дымъ.

Землю обрабатываютъ „мотыками“.

Не только лошадь, оселъ (четвероногій) здѣсь рѣдкость въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Ослы ходятъ разубранные. Ослы поручаются покровительству святого, изображенія котораго они носятъ на шорахъ. За ословъ молятся Богу, какъ за членовъ семейства.

Ужъ по этому почету вы можете судить, до какой степени бѣдно населеніе, если оно смотритъ на рабочее животное, какъ на какую-то роскошь и благодать.

Откуда же эта бѣдность?

Вы подумаете:

— Вѣроятно, лѣность.

Но каждый клочокъ земли отвѣтитъ вамъ, что это клевета.

Передъ вами нѣтъ полей. Передъ вами сплошные огороды. Поля обработаны, какъ огороды. И дай Богъ, чтобы всякій любительскій огородъ былъ обработанъ такъ тщательно, съ такой любовью.

Только въ Японіи такъ обрабатываются поля. И нигдѣ еще, быть-можетъ, въ цѣломъ мірѣ не работаютъ, сколько въ Сициліи.

— Очевидно, населеніе просто не способно...

Сициліанцы считаются однимъ изъ способнѣйшихъ народовъ въ Италіи. Сициліанцы, дѣлающіе блестящія карьеры, не рѣдкость.

Достаточно вспомнить, что покойный Франческо Криспи былъ сициліанецъ. Его противникъ, маркизъ де-Рудини — сициліанецъ.

Побѣждала та или другая партія въ парламентѣ. Стоялъ во главѣ правительства Криспи, или король призывалъ де-Рудини — все равно, Италіей правилъ сициліанецъ.

Добавьте къ этому, что „дѣйствительный папа“ — всемогущій кардиналъ Рамполла, правящій католичествомъ отъ имени Леона XIII, тоже сициліанецъ.

За долгій промежутокъ времени вся духовная и свѣтская власть въ Италіи была въ рукахъ сициліанцевъ.

Вотъ вамъ отвѣтъ на вопросы:

— Способенъ ли сицилійскій народъ?

Переплывая Мессинскій проливъ, вы уходите на нѣсколько столѣтій назадъ.

Это одно изъ самыхъ интересныхъ путешествій.

Въ то время, какъ на этомъ берегу пролива XX вѣкъ, на томъ еще цвѣтутъ средніе вѣка.

Населеніе Сициліи дѣлится на три класса. Во главѣ стоятъ феодалы, „синьоры". Бѣдные кварталы Палермо, это — одна сплошная колоссальная каменная глыба, треснувшая по разнымъ направленіямъ. Эти узенькія трещины называются улицами.

Вы идете по улицѣ, такой узенькой, что втроемъ едва разойтись. Воздухъ полонъ запахомъ мокраго бѣлья. Внизу — грязныя и темныя каморки. Двери имъ служатъ вмѣсто оконъ. Двухъ комнатъ ни у кого нѣтъ. Въ одной комнатѣ спитъ и работаетъ вся семья съ безчисленными дѣтьми.

А вверху, начиная со второго этажа, надъ этой грязной трещиной развѣшано мокрое бѣлье.

Изобиліе знати породило необыкновенное обиліе прачекъ.

Надъ узенькой и смрадной улицей колеблются огромныя великолѣпныя простыни съ гербами, рубашки съ гербами, даже кальсоны съ гербами!

Гербы, гербы, гербы.

На via della Liberta вамъ показываютъ направо, налѣво:

— Дворецъ графа такого-то.

— Дворецъ маркиза такого-то.

— Герцога...

— Барона...

Читая въ газетахъ отчеты о балахъ, первыхъ представленіяхъ, частныхъ вечеринкахъ, вы поражаетесь обиліемъ этихъ маркизовъ, маркизъ, графовъ, графинь, герцоговъ и бароновъ.

Нигдѣ въ цѣломъ мірѣ ихъ нѣту столько. Развѣ въ Португаліи.

Но Португалія не въ счетъ.

Когда вы въ Лиссабонѣ останавливаетесь въ отелѣ и скромно вписываете въ книгу ваше имя, хозяинъ смотритъ на васъ съ удивленіемъ:

— А вашъ титулъ?

— Да у меня нѣтъ титула.

Онъ смотритъ на васъ уже съ испугомъ:

— Хорошъ же ты, должно-быть, гусь, коли даже самъ себя графомъ не считаешь?!

И, поколебавшись, рѣшаетъ васъ называть хоть барономъ.

— Пожалуйте, баронъ, въ вашу комнату!

Иначе неловко.

Какъ же васъ иначе называть, когда „cabalero",— дворянинъ,—зовутъ въ Лиссабонѣ только прислугу.

Португальцы всѣ маркизы.

Но послѣ Португаліи Сицилія единственная страна, до такой степени переполненная знатью и дворцами.

О нравственномъ уровнѣ сицилійской знати вы можете судить хотя бы по слѣдующему факту:

Отчаявшись поймать неуловимаго Варсалона, власти рѣшили предать суду хоть его сообщниковъ. Это будетъ колоссальный процессъ съ 166 обвиняемыми. Обвинительный актъ уже составленъ, и я цитирую опубликованныя офиціальныя данныя.

Въ *сообщничествѣ* съ бандитомъ по совершенію преступленій обвиняются, между прочимъ: баронъ Каффаро, маркизъ Филиппъ де-Кардова, Катарелла, его секретарь, баронъ Джузеппе Риццо.

Все представители палермской знати, простыни и кальсоны которыхъ съ гербами и коронами, словно знамена, развѣваются на улицахъ-трещинахъ Палермо.

Мнѣ особенно нравится этотъ маркизъ, который не только занимался разбойничьими дѣлами, но даже завелъ себѣ для этихъ дѣлъ секретаря.

Послѣ этого списка васъ не удивитъ, конечно, глубокая увѣренность сициліанцевъ, что похищеніе кавалера Спано — дѣло рукъ „людей хорошаго общества“.

— Два милліона выкупа кому не лестно получить.

Земельной собственности у крестьянъ въ Сициліи не существуетъ. Сицилія знаетъ только крупное землевладѣніе. Вся Сицилія состоитъ изъ огромныхъ имѣній, принадлежащихъ феодаламъ-синьорамъ.

Настоящимъ феодаламъ. Потому что они говорятъ съ гордостью:

— Мы рѣшили присоединиться къ Италіи и избрали себѣ королемъ итальянскаго короля.

Но помѣщичьихъ усадебъ въ Сициліи нѣтъ.

Графы, маркизы, бароны, герцоги считаютъ не совмѣстимымъ со своимъ достоинствомъ заниматься земледѣліемъ и отдаютъ свои имѣнія въ аренду.

Сами они проживаютъ доходы въ большихъ городахъ, преимущественно въ Палермо.

Живутъ во „дворцахъ“ съ колоссальными коронами и гербами на фронтонахъ и воротахъ, довольны тѣмъ, что числятся „покровителями церкви“, имѣютъ свои особыя „родовыя“ мѣста, впереди, за богослуженіемъ въ соборѣ.

Когда дочь сицилійскаго феодола выходитъ замужъ, въ росписи приданаго пишется:

— Денегъ за ней столько-то, земли такія-то, такія-то и такія-то, дворецъ тамъ-то и мѣсто въ соборѣ.

Мѣсто въ соборѣ переходитъ въ родъ ея мужа.

Духовенство во время мессы посылаетъ имъ особыя, отдѣльно отъ другихъ, благословенія, и они платятъ газетамъ за помѣщеніе замѣтокъ.

— На вечерѣ у маркиза такого-то были замѣчены au hazard: графы такіе-то, герцоги такіе-то, бароны такіе-то...

Этими свѣдѣніями они наполняютъ по три, по четыре столбца и утреннихъ и вечернихъ газетъ ежедневно.

Какъ феодалы добраго, стараго времени, они ничему не выучились и ничего не забыли.

Они часто враждуютъ между собой. Вражда между родами и месть часто переходятъ изъ поколѣнья въ поколѣнье.

Есть фамиліи, враждующія между собою болѣе полутораста лѣтъ. И Капулетти и Монтекки насчитываютъ не одинъ десятокъ кровавыхъ жертвъ съ каждой стороны. Но сицилійскіе синьоры рѣдко когда пачкаютъ въ крови собственныя руки.

Они причиняютъ „враждебнымъ фамиліямъ“ имущественный и моральный вредъ при посредствѣ всесильной и вездѣсущей „маффіи“, а для убійствъ нанимаютъ бандитовъ.

Они покровительствуютъ бандитамъ. Бандиты постоянно состоятъ у нихъ на службѣ. Мстятъ то тому за того, то этому за этого.

Отсюда это „сообщничество“ съ бандитами.

Владѣютъ всѣми землями Сициліи феодалы. Обрабатываютъ землю крестьяне.

Но прежде чѣмъ землѣ дойти отъ феодала до крестьянина, она должна пройти черезъ руки десятка посредниковъ.

Это второй классъ сицилійскаго населенія, очень многочисленный. Вассалы.

Ихъ зовутъ — galantuòmi. „Благородные“.

У насъ ихъ называли бы просто „кулаками“.

Это не титулованныя лица, но считающія себя дворянствомъ Сициліи.

У феодала, положимъ, сто тысячъ десятинъ земли. Онъ считаетъ самымъ удобнымъ для себя, безъ хлопотъ, сдавать всю эту землю цѣликомъ одному galantuòmi.

Тотъ сдаетъ ее двоимъ. Тѣ раздробляютъ арендованные участки и сдаютъ ихъ нѣсколькимъ galantuòmi. Тѣ дробятъ снова и т. д.

Такъ что, когда крестьянинъ беретъ землю у galantuòmi, арендовавшаго два-три участка, земля прошла десятки рукъ, отъ нея досыта наѣлись десятки galantuòmi, и арендная плата выросла до неузнаваемости.

Отсюда безконечный трудъ, сказочное плодородіе почвы, и въ результатѣ самая ужасающая, самая поразительная нищета въ мірѣ.

Эти galantuòmi составляютъ истинный бичъ Сициліи.

И когда въ Сициліи вспыхиваютъ „революціи", и крестьяне, явившись въ городъ, идутъ по улицамъ съ криками:

— A basso gli galantuòmi!

Крайніе элементы на материкѣ напрасно радостно потираютъ руки.

Это чисто мѣстный вопросъ и чисто мѣстное дѣло.

Требованія galantuòmi перешли всѣ границы, и земледѣльцы-арендаторы явились въ городъ обратить вниманіе „синьоровъ" на безчинства посредниковъ.

Синьоры въ это время спокойно сидятъ въ своихъ palazzo.

Феодальному владѣнію не грозитъ ни малѣйшей опасности.

Сицилійскій крестьянинъ, — какъ фермеръ-ирландецъ, — не имѣетъ не только собственной земли, но и собственнаго угла, гдѣ приклонить голову.

„Курныя избы", въ которыхъ они живутъ, принадлежатъ владѣльцамъ имѣній и отдаются тоже въ аренду.

Отсюда отсутствіе какой-нибудь заботливости о самомъ примитивномъ удобствѣ или украшеніи жилья.

У сицилійскаго простонародья большая любовь къ красивому и изящному.

Простая рабочая телѣга въ Сициліи, одноколка, на двухъ огромныхъ колесахъ, непремѣнно вся расписана кругомъ картинами.

Картины изъ священной исторіи, рыцарскіе турниры, историческія событія.

Я видѣлъ картины, изображающія прощанье Маріи Стюартъ передъ казнью и даже почему-то балеринъ, дѣлающихъ антраша!

Сбруя осла вся сплошь изъ украшеній. Сѣделка, уздечка—цѣлыя сооруженія, гдѣ все блеститъ, горитъ мѣдью, яркими кистями. Это какъ оружіе у восточныхъ народовъ. Самъ нищій, въ лохмотьяхъ, а за поясомъ оружіе въ серебряной оправѣ, съ золотой насѣчкой.

Идетъ босой, нищій сициліанецъ. Лохмотья вотъ-вотъ свалятся съ тѣла, и онъ останется, въ чемъ мать родила. А подъ уздцы онъ ведетъ осла, разубраннаго словно для какого-то шествія. И телѣга, — словно онъ ѣдетъ на карнавалъ, а не на работу.

На шорахъ уословъ, какъ я уже говорилъ, изображенія святыхъ. „Патрона".

Самый нищій, у котораго ужъ вся нарядная вначалѣ упряжь изорвалась въ клочки, хоть фазанье перо достанетъ и воткнетъ въ сѣделку осла. Не достанетъ фазаньяго, — надергаетъ перьевъ изъ чужихъ куръ и воткнетъ хоть такой пучокъ.

Все это говоритъ о любви къ красивому.

Землю сициліецъ обрабатываетъ, песчинку кладетъ къ песчинкѣ, — иначе не выручишь даже аренды и умрешь съ голоду.

Но домъ у этого любящаго красоту человѣка,—словно люди здѣсь не живутъ, а просто случайно зашли укрыться отъ дождя.

Все закопчено, грязно, голыя стѣны, не на чѣмъ сѣсть. Сидятъ прямо на полу: выше густой пеленой стоитъ дымъ.

— О чьемъ домѣ заботиться? Къ чему хлопотать, когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ придется бросать и итти жить въ другой.

Если вы въ воскресенье проѣдете по полямъ Сициліи,—какое фантастическое зрѣлище!

На изумрудныхъ лугахъ растутъ апельсинныя, лимонныя рощи.

Въ какомъ все удивительномъ порядкѣ! Каждое деревцо подчищено. Въ травѣ ни сухого листочка.

Вы проѣзжаете великолѣпно воздѣланными виноградниками, полями, по которымъ ходятъ бархатныя зеленыя волны, и на десятки верстъ ни признака человѣческаго жилья.

Какая-то цвѣтущая пустыня!

Словно сказка.

Словно безъ помощи человѣка все это растетъ, прихорашивается, убирается пышно и богато. Словно сама природа безъ человѣческихъ рукъ устроила эти сады, виноградники, поля.

Въ большинствѣ имѣній совсѣмъ нѣтъ домовъ.

Семьи крестьянъ живутъ въ горахъ, въ мѣстечкахъ.

Въ понедѣльникъ, рано утромъ, крестьяне, верхомъ на ослахъ, у кого есть, пѣшкомъ тѣ, кто, по сицилійской поговоркѣ, „самъ себѣ оселъ“, съ заступомъ и мотыкой на плечѣ, спускаются въ долину и работаютъ каждый въ своемъ саду, виноградникѣ или полѣ до вечера субботы.

Въ субботу, вечеромъ, они идутъ къ себѣ въ горы, въ мѣстечко, проводятъ тамъ воскресенье и въ понедѣльникъ, утромъ, снова уходятъ на работу на цѣлую недѣлю.

Они спятъ на голой землѣ, питаются тѣмъ, что берутъ изъ дома на цѣлую недѣлю и еще ухитряются кормить безчисленныхъ нищихъ, которые, словно паразиты, бродятъ по всей Сициліи.

Улицы городовъ переполнены нищими. „Синьоры" живутъ въ своихъ дворцахъ съ коронами и гербами. Вся промышленность и крупная торговля въ рукахъ иностранцевъ. Домовладѣльцами являются galantuòmi. Бѣднота живетъ въ улицахъ-трещинахъ, подъ „плѣнительнымъ небомъ Сициліи", лишенная солнца, въ то время, какъ кругомъ на десятки верстъ цвѣтутъ апельсинные сады, лишенная воздуха. Задыхается въ темнотѣ и грязи.

— Грязенъ, какъ сициліанецъ! — говорятъ съ отвращеніемъ въ Неаполѣ.

А неаполитанцы имѣютъ право на званіе самаго нечистоплотнаго народа въ мірѣ.

Послѣ восточной нищеты, гдѣ люди, какъ мохъ, родятся, живутъ и умираютъ въ трещинахъ старыхъ стѣнъ, сицилійская нищета самая нищая въ цѣломъ мірѣ. Даже испанская нищета можетъ претендовать только на третье мѣсто. На свѣтѣ невозможно ѣздить по этимъ улицамъ: лицомъ къ лицу съ такой нищетой становится стыдно, что у васъ есть хоть лира въ карманѣ. Нельзя ѣхать въ коляскѣ среди нищихъ.

Вы идете по этимъ закоулкамъ среди ужасающей вони, нищеты и грязи. Если на верху не болтаются простыни и кальсоны съ гербами, тогда, словно знамена нищеты, надъ улицей повисли лохмотья, вывѣшенныя провѣтриваться. Они колеблются при вѣтрѣ и съ нихъ сыплется грязь и паразиты. Дождь изъ грязи и паразитовъ идетъ на дѣтей, блѣдныхъ, желтыхъ, худосочныхъ, которыми кишатъ нищія улицы.

На углахъ—лавочки съѣстныхъ припасовъ. Мясныхъ нѣтъ совсѣмъ. Даже рыбныхъ. Торгуютъ одной только зеленью.

Но вотъ вамъ попалась мясная. Черезъ дорогу другая. На углу стоитъ грязная старуха съ лоткомъ и продаетъ пирожное. Лавка съ фруктами. Лавка съ мануфактурнымъ товаромъ.

Нищета стала богаче.

Вы обращаетесь къ вашему чичероне.

— Здѣсь, — онъ указываетъ вамъ на окружающіе дома, — живутъ падшія женщины. Вотъ эта и эта дурныя улицы. Онѣ наполнены притонами разврата и ворами.

Вы снова идете по нищимъ улицамъ, гдѣ ѣдятъ одну зелень, и доходите до новаго „оазиса".

— Это тоже улица притоновъ!—объясняетъ вамъ чичероне.— Падшія женщины и воры!

Дальше вы ужъ знаете сами. Какъ только увидали лавки съ мясомъ, со сластями, съ какими-нибудь товарами, вы говорите:

— Значитъ, близко развратъ и воровство!

Двери балконовъ открываются, съ балконовъ вамъ кричатъ растрепанныя женщины.

Чичероне предупреждаетъ васъ:

— Синьоръ, держите карманы! Мы въ улицѣ воровъ!

Развратъ или воровство — только два средства для сициліанца жить мало-мальски по-человѣчески.

Вамъ въ лицо глядитъ великая мать нищета, и ея страшныя дѣти — преступленіе и развратъ.

Сицилія считается самой развратной страной даже въ Неаполѣ. А это что-нибудь да значитъ! Врядъ ли даже въ Вавилонѣ царилъ такой легкій взглядъ на наслажденія, какой царитъ на берегахъ лазурнаго Неаполитанскаго залива.

Какъ зловонныя струйки отъ кучи навоза, развратъ узенькими извилистыми улицами течетъ въ богатыя широкія улицы Палермо. Вы проходите по „богатой" улицѣ, между домами, занятыми торговыми учрежденіями, вдругъ — стѣна. Земля, казалось бы, здѣсь страшно дорога,—откуда же это незастроенное мѣсто?

— А это, — объясняютъ вамъ, — по просьбѣ жителей, заложили стѣной выходы изъ улицы. Тамъ за этой стѣной улица разврата.

И такія стѣны на большихъ улицахъ Палермо на каждомъ шагу.

Но какъ ни ограждаются каменными стѣнами, развратъ разлитъ по всему Палермо. Какъ голодъ.

Предложеніе женщинъ — обычное явленіе на улицахъ всѣхъ городовъ южной Италіи. Но нигдѣ этотъ торгъ не достигаетъ такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ въ Палермо.

Торговлей женщинами занимаются старики и маленькія дѣти.

Торговецъ газетами, цвѣтами, лишь только вы купили у него нумеръ журнала или бутоньерку, предлагаетъ вамъ женщину.

Нищій, едва вы опустили ему въ руку сольди, предлагаетъ вамъ:

— Я знаю красивую женщину.

Восьмилѣтній ребенокъ, торгующій спичками, пристаетъ къ вамъ:

— 9-ти лѣтъ! 9-ти лѣтъ! Синьоръ, девяти лѣтъ.

И, видя, что вы не обращаете вниманія, перзрительно улыбается:

— Синьоръ труситъ?!

— Да это что? Твоя сестра, что ли?

Онъ самодовольно улыбается:

— Эге! Сестра! Синьоръ, синьоръ! Очень красивая! Вы увидите! Синьоръ!

И сейчасъ же къ вамъ начинаетъ приставать взрослый человѣкъ, продающій цвѣты.

— Синьоръ! Если вы не хотите итти къ намъ, я приведу ребенка къ вамъ!

— Да какъ же родители отпустятъ?!

Онъ глядитъ на васъ съ удивленіемъ:

— Да это мой ребенокъ. Я отецъ.

Съ четырехъ часовъ дня главныя улицы Палермо превращаются въ одну сплошную биржу женщинъ и дѣтей. Переполнены комиссіонерами.

Я считалъ шаги и предложенія, и на ста шагахъ насчитывалъ пять предложеній.

Тамъ, гдѣ отъ голода приходится торговать своими дѣтьми, единственная надежда выйти изъ такого безконечнаго бѣдственнаго положенія — надежда на случай.

Итальянское правительство, разоряющее страну еженедѣльными лотереями, превратило сициліанцевъ въ „запойныхъ игроковъ“.

Вы берете билетъ, въ который вамъ вписываютъ нѣсколько назначенныхъ вами номеровъ. Игра идетъ какъ въ лото. Въ субботу розыгрыши. Вынимаютъ пять номеровъ.

Если вышелъ одинъ изъ назначенныхъ вами номеровъ, вы получаете въ $10^1/_2$ разъ больше. Если вышло „амбо“— въ 250 разъ. „Терно“—въ 4,250. Если „кватерно“—въ 60.000 разъ.

Ставка доступна нищимъ: хоть нѣсколько сольди.

Однимъ ударомъ выйти изъ бѣдственнаго положенія. Однимъ шагомъ шагнуть изъ нищеты.

Отъ субботы до субботы вся Сицилія живетъ въ угарѣ игры. До нищихъ и семилѣтнихъ дѣтей играетъ все.

На игру просятъ милостыню, воруютъ и разбойничаютъ.

Такъ, какъ въ Сициліи, играютъ только въ тюрьмахъ и на поселеніяхъ. Игра, это — единственный способъ „перемѣнить участь“.

Это населеніе игроковъ, которымъ привитъ азартъ‘ которые заѣдены азартомъ, не можетъ, конечно, довольствоваться одними правительственными „bancolotto“.

Обычная сцена въ городахъ Сициліи. На площади толпа, въ рединѣ мальчишка продаетъ билеты лото.

Оретъ, кричитъ, трясетъ мѣшкомъ, въ которомъ стучатъ косточки съ цифрами.

Когда билеты разобраны, онъ беретъ изъ толпы самаго маленькаго ребенка:

— Вынимай!

— Номеръ такой-то!

Если выигралъ кто, онъ платитъ вдвое.

Если долго не выигрываетъ никто,—крики, вопли.

— Мошенничество! Въ мѣшкѣ нѣтъ тѣхъ номеровъ, которые въ картахъ!

Въ дѣло вступается антрепренеръ лотереи, державшійся все время въ сторонѣ.

— Провѣрить номера въ мѣшкѣ.

— Нечего провѣрять! Играй! Другіе выигрывали.

Клятва, ругань. Сейчасъ дойдетъ до драки, быть-можетъ, до ножей.

Съ угла бѣгутъ двое карабинеровъ,—эти inséparable'и, охраняющіе другъ друга, всегда ходятъ вдвоемъ и принимаются разнимать толпу.

Въѣзжая въ приморскій сицилійскій городъ, вы подумаете, что въ немъ масса театровъ, и въ нихъ даются какія-то необыкновенныя пьесы.

— Константинополь.

— Алабама.

— Бостонъ, — кричатъ огромныя красныя буквы на колоссальныхъ афишахъ.

Но это не театральныя афиши. Это не пьесы, а названія эмигрантскихъ пароходовъ. Каждый пароходъ увозитъ въ Америку и южную Африку полный трюмъ сициліанскихъ эмигрантовъ.

Вагоны третьяго класса переполнены сициліанцами, бросающими родину и ѣдущими въ Италію на материкъ.

И если бы сицилійская бѣднота не плодилась въ такой ужасающей прогрессіи,—пятеро - шестеро дѣтей —

очень маленькая семья,—Сицилія опустѣла бы въ нѣсколько лѣтъ.

Остались бы „синьоры“ въ своихъ великолѣпныхъ палаццо и galantuómi, которымъ не стало бы чѣмъ кормиться.

Но сициліанцы плодятся, какъ могутъ плодиться только южане. И если взглянуть сверху на улицу-трещину, она живая, она вся движется маленькими веселыми существами. Идя по ней, трудно пробираться среди дѣтей.

Несмотря на грязь и страшную дѣтскую смертность, ихъ выживаетъ все-таки колоссальное количество.

Торговля даже собственными дѣтьми, игра, какъ единственное средство „перемѣнить участь“, и послѣ игры общее помѣшательство всего острова — мечта „уйти на материкъ“, отъ всего этого на меня пахнуло такимъ ужаснымъ и знакомымъ.

Три элемента сахалинской жизни!

Такъ люди ухитрились превратить въ Сахалинъ одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ островов земного шара.

II. Маффія и бандиты.

Природа въ Сициліи дала людямъ все:

— Живите и наслаждайтесь!

А люди въ Сициліи съ оружіемъ въ рукахъ отвоевываютъ себѣ жизнь.

У каждаго „синьора“ масса арендаторовъ. У каждаго арендатора „подъ началомъ“ крестьяне.

Съ такой массой вассаловъ феодалы имѣли бы слишкомъ большую власть въ странѣ, черезчуръ большое вліяніе на выборы, на законодательство, на распредѣленіе налоговъ. Вся страна была бы у нихъ въ крѣпостной зависимости. Столкнувшись, они могли бы дѣлать, что угодно.

И galantuòmi, чтобы ограничить власть „синьоровъ“, образовали тайное общество, — „маффію“.

Что такое эта страшная сицилійская „маффія“? Настолько страшная, что люди мѣняются въ лицѣ, когда съ угрозой говорится:

— Я буду искать защиты у маффіи.

О ней говорятъ съ оглядкой, не подслушиваетъ ли кто?

— Маффія, — говорилъ мнѣ одинъ иностранецъ, болѣе двадцати лѣтъ живущій въ Сициліи и отлично знающій страну, — это—что-то въ родѣ чумы. Это разлито въ воздухѣ. Минутами вы даже сомнѣваетесь: „Да полно! Существуетъ ли эта пресловутая маффія? Но есть ли это просто-напросто одна изъ сказокъ, которыми славится Сицилія“. Но приходитъ моментъ, и вы убѣждаетесь, что маффія существуетъ, что она всесильна. Вы видите ея жертвы. Да вотъ я вамъ разскажу исторію одного моего знакомаго. Итальянецъ, богатый человѣкъ, онъ пріѣхалъ въ Палермо, купилъ домъ, арендовалъ имѣніе, занялся скотоводствомъ. Настало время муниципальныхъ выборовъ. Боролись двѣ партіи. Старая, за которую, какъ всѣ знали, стояла маффія, и новая, къ которой примкнулъ мой знакомый. Какъ человѣкъ богатый, онъ имѣлъ большое вліяніе, помогалъ деньгами своей партіи въ избирательной борьбѣ. Однажды онъ получаетъ анонимное письмо: „Вы приговорены ко всѣмъ несчастіямъ. Немедленно бросьте избирательную борьбу“. Конечно, онъ не обратилъ на это никакого вниманія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сталъ замѣчать, что знакомые при встрѣчѣ стали смотрѣть на него какъ-то особенно, съ сожалѣніемъ. Каждый считалъ своимъ долгомъ ему посовѣтовать: „Бросьте лучше эту игру! Ну, что вамъ? Вы человѣкъ пришлый. Мы здѣсь живемъ, у насъ сложились свои порядки!“ Но онъ стоялъ на своемъ: „Терпѣть грабежъ и безобразія въ муниципалитетѣ? Дикіе налоги? Терпѣть

негодяевъ, потому что они принадлежатъ къ какой-то тамъ маффіи?! Никогда!“ И продолжалъ борьбу, платилъ за помѣщеніе въ газетахъ статей, печаталъ афиши и воззванія, давалъ денегъ на наемъ избирателей. Въ одинъ прекрасный день онъ получаетъ извѣстіе, что въ его имѣніи уничтоженъ виноградникъ „неизвѣстно кѣмъ“. Еще нѣсколько дней, — перерѣзано все стадо, опять „неизвѣстно кѣмъ“. Уничтожены сады. Онъ кидается къ властямъ. „На кого имѣете подозрѣніе?“ На кого? Ни на кого! „Что жъ мы въ такомъ случаѣ можемъ разъискать?!“ Торговцы начинаютъ съѣзжать изъ его дома: „Намъ откажутъ въ кредитѣ, если мы будемъ жить у васъ“. Лавокъ никто не нанимаетъ. Его самого начинаютъ избѣгать. Знакомые говорятъ: „Нѣтъ ужъ, знаете... Вы себя такъ неудачно повели... Мы не можемъ продолжать съ вами прежнихъ отношеній. Еще и насъ заподозрятъ въ сообщничествѣ съ вами“. Разоренный въ нѣсколько недѣль, онъ отказался отъ дальнѣйшей аренды, продалъ домъ за безцѣнокъ: никто не хотѣлъ у него покупать, и бѣжалъ изъ этой проклятой страны, потому что тутъ и за жизнь нельзя поручиться! Что такое маффія? Воздухъ. Отравленный воздухъ Сициліи. Мы окружены ею, какъ окружены воздухомъ. Почемъ я знаю, быть-можетъ, мой приказчикъ, мой лакей — слуга маффіи. Быть-можетъ, имъ отданъ приказъ слѣдить за мной. Я говорю съ вами объ этомъ по-французски, потому что никто изъ нихъ не понимаетъ. Но по-итальянски я о такомъ предметѣ не сталъ бы говорить даже въ своемъ домѣ. Стѣны имѣютъ уши, и, быть - можетъ, лакей подслушиваетъ у замочной скважины. Быть въ ссорѣ съ маффіей! А почему вы знаете, что кучеръ, котораго вы берете, не агентъ маффіи, и ему не поручено васъ убить, украсть вашихъ дѣтей. Единственное средство существовать здѣсь, это — подчиняться маффіи вполнѣ и безпрекословно. Вы знаете, что даже страховыя обще-

ства не берутъ въ страхъ имущества и товаровъ у людей, про которыхъ ходитъ слухъ, что они осуждены маффіей?

Маффія имѣетъ огромное вліяніе при выборахъ въ парламентъ. Проходятъ въ Сициліи только тѣ депутаты, къ которымъ благоволитъ маффія.

Быть-можетъ, этимъ только и можно объяснить странный и удивительный фактъ. Сициліанцы — способный къ политикѣ народъ. Многіе изъ сициліанцевъ дѣлали блестящія политическія карьеры, пріобрѣтали власть, становились даже во главѣ правительства. Но никогда никто изъ нихъ не сдѣлалъ ничего, чтобъ помочь своей родинѣ—Сициліи и вывести ее изъ невозможнаго экономическаго и правового положенія.

Маффія держитъ въ своихъ рукахъ и муниципальные выборы.

Отсюда страшно ничтожныя пошлины на земли и дома и колоссальные налоги на предметы первой необходимости.

Всѣ тяжести городскихъ расходовъ ложатся исключительно на бѣднѣйшее населеніе. Главнымъ образомъ, на съѣстные припасы. Всѣ продукты обложены громадными пошлинами, и дороговизна на базарахъ стоитъ невѣроятная.

Даже зелень сказочно дорога, — зелень въ круглый годъ зеленой Сициліи!

И вотъ въ то время, когда бѣдные кварталы Палермо смердятъ, представляютъ собою очаги заразы, городъ ничего не дѣлаетъ для ихъ хоть мало-мальскаго оздоровленья и строитъ колоссальный театръ, одинъ изъ самыхъ большихъ въ свѣтѣ, роскоши необычайной. Для удовольствія синьоровъ и galantuòmi.

Маффія, имѣя въ своихъ рукахъ повсюду множество избирателей, распоряжается всѣми выгодными и вліятельными должностями.

Маффія всесильна, — и администрація... Большинство администраціи тоже принадлежитъ къ маффіи. Больше ничего не остается дѣлать! Только принадлежа къ маффіи, можно быть спокойнымъ за себя и за мѣсто. Иначе доносы, интриги, маффія имѣетъ въ своихъ рядахъ очень важныхъ и вліятельныхъ лицъ,—и живо лишишься мѣста.

Такимъ образомъ, никакой защиты отъ маффіи со стороны администраціи ждать нельзя.

Вамъ пришлось бы жаловаться на маффію, быть-можетъ, члену маффіи.

Судъ... Но Сицилія управляется маффіей. Къ маффіи идутъ за защитой. Маффія судитъ. Маффія превратила жизнь въ какое-то арестантское существованіе. Жалоба „начальству" безполезна.

Ни одинъ сициліанецъ на судѣ не покажетъ ничего, кромѣ:

— Знать не знаю!

Даже когда разбираются дѣла объ убійствахъ на улицѣ, свидѣтели - очевидцы подъ присягой показываютъ:

— Не видалъ, кто убилъ. Я какъ разъ въ это время смотрѣлъ въ другую сторону.

Такимъ образомъ, маффія безнаказанна. Она не останавливается ни передъ чѣмъ, до убійства включительно.

Для убійства идутъ въ ходъ бандиты.

Маффія имѣетъ связи съ бандитами. Въ случаѣ надобности, поручаетъ имъ исполненіе приговоровъ. Бандиты за это пользуются укрывательствомъ и помощью маффіи.

Маффія держитъ въ уздѣ „синьоровъ".

Если бы кто-нибудь изъ нихъ вздумалъ предъявлять слишкомъ большія требованія къ galantuómi—арендаторамъ, или обижать ихъ, онъ рискуетъ въ одинъ день остаться нищимъ. Рискуетъ даже жизнью. И „синьоры"

предпочитаютъ жить съ маффіей въ мирѣ и добромъ согласіи, пользоваться ея помощью во взаимныхъ распряхъ и для мести.

Такимъ образомъ, маффія охраняетъ интересы galantuómi.

Ея назначеніе, имѣя въ своихъ рукахъ всю власть, дѣлать такъ, чтобъ никакія тяжести не ложились на galantuómi.

Сицилійскій народъ въ свою защиту выдвинулъ разбойничество.

Знаменитое сицилійское разбойничество — явленіе чисто экономическое.

Сицилійская поговорка говоритъ:

— Лохмотья страшнѣй кинжала.

Человѣкъ, не выдержавшій гнета окружающей жизни, если у него есть смѣлость, „уходитъ въ горы".

Онъ вступаетъ въ шайку какого-нибудь „владѣтеля провинціи".

И если у него хватаетъ безумной смѣлости, онъ сумѣетъ покрыть себя кровью и сдѣлать свое имя страшнымъ, становится затѣмъ во главѣ самостоятельной шайки.

Сицилія строго распредѣла между бандитами. Такой-то округъ принадлежитъ такому-то. Такая-то дорога такому-то.

И больше никто не смѣетъ разбойничать въ этихъ владѣніяхъ. Бандитъ - „владѣлецъ" самъ принимаетъ мѣры къ охранѣ своей „собственности".

Разсказываютъ анекдотъ по этому поводу.

Какая-то дорога 30 лѣтъ „принадлежала" одному бандиту.

30 лѣтъ всѣ проѣзжающіе останавливались около извѣстнаго куста и платили выкупъ. Ослы у мѣстныхъ жителей привыкли останавливаться у этого куста. Сами.

Заснетъ человѣкъ дорогой, просыпается — оселъ стоитъ около куста, и ни съ мѣста. Человѣкъ кладетъ на землю „что слѣдуетъ“ и ѣдетъ дальше.

Иначе, — изъ куста торчитъ карабинъ.

Наконецъ, власти сообразили:

— 30 лѣтъ! Бандитъ за это время успѣлъ, вѣроятно, и состариться!

Отправились къ знаменитому кусту и нашли дряхлаго старика, который и вставалъ-то съ помощью палочки. Знаменитый карабинъ, тридцать лѣтъ „наводившій панику на населеніе“, оказался совсѣмъ давнымъ-давно заржавѣвшимъ.

— Мокъ, мокъ на дождѣ — заржавѣешь! — объяснилъ старичокъ. — Я изъ него ни разу не выстрѣлилъ.

Se non e vero... Мѣръ къ поимкѣ разбойниковъ населеніе не принимаетъ никакихъ. Если маффія — судъ, то бандиты — полиція Сициліи. За извѣстную опредѣленную мзду бандиты охраняютъ дороги и помѣстья отъ другихъ разбойниковъ лучше всякихъ карабинеровъ.

Сицилійскій бандитъ, это — что-то совсѣмъ особенное.

Знаменитый Кандино-мститель, весь увѣшанный образами и охотно жертвовавшій награбленныя деньги на украшеніе церквей, слѣдилъ даже за набожностью въ „своей провинціи“.

Ему жаловалось духовенство.

Какой-нибудь житель мѣстечка не достаточно благочестивъ.

Кандино являлся въ мѣстечко, шелъ со своими бандитами въ домъ къ неблагочестивому человѣку и дѣлалъ ему строгій выговоръ:

— Ты что же это, мой милый?

Затѣмъ слѣдовало наказаніе.

Кандино налагалъ на виновнаго въ недостаточномъ благочестіи штрафъ:

— Столько-то пожертвуй въ церковь, столько-то заплатишь мнѣ. Да смотри! Въ слѣдующій разъ заплатишь вдвое.

А иногда, если виновный былъ неисправимый рецидивистъ, приказывалъ выдрать его еще веревками. И самъ принималъ участіе въ этомъ благочестивомъ дѣлѣ.

Кандино-мстителю жаловались и на духовенство.

Патеръ такой-то лѣниво и не охотно служитъ мессы.

Кандино являлся, шелъ къ патеру и говорилъ:

— Ты что же это, святой отецъ.

Строго выговаривалъ, отправлялся въ церковь, приказывалъ при себѣ совершить мессу „какъ слѣдуетъ", усердно молился, просилъ благословенія и уходилъ, говоря:

— Чтобы больше жалобъ на тебя не было. Служи Господу нашему, какъ слѣдуетъ.

Таковъ патріархальный укладъ Сициліи.

Бандитамъ жалуются на многое.

Они, дѣйствительно, часто являются защитниками сиротъ и водворяютъ справедливость въ крестьянскомъ быту.

Сирота, котораго грабитъ или истязаетъ опекунъ, по совѣту всего мѣстечка, бѣжитъ въ горы и жалуется „мѣстному бандиту".

Бандитъ является и, къ общему удовольствію, урезониваетъ или наказываетъ опекуна.

— Если будешь продолжать дѣлать то же, на слѣдующій разъ жди пожара. А тамъ и смерть. Ты меня, надѣюсь, знаешь.

Въ случаѣ неправильнаго раздѣла имущества обиженные зовутъ опять-таки „мѣстнаго бандита".

Онъ беретъ часть себѣ въ видѣ пошлины, а остальное приказываетъ при себѣ раздѣлить „по всей справедливости".

И дѣлять: въ случаѣ неповиновенія, бандитъ долженъ отомстить ослушнику, чтобы поддержать свой престижъ.

Карабинеры, подъ предлогомъ поисковъ бандитовъ, творятъ, дѣйствительно, часто ужасающія безчинства и насилія. За это ихъ и ненавидитъ населеніе.

На нихъ жалобы приносятся тоже не по начальству, а бандитамъ.

И карабинеръ, учинившій возмутительное насиліе, находится уже подъ страхомъ „вендетты“ со стороны бандита.

Бандитъ, чтобъ его укрывало и поддерживало мѣстное населеніе, долженъ мстить какъ „за брата“, какъ „за сестру“.

Бандитамъ приносятъ жалобы и на злоупотребленія своихъ же выборныхъ властей.

Мэръ какой-нибудь коммуны,—коммуну составляютъ нѣсколько мѣстечекъ, расположенныхъ часто въ десяткахъ верстъ другъ отъ друга, такъ что мэръ является главою порядочной области,—мэръ какой-нибудь коммуны творитъ неправду, обижаетъ жителей.

Въ мѣстечко, гдѣ живетъ мэръ, налетаетъ „банда“ разбойниковъ.

Обыкновенная въ Сициліи картина появленіе „банды“. Они кричатъ:

— Закрывайся!

Всѣ должны запирать окна и двери, прохожіе ложиться на землю лицомъ внизъ. Такъ что потомъ на судѣ всѣ свидѣтели съ чистой совѣстью подъ какой угодно присягой могутъ показать:

— Мы ничего не видѣли!

Бандиты проходятъ къ мэру, и глава бандитовъ дѣлаетъ ему строгое внушеніе, беретъ штрафъ себѣ за безпокойство, приказываетъ возвратить неправильно взятыя деньги такимъ-то и такимъ-то, грозитъ „на слѣдующій разъ“ и уходитъ.

Но „дѣятельность“ бандитовъ, конечно, состоитъ не изъ однѣхъ „идиллій справедливости“. Они составляютъ истинный бичъ Сициліи.

Это тоже „Иваны“ каторги.

Бандиты не даютъ ни одному крестьянину „подняться отъ земли“. Чуть кому удалось едва-едва поправить обстоятельства и обзавестись мало-мальскимъ достаткомъ, бандитъ накладываетъ на него лапу:

— Деньги есть,—плати!

И завистливые сосѣди держатъ сторону бандита:

— Это такъ положено: кто богатъ, тотъ платитъ!

Бандиты держатъ населеніе на одинаковомъ уровнѣ нищеты.

Они не знаютъ себѣ удержу ни въ чемъ.

Если женщина приглянулась бандиту, мужъ, отецъ, братъ должны ее отдать въ любовницы.

Иначе, — бандитъ долженъ окружать свое имя ужасомъ, — самыя звѣрскія проявленія „вендетты“.

Начинаются поджоги, убійства близкихъ.

И сициліанцы терпятъ все это потому, что бандиты вступаются за нихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и, въ свою очередь, помогаютъ деньгами.

Облагая данью синьоровъ и galantuòmi за охрану ихъ владѣній отъ другихъ разбойниковъ, бандитъ нуждается въ ночлегѣ, въ укрывательствѣ. Они много берутъ и всегда нищіе. Они щедро платятъ за ночлегъ, за ѣду, за вино, за сообщничество, за полезныя донесенія, за предупрежденія относительно карабинеровъ.

Такимъ образомъ, хоть часть денегъ, вытягиваемыхъ galantuòmi, возвращается населенію.

Бандитъ соритъ деньгами.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что среди нищихъ онъ дорогой человѣкъ.

Въ защиту населенія отъ galantuòmi бандиты поднимаются рѣдко. Развѣ ужъ живодерство какого-нибудь

galantuòmi настолько превзойдетъ всякія вѣроятія, что даже вызоветъ негодованіе въ другихъ galantuómi.

Galantuòmi составляютъ маффію. А безъ помощи маффіи трудно существовать бандиту. Съ маффіей онъ дружитъ и исполняетъ ея приговоры надъ „измѣнниками“ и „врагами“. Люди, принадлежащіе къ маффіи, по большей части застрахованы отъ бандитовъ.

„Синьоры“, какъ сказано уже, пользуются услугами бандитовъ въ своихъ распряхъ и даже заводятъ себѣ секретарей, занимаясь разбойничьими дѣлами.

Какіе разнообразные классы заинтересованы въ Сициліи въ „разбойническомъ дѣлѣ“, могутъ дать понятіе опубликованныя офиціальныя данныя о предстоящемъ процессѣ „сообщниковъ и укрывателей“ Варсалона.

Кромѣ поименованныхъ уже маркизовъ и бароновъ, въ сообщничествѣ съ разбойникомъ обвиняются: его жена, молодая дѣвушка, любовница Варсалона, ея мать, тоже бывшая любовница Варсалона, одинъ инженеръ, одинъ священникъ, комиссаръ полиціи, мэръ коммуны и адвокатъ.

Мать и дочь любовницами. Вы можете судить, насколько права палермская поговорка:

— Варсалона женатъ на всѣхъ женщинахъ Кастроново.

Отсутствіе изъ мѣстечекъ мужей на цѣлую недѣлю, конечно, сильно помогаетъ галантнымъ похожденіямъ бандитовъ.

Но сообщничество маркизовъ, бароновъ, священника, мэра, адвоката, инженера!

Разумѣется, разбойникъ неуловимъ тамъ, гдѣ въ числѣ его сообщниковъ состоитъ даже „комиссаръ полиціи“.

Всѣ эти люди съ кѣмъ-нибудь сводили свои счеты и прибѣгали къ помощи бандита или указывали ему за мзду мѣста, гдѣ можно поживиться.

— Отъ денегъ кто же прочь?!

Всѣ знаменитые бандиты имѣютъ обыкновенно безчисленныя жизнеописанія.

Эти біографіи, полныя чудесъ и ужасовъ, издаются выпусками, по сольди, — 5 сантимовъ,—за выпускъ.

Они раскупаются нарасхватъ. Ихъ покупаютъ даже нищіе.

Разбойники тамъ выставлены, какъ образцы рыцарства, благородства, ума и благочестія. Карабинеры глупы, и кровь ихъ льется рѣкой.

Это читается взасосъ.

Бандитъ пользуется всѣми симпатіями населенія.

Для страшно трудящагося и безконечно нищаго населенія Сициліи бандитъ, это—лихачъ, который не работаетъ, и вокругъ котораго вихремъ вьются деньги.

И нищіе и несчастные люди съ жадностью читаютъ быль, похожую на сказку.

Словно видятъ золотой сонъ.

III. Духовенство и администрація.

Сицилія очень набожна.

Но если бы вы сказали сициліанцу, что христіанство учитъ прощать обиды,—онъ посмотрѣлъ бы на васъ съ величайшимъ удивленіемъ.

А если бы вы добавили, что надо любить своихъ враговъ, — сициліанецъ расхохотался бы громко, весело и откровенно.

На каждомъ перекресткѣ предъ изображеніемъ Мадонны съ утра до вечера горятъ десятки свѣчей

Мнѣ пришла въ голову мысль спросить у нѣсколькихъ мальчишекъ, въ школьномъ возрастѣ, 12—14 лѣтъ:

— Что такое Мадонна?

Одинъ отвѣчалъ, не задумываясь:

— Это—картина. Развѣ вы не видали?

Другой отвѣчалъ, подумавъ:

— Это была мученица и святая.

Третій сказалъ:

— Aveva uno bambino.

„У нея былъ ребенокъ“.

У каждаго города свой патронъ.

И когда сициліанцы, уроженцы двухъ разныхъ городовъ, ругаются между собой, они ругаютъ другъ друга, городъ и патроновъ этихъ городовъ.

Въ этомъ „христіанскомъ многобожіи“, которое исповѣдуетъ Сицилія, меньше всего христіанства. Это какое-то „христіанское язычество“. Язычество съ христіанскими именами.

Сицилійское духовенство...

Въ Сициліи расположены самые фанатичные и невѣжественные легіоны римской куріи. Послѣ испанскихъ монаховъ, предающихся на Страстной недѣлѣ самобичеванью и готовыхъ хоть сейчасъ жечь на площадяхъ еретиковъ, сицилійскіе монахи самые фанатичные и невѣжественные.

Въ Сициліи много монастырей. При малѣйшей возможности я старался проникать въ нихъ.

Отъ этихъ монастырей не вѣетъ ни мирной тишиной ни молитвеннымъ умиленіемъ.

Это просто тюрьмы, въ которыя люди сажаютъ себя добровольно.

Внизу, у внутренняго монастырскаго хода въ церковь, какъ въ гостиницахъ дощечка съ именами монаховъ.

— Каждый утромъ выходитъ и закрываетъ свое имя,— объясняютъ вамъ, — если нѣсколько дней чье-нибудь имя остается открытымъ, идутъ къ нему въ келлію посмотрѣть: не случилось ли чего.

У нихъ нѣтъ общихъ столовыхъ, ѣда ставится у двери каждаго.

— Ну, а если нѣсколько дней онъ не беретъ ѣды,— не заходятъ посмотрѣть, не боленъ ли?

— А можетъ-быть, онъ далъ обѣтъ не ѣсть нѣсколько дней!

Длинный коридоръ, съ кирпичнымъ поломъ, истертымъ бродившими тутъ въ одиночку и молча отшельниками.

Келлія съ узкимъ, рѣшетчатымъ окномъ. Распятіе и постель. Больше ничего.

— Вы умываетесь?—рѣшился я спросить у одного монаха.

Онъ отвѣчалъ:

— Это мірское. А мы—монахи.

Очень часто, вступая въ монастырь, вы слышите предупрежденіе отъ послушника, который васъ сопровождаетъ:

— Говорить ни съ кѣмъ нельзя. Въ нашемъ монастырѣ обѣтъ молчанія.

— Но вы говорите?!

— Я еще грѣшный. Не совсѣмъ посвященъ. А другіе говорятъ разъ въ годъ. Это называется „грѣшный день". Собираются и говорятъ полчаса.

Такъ живутъ въ этихъ мрачныхъ тюрьмахъ другъ другу чужіе люди.

Въ знаменитомъ монастырѣ капуциновъ, около Палермо, гдѣ въ катакомбахъ хранятся на виду 8,000 забальзамированныхъ, засохшихъ труповъ знатнѣйшихъ гражданъ Палермо, я спросилъ у настоятеля:

— Какъ же у васъ въ катакомбахъ въ гробу лежитъ тѣло Франческо Криспи? Вѣдь онъ былъ гарибальдіецъ.

Настоятель отвѣтилъ мнѣ со вздохомъ:

— Катакомбы принадлежатъ не намъ, а городу.

И съ улыбкой добавилъ:

— Если бы ихъ отдали намъ! Мы выкинули бы его трупъ за стѣну,—пусть жрутъ эту падаль собаки!

А монахъ, съ которымъ я гулялъ по монастырскому саду, разсказывалъ мнѣ:

— Вы знаете, сколько этого злодѣя ни бальзамировали, ничего! У него провалился носъ, сгнили глаза. Приходится его держать въ гробу. Да онъ и въ гробу еще долго жилъ!

— Какъ жилъ?

— Это видѣли, когда открывали гробъ. У нечестивца росла борода. Онъ еще долго мучился и жилъ, когда его похоронили!

Таково фанатичное духовенство Сициліи.

Въ Сициліи три университета,—и Сицилія одинъ изъ самыхъ невѣжественныхъ уголковъ на свѣтѣ.

Начальное образованіе лежитъ на обязанности муниципалитетовъ. Муниципалитеты, поставленные маффіей, не любятъ тратить доходовъ на простонародье.

И потому очень рады, что духовенство открываетъ школы.

— Насъ избавляютъ отъ расходовъ!

Начальное образованіе находится почти исключительно въ рукахъ духовенства.

Правительство смотритъ на это сквозь пальцы:

— Что жъ! Они только въ курсѣ исторіи немножко... Мимоходомъ упоминаютъ объ изгнаніи Бурбоновъ и почти умалчиваютъ о Гарибальди. Бѣда не велика!

Сицилійское духовенство учитъ въ школахъ, что земля недвижима, что изобрѣтатель оспенной прививки былъ еретикъ, и что дьяволъ говоритъ на французскомъ языкѣ.

Въ наказаніе учениковъ заставляютъ лизать землю, и нечистоплотность поощряется, какъ добродѣтель.

Достаточно видѣть ужасающую, преднамѣренную грязь, въ которой ходятъ въ Сициліи семинаристы.

— Они готовятся въ монахи и пріучаются убивать свою плоть! — объясняютъ вамъ.

Духовенство въ Сициліи захватило въ свои руки всю духовную и умственную жизнь простого народа.

Никакія „теченія" не касаются Сициліи. Всякое теченіе сейчасъ же перехватываетъ католичество.

Оно считаетъ „синьоровъ" покровителями церкви, galantuòmi у него въ большомъ почетѣ, для народа устраиваетъ „союзы".

Вы видите вывѣску:

— Демократическій союзъ.

Но это католическій демократическій союзъ, и предсѣдательствуетъ на собраніяхъ патеръ.

По улицамъ кричатъ:

— Покупайте журналъ *Соціалистъ!* Требуйте журналъ *Соціалистъ.*

Передовая статья противъ развода. Новости — извѣстія о Ватиканѣ.

Это католическій соціалистскій журналъ, который объявляетъ:

„Истинное царство свободы, равенство и счастье, это — папство. Папа, — вотъ кто приведетъ человѣчество въ золотой вѣкъ справедливости".

Я видѣлъ оппозиціонный журналъ, недовольный подчиненіемъ Сициліи и трактующій ее какъ самостоятельную страну. Онъ восхваляетъ папу, „истиннаго и единаго властителя всѣхъ католическихъ народовъ", и издается духовенствомъ.

Видѣлъ республиканскій журналъ. Онъ проповѣдуетъ итальянскую республику, „единую и нераздѣльную", — подъ покровительствомъ папы. И издается духовенствомъ.

Какихъ политическихъ воззрѣній ни былъ бы сициліанецъ, — онъ находитъ отголосокъ на эти воззрѣнія въ католичествѣ.

Какой бы идеалъ ни грезился ему, — ему указываютъ:

— Этотъ идеалъ осуществимъ только силою католичества и властью папы.

И, держа въ своихъ рукахъ образованіе и духовную жизнь народа, католическое духовенство ничего не сдѣлало, чтобъ его развить, пробудить въ немъ желаніе хоть жить по-человѣчески, не въ такой удушающей грязи, смрадѣ и вони.

— Но какъ относится къ Сициліи правительство Италіи?

Въ Италіи зовутъ Сицилію „золушкой“.

Въ Сициліи самое захватывающее чтеніе, это—римскія придворныя извѣстія.

Сицилія внимательнѣйшимъ образомъ слѣдитъ за придворной и административной хроникой римскихъ газетъ.

Кто былъ на балу, кто нѣтъ? Кому дана экстренная награда, кого обошли должной и обычной?

И когда по этимъ признакамъ узнаютъ, что кто-нибудь въ немилости, говорятъ:

— Значитъ, скоро мы его увидимъ въ Сициліи.

Сицилія, это—мѣсто почетной ссылки для административныхъ лицъ.

Кого не хотятъ видѣть въ Римѣ, — посылаютъ на службу въ Сицилію. Кто оказался непригоднымъ въ другихъ городахъ полуострова, того посылаютъ въ Сицилію. Кто проштрафился, но обладаетъ сильной рукой, и его не хотятъ обидѣть,—посылаютъ въ Сицилію. Оказавшихся неспособными посылаютъ въ Сицилію.

Такъ, въ административномъ отношеніи, Сицилія оказалась складомъ „непригодныхъ администраторовъ“.

Конечно, не имъ устроить судьбу этого прекраснѣйшаго и несчастнѣйшаго острова.

Не имъ освободить островъ отъ тираніи „маффіи“ и бандитовъ.

„Синьоръ“, маффія и разбойничество цвѣтутъ и процвѣтаютъ на цвѣтущей Сициліи.

И здѣсь, гдѣ природа дала все для жизни и наслажденія, жизнь особенно тяжела и полна горя.

Исторія кавалера Спано.

I.

Отъ Кефалу до Терранова и отъ Трапани до Мессины вся Сицилія только и говоритъ, что о „приключеніи съ кавалеромъ Спано“.

Я шелъ вечеромъ въ Палермо по Маккаведѣ, главной улицѣ. Все было какъ всегда. Кафе полны народомъ. Сициліанцы, по обыкновенію, стояли вдоль тротуаровъ и разглядывали проходящихъ. Мальчишки предлагали восковыя спички и женщинъ. Взрослые — цвѣты и женщинъ. Нищіе просили милостыню и предлагали женщинъ.

— Una bellissima rogazza!

Какъ вдругъ какой-то вопль поднялся вдали на концѣ улицы. Моментъ — и вопль раздался на другомъ концѣ. Вопли неслись изъ боковыхъ улицъ.

И среди этихъ отчаянныхъ криковъ можно было разобрать только одно слово:

— Спано!

Вопли приближались, росли, все пришло въ движеніе.

По улицамъ мчались мальчишки съ кипами газетъ:

— Спано! „Sicilio!“ „L'ora!“ Спано освобожденъ!

Газеты брались нарасхватъ. Спѣшили читать тутъ же, у освѣщенныхъ оконъ магазиновъ, при свѣтѣ фонарей, при мерцаніи восковыхъ свѣчей передъ иконами Мадонны на углахъ улицъ.

И всѣ повторяли съ величайшимъ волненіемъ одно слово:

— Спано!

Даже нищіе покупали газеты.

Забыты были женщины, спички, цвѣты, — все читало, слушало, говорило, кричало:

— Спано!

Словно какой-то вихрь налетѣлъ на Палермо и смялъ все.

„Спано". Этимъ именемъ были полны не только широкія и роскошныя улицы, гдѣ живетъ аристократія и буржуазія Палермо, но и тѣ узкія трещины между домами, гдѣ не живетъ, а существуетъ сициліанская нищета.

Я зашелъ въ одно кафе. Прислугѣ было не до того, чтобъ подавать. Они были слишкомъ взволнованы.

— Спано!.. Спано!.. Спано!..

Зашелъ въ другое. Третье.

Вездѣ только говоръ:

— Спано... Спано...

— Два милліона?

— Сорокъ тысячъ!

Спано, пожилой человѣкъ, дворянинъ, — „кавалеръ", — одинъ изъ богатѣйшихъ людей Сициліи. Владѣлецъ безконечныхъ помѣстій. Объ его состояніи спорятъ.

Одни говорятъ:

— Двадцать.

Другіе: „тридцать милліоновъ".

Не знаю, пьетъ ли кавалеръ Спано. Если да, — онъ совсѣмъ счастливый человѣкъ: живетъ въ Марсалѣ.

Милліоны, надъ головой „плѣнительное небо Сициліи" кругомъ Марсала.

Мѣсяцъ тому назадъ кавалеръ Спано въ собственномъ экипажѣ возвращался домой около семи часовъ вечера, когда вечернія тѣни едва успѣли лечь на землю.

Онъ проѣзжалъ небольшой глухой уличкой, — какъ вдругъ лошадей схватили подъ уздцы двое вынрынувшихъ изъ темноты молодцовъ съ ружьями.

Четверо другихъ,—всѣ съ ружьями,— выросли подлѣ коляски.

— Кавалеръ, ни звука! Потрудитесь выходить.

Они помогли кавалеру выйти изъ коляски.

Всѣ были закутаны въ плащи. Шляпы нахлобучены, поля опущены.

Кавалеру Спано моментально завязали глаза.

— Идите, куда мы васъ поведемъ, — и ни звука! Иначе,—ударъ кинжаломъ, и кончено.

Одинъ изъ бандитовъ вскочилъ въ коляску и крикнулъ кучеру:

— Впередъ!

Коляска помчалась галопомъ.

Кавалеръ Спано исчезъ.

Съ тѣхъ поръ 27 дней о немъ не было ни слуха ни духа.

На слѣдующій день, послѣ полудня, кучеръ на измученныхъ лошадяхъ вернулся домой.

И разсказалъ, что съ нимъ произошло.

Когда бандиты взяли кавалера Спано,— вскочившій въ коляску крикнулъ ему:

— Впередъ! Поѣдешь, какъ я велю! Во весь духъ и ни звука. Произнесешь звукъ, кинжалъ въ спину. Ну?!

На смерть перепуганный кучеръ хлестнулъ по лошадямъ.

Онѣ помчались во всю прыть по закоулкамъ Марсалы. Бандитъ командовалъ:

— Направо! Налѣво! Прямо!

Въ этой бѣшеной скачкѣ кучеръ хотѣлъ направить лошадей на стѣну,—но бандитъ схватилъ его за плечи:

— Сломается хоть колесо, — кинжалъ между лопатокъ.

Они выѣхали за городъ, и кучеръ рѣшительно потерялъ дорогу. Ночь была темная, безъ луны. Не видно ни зги. Бандитъ нарочно крутилъ:

— Направо! Налѣво! Поверни назадъ! Направо! Прямо!

Иногда онъ кричалъ:

— Осторожнѣе! Осторожнѣе! Налѣво пропасть!

Судя по толчкамъ, они ѣхали то дорогой, то полемъ. Вѣтви иногда хлестали въ лицо, — проѣзжали садами, рощами.

Сколько продолжалось это, — потерявшій отъ страха голову кучеру не знаетъ.

Лошади устали, съ галопа перешли на рысь, на шагъ, еле плелись и, наконецъ, совсѣмъ стали.

Бандитъ выпрыгнулъ изъ коляски:

— Теперь ты свободенъ. Не ори,—кругомъ ни души. Поѣдешь назадъ, — осторожно. Недалеко есть пропасти. Да сохранитъ тебя святая Мадонна.

И исчезъ въ темнотѣ.

Кучеръ подождалъ разсвѣта. Когда прояснѣло,—увидалъ незнакомую мѣстность. Долго плуталъ, наконецъ, кое-какъ выбрался на какую-то дорогу, доѣхалъ до жилья, спросилъ: „какъ проѣхать въ Марсалу?“

На его вопросъ крестьяне только вытаращили глаза. Это было очень далеко.

Наконецъ, добрался до Марсалы, разсказалъ, заболѣлъ отъ пережитыхъ ужасовъ нервной горячкой и слегъ.

Между тѣмъ, встревоженные отсутствіемъ кавалера его домашніе еще съ вечера дали знать полиціи.

Полиціи пришлось искать, но, конечно, она не нашла ничего.

Между тѣмъ по городу ходили слухи, что нѣсколько прохожихъ около семи часовъ вечера, желая пройти одной маленькой уличкой, на поворотѣ встрѣтились съ тремя людьми, закутанными въ плащи, съ надвинутыми на лобъ шляпами, съ ружьями.

Эти люди говорили просто и кратко:

— Назадъ. Сюда нельзя.

Въ Сициліи вечеромъ не принято разговаривать съ людьми, у которыхъ въ рукахъ ружья.

Прохожіе спѣшили повернуть и улепетнуть, едва переводя духъ.

Такихъ же троихъ видѣли и съ другого конца улицы.

Полиціи съ большимъ трудомъ удалось узнать, на какой улицѣ это было.

Обитаемыхъ домовъ тамъ немного, все больше сараи.

Немногочисленные жильцы улицы послѣ долгихъ отнѣкиваній, очень неохотно, показали, что, дѣйствительно, около семи часовъ вечера на улицѣ раздались крики:

— Запирайте двери и окна!

Что они и поспѣшили исполнить. Въ Сициліи обыкновенно такое предупрежденіе обозначаетъ, что на улицѣ сейчасъ начнутся свалка и пальба.

Никто ничего не видалъ.

Слышали только, какъ ѣхалъ экипажъ, остановился, потомъ лошади поскакали, и колеса загремѣли по мостовой.

Съ часъ жильцы улицы сидѣли запершись, но слыша, что все тихо, осмѣлѣли, начинали открывать двери.

На улицѣ не было ни души.

Когда вернулся кучеръ, оказалось, что это именно та самая улица, на которой былъ схваченъ кавалеръ Спано.

Больше ничего не было извѣстно, и кавалеръ Спано канулъ, точно въ воду.

II.

Извѣстіе о взятіи въ плѣнъ архи-милліонера Спано тогда такъ же взволновало всю Сицилію, какъ теперь извѣстіе объ его освобожденіи.

Со страхомъ и съ оглядкой потихоньку говорили другъ другу страшное олово:

— Маффія!

Вспоминали, что кавалеръ Спано всегда грубо и жестоко обращался съ прислугой, бралъ немилосердныя цѣны съ арендаторовъ-крестьянъ.

Можетъ-быть, обидѣлъ кого-нибудь изъ членовъ таинственной и вездѣсущей „маффіи", и „маффія" постановила убрать кавалера Спано.

Произносилось даже самое страшное въ Сициліи имя:

— Варсалона!

Варсалона — „Варавва" Сициліи. Бандитъ, котораго 15 лѣтъ ищутъ и не могутъ найти.

Живъ кавалеръ Спано? Умеръ?

Но скоро оказалось, что онъ живъ.

Родные кавалера получили анонимное письмо.

„Кавалеръ Спано оцѣненъ въ два милліона лиръ" *).

Въ Сициліи грабежи и разбой обычное дѣло. Но тутъ была затронута ужъ слишкомъ крупная личность. И потомъ,—среди города, чуть не среди дня!

— Послѣ этого нельзя выходить на улицу.

Богатые люди уже не выходили иначе, какъ въ сопровожденіи стражи.

Долготерпѣніе правительства лопнуло.

Изъ Рима пришло строжайшее предписаніе префекту Трапани, въ области котораго находится Марсала:

— Найти во что бы то ни стало кавалера Спано.

Префектъ послалъ изъ Трапани цѣлый батальонъ карабинеровъ. Перешарили весь городъ, всѣ окрестности.

Никакихъ слѣдовъ.

Съ отчаянья сыскъ и розыскъ приняли размѣры какой-то оргіи.

---

*) 750 тысячъ рублей.

Настоящее бѣдствіе разразилось надъ всѣмъ городомъ.

Полиція и слѣдственная власть свирѣпствовали.

— Все возьму подъ подозрѣніе! Всѣхъ подозрѣваю!— какъ говоритъ Расплюевъ въ „Веселыхъ расплюевскихъ дняхъ“.

Весь городъ Марсала былъ взятъ „подъ подозрѣніе“. Вмѣстѣ со всѣми окрестностями.

Отъ чердаковъ до подваловъ все было перерыто и пересмотрѣно.

Хватали всѣхъ безъ разбора.

Людей, извѣстныхъ за „подозрительныхъ“, и такихъ, которые во всю жизнь ни въ чемъ заподозрѣны не были.

Вся прислуга семьи Спано перебывала въ тюрьмѣ.

Наконецъ, въ полномъ отчаяньи розыски перенесли въ имѣнія Спано.

Деревни были наводнены карабинерами. Карабинеры отрядами переходили изъ деревни въ деревню. Словно военныя дѣйствія! Становились на постой. Всѣ крестьяне, безчисленные арендаторы кавалера Спано, по очереди перебывали въ тюрьмѣ.

И что дѣлалось во время этихъ арестовъ карабинерами,—можно себѣ представить.

Не даромъ карабинеры, охраняющіе спокойствіе и жизнь населенія, пользуются въ Сициліи величайшимъ презрѣніемъ и ненавистью.

А тутъ дѣло шло о всей карьерѣ префекта и властей: изъ Рима летѣли запросъ за запросомъ.

— Что же кавалеръ Спано?

Марсала очутилась на военномъ положеніи.

По всѣмъ дорогамъ стояли заставы. Всякая телѣга, всякій возъ осматривался.

Возъ разгружали, заставляли развязывать мѣшки, распаковывать ящики.

Въ Марсалѣ шло что-то въ родѣ переписи. Пересчитывали всѣхъ мало-мальски „подозрительныхъ“ людей города. Можетъ, кого-нибудь нѣту.

Всѣ были налицо.

Не было только одного человѣка—кавалера Спано.

Между тѣмъ родственники Спано, видя всю безуспѣшность дѣйствій властей, вошли въ переговоры съ бандитами.

Какъ велись эти переговоры?

Пока живъ кавалеръ Спано, объ этомъ никогда не узнаетъ никто.

Въ Сициліи даже на судѣ, даже подъ присягой свидѣтели-очевидцы говорятъ о такихъ дѣлахъ:

— Ничего не знаю!

Предпочитая наложить потомъ на себя строгій постъ и нѣсколько недѣль жечь свѣчи передъ Мадонной, чѣмъ получить изъ-за угла ножъ въ спину.

Несомнѣнно, что бандиты писали семейству Спано, указывая мѣсто, куда надо было класть отвѣтъ.

Такъ говорятъ сициліанцы.

— Вотъ бы и указали карабинерамъ это мѣсто?

Сициліанцы на такой вопросъ смотрятъ только съ удивленіемъ:

— Кого же поймаютъ? Какого-нибудь мальчишку, который и самъ не знаетъ, зачѣмъ пришелъ? Его наняли: пойди туда-то, возьми письмо и принеси. А что въ этомъ письмѣ,— мальчишкѣ почему же знать. Или мальчишка, или старуха—нищая. Схватите! Дня три они будутъ плакать, отказываться, потомъ сознаются, что нанялъ какой-то человѣкъ, котораго они до сихъ поръ никогда не видали. Укажутъ мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ ихъ ждать. Черезъ три-то дня! Все равно мальчишку или старуху придется выпустить. Они непричастны. Но зато взятому въ плѣнъ...

До сихъ поръ отъ этой исторіи,—плащи, шляпа на глаза,—вѣяло романтизмомъ. Семья кавалера Спано рѣшила перевести все на прозаическую почву.

Какъ, это—секретъ, котораго не узнаетъ отъ нихъ никогда и никто, но они начали торговаться съ бандитами.

Время шло, а о свободѣ кавалера Спано длился торгъ.

Семья Спано сообразила, что убивать кавалера бандитамъ нѣтъ расчета, держать гдѣ-то взаперти — хлопотно и, вѣроятно, дорого.

Вмѣсто двухъ милліоновъ семья Спано предложила десятокъ тысячъ и не сдавалась.

Бандиты увидали, что напали на „докъ" и стали сдаваться первые.

Спано набавляли медленно, бандиты сбавляли быстро.

Дѣло затянулось на 25 дней.

И въ концѣ концовъ вмѣсто 2 милліоновъ остановились на 40 тысячахъ лиръ *).

Тѣмъ же таинственнымъ неизвѣстнымъ способомъ деньги были переданы бандитамъ.

И черезъ два дня,— очевидно, время, чтобъ всѣмъ успѣть скрыться, — префектъ города Трапани получилъ анонимное письмо, извѣщавшее его, что кавалеръ Спано, котораго ищутъ возлѣ Марсалы, „скрывается"... подъ самымъ Трапани, на горѣ Санъ-Джульяно, подъ самымъ носомъ у потерявшихъ голову властей.

Былъ указанъ домъ, подъ которымъ находится подземелье, гдѣ заключенъ Спано. Приложенъ планъ.

Префектъ лично, со слѣдователемъ, съ массой карабинеровъ поскакалъ на гору Санъ-Джульяно.

По приложенному плану моментально нашли домъ, разыскали спускъ въ подземелье, и префектъ крикнулъ:

---

*) 30,000 рублей.

— Есть тамъ кто-нибудь?

Голосъ изъ подземелья отвѣтилъ:

— Кавалеръ Спано. Кто вы? Бандиты?

— Карабинеры. Есть съ вами кто-нибудь?

— Я одинъ.

Они спустились.

При свѣтѣ масляной лампы, спускавшейся съ потолка, передъ ними стоялъ живой и невредимый кавалеръ Спано!

Совсѣмъ какъ въ „разбойничьихъ“ романахъ.

Префектъ кинулся обнимать и цѣловать кавалера Спано.

Торжествующій кортежъ вернулся въ Трапани. Дали телеграмму семьѣ.

Извѣстіе, что „карабинеры нашли Спано“, облетѣло весь городъ.

Около префектуры собралась толпа, аплодировали, — префектъ выходилъ на балконъ, кланялся, выводилъ кланяться слѣдователя, офицера карабинеровъ, но толпа вызывала:

— Спано.

Префектъ анонсировалъ, что кавалеръ Спано, вслѣдствіе утомленія и испытанныхъ имъ волненій, не можетъ выйти на вызовы, извиняется и заочно благодаритъ публику.

На слѣдующій день подъ эскортомъ карабинеровъ префектъ отвезъ кавалера на станцію.

По улицамъ шпалерами стояла толпа. „Восторженные аплодисменты“ гремѣли въ воздухѣ. Спано и префектъ кланялись, стоя въ коляскѣ, пожимали другъ другу руку, обнимались, махали шляпами.

Въ особомъ вагонѣ, вмѣстѣ съ префектомъ, въ сопровожденіи конвоя карабинеровъ, кавалеръ Спано былъ перевезенъ въ Марсалу.

Это было тріумфальное шествіе.

Всѣ станціи были увѣдомлены по телеграфу.

Вездѣ на платформахъ стоялъ народъ и аплодировалъ кланявшимся изъ окна кавалеру и префекту.

Въ Марсалѣ ихъ ждала грандіозная овація.

Газеты говорятъ, что это было „чѣмъ-то неописуемымъ“.

— „Многіе плакали отъ волненія, глядя на эту сцену,—такъ она была трогательна“.

Весь городъ ждалъ у вокзала.

Карабинеры, окружавшіе экипажъ, еле прокладывали путь сквозь толпу.

Коляска едва-едва шагомъ двигалась по улицамъ.

Каваларъ и префектъ кланялись и, какъ добавляютъ газеты, „безпрестанно должны обниматься, чтобъ доставить удовольствіе толпѣ“.

Въ этотъ день въ Марсалѣ никто не работалъ.

Около palazzo кавалера Спано стояла толпа. Пѣли пѣсни, образовались танцы, аплодировали, вызывали. Кавалеръ ежеминутно долженъ былъ выходить и кланяться: solo, съ домашними, уводя за руку префекта и указывая на него пальцемъ:

— Вотъ кому!

Вечеромъ вспыхнула иллюминація. До полночи стояла толпа и аплодировала:

— Bravo, Spano!

Хорошо, что еще не требовали:

— Bis!

То же повторилось на слѣдующій день, еще на слѣдующій.

Освобожденнаго кавалера засыпали телеграммами со всей Сициліи.

Что же, однако, произошло съ кавалеромъ съ того момента, какъ четверо бандитовъ, окруживъ коляску, сказали ему:

— Ни звука!

Приведемъ разсказъ самого кавалера Спано.

III.

Кавалеру Спано завязали глаза. Одинъ изъ бандитовъ взялъ его подъ руку и сказалъ:

— Идите скорѣе, кавалеръ, и помните: „ни звука!"

Въ ужасѣ шелъ кавалеръ, увлекаемый бандитами.

По топоту онъ слышалъ, что его окружали со всѣхъ сторонъ.

Сначала шли по мостовой, потомъ кавалеръ почувствовалъ подъ ногами мягкую землю. Очевидно, вышли за городъ.

Они кружили, поворачивали вправо, влѣво, чтобъ Спано не запомнилъ направленія.

Спано задыхался.

— Я усталъ! — сказалъ онъ.

— Кавалеръ скоро отдохнетъ! — отвѣчалъ бандитъ, который велъ его подъ руку.

„И отъ этихъ словъ у меня замерло сердце", говоритъ кавалеръ Спано.

Чортъ ихъ знаетъ, что могутъ значить такія слова въ устахъ бандита.

„Я шелъ и молился", разсказываетъ Спано.

Все остальное время шли молча.

Только когда остановились, кавалеръ спросилъ:

— Который теперь часъ?

„Я хотѣлъ знать часъ своей смерти!"

Чей-то голосъ отвѣтилъ ему:

— Кавалеру объ этомъ не зачѣмъ знать.

Спано посадили въ какое-то подземелье, и тамъ въ темнотѣ онъ просидѣлъ дня четыре. Когда ему подавали пищу, сверху отворялись творила, ему говорили:

— Кавалеръ, ѣда!

Онъ ощупью поднимался на лѣсенку, ощупью бралъ изъ чьихъ-то рукъ пищу.

Однажды, подавая ѣду, ему сказали:

— Спите хорошенько, кавалеръ. Сегодня ночью вы отправляетесь въ дорогу.

Вѣроятно, среди ночи его разбудили. Голосъ изъ творилъ сказалъ:

— Поднимайтесь, кавалеръ, по лѣстницѣ.

Спано поднялся въ темную комнату, ему завязали глаза и повели подъ руки.

— Осторожно, кавалеръ, тутъ ступенька.

— Тутъ двѣ ступеньки внизъ, кавалеръ.

— Кавалеръ, садитесь на сѣдло.

Спано посадили на лошадь.

По стуку прикладовъ о землю кавалеръ могъ судить, что бандиты вооружены ружьями.

И шествіе двинулось.

Ѣхалъ одинъ Спано. Поводьевъ ему не дали. Лошадь вели подъ уздцы. Кругомъ шли бандиты.

Интересно это шествіе всадника, окруженнаго бандитами съ ружьями, по населенной мѣстности, черезъ деревни.

Спано спросилъ одинъ разъ:

— Куда вы меня ведете?

— Кавалеръ ѣдетъ въ другой погребъ! — отвѣчали ему. — Но тсс... ни слова.

Кавалеръ началъ ужъ дрогнуть отъ утренняго холода, когда бандиты остановились. Снова послышался стукъ прикладовъ о землю.

— Сходите съ сѣдла, кавалеръ!

Ему помогли сойти съ лошади, ввели въ какой-то домъ, подъ руки свели по лѣстницѣ.

Онъ почувствовалъ запахъ сырости и гнили.

Спано слышалъ, какъ бандиты поднялись по лѣстницѣ, какъ вверху хлопнули творила.

Онъ стоялъ, не двигаясь.

Какъ вдругъ чей-то голосъ сказалъ около него:

— Угодно кавалеру, чтобы я развязалъ ему глаза?

Спано сорвалъ съ глазъ повязку.

Въ подземельѣ, освѣщенномъ масляной лампой, спускавшейся съ потолка, передъ нимъ стоялъ, улыбаясь, молодой парень.

Бандитъ снялъ шляпу и поклонился.

— Не угодно ли кавалеру покушать?

Въ подземельѣ стояло двѣ кровати, два табурета, столъ съ колбасой, жаренымъ мясомъ, сыромъ, хлѣбомъ, апельсинами. На подставкѣ стоялъ боченокъ вина.

„Я былъ счастливъ, — говоритъ кавалеръ, — увидавъ, наконецъ, свѣтъ. До сихъ поръ я былъ въ какомъ-то страшно угнетенномъ состояніи. Отъ страха, неизвѣстности, отъ униженія я почти не ѣлъ. Теперь у меня проснулся аппетитъ“.

Кавалеръ сѣлъ за столъ.

Бандитъ стоялъ передъ нимъ, ему прислуживалъ.

— Не угодно ли кавалеру вина? Не угодно ли кавалеру еще мяса?

У молодого парня за поясомъ былъ заткнутъ ножъ. Въ карманѣ Спано замѣтилъ оттопырившійся револьверъ.

„Онъ смотрѣлъ на ѣду съ такой жадностью: видимо, ему самому хотѣлось ѣсть. Но онъ не посмѣлъ сѣсть за столъ, пока я не всталъ“.

Бандитъ держалъ въ своихъ рукахъ жизнь Спано.

Но простой сицилійскій крестьянинъ не могъ забыть, что передъ нимъ „кавалеръ“. И каждую минуту готовый убить „кавалера“, служилъ ему съ подобострастіемъ.

Онъ стлалъ кавалеру постель и ложился не раньше, чѣмъ кавалеръ заснетъ.

„У меня была мысль убить его во время сна, — говоритъ кавалеръ Спано, — но по разговорамъ, которые онъ велъ наверху, когда ходилъ за провизіей, я понялъ, что тамъ была еще стража“.

Всякій счетъ днямъ, всякое представленіе о времени исчезли въ этомъ подземельѣ.

Истомленный, измученный, Спано воскликнулъ однажды:

— Если хотятъ меня убить, скажи, чтобы убили скорѣе!

Но парень расхохотался:

— Зачѣмъ же васъ убивать? Хотите, сыграемъ въ карты?!

И между ними началась безконечная игра.

Играли на деньги.

Бандитъ объяснилъ.

— Если выиграете вы, кавалеръ, я вамъ отдамъ изъ тѣхъ денегъ, которыя получу за васъ. Если выиграю я,— вы мнѣ заплатите, когда васъ освободятъ.

Онъ мечталъ объ этомъ времени:

— Вотъ васъ освободятъ, кавалеръ, я буду къ вамъ заходить.

Sic.

Это самая милая черта во всей „разбойничьей исторіи“.

Сицилійскому бандиту даже въ голову не можетъ прійти, что освобожденный узникъ когда-нибудь донесетъ властямъ. Онъ будетъ заходить въ домъ, и его будутъ принимать, какъ добраго знакомаго!

На вопросъ: „Гдѣ мы? Въ какой мѣстности?“—парень только хохоталъ:

— Ну, вотъ, кавалеръ! Что еще выдумали!

Въ антрактахъ между игрою парень развлекался тѣмъ, что разбиралъ и чистилъ свой револьверъ. Онъ освѣдомлялся у Спано:

— Сколько можетъ стоить такая „вещица“?

Однажды Спано спросилъ:

— Да ты знаешь, кто я?

Парень посмотрѣлъ на него во всѣ глаза:

— Какъ же не знать? Знаю, что вы очень знатный господинъ, кавалеръ...

И, улыбаясь, добавилъ:

— И очень богатый. За васъ будетъ данъ большой выкупъ.

— Но какъ моя фамилія?

Парень пожалъ плечами:

— О всемъ этомъ я узнаю, когда васъ освободятъ. Мнѣ приказано будетъ васъ навѣщать, и я буду иногда къ вамъ заходить.

— Моя фамилія — Спано. Я изъ Марсалы. Ты слыхалъ фамилію кавалера Спано?

Парень отнесся къ этому какъ нельзя болѣе равнодушно.

— Мы живемъ въ горахъ. Почемъ знать, что дѣлается въ большомъ свѣтѣ?!

— Но меня, навѣрное, ищутъ. Найдутъ!

Парень успокоилъ его:

— Не найдутъ!

И добавилъ:

— Молитесь Господу Спасителю, кавалеръ, чтобъ не нашли.

— Почему же?

— Если сюда сунутся треуголки *), мнѣ приказано васъ застрѣлить.

„И я, — говоритъ Спано, — стоя утромъ и вечеромъ, одновременно съ бандитомъ, на молитвѣ, не зналъ, о чемъ мнѣ молить Небо: о спасеніи или о томъ, чтобы этого не случилось.

Однажды парень вышелъ изъ подземелья. Спано думалъ, что онъ сейчасъ вернется.

Но прошелъ, вѣроятно, часъ. Прошелъ другой. Парень не возвращался.

Спано услышалъ надъ головой топотъ. Творила открылись. Чей-то голосъ крикнулъ:

---

*) Карабинеры.

— Есть кто-нибудь?

Спано отвѣтилъ:

— Кавалеръ Спано. Кто вы? Бандиты?

-- Карабинеры.

„Сердце у меня замерло, — говоритъ Спано, — я сотворилъ предсмертную молитву“.

— Есть съ вами кто-нибудь? — спросилъ голосъ.

— Я одинъ!

По лѣстницѣ спускался префектъ.

— Дорогой кавалеръ!..

ЭПИЛОГЪ.

Все это произошло не въ какой-нибудь „глубинѣ среднихъ вѣковъ“, а въ нашъ XX вѣкъ, всего на-дняхъ.

Конечно, прежде всего бросились искать крестьянина, которому принадлежитъ домъ.

Но и его искать было нечего. Онъ мирно работалъ въ саду, неподалеку отъ дома, и только вытаращилъ глаза, когда увидалъ передъ собой карабинеровъ.

— Какой узникъ? Какой кавалеръ? Почемъ намъ знать, что дѣлаютъ между собою кавалеры? Какіе-то господа наняли у меня на два мѣсяца домъ и жили. Мнѣ какое дѣло, разъ заплатили впередъ? Я переселился съ семьею въ шалашъ. Почемъ мнѣ знать, что дѣлалось въ домѣ. Ѣли господа хорошо и за все платили исправно, это я знаю. А остальное меня не касается.

— Но ты слыхалъ про исторію кавалера Спано, котораго похитили въ Марсалѣ.

— Какой Спано? Гдѣ Марсала? Мы люди деревенскіе и что дѣлается въ городахъ, откуда намъ знать?

Отъ него, очевидно, ничего не добиться.

Арестовали парня, который сторожилъ кавалера.

Онъ преспокойно пилъ вино въ ближайшей тратторіи съ шестьюстами лиръ въ карманѣ.

Отъ него тоже ничего добиться нельзя:

— О всей этой исторіи я больше всего знаю отъ самого кавалера. Почему мнѣ знать. Мы люди бѣдные. Я живу въ горахъ, хожу въ городъ просить милостыню. Меня наняли какіе-то господа сторожить знатнаго кавалера. Я и сторожилъ его какъ слѣдуетъ. Спросите у кавалера: развѣ я сдѣлалъ ему что-нибудь дурное. Меня наняли за шестьсотъ лиръ. Развѣ отъ такихъ денегъ отказываются? Нанимали на два мѣсяца, а сегодня вызвали, заплатили и сказали: „Можешь уходить на всѣ четыре стороны, ты свободенъ". И сами ушли. „Когда надо будетъ сходить провѣдать кавалера, тебя отыщутъ и скажутъ!" Я поблагодарилъ и пошелъ въ тратторію. Четыре недѣли просидѣлъ въ подземельѣ, подумайте сами!

Онъ очень просилъ, чтобъ ему позволили увидѣть „его кавалера".

Сталъ передъ Спано на колѣни, поцѣловалъ руку и со слезами сказалъ:

— Простите, кавалеръ, если я васъ чѣмъ обидѣлъ. Вы видѣли, я обращался съ вами, какъ только могъ, хорошо. Не оставьте же и вы меня. Похлопочите.

На этомъ теряются всѣ слѣды.

Кто? Врядъ ли узнаютъ когда-нибудь.

Больше всѣхъ тайну хранитъ, какъ уже сказано, семья Спано.

Но разозленная униженьемъ, учиненнымъ надъ кавалеромъ, и потерей 40 тысячъ лиръ, семья Спано въ одномъ только нарушила тайну и „испортила все дѣло" префекту.

Префектъ торжествовалъ.

Префектъ раскланивался на аплодисменты.

Въ Римъ полетѣла телеграмма:

— Кавалеръ Спано найденъ и освобожденъ префектомъ при помощи карабинеровъ.

А семья Спано въ это время объявила газетамъ, что кавалеръ найденъ и освобожденъ благодаря не властямъ, а самимъ разбойникамъ, и что за это заплачено 40,000 лиръ.

Это совершенно испортило весь праздникъ префекта.

Пришлось сообщить журналистамъ, что онъ получилъ анонимное письмо.

Все хорошо въ этой исторіи.

И дерзость и издѣвательство: плѣнника держатъ подъ самымъ носомъ у изнемогшихъ отъ поисковъ властей, и торжество бандитовъ.

Но только вотъ вопросъ:

— Бандитовъ ли?

Сициліанцы, разговаривая объ „исторіи кавалера Спано", при словѣ „бандитъ" только прикладываютъ указательный палецъ чуть-чуть пониже глаза.

Жестъ, означающій:

— Знаемъ мы эти дѣла!

И смѣются надъ словомъ „бандитъ".

— Зачѣмъ бы бандитамъ такія предосторожности? Тутъ надо искать не среди бандитовъ! Откуда знать бандитамъ, когда откуда поѣдетъ кавалеръ Спано? Чего отъ него прятаться? И по кушу, наконецъ, видно. Если бъ когда-нибудь дѣло открылось, тутъ оказались бы, повѣрьте, люди съ положеніемъ, люди изъ порядочнаго общества. Думали заработать два милліона. Кто откажется отъ такого куша? Благо, можно свалить на бандитовъ! Повѣрьте, все это произошло среди самаго порядочнаго общества. Конечно, не безъ помощи бандитовъ, но ихъ только наняли, какъ этого молодца, для работы.

Во всей исторіи это самое лучшее.

Эта глубокая увѣренность Сициліи, что и „порядочное сициліанское общество" не прочь поразбойничать, если представится хорошій случай.

Король горъ.

— Варсалона не только бандитъ, Варсалона, это—общественное явленіе!—сказалъ мнѣ одинъ сициліанецъ, и онъ глубоко правъ.

„Варсалона бѣжалъ въ Америку“.

Это извѣстіе заставило Сицилію забыть даже про исторію кавалера Спано!

Объ освобожденіи кавалера, случившемся всего четыре дня тому назадъ, всѣ забыли за этимъ извѣстіемъ:

— Варсалона бѣжалъ въ Америку!

Газеты изъ „самыхъ достовѣрныхъ“,—офиціальныхъ,—источниковъ, сообщали даже подробности: на пароходѣ „Константинополь“, взялъ билетъ въ Буэносъ-Айресъ.

Сициліанцы, читая, только лукаво прищуривали глазъ и улыбались.

Прошла недѣля.

Въ бурную, темную ночь, въ деревушкѣ Кастроново, невдалекѣ отъ Палермо, вспыхнулъ домъ.

Это Варсалона опровергалъ офиціальное извѣстіе объ его бѣгствѣ.

Разбоямъ бандита Варсалона въ провиціи Палермо исполнится въ августѣ этого года... одиннадцать лѣтъ.

Въ августѣ 1892 года къ деревушкѣ Кастроново, расположенной въ горахъ, которыя амфитеатромъ поднимаются надъ Палермо, подходилъ молодой солдатъ Франческо-Паоло Варсалона, только что окончившій службу въ барсельерахъ и возвращавшійся домой.

„Въ саду около деревни,—говоритъ одно изъ жизнеописаній Варсалона, — онъ увидалъ старуху, которая копала гряды, остановился, залюбовался ею и радостно крикнулъ:

— Mamma!

„Старушка оглянулась, вся задрожала, они бросились другъ къ другу и обнялись.

„— Мадонна услышала мою молитву! — воскликнула старушка среди слезъ.—Я дождалась своего единственнаго сына!

„Варсалона освободился отъ объятій.

„Онъ побѣлѣлъ какъ мѣлъ.

— „Какъ единственнаго, mamma? А Луиджи?

„Старушка зарыдала.

„— Луиджи больше нѣтъ на свѣтѣ. Ты — моя единственная надежда!

„Варсалона едва держался на ногахъ.

„— Мать! Мать! Что ты говоришь?! Луиджи умеръ? Когда? Какъ?

„— Этой весной.

„— Мать, скажи мнѣ всю правду! Всю правду! Какъ умеръ Луиджи? Даже по мертвымъ дѣтямъ не плачутъ такъ, какъ плачешь ты!

„— Я для того и молила Мадонну, чтобы дождаться тебя. Луиджи убитъ.

„— Какъ? Кѣмъ?

„— Его убійца Фердинандо Джандоменико, нашъ сосѣдъ. Всѣ знаютъ, что это дѣло его рукъ. Между ними была вражда изъ-за какой-то женщины. Луиджи нашли вонъ тамъ, около деревни, онъ былъ убитъ сзади,—ножомъ въ спину. А Фердинандо живетъ себѣ со своей семьей.

„— Mamma, и ты...

„— Кому же заступиться за меня, одинокую старуху?! Я ждала тебя...

Варсалона, служа въ солдатахъ на сѣверѣ Италіи, отвыкъ немножко отъ сициліанскихъ нравовъ.

„— А власти?

„— Кто же станетъ показывать въ такомъ дѣлѣ?! Да еще противъ богатаго человѣка?! Фердинандо можетъ убивать людей! У него ѣсть чѣмъ платить! Были карабинеры, когда нашли Луиджи. Капитанъ призвалъ меня къ себѣ и сказалъ: „Твоего сына убили не иначе, какъ разбойники, старуха. Такъ мы и записали. Молись за его душу, не слушай того́, что болтаютъ, не болтай глупостей сама и живи въ мирѣ со своими сосѣдями. А то наживешь еще непріятностей“. Такъ и умеръ мой Луиджи въ грѣхахъ *).

„Варсалона упалъ на землю и заплакалъ.

Онъ плакалъ долго, „пока солнце стало спускаться къ деревьямъ“. Потомъ всталъ, вытеръ слезы и сказалъ:

— Прощай, mamma! Мнѣ нечего дѣлать дома. Я ухожу въ горы. Ты скоро услышишь обо мнѣ, mamma.

Она тоже вытерла слезы, поцѣловала его и благословила:

— Будь хорошимъ братомъ, Франческо!

Она проводила его до ущелья, ведущаго къ Монтемаджіоре.

Франческо-Паоло Варсалона „ушелъ въ горы“. Спеціальный сицилійскій терминъ.

Такъ показала старуха Варсалона, когда ее потомъ привлекли къ слѣдствію.

Есть народная сицилійская поговорка:

— Ненавидѣть умѣютъ во всемъ мірѣ, мстить—только въ Сициліи.

Черезъ двѣ недѣли сестру Фердинандо Джандоменика нашли около деревни поруганной и зарѣзанной.

Еще черезъ недѣлю были украдены двое его дѣтей, а наутро Фердинандо нашелъ ихъ повѣшенными въ его же саду.

---

*) Безъ покаянія.

Старуха Варсалона ходила радостная и громко говорила всѣмъ:

— Есть справедливость на небесахъ!

Потерявшій голову отъ ужаса и горя Фердинандо кинулся однажды съ ножомъ на старуху.

Но между ними стѣной стала вся деревня.

— Старухи не трогай! Ищи ея сына. А старухи не трогай!

Всѣ отшатнулись теперь отъ Фердинандо.

— Надъ его домомъ идетъ кровавый дождь *).

Вся деревня знала, что Варсалона теперь въ шайкѣ знаменитаго Кандино изъ Монтемаджіоре, прозваннаго „Il Vendicatore",—„мститель".

И человѣка, находящагося подъ покровительствомъ „Vendicatore", боялись затронуть.

Всей деревнѣ было объявлено:

— Если старухѣ будетъ причинено какое-нибудь зло,—въ деревнѣ не останется ни одного дома ни одного человѣка.

И вся деревня смотрѣла, чтобъ Фердинандо не причинилъ какого-нибудь зла старухѣ.

Еще черезъ недѣлю жена Фердинандо была убита выстрѣломъ, когда ходила за водой.

Въ промежуткахъ между этими ужасами у Фердинандо рѣзали скотъ, уничтожили виноградники, погубили садъ.

Изъ деревенскаго богача онъ превращался въ нищаго.

На деревнѣ съ ужасомъ говорили, что Варсалона „далъ клятву полгода мыть руки въ крови".

Въ отчаяньи Фердинандо кинулся къ властямъ.

Въ Кастроново прислали отрядъ карабинеровъ.

---

*) Сицилійское повѣрье: кровь убитаго поднимается къ небу, и если Господь находитъ, что человѣкъ убитъ неправедно, тогда кровь эта дождемъ падаетъ на домъ убійцы и на всѣхъ ему близкихъ.

А въ ту же ночь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кастроново, въ сосѣдней деревнѣ, была вырѣзана вся семья брата Джандоменико.

Варсалона не трогалъ Фердинандо. Со смертью Фердинандо „вендетта“ была бы окончена. Онъ „рѣзалъ кругомъ“ всѣхъ близкихъ виновнаго.

Безпомощный, нищій, все въ жизни потерявшій, въ нѣсколько мѣсяцевъ посѣдѣвшій, полубезумный отъ ужаса и горя Фердинандо хотѣлъ удавиться. Но его, — на его бѣду,—замѣтили и вынули изъ петли.

А звѣрства продолжались.

Каждую недѣлю тамъ, здѣсь убивали кого-нибудь изъ родственниковъ Джандоменико.

Наконецъ, Фердинандо встрѣтился съ Варсалона.

Если когда-нибудь удастся поймать Варсалона, — онъ разскажетъ, что происходило въ этотъ страшный часъ расплаты.

Надъ трупомъ было совершено много грязныхъ издѣвательствъ. Но только надъ трупомъ. Рана была нанесена всего одна,—смертельная, въ грудь. Она хвастливо рдѣла на трупѣ.

— Въ грудь.

Это страшно подняло престижъ Варсалона въ глазахъ сициліанцевъ.

— Онъ посмотрѣлъ ему въ глаза, прежде чѣмъ убить.

— Онъ далъ ему поглядѣть на кинжалъ.

Въ этой странѣ выстрѣловъ и ударовъ ножомъ въ спину страшно цѣнится встрѣча лицомъ къ лицу. Быть-можетъ, потому, что это рѣдкость.

„Вендетта“ была закончена, и о Варсалона было только извѣстно, что онъ продолжаетъ состоять въ шайкѣ стараго „Vendicatore“ и за отвагу любимецъ стараго Кандино.

Впрочемъ, Варсалона ни отъ кого не прятался.

Вскорѣ умерла его мать, и Варсалона пришелъ на ея похороны, плакалъ надъ ея тѣломъ, былъ въ церкви, несъ гробъ, бросилъ первую горсть земли въ могилу и поцѣловалъ могильный холмикъ.

Священникъ, благословлявшій всѣхъ, далъ благословеніе и Варсалона.

Дознаніе, которое затѣмъ было произведено карабинерами, выяснило даже такой фактъ. Варсалона пришелъ вооруженный, но отдалъ ружье и свой кинжалъ.

— Подержите, пока не кончатся похороны.

Чтобы не дотрогиваться до гроба матери съ оружіемъ, запятнаннымъ человѣческой кровью.

И крестьяне держали оружіе бандита, а потомъ отдали ему. Онъ вооружился снова и ушелъ въ горы.

Изъ этого вы видите, что никому даже въ голову не приходило считать Варсалона преступникомъ. Этотъ человѣкъ, ставшій звѣремъ, какъ видите, вовсе не выродокъ изъ окружающей среды. Изъ среды людей, которые, быть-можетъ, потому и становятся звѣрями, что принуждены сами отыскивать себѣ справедливость.

Такова была кровавая увертюра къ разбойничьей дѣятельности „короля горъ“.

Я не собираюсь „заливать кровью страницъ“, а потому и не буду разсказывать о дальнѣйшихъ кровавыхъ подвигахъ Варсалона. Когда его поймаютъ,—если только его поймаютъ,—процессъ Варсалона, десять лѣтъ составляющаго грозу и трепетъ Сициліи, оставитъ далеко за собой знаменитый процессъ калабрійскаго Муссолино.

Но этой страшной интродукціи къ разбойничьей дѣятельности нельзя было не разсказать. Иначе нельзя понять, почему такой паническій ужасъ наводятъ на всѣхъ эти бандиты.

Впослѣдствіи итальянскимъ бандитамъ рѣдко приходится убивать. Ихъ уже боятся. Они живутъ вымогательствомъ, и отъ нихъ откупаются. Они убиваютъ развѣ

изрѣдка, по большей части за обращеніе къ властямъ, чтобы поддержать въ населеніи ужасъ и сознаніе полной безпомощности.

Но бандитъ долженъ „зарекомендовать себя“. Начало его карьеры должно быть залито кровью и полно ужаса. Это капиталъ, которымъ онъ потомъ живетъ всю жизнь. Онъ долженъ сразу навести ужасъ своей жестокостью, безжалостностью. Поразить воображеніе. Чтобъ вокругъ его имени создалась страшная легенда. И начиная „карьеру“, бандиты обыкновенно совершаютъ невѣроятныя преступленія. Таково „искусство быть бандитомъ“.

Такъ и залитой кровью Варсалона вошелъ въ „карьеру бандита“.

Старикъ Кандино-Мститель, въ шайку котораго онъ бѣжалъ, былъ бандитомъ стараго времени. Имѣлъ огромную „банду“. Ходилъ увѣшанный образками и рѣзалъ людей, какъ куръ. Показывался всюду открыто и оставался неуловимымъ въ теченіе 30 лѣтъ.

Мѣнялись правительства, а Кандино оставался. Временами погони за нимъ карабинеровъ пріобрѣтали характеръ настоящихъ войнъ, въ которыхъ все деревенское населеніе было за Кандино. Онъ облагалъ огромными данями помѣщиковъ и арендаторовъ и умеръ, не оставивъ ни копейки. На его похороны сошлись жители даже далекихъ деревень и плакали, ничуть не скрывая ни отъ кого своихъ слезъ.

Онъ былъ жестокъ и дѣлалъ много благодѣяній.

Оставленная имъ память — много отдѣланныхъ на пожертвованныя Кандино деньги деревенскихъ церквей.

Въ 1893 году вся область Палермо пришла въ страшное волненіе. Карабинеры въ Монтемаджіоре убили Кандино.

Трупъ, словно рѣшето, былъ пронизанъ пулями. Вскрытіемъ было установлено, что прижизненная рана была

только одна—въ спину, пронизавшая сердце. Всѣ остальные выстрѣлы были сдѣланы уже по трупу. Карабинеровъ было пятеро. Пуль — тридцать. Слѣдовательно, они стрѣляли, заряжали и снова стрѣляли въ остывшій уже трупъ. Такъ велико было озлобленіе противъ этого страшнаго человѣка, неуловимаго въ теченіе 30 лѣтъ, въ борьбѣ съ которымъ погибло много карабинеровъ. Трупъ былъ исполосованъ штыками.

Въ смерть страшнаго Кандино не хотѣли вѣрить.

Власти часто распускаютъ „для успокоенія населенія и на страхъ другимъ бандитамъ" слухи, что такой-то знаменитый разбойникъ убитъ или бѣжалъ. А потомъ оказывается „ошибка".

Многіе пріѣзжали нарочно изъ Палермо, чтобы посмотрѣть на трупъ Кандино.

— Онъ ли?

Но плачъ, который поднялся на его похоронахъ, убѣдилъ всѣхъ, что убитъ, несомнѣнно, настоящій Кандино.

Все богатое и зажиточное населеніе области Палермо вздохнуло съ облегченіемъ.

-- Тридцать лѣтъ гнета миновало.

Но черезъ нѣсколько дней помѣщики и крупные арендаторы получили письменныя извѣщенія, — цѣлая канцелярія! — гласившія:

„Кандино, по прозванію Мститель, скончался, и я извѣщаю васъ, что область Палермо теперь перешла въ мою власть. Всѣ платежи и наказанія остаются тѣ же самые. Варсалона, король горъ".

На это посланіе никто не обратилъ вниманія.

— Кандино нѣтъ, кого теперь бояться?

Мало ли кому захочется собирать дань?! И при жизни Кандино,—такова была его извѣстность,—появлялись лже-Кандино, которые вымогали деньги. Но Кандино обыкновенно ихъ самъ ловилъ и наказывалъ жестоко.

На писанія какого-то Варсалона никто не обратилъ серьезнаго вниманія. Надъ титуломъ „короля горъ" посмѣялись.

Наступили сроки обычныхъ платежей. Никто не заплатилъ ничего.

Черезъ нѣсколько дней здѣсь вспыхнула ферма, тамъ перерѣзали стадо, тамъ въ одну ночь уничтожили виноградники, тамъ порѣзали фруктовыя деревья.

И имя Варсалона, съ добавленіемъ титула „короля горъ", пошло гудѣть по провинціи Палермо.

Бросились къ властямъ.

Карабинеры, тѣсно прижавшись плечо къ плечу, въ своихъ фракахъ и великолѣпныхъ треуголкахъ, пошли отрядами въ горы.

Отвѣтомъ на это было нѣсколько убійствъ.

Тогда въ ужасѣ начали спрашивать:

— Да кто же такой этотъ Варсалона?

И припомнили объ ужасахъ, которые творилъ годъ тому назадъ Варсалона въ Кастроново.

Вспомнили всю кровавую легенду, окружавшую это имя, и плата была внесена.

Варсалона взимаетъ съ помѣщиковъ и арендаторовъ отъ 500 до 2000 лиръ въ годъ, глядя по имѣнію

И за это гарантируетъ, что больше никто не тронетъ его данниковъ и провинціи Палермо, которую онъ называетъ не иначе, какъ „своею".

Какъ вносятся эти деньги?

На этотъ вопросъ никогда никто ни отъ кого не получитъ отвѣта.

Когда, несомнѣнно, уплачивающему дань сициліанцу задаютъ такой вопросъ, онъ говоритъ:

— Довольно, не будемъ объ этомъ.

И съ улыбкой добавляетъ:

— При такомъ вопросѣ я чувствую, какъ будто меня щекочутъ чѣмъ-то острымъ между лопатками.

Этою уплатою дани Варсалона былъ, такъ сказать, безмолвно признанъ владѣльцемъ провинціи Палермо и утвержденъ въ титулѣ „короля горъ".

Иначе его не называютъ. Иначе онъ не называетъ самъ себя.

Это похоже на какую-то сказку.

Кругомъ только и слышишь, что имя Варсалоны.

Огромные плакаты на стѣнахъ извѣщаютъ о выходѣ новой книги:

„Storia di Varsalona, il brigante di Castronovo.

Во всякомъ кіоскѣ продаются жезнеописанія Варсалона. Какую газету ни возьмите, вы непремѣнно наталкиваетесь на извѣстіе о Варсалона. Не только сицилійскія газеты, но газеты всей южной Италіи рѣдкій день не печатаютъ телеграммъ о новыхъ подвигахъ Варсалона.

Вы нанимаете извозчика, хотите сдѣлать прогулку въ горы.

Извозчикъ только смѣется на такое предложеніе.

— Не ѣдете?

— Тамъ Варсалона.

Словно какой-то легендарный драконъ, которые селились у городскихъ воротъ, и жители въ ужасѣ не смѣли выйти, отдавая ежедневно на съѣденіе чудовищу по одному человѣку.

Десять лѣтъ Варсалона „владѣетъ" провинціей Палермо. Собираетъ дань, учиняетъ расправы съ непокорными.

Десять лѣтъ его ловятъ и не могутъ поймать. Ищутъ и не могутъ найти.

А между тѣмъ, казалось бы, это вовсе нетрудно.

Варсалона очень любитъ свою родную деревню Кастроново.

Только и слышишь, только и читаешь:

— Варсалона въ Кастроново сдѣлалъ то-то. Варсалона въ Кастроново сдѣлалъ то-то.

Тамъ главнымъ образомъ всѣ его любовныя похожденія. Варсалона большой Донъ-Жуанъ. Очевидно, у Варсалона это въ крови. Не даромъ его братъ былъ убитъ изъ-за женщины.

Послѣднее преступленіе Варсалона въ Кастроново совершено тоже на романической почвѣ.

Въ Палермо говорятъ, смѣясь:

— Варсалона женатъ на всѣхъ женщинахъ Кастроново.

Поиски Варсалона происходятъ при странныхъ, какихъ-то таинственныхъ условіяхъ.

Когда Варсалона совершитъ что-нибудь ужъ особо чрезвычайное, у властей просыпается энергія. Отряды карабинеровъ идутъ въ горы. Мало этого. Выписываются карабинеры изъ Калабріи, какъ самые опытные въ охотѣ за бандитами. Три-четыре мѣсяца идетъ погоня. Газеты полны извѣстіями:

— Напали на слѣдъ Варсалона... Варсалона окруженъ...

Затѣмъ когда общественное мнѣніе успокоится:

— Власти бдятъ!

Поиски за безуспѣшностью прекращаются.

Можно даже наблюдать извѣстную періодичность въ этихъ поискахъ. Самые энергичные поиски предпринимаются къ тому времени, когда въ Римѣ расписываются награды служащимъ. Самые энергичные поиски прекращаются ко времени выборовъ.

Варсалона, — это фактъ, — имѣетъ огромное вліяніе на выборы. Во время выборовъ онъ можетъ дѣлать, что ему угодно. Его не безпокоятъ.

Это объясняется вліяніемъ всесильной „маффіи". Варсалона состоитъ въ сношеніяхъ съ „маффіей". Маффія черезъ него наказываетъ непокорныхъ ея велѣніямъ.

Какъ относятся къ Варсалона тѣ, кого онъ облагаетъ данью, владѣльцы земель и крупные арендаторы?

Люди, знающіе Палермо и стоящіе въ курсѣ дѣлъ, отвѣчали мнѣ:

— Относятся хорошо. Они очень довольны Варсалона.

— Довольны тѣмъ, что онъ ихъ грабитъ?!

— Арендная плата въ Сициліи страшно высока. Земля очень плодородна. Варсалона беретъ отъ 500 до 2,000 лиръ въ годъ. Для тѣхъ, кто платитъ высокую аренду, это — прибавка не такъ ужъ велика. Для тѣхъ, кто получаетъ огромныя деньги съ помѣстій, жертва не особенно тягостна. Зато Варсалона гарантируетъ спокойствіе.

— Бандитъ и спокойствіе?!

— Не Варсалона, — будутъ другіе. Разбои въ Сициліи, это — даже не въ нравахъ жителей, это „въ нравахъ ихъ кармановъ". Нужна перемѣна всего экономическаго состоянія населенія, — карабинерами тутъ ничего не подѣлаешь. Бандиты въ Сициліи всегда были, всегда будутъ. Варсалона беретъ дань, но онъ и охраняетъ провинцію отъ всякихъ другихъ бандитовъ. Онъ считаетъ область Палермо „своею". Здѣсь никто не имѣетъ права разбойничать, кромѣ него. И если бы появился другой бандитъ, — Варсалона посмотрѣлъ бы на это, какъ на нарушеніе своихъ правъ, и убилъ бы его, чтобъ не дѣлалъ конкуренціи. Онъ жестокъ и безжалостенъ, и никто не смѣетъ сунуться въ „его" область.

— Такъ что, быть-можетъ, укрываютъ Варсалона владѣльцы имѣній и арендаторы сами!

— Кто знаетъ! Но они довольны Варсалона. Варсалона — „честный бандитъ". Отъ добра добра не ищутъ.

Неуловимость Варсалона зависитъ еще и отъ того, что онъ коренным образомъ реформировалъ „бандитское дѣло".

Прежніе бандиты, какъ Кандино изъ Монтемаджіоре, имѣли огромныя шайки, вели цѣлыя войны съ карабинерами.

Шайка—грузная вещь. Она оставляла слѣды, она требовала продовольствія, чуть не обоза. Шайки бандитовъ передвигались медленно, чуть не въ боевомъ построеніи.

Варсалона — одинъ.

У Варсалона нѣтъ шайки. Но шайкой Варсалона покрыта вся область.

Вмѣсто того, чтобъ набирать шайку, Варсалона развратилъ все населеніе области.

Въ каждой деревнѣ у него есть сообщники, съ которыми онъ дѣлится, которые состоятъ у него на жалованьѣ. Они исполняютъ приказанія Варсалона.

И вотъ гдѣ-нибудь происходитъ злодѣяніе. Карабинеры бросаются туда:

— Варсалона, значитъ, тамъ.

Въ это время другое злодѣяніе Варсалона происходитъ въ совершенно противоположной части провинціи.

Когда преслѣдованія карабинеровъ становятся особенно сильными, Варсалона наказываетъ всю область и „показываетъ свое могущество".

Пожары вспыхиваютъ повсемѣстно. Горитъ тамъ, здѣсь, тутъ. Тамъ, тамъ, тамъ совершены убійства. Оттуда, отсюда приходятъ извѣстія:

— Перерѣзанъ скотъ.

— Погублены виноградники, сады!

Варсалона — вездѣ. Варсалона вездѣсущъ. Охваченное чуть не мистическимъ ужасомъ, населеніе само молитъ власти:

— Прекратите эту охоту за Варсалона. Поймать, все равно не поймаете. А онъ разоритъ область!

Вся область, всѣ деревни полны помощниками и сообщниками Варсалона. При такихъ условіяхъ поймать Варсалона, конечно, невозможно.

О каждомъ движеніи карабинеровъ его предупреждаютъ.

— Но среди этихъ пособниковъ развѣ нельзя найти такого, который бы предалъ Варсалона?

— Какой же расчетъ? — только пожимаютъ плечами сициліанцы. — Такого человѣка не минуетъ ножъ: сколько

народу онъ оставитъ безъ куска хлѣба?! Когда кругомъ сообщники, — да чтобъ не узнали, кто предалъ?! За какія же деньги человѣкъ пойдетъ на вѣрную смерть и обречетъ на смерть всѣхъ своихъ: семью, родственниковъ, друзей?! А затѣмъ они какъ нельзя болѣе довольны Варсалона. Онъ имъ платитъ за услуги. Сообщникъ Варсалона можетъ жить спокойно: его никто не посмѣетъ тронуть. Объявляли награды за голову Варсалона, но кто же посмѣетъ итти противъ цѣлой области?! Послѣ этого вамъ не покажется бредомъ безумнаго, страдающаго маніей преслѣдованія, письмо, съ которымъ обратился недавно Варсалона къ своимъ данникамъ.

Перерывши всю Марсалу и не находя никакихъ слѣдовъ кавалера Спано, префектъ Трапани приписалъ было и это „королю горъ".

— Дѣло рукъ Варсалона! А Варсалона и не найти не стыдно! Его десять лѣтъ не могутъ найти!

Благодаря газетамъ, извѣстіе, что кавалера Спано похитилъ Варсалона, обошло всю Сицилію.

Варсалона „возмутился" и счелъ долгомъ послать всѣмъ своимъ данникамъ опроверженіе. Отъ нихъ это письмо попало въ газеты.

„Про меня распространяютъ глупую выдумку, будто я что-то сдѣлалъ въ провинціи Трапани. Десятилѣтнее мое пребываніе только въ родной провинціи само говоритъ за меня. Варсалона никогда не трогалъ чужого. Милостью святой Розаліи, покровительницы Палермо, область Палермо принадлежитъ мнѣ, и я беру съ нея то, что мнѣ слѣдуетъ, а чужого я никогда не трогалъ. И въ чужихъ областяхъ не бываю".

Подписано:

„Варсалона, король горъ".

За послѣднее время, — о Варсалона говорятъ здѣсь, точно о какомъ-то вулканѣ, — „король горъ" началъ

что-то обнаруживать „усиленную дѣятельность“. Общественное мнѣніе заволновалось.

И власти объявили рѣшительно, что дѣятельности Варсалона пришелъ конецъ.

Префектъ лично поѣхалъ въ Римъ, чтобъ представить положеніе дѣлъ и просить о присылкѣ спеціальнаго отряда самыхъ лучшихъ калабрійскихъ карабинеровъ.

Министерскія газеты писали:

— Мы не находимъ словъ, чтобы достаточно благодарить власти за выказанную ими энергію. Наконецъ-то этому ненормальному порядку вещей будетъ положенъ конецъ!

И вотъ власти съ торжествомъ объявили:

— Варсалона насъ испугался. Увидѣвъ, что за него хотятъ приняться не на шутку, онъ бѣжалъ въ Америку!

Впереди Пасха, время наградъ.

Газеты изъ офиціальныхъ источниковъ печатали подробности:

— На пароходѣ „Константинополь“... Въ Аргентину... Взялъ билетъ въ Буэносъ-Айресъ... Свѣдѣнія получены изъ ближайшаго порта отъ спеціальной полиціи... Ошибки быть не можетъ...

Варсалона ухаживалъ за одной молодой дѣвушкой въ Кастроново.

Дѣвушка, какъ другія, — Варсалона такой же кумиръ всѣхъ женщинъ, какъ образецъ доблести и отваги для мужчинъ,—была влюблена въ него.

Но она — сирота, жила у дяди. Дядя не былъ такъ податливъ, какъ другіе. Онъ наотрѣзъ отказался выдать племянницу бандиту.

Тогда Варсалона похитилъ дѣвушку и ночью сжегъ домъ непокорнаго дяди.

Несчастный, у котораго сгорѣло все, остался нищимъ.

Это и было опроверженіемъ Варсалона на офиціальное извѣстіе объ его бѣгствѣ въ Америку.

Шайка разбойниковъ.

Окружный судъ въ Реджіо, въ Калабріи, напоминалъ скорѣе крѣпость.

Я попалъ въ этотъ забытый Господомъ Богомъ уголокъ Италіи, чтобъ посмотрѣть на разбойничью шайку знаменитаго Муссолино.

Двѣ недѣли газеты ежедневно сообщали о ходѣ этого грандіознаго процесса, интересовавшаго всю Италію.

Процессъ-монстръ. 63 обвиняемыхъ. Вся шайка Муссолино, осужденнаго годъ тому назадъ, на скамьѣ подсудимыхъ.

Вы помните, конечно, процессъ Муссолино.

Въ то самое время, какъ его присудили за разбои къ пожизненному тюремному заключенію, онъ былъ выбранъ въ Калабріи депутатомъ въ парламентъ.

И сейчасъ по всей Италіи идетъ подписка подъ просьбой о помилованіи Муссолино.

Мы знаемъ бандитовъ такъ, какъ ихъ описываютъ гг. журналисты.

Всякій купецъ хвалитъ свой товаръ. И гг. журналисты нахваливаютъ своихъ убійцъ, самоубійцъ, бандитовъ.

Они закутываютъ ихъ въ плащи, одѣваютъ въ широкополыя шляпы, вооружаютъ, какъ только можетъ вооружить фантазія.

Чтобы „товаръ“ заинтересовалъ публику.

И въ нашемъ воображеніи бандитъ стоитъ высокій, статный, вооруженный до зубовъ, завернутый въ таинственный плащъ, въ сандаліяхъ и широкополой калабрійской шляпѣ, карабинъ въ одной рукѣ, другая положена на поясъ, за которымъ торчатъ кинжалы и пистолетъ въ дорогой оправѣ.

Персонажъ, скорѣй оперный. Изъ „Фра-Дьяволо“.

Всегда интересно посмотрѣть въ глаза жизни такой, какова она есть.

И мнѣ хотѣлось посмотрѣть на разбойниковъ, каковы они въ натурѣ, а не романтическомъ представленіи литераторовъ и публики.

Съ этой цѣлью я бурнымъ вечеромъ подходилъ,— на всемъ пароходѣ одинъ пассажиръ въ Реджіо,— къ негостепріимнымъ берегамъ, описаннымъ еще въ „Одиссеѣ“. Невдалекѣ возвышается Сцилла, и днемъ въ скалистыхъ берегахъ есть что-то похожее на Сахалинъ.

Стояла темная ночь. Не было видно ни зги.

На пристани десятокъ мальчишекъ кинулся на мои чемоданы. Дрались руками, ногами, кусались.

Я переловилъ троихъ, которымъ удалось завладѣть моими вещами, сѣлъ въ какую-то бричку, и мы поѣхали.

Вся орава кинулась бѣжать за мной,—версты двѣ,— до города, чтобъ заработать что-нибудь, перетаскивая вещи въ гостиницу.

Помѣстили меня гдѣ-то на чердакѣ на постояломъ дворѣ, и вотъ я „въ первой гостиницѣ въ городѣ“.

Я проснулся рано.

Оказалось, что я на главной улицѣ, какъ разъ напротивъ „муниципальнаго дворца“, гдѣ за желѣзными рѣшетками въ окнахъ помѣщаются всѣ присутственныя мѣста, почта, телеграфъ, банкъ и окружный судъ.

Свистѣлъ сирокко, по небу низко плыли сѣрыя тучи. Сѣрое, совсѣмъ сахалинское небо.

Городъ проснулся и шумѣлъ.

Но это не былъ тотъ веселый шумъ, съ которымъ просыпаются итальянскіе города. Словно веселый привѣтственный крикъ восходящему солнцу.

Шумъ Реджіо былъ печальнымъ шумомъ. Словно весь городъ жаловался и просилъ милостыню.

Я пошелъ пройтись.

Во всемъ городѣ одна большая улица.

На всѣхъ углахъ, на всѣхъ простѣнкахъ колоссальныя афиши. Огромныя красныя буквы кричатъ названіе эмигрантскихъ пароходовъ.

Какъ будто весь городъ собрался уѣзжать.

Вѣтеръ рветъ афиши, треплетъ лохмотья, и даже дома кажутся всѣ въ лохмотьяхъ.

А кругомъ толпа нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, калѣкъ, здоровыхъ, женщинъ съ грудными дѣтьми, дѣтей, стариковъ.

Красныя буквы на афишахъ словно кричатъ и манятъ:

— Ну, что вамъ здѣсь дѣлать, въ этомъ скверномъ, печальномъ мѣстѣ?! „Тамъ, за далью непогоды, есть блаженная страна“...

Прошелся по набережной.

Штормъ все разыгрывается. Лодки и снасти тащатъ на берегъ. Работаютъ мужчины, женщины, дѣти. Дряхлые старики и тѣ тянутъ за веревки.

Красныя, суровыя, обвѣтрившія лица.

И все это, старое и молодое, кидаетъ работу, чтобъ попросить милостыню у проходящаго.

Прошелъ на базаръ.

Кажется, одна разрубленная на мелкіе кусочки туша худощаваго, чуть ли не умершаго своей смертью отъ истощенья быка—на весь базаръ.

Городъ питается одной зеленью. Даже рыбы мало на базарѣ. Рыба — „товаръ“. Рыбы не ѣдятъ. Рыбу отправляютъ.

9 часовъ. Пора въ судъ. Въ сопровожденіи толпы нищихъ иду къ „муниципальному дворцу“.

По дорогѣ газетчикъ. Оретъ соціалистическій журналъ. И немедленно:

— Не угодно ли синьору una rogazzina?! Ah! Che rogazzina!

— Въ 9-то часовъ утра?!

— Ничего не значитъ. Ей все равно.

Дальше опять газетчикъ. Оретъ католическій журналъ. И сейчасъ же конфиденціально:

— Не угодно ли синьору una bambina! Ah! Che bambina! Сейчасъ не угодно,—прикажете потомъ зайти въ гостиницу?!

Захожу побриться.

Парикмахеръ-мальчишка пальцами, которые знаютъ мыло только на щекахъ посѣтителя, размазываетъ по лицу пѣну и наклоняется съ обольстительной улыбкой:

— Не угодно ли синьору una rogazzina?! Ah! Che bella rogazzina!!!

— Да сколько же твоей rogazzina'ѣ лѣтъ?

— Двѣнадцать! — спѣшитъ успокоить онъ. — Угодно синьору моложе?

— Ты вотъ лампъ заправлять не умѣешь!

Смотритъ съ изумленіемъ.

— Тебѣ хозяинъ вчера велѣлъ заправить лампу, а ты керосинъ пролилъ. Руки воняютъ.

Одобрительно машетъ головой:

— Дѣйствительно, вчера розлилъ! Такъ угодно синьору un bambina?!

Таковъ этотъ нищій Содомъ.

Подхожу къ одному входу „муниципальнаго дворца“,— солдаты съ примкнутыми штыками:

— Нельзя!

Подхожу къ другому,—солдаты съ примкнутыми штыками.

Куда ни повернись,— штыки.

Окружный судъ въ Реджіо напоминалъ скорѣе крѣпость.

Надо было заручиться чьей-нибудь помощью. Въ воротахъ подъ аркой сидѣли за столиками, перемазанные въ чернилахъ, уличные адвокаты и за сольди строчили жалобы и прошенія кліэнтамъ, ободраннымъ уже до суда.

Я выбралъ какого понадежнѣе.

Вѣроятно, великій юриспрудентъ. Онъ былъ больше всѣхъ перемазанъ въ чернилахъ, а когда писалъ, высовывалъ даже языкъ и прикусывалъ отъ наслажденья.

Весь видъ его въ эту минуту говорилъ:

— Я те, братъ, такую сейчасъ штуку загну, — годъ не разберешь!

Я подошелъ къ юриспруденту и предложилъ:

— Хотите заработать пять лиръ?

Лицо юриспрудента выразило испугъ. Онъ даже съ опаской оглянулся кругомъ.

„Ужъ не хочетъ ли синьоръ, чтобъ я кого-нибудь зарѣзалъ?“

Но сейчасъ же готовность на все разлилась по лицу. Юриспрудентъ засунулъ перо за ухо и вскочилъ.

— Что угодно синьору?

— Мнѣ надо пройти въ залъ засѣданія.

— У синьора нѣтъ билета?

— Если бъ былъ билетъ, я бы къ вамъ не обращался!

Лицо юрисконсульта выразило размышленіе глубокое.

Но на одинъ мигъ. Черезъ моментъ всѣ адвокаты уже кинули работу и были около „нашего“ стола.

— Что угодно синьору? Что угодно? Что угодно?

Они зажестикулировали, закричали всѣ сразу.

— Сейчасъ сдѣлаемъ! — радостно крикнулъ мнѣ юрисконсультъ.

Образовалась консультація.

Изъ разныхъ дверей выглядывали какія-то лица, вмѣшивались, спорили, кричали. Мое дѣло разрасталось. Въ него уже было замѣшано до двадцати человѣкъ.

Они кричали что-то на своемъ тарабарскомъ калабрійскомъ нарѣчіи; если бы судить по жестамъ, то разговоръ долженъ быть въ такомъ родѣ:

— Много ты понимаешь?!

— Кто?! Я?! Я?! Я?!

— Ты! Ты! Дрянь ты, и больше ничего!

— Я — дрянь?! Ты негодяй! Ты убійца! Смотрите на него, люди добрые! Вотъ убійца! Зовите карабинеровъ! Пусть ведутъ его въ тюрьму! О Господи! Гдѣ же справедливость?! Убійца, и нѣтъ карабинеровъ, чтобъ его взять!

— Убью!

— Хватайте его! Хватайте! Отвѣтите всѣ!

— Пустите! Пустите! Я его зарѣжу!

— Караулъ!

— Стойте! Стойте! Давайте о дѣлѣ. За этимъ дѣломъ надо обратиться къ министру.

— Что министръ?! Въ парламентъ!

— Къ королю!

— Нѣтъ, и не въ парламентъ! И не къ королю! А не иначе, какъ къ Самому Господу Богу!

Но тутъ юрисконсультъ, весь мокрый, утирая чернильными пальцами потъ со лба, подалъ мнѣ грязную карточку:

— Синьоръ, пожалуйте!

Ради меня вызвали одного изъ публики, купили у него билетъ, и теперь сторожъ, стоя въ дверяхъ, приглашалъ:

— Синьоръ, прошу!

— Вы идите только за нимъ и будьте спокойны! — увѣрялъ меня юрисконсультъ.

Я оставилъ ихъ дѣлить съ крикомъ и воплями мои пять лиръ, и пошелъ за сторожемъ.

Внизу лѣстницы стояли два солдата. Наверху снова два солдата.

У притолоки два солдата, когда отворили дверь,—по ту сторону снова — два солдата.

Въ пустыхъ комнатахъ раздавался стукъ объ полъ прикладовъ, звонъ шпоръ, шаги часовыхъ.

Въ каждой комнатѣ стояла стража.

На всякомъ подоконникѣ сидѣли карабинеры.

Словно ожидали штурма.

— 63 обвиняемыхъ! — для значительности поднявъ даже палецъ, объяснилъ мнѣ сторожъ.—Да еще свидѣтели!

Обвиняемые и свидѣтели здѣсь считались, видимо, заодно. Ото всѣхъ нужно охраняться солдатами.

Въ одной изъ залъ при нашемъ появленіи съ пола поднялась толпа оборванныхъ людей, въ лохмотьяхъ грязныхъ, ужасныхъ.

„Обвиняемые!“ подумалъ я.

— Свидѣтели! — пояснилъ мнѣ сторожъ.

Ломброзо по виду зачислилъ бы всѣхъ въ убійцы. Какіе ужасные представители вырожденія.

Увидавъ „синьора“, они, очевидно, рѣшили:

— „Должно-быть, начальство!“

Одинъ показывалъ на ноги, завернутыя въ тряпки.

„Въ чемъ, молъ, я пойду?“

„Mangiare“, „mangiare“, — только и слышалось среди калабрійскаго говора.

Судебное слѣдствіе окончено, свидѣтели отпущены, но они не уходятъ.

Ихъ собрали изъ деревень, двѣ недѣли продержали въ городѣ. За эти двѣ недѣли они проѣли все съ себя, имъ не въ чемъ итти, и они требуютъ теперь на дорогу.

И все это для того, чтобъ услыхать отъ нихъ:

— Знать ничего не знаю.

Какъ ни билось обвиненіе, ни отъ одного изъ свидѣтелей не удалось добиться нужнаго показанія.

Если не считать одного, очень цѣннаго, важнаго, интереснаго и... предобродушнаго.

На вопросъ прокурора:

— Слыхали ли вы, что такой-то изъ обвиняемыхъ — воръ?

Свидѣтель съ удивленіемъ посмотрѣлъ на прокурора и предобродушно отвѣтилъ:

— Да у насъ въ деревнѣ всѣ воры!

Больше отъ этихъ проголодавшихся людей не удалось узнать ничего. Они повторяли съ испугомъ:

— Клянусь, что я ничего не знаю!

Чувствовалась близость правосудія: въ одной изъ комнатъ на полу я увидалъ цѣлую кучу оковъ.

— Это для подсудимыхъ! — любезно разъяснилъ мнѣ сторожъ и, поднявъ одну машинку, показалъ.

Эти машинки, всюду въ Европѣ замѣнившія наши мучительные кандалы, тоже довольно адское изобрѣтеніе. Ими смыкаютъ за руку двоихъ арестантовъ. Мало-мальски рѣзкое движеніе, пружина машинки перевернется и раздробитъ руку обоимъ. О побѣгѣ или сопротивленіи тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Разъ десять передъ караулами мы предъявляли мой билетъ, пока, наконецъ, сторожъ отворилъ дверь, протянулъ руку за подачкой и сказалъ:

— Синьоръ, пожалуйте. Обвиняемые за рѣшеткой.

Я вошелъ въ залъ засѣданія и увидѣлъ тѣхъ людей, отъ которыхъ такъ вооруженъ „муниципальный дворецъ“.

Словно стая овецъ сбилась въ кучу во время бури, сидѣли, прижавшись другъ къ другу, обвиняемые, жалкіе, несчастные, испитые, одѣтые въ рубище. За два года

предварительнаго заключенія они остались въ лохмотьяхъ. Нѣкоторые, очевидно, обносились вконецъ, и ихъ одѣли въ арестантское. Куртки и штаны изъ полосатой, желтой съ чернымъ, матеріи. На правой половинѣ костюма полосы идутъ вдоль, на лѣвой — поперекъ. Какіе-то страшные арлекины сидѣли на скамьяхъ подсудимыхъ, окруженные карабинерами съ саблями наголо и солдатами съ примкнутыми штыками.

Передо мною была „страшная шайка Муссолино". Я видѣлъ воочію легендарныхъ „калабрійскихъ бандитовъ".

И съ изумленіемъ смотрѣлъ:

— Эти?

Производятъ ли они впечатлѣніе бандитовъ.

Вы — солидный и представительный господинъ, читатель. Но если васъ выдержатъ два года въ тюрьмѣ, пока вы на себя не станете похожи, выстричь вамъ голову какими-то безобразными клоками, одѣть васъ въ полосатую куртку каторжника, и при видѣ васъ всякій скажетъ:

— Фу, какой типичный преступникъ! Сразу видно! Сколько онъ душъ...

Арестантскій халатъ очень идетъ къ человѣку.

Нѣтъ такого человѣка, который въ арестантскомъ халатѣ не имѣлъ бы вида „отпѣтаго арестанта". Арестантскій халатъ совершенно искажаетъ внѣшность человѣка. Заранѣе наполняетъ насъ предубѣжденіемъ.

Это маскарадъ, въ которомъ каждый человѣкъ имѣетъ видъ преступника.

И я думаю, что такой маскарадъ не достоинъ правосудія. Появленіе подсудимаго въ ужасномъ арестантскомъ халатѣ или кандалахъ не должно быть терпимо въ судѣ присяжныхъ.

Вы спрашиваете ихъ:

— Преступникъ ли передъ вами?

Зачѣмъ же насильственно внушать имъ:

— Это преступникъ.

Дайте имъ спокойно отвѣтить на вопросъ, не возстановляйте искусственно противъ обвиняемаго и не прибѣгайте къ подтасовкамъ, не нашоптывайте предупрежденія и не подсказывайте отвѣтъ:

— Это преступникъ. Посмотрите на него!

Среди подсудимыхъ выдѣлялся одинъ. Старикъ, il sindaco, мэръ Маравилья. Онъ обвиняется, какъ главный помощникъ и укрыватель Муссолино. Онъ двумя головами выше всѣхъ и среди этихъ жалкихъ несчастныхъ людей выдѣляется полной достоинства и гордости осанкой.

Если бы художникъ захотѣлъ рисовать легендарнаго „благороднаго бандита",—модель налицо. Фигура, полная юношеской силы и мощи. Густые, слегка вьющіеся сѣдые волосы, красивыми прядями падающіе на лобъ. Сѣдая надвое борода. Въ общемъ удивительной красоты „серебряная голова". Правильныя черты лица. Открытый, гордый и благородный взглядъ. Нѣтъ ничего страннаго, что онъ десятки лѣтъ внушалъ къ себѣ почтеніе, и его безсмѣнно выбирали мэромъ.

Онъ богаче всѣхъ, одѣтъ въ свое, крѣпкое платье и кажется чужимъ, страннымъ, случайно попавшимъ въ толпу жалкихъ, пришибленныхъ людей, которыхъ не отличишь одного отъ другого: всѣ они воплощеніе одного несчастія. Ничего, кромѣ несчастія, на ихъ лицахъ не читается. Несчастіе сдѣлало ихъ похожими другъ на друга, какъ близнецовъ.

За двѣ недѣли процесса Маравилья пріобрѣлъ себѣ всеобщія симпатіи.

Сколько я потомъ ни заговаривалъ о немъ, каждый говорилъ мнѣ: „ah! Il sindaco!" съ такимъ почтеніемъ, словно это одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ дѣятелей.

Прокуроръ даже долженъ былъ предупреждать присяжныхъ:

— Не поддавайтесь тѣмъ симпатіямъ, которыя сумѣлъ внушить себѣ здѣсь, на судѣ, обвиняемый Маравилья. Не судите по внѣшности!

Что вызвало реплику со стороны защитника мэра:

— Одинъ разъ обвинитель говоритъ: „не судите по внѣшности!“ Въ другой разъ, указывая на другихъ подсудимыхъ, говоритъ: „самый видъ ихъ говоритъ, способны ли они на преступленіе?“ Когда же вѣрить г. обвинителю? Тогда вѣрить, очевидно, нельзя. А человѣку, которому нельзя вѣрить всегда, лучше не вѣрить никогда!

Все время на самыя злостныя выходки свидѣтелей-карабинеровъ Маравилья отвѣчалъ спокойно, съ достоинствомъ, доказывая, что все это личности, и что карабинеры хотятъ обвинить хоть кого-нибудь, такъ какъ имъ не удается поймать настоящихъ виновниковъ.

Таково же и общее мнѣніе.

Никто изъ обвиняемыхъ не отрицаетъ, что они знали Муссолино.

— Кто жъ его не зналъ?

Они принимали его у себя:

— Ничего дурного мы за Муссолино не знали!

Муссолино ночевалъ у нихъ:

— Онъ всегда платилъ за ночлегъ.

Но ни въ какихъ преступленіяхъ Муссолино они не участвовали.

— Никто даже и не зналъ ни о какихъ преступленіяхъ Муссолино. Это говорятъ карабинеры!

Публики было мало. Человѣкъ тридцать, изъ нихъ пятеро мужчинъ. Остальныя — женщины и дѣти. Дѣти почти голыя, женщины босыя, въ драныхъ платьяхъ, безъ бѣлья, въ двери выглядывало голое тѣло. Все это жены и дѣти подсудимыхъ. Когда, 2 года тому назадъ, ихъ мужей взяли, хозяйства были разорены, кормиться стало нечѣмъ, и несчастныя пришли за мужьями въ городъ.

Подсудимые во время предварительнаго слѣдствія возбуждали ходатайство о томъ, чтобъ ихъ перевели въ тюрьму въ Неаполь.

Мотивъ:

— Тамъ нашимъ женамъ съ дѣтьми легче прокормиться милостыней, чѣмъ въ нищемъ Реджіо.

Все время между „публикой" и подсудимыми шелъ разговоръ. Южному итальянцу не нужно словъ, чтобъ говорить. Слова, это—только дополненіе къ жестамъ. И истинный итальянецъ жестами разскажетъ всю библію. И истинный итальянецъ пойметъ все отъ слова до слова.

Въ теченіе всего процесса, среди подсудимыхъ, публики, свидѣтелей шелъ „неумолчно" безмолвный разговоръ, споры, цѣлые диспуты.

Среди женщинъ, сидѣвшихъ вокругъ меня, двѣ были съ грудными дѣтьми.

— Какъ же такъ? Мужья арестованы два года?!

Разгадку я узналъ потомъ.

Я засталъ послѣднюю стадію процесса.

Я былъ въ понедѣльникъ. Въ субботу прокуроръ произнесъ рѣчь, надѣлавшую шума на всю Италію. Онъ требовалъ для подсудимыхъ для кого четырехъ, для кого пяти лѣтъ каторжной тюрьмы.

— 250 лѣтъ тюрьмы! — съ остолбенѣніемъ восклицали всѣ газеты всѣхъ партій. — Два съ половиной вѣка заключенія, тьмы, страданій!

Сегодня начались рѣчи защиты

Мнѣ понравились итальянскіе адвокаты. Они говорятъ живо, но просто, безъ театральнаго паѳоса.

— Двѣ недѣли длится процессъ! — говорилъ одинъ изъ нихъ, молодой человѣкъ. — И сегодня, на 15-й день, вся Италія еще спрашиваетъ себя съ недоумѣніемъ: да кто же на скамьѣ подсудимыхъ: разбойники или жертвы? Мы присутствуемъ, дѣйствительно, при удивительномъ процессѣ. Двѣ недѣли мы слышимъ одни обвиненія и

ни одного доказательства! И въ этомъ удивительномъ дѣлѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Два года строили обвиненіе и не нашли ни одного доказательства, чтобъ положить его въ основу. Чего не могли найти въ теченіе двухъ лѣтъ, не могли найти и въ теченіе четырнадцати дней.

Правосудіе должно быть дѣломъ такимъ же точнымъ, какъ математика. И дѣла должны разрѣшаться точно такъ же, какъ разрѣшаются математическія задачи.

Арестъ обвиняемаго долженъ являться неизбѣжнымъ, логическимъ выводомъ изъ всѣхъ добытыхъ уже свѣдѣній.

Часто дѣлается наоборотъ.

Сначала пишутъ отвѣтъ, а потомъ провѣряютъ, вѣрно ли рѣшена задача. Дѣйствительно ли открытъ настоящій виновный.

Сначала указываютъ виновнаго, а потомъ прибираютъ доказательства его виновности.

И такъ какъ „отвѣтъ извѣстенъ заранѣе", то всѣ дѣйствія даже невольно подгоняютъ подъ этотъ отвѣтъ.

Ищутъ не „кто виноватъ", а „почему именно этотъ виноватъ".

Отсюда неполнота, односторонность, ошибочность, которыми часто страдаетъ слѣдствіе въ Италіи, какъ и вездѣ.

Разозленные, доведенные до отчаянія безуспѣшностью погони за „шайкой Муссолино", карабинеры кинулись хватать всѣхъ, кто казался имъ подозрительнымъ.

Дѣло не трудное тамъ, гдѣ, по восклицанію одного изъ свидѣтелей, „всѣ жители — воры".

Перехватавъ людей, имъ сказали:

— Оправдывайтесь, если вы не виноваты.

Это называется „просѣять подозрительные элементы".

Многіе съ такой очевидностью доказали свою непричастность, что ихъ пришлось отпустить.

63 человѣка остались „въ ситѣ“.

— А! Не могли оправдаться, значитъ, вы виновны.

Ихъ послѣдній достатокъ былъ разоренъ вконецъ, ихъ заключили въ тюрьму, ихъ семьи пущены по-міру.

И вотъ спустя два года тюрьмы, эти люди пришли на судъ.

Противъ нихъ нѣтъ ни одного доказательства. Чувствуется, что среди нихъ есть виновные. Но почему они виновны? Кто изъ нихъ виновенъ? Кто не виновенъ?

Правда гдѣ-то бродитъ около. Но гдѣ? Она невидимка? За 14 дней процесса никто не замѣтилъ даже малѣйшей складки ея одежды.

Гдѣ доказательства?

Показанія карабинеровъ.

— Но, — справедливо восклицали всѣ защитники, — карабинеры были слѣдователями. Карабинеры же являются свидѣтелями. Довольно съ насъ карабинеровъ, и довольно съ карабинеровъ! Нельзя же ихъ дѣлать еще и судьями!

Защитники мѣнялись, но мотивъ рѣчей оставался одинъ и тотъ же:

— Доказательствъ!

Въ четыре часа былъ объявленъ перерывъ до завтра, и вотъ по городу потянулась чудовищная процессія.

Публику удалили.

По лѣстницѣ, гдѣ на каждой ступенькѣ стояло по два солдата, повели обвиняемыхъ, скованныхъ за руку попарно. Сзади каждой пары шла пара карабинеровъ.

Подсудимые шли, поднявъ скованныя руки, какъ собака поднимаетъ раненую лапу. Малѣйшая неловкость, стоитъ оступиться, и вдребезги рука своя и сосѣда.

Между шеренгами солдатъ 12 обвиняемыхъ прошли въ три допотопныя каретки, запряженныя одрами, съ рѣшетчатой дверью.

Осторожно, боязливо поднявъ прикованную къ рукѣ сосѣда руку, они влѣзали въ крошечныя каретки.

Кучера защелкали бичами, заорали благимъ матомъ на одровъ, и шествіе тронулось.

Впереди двѣ шеренги солдатъ.

По обѣимъ сторонамъ кортежа — по ряду солдатъ и по ряду карабинеровъ. По карабинеру на козлахъ. По карабинеру на задней подножкѣ кареты.

Двѣ шеренги солдатъ сзади.

Повезли двѣнадцать,—остальные остались въ судѣ, ждать, пока вернутся за ними. Судъ, оказывается, потому такъ рано и кончается, чтобъ успѣть засвѣтло перевезти всѣхъ въ тюрьму.

Ночью ихъ среди сочувствующаго населенія возить не рѣшаются.

Я пошелъ за этимъ печальнымъ ужаснымъ шествіемъ вплоть до самой тюрьмы.

За двѣ недѣли населеніе привыкло къ этому зрѣлищу. Смотрѣли спокойно, дружески кивали арестантамъ, перебрасывались какими-то знаками.

Мэру Маравилья, ѣхавшему въ первой кареткѣ, кланялись всѣ, видимо, знакомые и незнакомые.

Шествіе,—хотя и одры,—подвигалось довольно быстро. Босыя и простоволосыя жены и почти раздѣтыя дѣтишки едва поспѣвали бѣгомъ.

Мое вниманіе обратила на себя молодая женщина, беременная, съ красивымъ типичнымъ южно-итальянскимъ лицомъ.

Она запыхалась отъ бѣга и почти упала на траву, когда кареты подъѣхали къ тюрьмѣ.

Она лежала на травѣ, красная, съ мокрыми волосами, едва переводя дыханіе.

Замѣтивъ, что я смотрю на нее, одинъ изъ толпы подошелъ, снялъ шапку, поклонился и кивкомъ головы указалъ на измученную женщину.

— Синьоръ, быть-можетъ, желаетъ?!

Я отступилъ отъ него почти съ ужасомъ:

— Да это кто?

— А ея мужъ вонъ въ каретѣ! Вонъ онъ глядитъ!

— Какъ же такъ? Пришла за мужемъ...

Субъектъ пожалъ плечами:

— Ѣсть, синьоръ, надо?

И на меня такъ и пахнуло Сахалиномъ.

Я все еще готовъ былъ бы счесть слова этого проходимца за клевету на жизнь и на несчастную женщину, но ея беременность, когда мужъ два года въ тюрьмѣ...

Въ тотъ же вечеръ съ первымъ поѣздомъ я уѣхалъ изъ Реджіо, и меня не интересовало, оправдаютъ обвиняемыхъ или обвинятъ.

И то и другое мало чѣмъ измѣняетъ ихъ судьбу,

Пусть имъ вынесутъ самое торжественное оправданіе. А разоренное хозяйство? А два года тюрьмы? А разрушенное здоровье, такъ ясно написанное на ихъ желтыхъ лицахъ и въ ихъ больныхъ глазахъ? А ихъ жены...

А разбитыя жизни?

Когда въ сумеркахъ я выѣзжалъ изъ „самаго лучшаго отеля въ городѣ“, и извозчикъ повернулъ за уголъ, какъ вдругъ остановили крики:

— Стой! Стой!

Мимо насъ пробѣжалъ кортежъ. Кучера орали и щелкали бичами. Одры улепетывали рысью. Вспотѣвшіе и измученные солдаты бѣжали бѣгомъ.

Это везли послѣднюю партію обвиняемыхъ.

И спѣшили засвѣтло добраться до тюрьмы, боясь везти ихъ, когда городъ одѣнется въ тьму.

Испанія.

(Замѣтки туриста).

„Странныя дѣла дѣлаются въ Испаніи“. (*Записки сумасшедшаго.*)

Король Альфонсъ XIII, шестнадцатилѣтній юноша, въ трудную минуту возлагаетъ на себя корону.

Онъ вступаетъ дѣйствующимъ лицомъ въ трагедію.

Оставшись вдовой съ малюткой-сыномъ, королева-регентша сохранила ему Испанію.

Но какъ?

Такъ въ старину, когда умиралъ помѣщикъ, сохранялось преданной старушкой-ключницей, до пріѣзда наслѣдника, все, что было въ домѣ.

Шубы прятались въ сундуки. Комнаты запирались глухо-наглухо.

И вотъ наслѣдникъ пріѣзжалъ.

— Все, все цѣло! До послѣдней ниточки!

Все покрылось пылью, заржавѣло, заплѣсневѣло въ сыромъ и темномъ домѣ.

И когда вынимали полысѣвшія шубы, отъ нихъ поднимались тучи моли, и мѣхъ клочьями сыпался на полъ.

Что это за съѣденная молью страна Испанія!

У нихъ въ ходу хвастливыя поговорки:

— Кто не видалъ Севильи, тотъ не знаетъ веселья.

— Кто не видалъ Гренады — не видалъ чудесъ.

Кто не видалъ Испаніи, тотъ не видалъ нищеты.

И ужасъ заключается въ томъ, что страна это сознаетъ.

— Мы—нищая страна. Мы--одинъ изъ самыхъ невѣжественныхъ народовъ въ Европѣ!— слышите вы отъ испанцевъ на каждомъ шагу.

Передъ вами пробужденіе страны. Одно изъ самыхъ страшныхъ пробужденій.

Подъ горячимъ солнцемъ страна долго спала.

Усыпленная канонами, меланхолическимъ звономъ колоколовъ, окутанная голубыми клубами кадильнаго дыма.

Ей снилось небо и Святѣйшая Сеньора, которая молится за свою страну.

И вотъ она проснулась.

Проснулась голодной, нищей, опозоренной въ послѣднюю войну.

Если вы встанете рано утромъ и пройдетесь на рынокъ, вы диву дадитесь:

— Какъ могутъ существовать эти несчастные люди?

Во всей Европѣ нѣтъ такой дороговизны на предметы первой необходимости.

Мясо, по расчету на наши деньги и на нашъ вѣсъ, самое плохое—30—40 копеекъ за фунтъ. Яйца—75—90 копеекъ десятокъ.

Испанцы — вегетаріанцы.

Это—страна, гдѣ мясо только снится.

Если бы не масса зелени, въ Испаніи царилъ бы непрерывный голодъ.

Здѣсь не ѣдятъ, здѣсь не питаются, здѣсь набиваютъ желудокъ.

Цѣны доходятъ до смѣшного. Въ странѣ лимоновъ и апельсиновъ,—и тѣ и другіе дороже, чѣмъ въ Москвѣ.

Лимонъ отъ 6 копеекъ, апельсинъ 6—8—10 копеекъ штука.

И при всемъ этомъ земледѣліе ничего не выигрываетъ.

Все съѣдаютъ налоги.

— Со времени кубанской войны все вздорожало вдвое,—объясняютъ испанцы, — все, кромѣ заработковъ!

Мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ редакторомъ-испанцемъ.

— Несомнѣнно, мы наканунѣ большихъ событій и великихъ перемѣнъ!— сказалъ онъ. — Мы переживаемъ страшный историческій моментъ!

— Карлисты готовятъ междоусобную войну?

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Не это! Что!.. Справьтесь о цѣнахъ на провизію. Исторія готовится на базарѣ. Когда кило мяса стоитъ двѣ съ половиной пезеты, а яйцо тридцать сантимовъ,— страна наканунѣ великихъ перемѣнъ. Дальше такъ существовать нельзя.

Промышленность, какая есть, въ рукахъ иностранцевъ. Самыя доходныя статьи земледѣлія—также.

Барселону такъ же можно назвать испанскимъ городомъ, какъ Ливерпуль.

Въ Хересѣ, въ Малагѣ васъ поражаетъ изобиліе англійскихъ фирмъ.

Это не Испанія, это—англійская колонія.

Всѣ знаменитые виноградники принадлежатъ англичанамъ.

Но чаще всего васъ поражаетъ, — какъ заброшены естественныя богатства страны.

Въ Гренадѣ показываютъ отдѣланные мраморомъ дворцы Альгамбры, цѣлыя церкви изъ мрамора, мраморныя колонны, мраморные алтари необычайной красоты, огромной цѣнности.

— Все это мраморъ Сіерры-Невады! — съ гордостью объясняютъ вамъ.

— А теперь что съ этими ломками мрамора?

— Заброшены. Не разрабатываются. Нѣтъ предпринимателей. Нѣтъ денегъ.

Желѣзныя дороги ужасны, и ихъ мало.

И эта красавица-страна умираетъ съ голода на грудахъ сокровищъ, которыя подарила ей природа.

— Вашъ городъ оживаетъ, — сказалъ я знакомому испанцу, любуясь Гренадой со Священной горы.

Въ долинѣ тамъ-здѣсь поднимались къ небу трубы сахарныхъ заводовъ, какъ когда-то поднимались минареты.

Онъ презрительно пожалъ плечами:

— Скажите лучше, Гренада отъ насъ уходитъ. Все это принадлежитъ иностранцамъ.

Государственные налоги съѣдаютъ все, такъ что людямъ мало что остается ѣсть.

А если у нихъ и остаются какіе-нибудь гроши,— государство вылавливаетъ и эти послѣдніе сантимы.

Страна безпрерывно весь годъ разоряется лотереями, которыя каждую недѣлю разыгрываетъ правительство.

Испанской улицы, испанской толпы нельзя себѣ представить безъ двухъ типовъ.

Безъ стариковъ, которые кричатъ:

— Вода! Холодная вода!

И женщинъ, которыя вопятъ:

— Лотерейные билеты! Вотъ лотерейные билеты!

Розыгрышъ черезъ нѣсколько дней. Десятая часть билета стоитъ всего одну пезету.

Государство живетъ тѣмъ, что безпрерывно обыгрываетъ народъ.

Правительство и страна въ Испаніи, это — не одно цѣлое. Это два врага. Которые все время борются. До сихъ поръ побѣда была на сторонѣ правительства.

Если требуется назвать самаго непопулярнаго человѣка во всей Испаніи, — вы безъ ошибки можете сказать.

— Королева-регентша.

Мы шли со знакомымъ по Alcala, одной изъ главныхъ улицъ Мадрида.

— Вотъ проѣхали король и королева, — сказалъ онъ.

— Гдѣ?

— А вонъ! Въ коляскѣ. Имъ никто не кланяется.

При мнѣ возвратился съ гастролей изъ Мексики знаменитый торреадоръ Мазантини.

Въ Кадиксѣ на пристани его встрѣтила толпа въ 5,000 человѣкъ.

Воздухъ дрожалъ отъ криковъ. Шапки летѣли надъ толпой.

Толпа кинулась къ коляскѣ, схватила Мазантини, хотѣла нести его на рукахъ по улицамъ.

Нельзя сказать, чтобы испанцы не любили овацій.

Испанцы не любятъ королевы-регентши, которую зовутъ „австріачкой“.

— Это иностранка! — говоритъ вся Испанія.

Королевская власть правящаго дома—совсѣмъ особая власть.

Это — завоеватели. И чтобы держать въ своихъ рукахъ покоренную страну, завоеватели должны всѣ свои надежды возлагать единственно на армію.

Въ настоящее время въ Испаніи подъ ружьемъ 80,000 человѣкъ. Изъ нихъ 24,000 офицеровъ.

По офицеру на два съ половиной солдата.

Особенность испанскихъ улицъ — необыкновенное, невѣроятное обиліе офицеровъ.

Словно городъ только что вчера завоеванъ какой-то арміей.

Черезъ каждые три шага вы встрѣчаете офицера въ блестящей формѣ. Офицера всего въ голубомъ, расшитаго серебромъ. Офицера, расшитаго золотомъ. Офицера въ сверкающей каскѣ. Офицера въ треуголкѣ. Офицера, красиво задрапированнаго въ черный плащъ. Офицера, еще болѣе картинно задрапированнаго въ бѣлый плащъ на алой подкладкѣ.

Всѣ кафе съ утра до ночи полны офицерами.

Они сидятъ со скучающимъ видомъ, рѣшительно не зная, что дѣлать со своими двумя съ половиной солдатами.

Испанцы, народъ храбрый, гордый, любятъ славу и войско. Когда по улицѣ проносятъ знамя, всѣ встрѣчные снимаютъ шляпы.

Но армія изъ 24,000 офицеровъ не пользуется симпатіями населенія:

— Попроизвели во время войны. И вотъ они не уходятъ. Зачѣмъ?! При общемъ застоѣ не такъ-то скоро найдешь себѣ должности! Распустить ихъ? Ну, знаете,— это опасно, если они останутся недовольны. На что тогда опираться?! А донъ-Карлосъ?! И вотъ приходится держать армію офицеровъ!

Этотъ призракомъ стоящій надъ Испаніей донъ-Карлосъ —истинный благодѣтель для 24,000 человѣкъ!

И вы чувствуете, какъ въ воздухѣ пахнетъ гражданской войной.

Единственное развлеченіе скучающихъ испанскихъ офицеровъ—участвовать въ церковныхъ процессіяхъ.

Нигдѣ въ мірѣ армія не принимаетъ такого участія въ церковныхъ торжествахъ.

Духовная процессія въ Испаніи—наполовину военный парадъ.

Она не мыслима безъ грохота барабановъ, военныхъ оркестровъ, массы офицеровъ въ полной парадной формѣ, батальоновъ солдатъ, сверкающихъ штыковъ и величественно колыхающихся въ воздухѣ знаменъ.

Католическая церковь—вторая колоссальная сила въ Испаніи.

Секретъ власти въ Испаніи, по мнѣнію правящихъ сферъ, это — чтобъ армія и церковь были какъ можно ближе другъ къ другу, чтобъ онѣ были слиты въ одно цѣлое. И чтобъ эти двѣ могучія силы, слитыя воедино, были на сторонѣ правительства.

Къ этому стремятся, но этого не могутъ достигнуть.

Въ то время, какъ армія на сторонѣ правящаго дома, церковь питаетъ симпатію къ донъ-Карлосу, который обѣщаетъ католическому духовенству вернуть добрыя старыя времена.

Католичество переживаетъ трудныя времена въ вѣрнѣйшей изъ своихъ странъ, — въ Испаніи.

Католичество чрезвычайно разнообразно. Каждая страна имѣетъ такое католичество, которое больше можетъ ей прійтись по душѣ.

Католичество въ Англіи — сурово, мрачно и просто. На югѣ Италіи — картинно и живописно.

Въ Испаніи оно пышно и блестяще.

Испанцы любятъ зрѣлища. И нигдѣ католическая церковь не устраиваетъ столько процессій, столько блестящихъ торжествъ и празднествъ.

Въ сѣверной Италіи католическіе проповѣдники дебатируютъ въ церквахъ политико-экономическіе вопросы и высказываютъ самые передовые взгляды.

Для Испаніи оставлено католичество среднихъ вѣковъ.

Здѣсь продаются индульгенціи, – и въ газетахъ печатаются объявленія о покойникахъ:

— Скончался донъ такой-то. Прелатъ объявляетъ, что всякій, кто будетъ молиться за душу усопшаго, получитъ отпущеніе грѣховъ на столько-то дней.

На одинъ день, на три, на недѣлю, — я видѣлъ объявленіе даже на 80 дней.

Это зависитъ отъ суммы, которую внесли въ церковь родственники умершаго.

80 дней! Можно вокругъ свѣта объѣхать въ 80 дней. Въ 80 дней много можно надѣлать дѣловъ.

И все, что бы вы ни сдѣлали въ эти дни, — даже убійство, — не будетъ вамъ сочтено за грѣхъ, если вы

только молитесь за человѣка, объявленіе о смерти котораго напечатано въ газетѣ.

Будучи постояннымъ подписчикомъ испанской газеты, можно жить и умереть совершенно безгрѣшнымъ.

— Можете рѣзать!

Такой преміи не даетъ ни одна газета въ мірѣ!

Но молятся по объявленіямъ только женщины.

Идя по улицѣ въ Испаніи, вы, какъ встарь, на каждомъ шагу встрѣчаете женщинъ съ опущенными глазами, въ черныхъ платьяхъ, въ черныхъ мантильяхъ, съ золото-обрѣзанной книжечкой, на переплетѣ которой изображенъ крестъ.

У испанокъ осталось попрежнему.

У каждой свой день въ недѣлѣ, когда она ходитъ исповѣдываться.

— Простите, я не зову васъ завтра къ себѣ! — говоритъ вамъ испанецъ. — Завтра вторникъ, по вторникамъ моя жена исповѣдуется.

Но онъ говоритъ это съ улыбкой.

Словно рѣчь идетъ о какой-то слабости, простительной и извинительной

— Если вы хотите знать, сколько женщинъ въ городѣ, — пойдите въ такой-то день къ статуѣ Сеньоры Семи Скорбей! — говорятъ въ Гренадѣ.

Но никто не скажетъ вамъ, къ какой священной статуѣ надо итти, чтобъ узнать, сколько въ городѣ мужчинъ.

Испанцы, мужчины, даже простонародье, совсѣмъ не религіозны.

Они смотрятъ процессіи, потому что любятъ зрѣлища, но смѣхъ и шутки въ это время не прекращаются ни на секунду.

Въ Испаніи много монастырей, но большинство — женскіе, число мужчинъ, когда-то колоссальное, уменьшается съ каждымъ годомъ.

Католичество таетъ на глазахъ у всѣхъ.

Вѣроятно, только во времена Лютера въ Германіи такъ отзывались о католичествѣ, какъ отзываются въ Испаніи теперь.

Испанецъ если не говоритъ объ индульгенціяхъ со смѣхомъ, онъ говоритъ о нихъ съ негодованіемъ.

Испанія переросла свое католичество.

И поразительное явленіе. Съ испанской улицы исчезла совершенно самая типичная ея фигура. Католическій монахъ и католическій патеръ.

Такъ странно видѣть въ узенькой испанской улицѣ быстро, боязливо пробирающагося патера.

Въ Испаніи-то!

Монаховъ не видно совсѣмъ. Нигдѣ, ни одного. Патеры предпочитаютъ днемъ ходить, переодѣвшись въ штатское платье.

И только подъ вечеръ, когда толпа разошлась по домамъ и на землю спускается тьма, вы встрѣтите въ городскомъ паркѣ гуляющихъ подвое, потрое патеровъ въ сутанахъ.

Причина боязни — враждебныя демонстраціи толпы. Въ Испаніи эпидемія демонстраціи противъ духовенства.

И каждый день, въ каждой газетѣ отовсюду вы читаете о новыхъ, новыхъ, новыхъ демонстраціяхъ противъ монаховъ, противъ патеровъ, — демонстраціяхъ враждебныхъ, озлобленныхъ, часто бѣшеныхъ.

Обѣщаніе донъ-Карлоса вернуть Испанію къ среднимъ вѣкамъ врядъ ли выполнимо.

Испанія переживаетъ трагическія минуты.

Въ воздухѣ пахнетъ карлистскимъ возстаніемъ. Республиканцы готовятъ къ празднествамъ колоссальную демонстрацію.

Плебисцитъ. Они собираютъ голоса сторонниковъ, чтобъ показать, какое огромное большинство желаетъ республики.

Севилья, Кордова, Кадиксъ — республиканскіе города. Весь югъ, вся Андалузія — за республику.

Кастилія, Валенсія, весь сѣверъ зоветъ донъ-Карлоса.

Быть-можетъ, вѣрнѣе, зоветъ перемѣну.

Врядъ ли кто, дѣйствительно, хочетъ донъ-Карлоса или его преемника, но, какъ говоритъ у Пушкина Лжедимитрій, онъ:

„Предлогъ раздоровъ и войны“.

Его зовутъ, потому что его имя звучитъ, какъ:

— Перемѣна.

Его зовутъ, какъ призракъ возмущенія.

„Донъ-Карлосъ“, это—боевой кличъ.

Его имя нужно какъ лозунгъ.

Онъ необходимъ для начала.

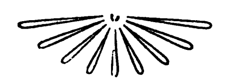
— Но послушайте, — говорилъ я тѣмъ, съ кѣмъ мнѣ приходилось говорить о дѣлахъ ихъ страны, — югъ за республику, сѣверъ за донъ-Карлоса. Но вѣдь есть же партія, которая стоитъ за правящій домъ.

Онъ пожалъ плечами:

— Конечно, есть.

— Кто?

— Служащіе.

Гладіаторы.

(Изъ поѣздки по Испаніи.)

Вѣдь это не звѣри. Это не дикари. Какое же удовольствіе находятъ они въ зрѣлищѣ смерти, страданій, ранъ, крови?

Чтобъ объяснить себѣ эту загадку, я метался изъ Севильи въ Кордову, изъ Кордовы въ Кадиксъ, изъ Кадикса въ Гренаду, изъ Гренады въ Мадридъ. Не пропуская ни одного боя быковъ.

Какъ въ рулеткѣ, здѣсь бываютъ свои полосы.

Я попалъ на красную серію. Ни одинъ бой не обходился безъ человѣческой крови.

На моихъ глазахъ былъ запоротъ Антоніо Монтесъ, тяжело раненъ Конхито, измятъ быкомъ Кванита.

Это только „эспада".

Восемь простыхъ торреро, пиккадоровъ, бандирильеро были вынесены съ арены замертво, съ поломанными ребрами, съ распоротыми животами, истекающіе кровью.

При мнѣ было убито 86 быковъ и на моихъ глазахъ околѣло въ судорогахъ и страшныхъ мученіяхъ около двухсотъ лошадей.

Въ концѣ концовъ я переутомился смотрѣть на кровь.

Стоило мнѣ завести глаза, — я видѣлъ только кровь, судороги, вываливающіяся внутренности.

Я видѣлъ знаменитѣйшихъ торреадоровъ Испаніи и присутствовалъ на боѣ быковъ, устроенномъ любителями этого искусства.

Человѣкъ — подлое животное. Изъ всего онъ устроитъ спортъ.

И мнѣ хотѣлось узнать:

— Въ чемъ же въ этомъ кровавомъ зрѣлищѣ заключается спортъ?

Въ Мадридѣ я имѣлъ честь быть представленнымъ великому Мазантини, „самому“ Мазантини.

Онъ только что вернулся съ гастролей изъ Мексики.

— Конечно, васъ тамъ носили на рукахъ? — льстиво спросилъ мой спутникъ.

— Я игралъ тамъ почти каждый день! — отвѣчалъ Мазантини съ улыбкой, скромной и снисходительной.

Торреадоръ, какъ драматическій артистъ, иначе не говоритъ о себѣ:

— Игралъ.

Испанцы говорятъ:

— Интересная коррида. Играетъ Бомбита-Чико.

Газеты срочными телеграммами увѣдомляютъ публику:

— Севилья, Конхито и Кванита играли великолѣпно.

И это, дѣйствительно, „игра“.

Торреадоръ можетъ бояться или не бояться, но онъ долженъ играть роль человѣка, которому вопросъ о жизни совершенно безразличенъ.

Дѣло не въ томъ, чтобъ убить. Дѣло въ томъ, чтобъ убить красиво.

И когда великій Мазантини наноситъ свой классическій ударъ „a volapie“,—ударомъ шпаги въ загривокъ пронизываетъ быка до самаго сердца, — и когда быкъ, почти держащій торреадора на рогахъ, моментально

падаетъ предъ нимъ на колѣни и словно цѣлуетъ окровавленной мордой землю у его ногъ, это — группа, достойная красокъ, достойная скульптуры.

Это тотъ же балетъ, гдѣ пластика на первомъ планѣ. Гдѣ пластика — все.

Надо красиво проходить мимо смерти.

Не убить важно, но чтобъ жестъ былъ красивъ. И увернуться отъ роговъ быка надо съ улыбкой.

При мнѣ одинъ испанецъ, очень интеллигентный человѣкъ, сказалъ своему сыну, мальчику лѣтъ десяти:

— Если ты будешь шалить, я не возьму тебя на бой быковъ.

— Скажите! Какъ вы берете дѣтей на такое зрѣлище? — спросилъ я.

Испанецъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Развѣ зрѣлище отваги дурно для мальчика? Развѣ образчикъ презрѣнія къ смерти заключаетъ въ себѣ что-нибудь дурное или неблагородное?

Самая лучшая, великолѣпная, благоустроенная,—и, помоему, самая ужасная, — plaza de toros въ Мадридѣ.

Огромное зданіе, темное и мрачное, снаружи похожее на фабрику.

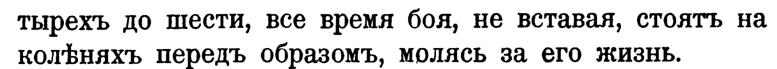
Мы съ вами пріѣхали за полчаса до начала боя. Это даетъ возможность посмотрѣть очень оригинальный спектакль. Какъ молятся торреро.

Тутъ же, въ зданіи plaza de toros, небольшая часовня. Часовня торреадоровъ.

Разодѣтые въ золото и шелкъ эспада со своими квадрильями стоятъ на колѣняхъ передъ маленькой статуей Мадонны Семи Скорбей и шепчутъ молитвы и обѣты.

Капелла торреадоровъ имѣется только въ Мадридѣ. Во всѣхъ другихъ городахъ торреадоры молятся передъ боемъ дома.

Мать, жена, сестра, любовница торреадора никогда не видятъ его на аренѣ. Онѣ остаются дома и съ че-

тырехъ до шести, все время боя, не вставая, стоятъ на колѣняхъ передъ образомъ, молясь за его жизнь.

Эти два часа матери, жены, сестры, любовницы!

Стукъ экипажа, крикъ, раздавшійся на улицѣ... Можетъ-быть, его везутъ мертваго или истекающаго кровью.

Стукъ въ дверь.

Можетъ-быть, прибѣжали увѣдомить:

— Убитъ.

Шаги каждаго прохожаго мимо дома:

— Вдругъ остановится у нашихъ дверей!

Молитва въ капеллѣ торреадоровъ длится полчаса. Изъ капеллы они проходятъ въ Мадридѣ на арену черезъ операціонный залъ.

Восемь кроватей, накрытыхъ, приготовленныхъ, чтобы принять раненыхъ.

Четверо носилокъ наготовѣ.

Разложенный операціонный столъ, блещущій никкелемъ.

Тазики. Ведра. Сверкаютъ приготовленные къ дѣлу ножи, пилы, наборъ хирургическихъ инструментовъ.

Пахнетъ карболкой.

И по этому лазарету идутъ гуськомъ торреро на арену, улыбаясь докторамъ и фельдшерамъ, одѣтымъ въ бѣлые балахоны для предстоящихъ операцій.

И улыбающіеся, какъ балетные артисты, они выходятъ на арену играть роль людей, презирающихъ жизнь и не боящихся смерти.

Торреадоръ кончаетъ жизнь на рогахъ у быка или богачомъ.

Знаменитый Гверрерито только что бросилъ свою карьеру съ двумя милліонами пезетъ. Я видѣлъ его послѣдній бой.

Мазантини—милліонеръ.

Бомбита-Чико знаменитый кутила. Испанцы похожи на русскихъ и любятъ „широкую натуру“. Когда торреадоръ кутитъ, — онъ кидаетъ деньги пригоршнями.

Это дѣлаетъ его кумиромъ женщинъ, ресторанныхъ пѣвцовъ, публики.

Испанская пословица говоритъ:

— Торреадоръ, это—человѣкъ, который каждый день родится.

И онъ каждый день справляетъ день своего рожденья.

Чтобы быть популярнымъ, торреадоръ долженъ обладать артистически широкой натурой.

Бомбита-Чико, предпочитающій простонародье, кутила-мученикъ. Мазантини, вращающійся въ избранномъ обществѣ, извѣстный благотворитель. Онъ помогаетъ съ королевскою щедростью.

Торреадоры — люди изъ низшаго сословія.

Я имѣлъ честь быть приглашеннымъ на чашку кофе къ старшему изъ братьевъ Бомбита.

Онъ живетъ въ своемъ домѣ, въ предмѣстьѣ Севильи, въ Тріана. Его „patio“, кокетливый внутренній дворикъ, замѣняющій севиліанцамъ гостиницу, очень красивъ и оригиналенъ.

По обыкновенію онъ уставленъ плетеной мебелью, качалками и тропическими растеніями. Стѣны украшены чучелами бычьихъ головъ. Это головы особенно „трудныхъ“ быковъ, убитыхъ Бомбита.

Онъ разгуливалъ среди этихъ трофеевъ, одѣтый въ великолѣпный англійскій, сѣренькій костюмъ. Его можно было бы принять совсѣмъ за бритаго англичанина, съ немного женственнымъ лицомъ, если бы не косичка на затылкѣ, отличіе торреадорской профессіи.

Общество составляли нѣсколько севильскихъ нотаблей, грязно одѣтый отецъ Бомбита, простой рабочій, мать старушка, состарившаяся въ молитвахъ за трехъ сыно-

вей, жена Бомбита, толстая, расплывшаяся женщина, ужасно конфузившаяся, когда съ ней заговаривали, и робко отвѣчавшая только:

— Да... Нѣтъ...

Въ дверяхъ толпились какiе-то ободранцы, женщины, очень бѣдно одѣтыя, кричавшiя, хохотавшiя, пожиравшiя уймами пирожныя. Родственники и родственницы Бомбита.

И среди этого общества, знатныхъ и нищихъ, онъ ходилъ привѣтливый, но величественный, какъ англiйскiй лордъ.

Это былъ кофе по случаю его отъѣзда. Въ этотъ вечеръ онъ уѣзжалъ съ экспрессомъ на гастроли въ Мадридъ.

На слѣдующiй день мы прочли въ вечернихъ газетахъ:

„Бомбита смертельно раненъ".

Какъ дѣлаются торреадорами?

Вотъ вамъ исторiя короля испанскихъ торреро, величайшаго изъ великихъ „самого" Мазантини.

Онъ родомъ итальянецъ. Высокаго роста. Съ великолѣпной фигурой, какъ будто созданной для того, чтобы играть королей. Съ удивительно правильнымъ, красивымъ и всегда спокойнымъ лицомъ, на которомъ застыло привычное выраженiе величiя.

Онъ былъ актеромъ и игралъ любовниковъ. Бездарнѣйшимъ изъ актеровъ. Свистки прогнали несчастнаго, голоднаго молодого человѣка со сцены.

Оставшись безъ куска хлѣба, онъ какъ-то раздобылъ себѣ мѣсто помощника начальника маленькой станцiи.

Мазантини—идолъ. Мазантини—кумиръ всей Испанiи— маршировалъ по платформѣ, провожая и встрѣчая мелькавшiе мимо поѣзда, привлекая взгляды поссажирокъ своей великолѣпной „стальной" фигурой, своимъ благороднымъ красивымъ лицомъ.

Быть-можетъ, эти взгляды, полные восхищенія, и подали ему мысль:

— А почему бы мнѣ не сдѣлаться кумиромъ толпы?

Онъ бросилъ мѣсто, принялся отращивать себѣ косичку и однажды, безъ всякихъ приготовленій, вышелъ на арену — панъ или пропалъ, — безстрашно сталъ противъ быка и убилъ его ударомъ, полнымъ красоты и силы.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ первымъ торреадоромъ Испаніи.

Торреадоры не учатся.

Это вопросъ смѣлости и красоты.

Если вы находите въ себѣ смѣлость красиво наклониться надъ рогами быка, погружая ему въ шею шпагу, вы — эспада.

Какъ поэтами — торреадорами родятся.

Я видѣлъ знаменитаго Гверрерито въ жизни.

Это тюфякъ, обходящійся безъ помощи носового платка. Онъ говоритъ на жаргонѣ рабочихъ, невѣроятно грубъ, ни въ одномъ его жестѣ нѣтъ признака изящества.

Но когда онъ затягивается въ свой зеленый шелковый костюмъ, лихо вскидываетъ на лѣвое плечо расшитый золотомъ плащъ и, подходя къ ложѣ президента боя, жестомъ, полнымъ королевскаго величія, едва приподнимаетъ бархатную треуголку, — съ него можно рисовать картину.

Это настоящая, истинная, до глубины души артистическая натура.

Опасность и толпа его перерождаютъ.

И можете себѣ представить разочарованіе людей, искавшихъ знакомства великолѣпнѣйшаго артиста и встрѣчавшихъ въ жизни грязнаго и глупаго хама.

Впрочемъ, одни ли торреадоры таковы въ артистическомъ мірѣ.

Знакомства торреадоровъ ищутъ, какъ вообще ищутъ знакомства артистовъ.

По окончаніи боя, на дворикѣ, залитомъ кровью, заброcанномъ выпущенными лошадиными внутренностями, среди труповъ запоротыхъ клячъ, эспада едва успѣваетъ отвѣчать на рукопожатія „новопредставленныхъ".

— Донъ такой-то!

— Маркизъ такой-то!

— Грандъ такой-то!

Мазантини отвѣчаетъ на это величественно. Удостоиваетъ.

Бомбита-Чико пріятельски хлопаетъ по рукѣ, съ видомъ добраго малаго, готоваго хоть сейчасъ пойти и выпить на ты.

Кванита обѣими руками пожимаетъ руку носителя громкаго титула:

— Я такъ счастливъ! Я такъ польщенъ! Простите, я васъ, кажется, испачкалъ, у меня руки въ крови!

Хоръ со всѣхъ сторонъ твердитъ:

— Вы играли сегодня великолѣпно!

— А вашъ второй быкъ! Какой ударъ!

— Изумительно!

Мазантини цѣдитъ сквозь зубы, едва наклоняя свой стройный станъ:

— Вы слишкомъ добры!

Мальчишка Бомбита-Чико съ сіяющими глазами и радостно возбужденнымъ лицомъ спрашиваетъ:

— Правда, хорошо? Правда, хорошо?

Кванита, третья знаменитость Испаніи, весь изгибается:

— О сеньоръ!.. О сеньоръ!.. Мнѣ такъ лестно слышать это отъ васъ.

За этими кровавыми кулисами, какъ и за всякими:

— Мы, бѣдные артисты, зависимъ отъ всякой скотины! — какъ объяснялъ мнѣ одинъ знаменитый артистъ,

когда я спрашивалъ, какой чортъ заставляетъ его вожжаться съ купцами.

Какъ у насъ съ артистами, въ Испаніи познакомиться съ торреро считается за честь, а ужъ попьянствовать— за счастье.

Каждый поклонникъ, глядя на торреро, думаетъ:

„Вотъ бы хорошо съ нимъ выпить!"

И въ Испаніи поклонники такъ же спаиваютъ торреадоровъ, какъ у насъ талантливыхъ артистовъ.

— Я знакомъ съ Мазантини!—это звучитъ такъ же, какъ:

— Я знакомъ съ Мазини.

Когда старшій Бомбита былъ раненъ въ Мадридѣ, инфанта Изабелла присылала освѣдомляться объ его здоровьѣ.

Знакомства Мазантини ищутъ особенно. Онъ самый развитой и образованный изъ торреро. Говоритъ, кромѣ испанскаго языка, по-итальянски и по-французски.

Онъ вращается въ обществѣ аристократическихъ поклонниковъ.

Маленькая деталь. Мазантини большой другъ съ Баттистини. Знаменитый баритонъ поетъ торреадора въ „Карменъ", въ костюмѣ, который подарилъ ему Мазантини. Настоящій костюмъ, въ которомъ „игралъ" настоящій торреро, съ настоящимъ краснымъ плащомъ, на которомъ остались настоящіе слѣды настоящей крови настоящаго быка.

Ничего болѣе настоящаго нельзя придумать!

Жизнь торреадора проходитъ на рогахъ у быка.

Каждый разъ, „играя", онъ чувствуетъ, какъ рогъ скользитъ у него около груди, около живота.

Наклоняясь, чтобъ всадить шпагу по самую рукоятку, онъ чувствуетъ рога около реберъ.

Моментъ отдѣляетъ его отъ вѣчности.

Моментъ, въ который замираетъ циркъ, — чтобъ разразиться бѣшеными аплодисментами, если это было красиво.

Чтобъ разразиться ураганомъ свиста, если поза, жестъ были „не скульптурны".

Какъ они не боятся?

Весь вопросъ этой безумной смѣлости — вопросъ азарта.

Въ день „играютъ" два, три, на большихъ torridas— четыре эспада.

Они убиваютъ быковъ по очереди.

Но разъ выйдя на арену, эспада уже съ нея не сходитъ.

Онъ „играетъ" съ чужими квадрильями.

Онъ дразнитъ чужихъ быковъ то какъ простой торреадоръ, то превращается въ бандерильеро.

То дразнитъ быка плащомъ, то втыкаетъ ему стрѣлы.

Но онъ все время остается около быка. Все время вертится передъ рогами. Все время рискуетъ жизнью.

Если уйти съ арены, если дать нервамъ отдыхъ, — можетъ охватить страхъ.

Бой быковъ начинается въ четыре часа и кончается въ шесть.

Эти два часа, безъ передышки и безъ перерыва, эспада играетъ жизнью.

Опасность должна смѣняться опасностью, чтобъ не было времени опомниться.

Опасность должна быть ежесекундная, чтобъ поднять нервы, чтобъ напрячь вниманіе до послѣдней крайности, чтобъ войти въ бѣшеный азартъ.

Быкъ, кинувшійся на Конхито, распоролъ ему ногу.

Вся квадрилья кинулась къ упавшему эспада, но онъ вскочилъ, вырвался и кинулся къ быку.

Торреадоры и бандерильеры бросились за нимъ, схватили его за руки, потащили съ арены.

Но онъ вырывался, отпихивалъ, дрался.

Кровь хлестала у него изъ ноги.

Циркъ сошелъ съ ума и оралъ:

— Ole!

При видѣ этого истекающаго кровью человѣка, который рвется сражаться.

И Конхито вырвался у квадрильи. Ему подали шпагу и плащъ.

Онъ сталъ противъ быка. Но зашатался.

Быкъ наклонилъ голову, чтобъ снова взять его на рога.

Въ ту же минуту „пунтильеро“, на обязанности котораго лежитъ доканчивать быка, подкрался къ быку сзади и всадилъ кинжалъ въ затылокъ.

Быкъ рухнулъ, какъ подкошенный.

Рухнулъ въ ту же минуту и Конхито.

Отъ потери крови онъ былъ безъ чувствъ.

Его унесли замертво съ арены.

Рана оказалась глубиною въ шесть сантиметровъ.

Кванита былъ болѣе счастливъ. Быкъ его только измялъ.

Онъ попалъ между широко разошедшимися рогами и закувыркался въ воздухѣ.

Три раза взлеталъ онъ на воздухъ подъ могучими ударами разъяреннаго быка.

Пока не рухнулъ на землю.

Торреадоры плащами отвлекли быка.

Кванита вскочилъ и потребовалъ шпагу.

Весь костюмъ на немъ былъ разодранъ.

Двое торреадоровъ уцѣпились за него.

Публика вопила:

— Не надо! Не надо!

Кванита съ перекосившимся не то отъ страданья, не то отъ бѣшенства лицомъ отбивался отъ торреадоровъ.

Вырвался, схватилъ шпагу и кинулся къ быку.

Это была одна изъ самыхъ бѣшеныхъ атакъ, какую я видѣлъ.

Онъ забылъ всякую осторожность и кинулся такъ, чтобъ весь циркъ закричалъ отъ ужаса.

Въ ту минуту, какъ наклонился, всаживая шпагу, снова между рогами быка, — казалось, что онъ снова на рогахъ.

Но ударъ былъ великолѣпенъ. Пробилъ сердпе.

Быкъ упалъ сразу мертвый. И на него же безъ чувствъ повалился Кванита.

Циркъ ревѣлъ, опьяненный такой храбростью, такимъ мужествомъ, такой красотой безумно дерзкаго жеста.

Въ такія минуты и создается слава, настоящая слава,— слава „великаго“ торреадора.

Но вотъ однажды, въ одинъ скверный день, торреадоръ, въ самую минуту „борьбы своей кровавой“, вдругъ вспоминаетъ, что у него есть животъ.

Странно! До сихъ поръ онъ никогда объ этомъ не думалъ. Но въ эту минуту ему вдругъ почему-то вспомнилось!

— А вдругъ въ животъ!

И съ этой именно минуты карьера торреадора кончена.

Торреадоръ „начинаетъ портиться съ живота“.

Онъ начинаетъ бояться за свой животъ. Онъ начинаетъ прятать животъ отъ роговъ быка. Онъ начинаетъ слегка сгибаться.

И конецъ пластикѣ.

Если вы хотите видѣть ударъ, полный невѣроятной красоты, граціи, — ударъ, котораго, говорятъ знатоки, не повторится, быть-можетъ, столѣтіе, — бросайте всѣ свои дѣла и летите, летите въ Испанію.

Стальная фигура „самого“ Мазантини чуть-чуть погнулась.

Чуть-чуть, еле-еле.

Но крошечное уклоненіе есть.

И, расходясь съ боя, испанцы хитро подмигиваютъ:

— А животъ-то сталъ прятать!

Онъ уже ѣздилъ на гастроли въ Мексику. Плохой знакъ!

Это то же, что знаменитая французская артистка.

Поѣхала на гастроли за границу. Значитъ, — начала стариться для Парижа.

Грубая мексиканская публика не такъ требовательна, какъ утонченная испанская.

Быкъ убитъ. Что и требовалось доказать.

Она не требуетъ такой строгости и красоты линій.

Почему именно за животъ просыпается у торреадоровъ такая нѣжная боязнь?

Они боятся за животъ, какъ мыслитель боялся бы за голову.

Это источникъ ихъ главныхъ наслажденій.

Хорошо пить, хорошо ѣсть — два главныхъ наслажденіе такого мясника.

Отъ кутежей, отъ обѣдовъ и ужиновъ съ поклонниками у нихъ растетъ въ объемѣ животъ.

И любители боя быковъ съ грустью замѣчаютъ про торреро:

— Увеличивается животъ. Конецъ пластикѣ. Скоро начнетъ бояться.

Сначала легкій, — изгибъ стана, при пропускѣ мимо быка, — дѣлается все замѣтнѣе, все сильнѣе.

Эспада начинаетъ „кланяться“ быку.

— Животъ! Животъ! — съ хохотомъ и свистомъ оретъ весь циркъ.

И бѣдный эспада въ одинъ прекрасный день, „поклонившись“ послѣднему быку въ своей жизни, приходитъ домой, отрѣзаетъ свою косичку и даритъ ее матери, женѣ или любовницѣ.

Это значитъ

— Кончилъ карьеру

Больше онъ не торреадоръ.

Мать, жена или любовница относятъ эту косичку къ статуѣ Мадонны, которую они умоляли въ страшные „отъ четырехъ до шести“ спасти и внушить мысль бросить опасное ремесло.

— Ты услышала наши молитвы!

И косичка вѣшается около статуи Святѣйшей Сеньоры Нашихъ Надеждъ.

Меня страшно интересовали кровавыя кулисы цирка.

Эти покрытыя кровью кулисы такъ похожи на всѣ кулисы всего міра, покрытыя только пылью и только грязью.

Съ уходомъ Гверрерито, и если умрутъ Антоніо Монтесъ и старшій Бомбита, — въ Испаніи остается четыре великихъ эспада: Мазантини, Бомбита-Чико, Кохито и Кванита.

Это четыре совершенно различныхъ таланта.

Отъ манеры убивать до манеры кланяться, — у каждаго масса особенностей, своихъ собственныхъ, только ему принадлежащихъ.

Мазантини — эспада-классикъ.

Онъ Геннадій Несчастливцевъ,—когда „артистъ былъ гордъ“.

Эспада послѣ блестящаго удара безъ шляпы обходитъ гремящую аплодисментами арену.

Ему кидаютъ шляпы, палки, сигары.

Шляпы и палки онъ кидаетъ очень ловкимъ и полнымъ красоты жестомъ назадъ, сигары величественно передаетъ идущему за нимъ простому торреадору.

Прежде увлеченные зрители кидали драгоцѣнныя булавки изъ галстуковъ, золотые портсигары, часы.

Со времени денежнаго кризиса летятъ однѣ сигары. И то недорогихъ сортовъ.

Эспада отвѣчаетъ на оваціи, поднимая къ толпѣ обѣ руки.

И въ этомъ жестѣ сказывается весь эспада.

Мазантини дѣлаетъ этотъ жестъ со спокойной и снисходительной улыбкой, словно хочетъ сказать:

— Ну, вотъ я! Вотъ! Чего вы еще хотите!

Мальчишка Бомбита, — этотъ Кинъ среди эспада, — радъ и счастливъ.

Онъ протягиваетъ обѣ руки обожающей его толпѣ, словно своимъ друзьямъ, хохочетъ во всю свою веселую рожу, скалитъ зубы, киваетъ головой.

Словно хочетъ крикнуть:

— Правда, отлично? Я, чортъ побери, самъ доволенъ своей работой!

Это веселый, молодой талантъ.

Кванита — карьеристъ. Одинъ изъ тѣхъ новыхъ артистовъ, которые околачиваютъ пороги редакцій, цѣнятъ, любятъ и умѣютъ увеличивать свой успѣхъ.

Что дѣлается съ нимъ при аплодисментахъ толпы.

Онъ становится на цыпочки. Его лицо расплывается въ улыбку безпредѣльнаго счастья.

Онъ закрываетъ глаза, чтобъ просмаковать наслажденіе.

Онъ замираетъ въ этой позѣ съ вытянутыми руками.

Весь стремленіе, весь замершее движеніе впередъ.

Словно хочетъ сказать:

— Такъ и полетѣлъ бы и расцѣловалъ бы васъ всѣхъ.

И никто, какъ онъ, не умѣетъ продлить удовольствіе.

Никто, какъ онъ, не умѣетъ подогрѣть толпу, не дать охладѣть аплодисментамъ.

Едва аплодисменты начинаютъ стихать — онъ снова въ позѣ балерины, желающей упорхнуть на небо.

И снова буря аплодисментовъ разрастается новыми громами.

Кванита знаетъ свое дѣло.

Мазантини — геній въ своемъ ужасномъ, въ своемъ кровавомъ искусствѣ.

Медленно и величественно, прямой и высокій, легкой и элегантной поступью онъ приближается къ быку.

Красивымъ жестомъ выкидываетъ свой красный плащъ и, едва шевеля пальцами, заставляетъ его трепетать на солнцѣ.

И когда разъяренный быкъ кидается, — Мазантини спокойно дѣлаетъ шагъ назадъ и пропускаетъ быка, словно любезно даетъ дорогу проходящей мимо дамѣ.

Никогда, въ минуту смертельной опасности, онъ не крикнетъ торреадорамъ:

— Guerra! Guerra!

„Дразните! Отвлекайте быка“.

Онъ повелѣваетъ взглядомъ и легкимъ движеніемъ руки:

— Отойди!

— Приблизься!

— Отвлеките быка!

Улыбка не покидаетъ его устъ. Спокойная, любезная, чуть-чуть высокомѣрная.

Онъ не играетъ съ быкомъ. Онъ гипнотизируетъ его своимъ плащомъ.

Самое страшное, что онъ дѣлаетъ, — это когда Мазантини закрываетъ себѣ грудь краснымъ плащомъ и зоветъ быка прямо на себя.

Быкъ, который стоитъ въ двухъ шагахъ, кидается.

Циркъ ахаетъ отъ ужаса.

Но Мазантини сдѣлалъ во-время шагъ назадъ, улыбаясь глядитъ вслѣдъ пролетѣвшему быку и двумя пальцами держитъ въ воздухѣ красный плащъ.

Это элегантно до нельзя!

Наконецъ, быкъ окончательно разъяренъ этимъ краснымъ плащомъ. Быкъ ничего не видитъ, кромѣ краснаго плаща.

Мазантини „пробуетъ“ быка.

Поднимаетъ плащъ, и быкъ поднимаетъ голову. Опускаетъ, и опускается голова быка.

Быкъ словно загипнотизированъ.

Мазантини опускаетъ плащъ до самой земли.

Быкъ наклоняетъ голову, чтобъ поднять плащъ на рога, подставляя шею для удара.

Мазантини нацѣлился.

Плащъ дрогнулъ. Быкъ ринулся съ опущенными рогами.

И вся великолѣпная фигура Мазантини наклонилась между рогами быка.

Ревъ вырывается у всего цирка.

Быкъ падаетъ на колѣни. Кровь хлыщетъ у него изо рта.

Словно страшный бантъ, красная рукоятка въ его шеѣ. Только она видна: вся шпага въ тѣлѣ.

Мазантини никогда не унизится до игры съ умирающимъ врагомъ.

Онъ стоитъ холодный и спокойный, какъ передъ трупомъ противника, убитаго на дуэли.

И когда быкъ валится на бокъ,—только взглядываетъ на „пунтильеро".

— Добей!

И отходитъ такъ же медленно, величественно и элегантно, какъ подошелъ.

Что бы тамъ ни говорили, но королемъ торреро остается Мазантини.

А говорятъ про него:

— Холоденъ

Истинный любимецъ испанской публики сейчасъ Бомбита-Чико.

„Маленькій Бомбита".

Публика кричитъ ему:

— Чикиджа! Чикитто!

„Малютка! Крошка!"

И любитъ его безъ памяти. Каждый его удачный ударъ вызываетъ взрывъ радости у всѣхъ.

Это прелестный мальчишка. Отлично сложенный. Маленькій, вертлявый, граціозный. Со смѣющейся мордочкой. Ясными задорными глазами. Съ вѣчно оскаленными, великолѣпными зубами.

Онъ даже съ быкомъ играетъ, какъ съ пріятелемъ.

Если вы слышите, что гробовая тишина смѣняется воплемъ восторга и снова гробовой тишиной, — это значитъ, что „играетъ“ „чикиджа“.

Этотъ веселый бѣсенокъ носится передъ быкомъ, завернувшись въ красный плащъ.

У него есть свои „трюки“, страшно опасные, имъ изобрѣтенные.

Поднимая плащъ, онъ заставляетъ прыгать быка. И десятокъ разъ гробовая тишина смѣняется бѣшенымъ „olе“.

У быка бьетъ пѣна изо рта. Быкъ осатанѣлъ.

А „чикиджа“ наклоняется, чтобъ погладить его по мордѣ. Вдругъ схватываетъ его за рога и не отпускаетъ.

Въ концѣ концовъ, это становится страшно.

— Mata! Mata! — кричитъ циркъ.

„Бей! Бей!“

Но ударъ — самое слабое мѣсто Бомбита-Чико.

Онъ слишкомъ малъ, чтобъ нанести величественный ударъ, какъ Мазантини.

Онъ долженъ подпрыгнуть, чтобъ всадить шпагу подъ рукоять.

А это сдѣлаетъ его похожимъ на бандерильеро. Это уже не великолѣпный ударъ эспада.

И Бомбита-Чико вертится почти на рогахъ у быка, чтобъ этимъ безуміемъ искупить, быть-можетъ, некрасивый послѣдній ударъ.

— Довольно! Довольно! Убивай! — кричитъ измученный циркъ.

— Убивай! Перестань! — кричитъ ему вся квадрилья.

— Убивай! — въ ужасѣ кричатъ товарищи изъ-за барьера.

Президентъ боя машетъ изъ ложи платкомъ:

— Убивай же

Бомбито-Чико подлетаетъ на воздухѣ.

Въ этотъ моментъ онъ похожъ на Меркурія, несущагося на землю.

И шпага впилась въ шею ревущему, стонущему, мечущемуся быку.

Циркъ реветъ отъ радости, что уцѣлѣлъ любимецъ. Пусть ударъ былъ не по всѣмъ правиламъ, но онъ былъ такъ красивъ!

Конхито, тоже знаменитость, и превосходный эспада, самая блѣдная изъ фигуръ испанскаго цирка.

Храбръ онъ?

Какъ Бомбита-Чико.

Бьетъ по правиламъ?

Какъ самъ Мазантини.

Онъ напоминаетъ тѣхъ добросовѣстныхъ артистовъ, которые все играютъ прекрасно, но ничего блестяще.

— Ахъ, добросовѣстность! Смертный приговоръ тамъ, гдѣ нуженъ талантъ! — говорилъ мнѣ одинъ артистъ.

Конхито дѣлаетъ то же, что дѣлаютъ всѣ.

Но въ немъ нѣтъ блеска Мазантини и веселья „чикиджа“.

Онъ пропускаетъ мимо себя быка, но не съ той элегантной вѣжливостью, какъ Мазантини. Онъ играетъ съ быкомъ, но это его не забавляетъ, какъ Бомбита-Чико.

Онъ не король и не мальчишка. Онъ ремесленникъ въ искусствѣ убивать.

Превосходный ремесленникъ. Почти художникъ.

Но только почти...

Англичане, сидѣвшіе рядомъ со мной, были въ восторгѣ отъ Конхито:

— Какое спокойствіе! Вотъ это торреадоръ!

Испанцы аплодируютъ вяло и не прощаютъ ни одного некрасиваго движенія, свистя такъ, какъ они никогда не свищутъ Мазантини и Чико.

Холодному и жестокому народу можетъ понравиться этотъ убійца, но не пылкому и увлекающемуся народу—артисту, любящему блескъ, красоту позы, требующему отъ храбрости еще и ослѣпительной бравады.

Я видѣлъ дуэль, настоящую дуэль между Квинита и Бомбита-Чико.

Въ знаменитыхъ коридорахъ на ярмаркѣ, въ Севильѣ, должны были принимать участіе четыре эспада.

Но Антоніо Монтесъ былъ запоротъ раньше. Конхито — быкъ запоролъ въ первый же день. Остались Чико и Квинита.

Каждому вмѣсто двухъ по четыре быка въ день.

Билъ Бомбито-Чико. Билъ Квинита.

Но публика неистовствовала отъ восторга, когда убивалъ Чико. И просто аплодировала самымъ блестящимъ побѣдамъ Квинита.

Въ этомъ артистѣ-карьеристѣ, искательномъ и жаждущемъ успѣха, есть что-то не располагающее сердца зрителей.

Онъ сгоралъ отъ ревности.

Чего-чего не дѣлалъ онъ. Жизнь его висѣла на волоскѣ каждую секунду.

Онъ ставилъ ее на рискъ невѣроятный.

И ни разу, ни разу ему не удалось добиться отъ толпы того, что лучше всякаго урагана аплодисментовъ,—момента мертваго молчанія. Когда сердца всей толпы бьются и замираютъ въ одинъ тактъ съ сердцемъ артиста.

Онъ игралъ съ быками какъ никто.

Заставлялъ быка гнаться за собой полъ-арены, но гнаться такъ, что его пятки почти касались морды быка.

А Квинита въ это время, повернувъ голову, со смѣхомъ смотрѣлъ на „торо“.

Онъ садился на стулъ и ждалъ быка, чтобъ воткнуть ему бандерильи.

Три убитыхъ имъ быка были великолѣпными ударами.

Но ни разу громъ аплодисментовъ не смѣнился гробовой тишиной, и гробовая тишина вновь ураганомъ аплодисментовъ, какъ во время „игры“ Чикитто.

Артистъ не могъ „захватить“ публики.

Наконецъ, на четвертомъ быкѣ Квинита рискнулъ на то, на что не рискуетъ ни одинъ артистъ.

Онъ взялъ чужіе трюки.

— А! Вамъ нравится, какъ играетъ съ быкомъ Чикитто! Вамъ нравится, какъ бьетъ Мазантини

Онъ рѣшилъ дать сразу и Мазантини и Бамбита-Чико.

Это было самое ужасное, что только я видѣлъ на боѣ быковъ.

Добрыхъ десять минутъ этотъ человѣкъ, ища аплодисментовъ, былъ буквально въ пасти у смерти.

Не обладая юкой фигурой Чико, онъ выдѣлывалъ съ быкомъ всѣ тѣ безумства, которыя дѣлаетъ тотъ.

Онъ довелъ-таки публику до ужаса, и она завопила ему, какъ Чикита:

— Mata! Mata!

И онъ заставилъ ее замереть и замолкнуть въ ужасѣ, когда нанесъ „ударъ Мазантини“.

Лучше, чѣмъ Мазантини! Онъ нанесъ ударъ только тогда, когда рога были у него подъ мышками.

Ледъ былъ сломанъ.

Циркъ дрогнулъ отъ рукоплесканій.

Овація была бѣшеная.

Квинита обходилъ арену, блѣдный, какъ полотно, какъ смерть, но, улыбаясь сладкою улыбкой на дро-

жащихъ губахъ, — кланяясь, протягивая къ публикѣ руки, подогрѣвая овацію, дѣлая ее безконечной!

Бомбита приступилъ къ своему послѣднему быку.

А Квинита все еще ходилъ и раскланивался, вымаливая новыхъ аплодисментовъ.

Быкъ поролъ лошадей, кидалъ за барьеръ торреадоровъ, носился мимо него.

Публика кричала ему:

— Берегись! Берегись!

А онъ все еще ходилъ и кланялся, подогрѣвая овацію, вымаливая новые аплодисменты.

Такъ люди заняты вопросами самолюбія даже въ двухъ шагахъ отъ смерти.

Какое забавное животное человѣкъ!

Игра жизнью.

Первый весенній бой быковъ. Цѣлыхъ два дня праздника!

Это началось въ Страстную субботу

Въ пять часовъ вечера вся Севилья, — все, что есть богатаго, бѣднаго, наряднаго, убогаго, — ѣхало, шло, летѣло, тащилось за городъ посмотрѣть быковъ, предназначенныхъ для боя въ Свѣтлое Христово Воскресенье.

Передъ закатомъ небо окрасилось въ нѣжные зеленоватые тона. Легкими воздушными, призрачными розовыми полосами плавали облака.

Трава издавала сильный запахъ, вкусный и опьяняющій, какъ молодое вино.

Кругомъ стелились луга.

За загородкою, окопанной широкой канавой, паслись быки.

Ихъ хозяинъ, донъ-Карлосъ де Отаола, бравый старый испанецъ, съ великолѣпными усами, ходилъ среди публики и принималъ поздравленія.

— Превосходные быки!

Настоящія чудовища.

Какіе-то огромные четвероугольные ящики на крѣпкихъ и могучихъ ногахъ. Съ головами мамонта. Съ рогами, какъ бивни слоновъ.

И тихій печальный звонъ неумолчно раздавался надъ стадомъ.

Звонъ огромныхъ колоколовъ подъ шеей у каждаго быка.

Словно звонятъ къ траурной мессѣ по самимъ себѣ.

Вокругъ все было загромождено щегольскими экипажами, колясками, брэками. Обмахиваясь вѣерами, въ черныхъ мантильяхъ, — севильянки щебетали, какъ птицы, болтали, смѣялись, принимали визиты.

Словно стая черныхъ птицъ слетѣлась на лугъ въ ожиданіи бойни.

Гарцовали кабаллебро. Испанцы, дѣйствительно, красавцы-наѣздники. На великолѣпныхъ андалузскихъ лошадяхъ.

— Монтесъ! Монтесъ!

Всѣ взоры обратились на молодого человѣка, который легкой, граціозной походкой подходилъ къ загородкѣ посмотрѣть на быковъ.

Въ черной шляпѣ, въ короткой курткѣ, въ сильно вырѣзанномъ жилетѣ, безъ галстука. Рубашка была застегнута двойными запонками изъ крупныхъ брильянтовъ.

Брильянты горѣли въ воротникѣ, на груди.

Это былъ Монтесъ, восходящее свѣтило торреадоръ. Любимецъ знати, любимецъ нищаго предмѣстья Тріана, откуда онъ вышелъ, любимецъ женщинъ, — любимецъ всей Севильи.

Онъ любезной улыбкой, не дотрогиваясь до шляпы, отвѣчалъ на поклоны со всѣхъ сторонъ и, рисуясь, красивый, смотрѣлъ на быковъ.

Рядомъ со мной молодая англичанка щелкала кодакомъ, снимая стадо и толпу.

— Сударыня, — обратился я къ ней, — смотрите — торреадоръ!

Она покраснѣла отъ радости.

— Торреадоръ? Благодарю васъ!

И навела свой кодакъ.

Монтесъ оглядѣлъ ее, — она была очень элегантна,— благосклонно улыбнулся, кивнулъ головой и позволилъ себя снять.

Онъ стоялъ молодой, здоровый, рисующійся, полный сознанія своей красоты, силы и успѣха.

Думалъ ли онъ, что завтра въ это время будетъ лежать раненый насмерть?

Что этотъ черный быкъ, единственный черный, безъ отмѣтинъ быкъ въ стадѣ, — его судьба!

Вечеръ, теплый и мягкій, сходилъ на землю. Изъ апельсинной рощи неподалеку вѣтеръ приносилъ сладкій ароматъ распукающихся цвѣтовъ.

А толпа все не расходилась, любуясь на быковъ, обсуждая ихъ достоинства, предвкушая наслажденіе, которое они доставятъ завтра.

Словно стая щебечущихъ птицъ, слетѣвшаяся на зеленый лугъ.

Солнце заливало циркъ и четырнадцатитысячную толпу, которою чернѣли его ступени.

Сверкали бѣлыя мантильи дамъ. Тамъ, здѣсь зеленымъ, краснымъ, желтымъ, оранжевымъ пятномъ горѣли на солнцѣ шелковыя шали въ ложахъ. Словно стаи огромныхъ бабочекъ, облѣпили черныя ступени цирка и трепетали на солнцѣ своими разноцвѣтными крыльями вѣера севильянокъ.

Толпа галдѣла, шумѣла, кричала, хохотала, аплодировала и свистала.

Словно ревъ моря, то набѣгающаго, то убѣгающаго отъ берега.

Бой былъ трудный.

Самому великому Бомбита, лучшему изъ торреадоровъ Испаніи, — изъ пяти не удался ни одинъ быкъ, ни одинъ ударъ.

14,000 свистковъ сыпалось на его голову.

На его бритомъ, бабьемъ лицѣ было написано раздраженіе, злость невѣроятная.

Онъ страдалъ ужасно. Подъ дождемъ, подъ градомъ свистковъ.

Старался вызывающе, презрительно смотрѣть на свиставшую толпу, — дѣлалъ ей знаки:

— Сейчасъ! Сейчасъ!

Съ бѣшеной злостью всаживалъ шпагу въ шею быку.

И снова свистъ, ураганъ свиста поднимался надъ циркомъ и падалъ на голову бѣднаго торреадора.

Онъ не могъ нанести смертельнаго удара.

Быкъ съ торчащей въ шеѣ шпагой — снова кидался на матадоровъ.

И циркъ ревѣлъ:

— Ole, toro!

„Браво, быкъ!“.

Донъ-Кáрлосъ де Отаола, сіяющій, ликующій, раскланивался, какъ авторъ, какъ композиторъ, какъ творецъ, изъ ложи алькада, прижимая шляпу къ сердцу. И едва успѣвалъ отвѣчать на рукопожатія приходившихъ въ ложу поздравить его съ успѣхомъ.

— Браво, быкъ! Браво, быкъ!—гремѣло надъ циркомъ.

— Сегодня день быковъ! — съ досадой воскликнулъ мой сосѣдъ, офицеръ-кавалеристъ.

Антоніо Монтесъ палъ на первомъ же быкѣ.

Быкъ попался „весельчакъ“.

Онъ рѣшилъ поиграть передъ смертью.

Правда, онъ долго не хотѣлъ выходить на арену.

Но зато когда вышелъ, — вышелъ!

— Такъ и слѣдуетъ! Такъ и слѣдуетъ! — съ восторгомъ пояснялъ мнѣ любезный сосѣдъ, путаясь во французскомъ языкѣ: это щенокъ, а не быкъ, который выбѣгаетъ сразу... Но быкъ, который быкъ... Вы понимаете?.. Быкъ, который знаетъ, что такое быкъ... Ну, словомъ... Быкъ! Быкъ не охотно идетъ! Зато!..

Сторожа долго кричали, вопили, махали шляпами, хлопали ладонями по открытой двери, — пока быкъ, „понимавшій свое дѣло“, соблаговолилъ появиться.

Выбѣжавъ, онъ остановился, какъ вкопанный, какъ статуя.

Красавецъ, съ крутой шеей, съ огромнымъ зобомъ, съ колоссальными рогами, которые, извиваясь, расходились далеко другъ отъ друга.

Остановился, ослѣпленный солнцемъ, оглушенный ревомъ.

Онъ какъ будто говорилъ:

— Постойте! Постойте! Дайте разобраться, въ чемъ тутъ дѣло.

Вдали какіе-то пестрые люди преглупо прыгали и пренадоѣдливо махали какими-то цвѣтными плащами.

— А! Вы вотъ какъ!

Быкъ нагнулъ голову, заревѣлъ и огромными прыжками ринулся на нихъ.

— Прежде всего ихъ нужно всѣхъ перепороть!

Разъ... два... три... Нѣсколько моментовъ — и ни одного изъ этихъ надоѣдливыхъ пестрыхъ людей не осталось на аренѣ.

Всѣ поскакали за барьеръ.

Хохотъ всего цирка, — и быкъ сразу сдѣлался любимцемъ публики.

— Браво, быкъ!

Онъ глядѣлъ недоумѣвающе, поворачивая голову во всѣ стороны:

— Куда жъ они, чортъ ихъ возьми, подѣвались? Сейчасъ здѣсь были. Не успѣлъ боднуть, — словно черти исчезли.

Въ это время около хлопнулъ плащъ.

Быкъ оглянулся, кинулся.

Справа закрутился другой, слѣва третій... четвертый... пятый...

Быкъ кидался за однимъ, бросалъ, кидался на другого.

Embarras de richesses!

У быка, вѣроятно, закружилась голова.

Котораго бодать? Всѣ, кажется, вотъ-вотъ висятъ на рогахъ. И никого!

Среди этой свалки, сумятицы, прыжковъ взадъ, впередъ, направо, налѣво, — быкъ вдругъ увидалъ передъ собою лошадь.

— А-а!

Быкъ нагнулъ голову, скакнулъ.

— Ole! — завопилъ весь циркъ

Лошадь съ завязанными глазамм стояла только на переднихъ ногахъ. Заднія ноги трепыхались надъ головою быка.

Быкъ всадилъ ей рогъ въ пахъ и крутилъ, крутилъ головою, разворачивая ей внутренности.

Пикадоръ напрасно все глубже и глубже всаживалъ ему въ спину копье.

Быкъ все ворочалъ, ворочалъ, ворочалъ головой, словно ввинчивалъ рогъ въ трепыхавшуюся лошадь.

И лошадь и пикадоръ полетѣли кувыркомъ.

Свистъ, отчаянный свистъ пикадору охватилъ весь циркъ.

Лошадь, вытянувъ морду, оскаливъ зубы, съ вылѣзшими изъ орбитъ глазами, билась въ судорогахъ на землѣ и дрыгала ногами. Кровь цѣлымъ ручьемъ такъ и хлестала, такъ и хлестала изъ совершенно раскрытаго живота.

Подбѣжавшій конюхъ срѣзалъ ей чолку, чтобъ было удобнѣе, и всадилъ въ голову кинжалъ.

И пока онъ умѣлой рукой все глубже и глубже погружалъ кинжалъ, судорожныя движенія лошади становились все тише и тише. Она успокоивалась, больше не билась, — она только тихо трепетала ногами.

Словно говорила:

— Вотъ такъ... Вотъ такъ... Глубже... Еще... Такъ мнѣ легче... Мнѣ легче...

Вздохнула, дернулась и затихла. Околѣла.

А по аренѣ, широко разставивъ ноги, невѣрными прыжками, дрожа, шатаясь, скакала другая запоротая лошадь.

Бѣлыя внутренности, окрашенныя въ розоватый цвѣтъ струйками крови, болтались у нея подъ животомъ.

Она упала.

„Весельчакъ"-быкъ запарывалъ третью лошадь, изъ которой хлестала грязная, мутная кровь.

И весь циркъ свисталъ, оглушительно свисталъ пикадорамъ, которыхъ едва успѣвали выхватывать изъ-подъ роговъ быка.

Конюхи, немилосердно колотя палками, вытаскивали на арену новыхъ лошадей.

Быкъ съ красными рогами, съ окровавленной мордой кидался на матадоровъ.

По его израненной, изодранной пиками спинѣ лились потоки крови. Кровь струилась, рдѣла, горѣла на солнцѣ.

Красныя пятна покрывали желтый песокъ арены.

Быку подвернулся трупъ лошади. Онъ, поднявъ ее на рога, бросилъ на землю, бодалъ, топталъ ногами, нюхалъ и, видя, что мертвая, бросилъ.

Пикадоры были ужъ на свѣжихъ лошадяхъ.

Повязка спала съ глазъ лошади. Она упиралась всѣми четырьмя ногами. Ее колотили палками, толкали, тащили на быка.

Публика ревѣла, свистала.

Пикадоръ сорвалъ съ себя шляпу и кинулъ въ публику.

Жестъ, который значитъ:

— Ну, теперь молитесь за меня!

Онъ всадилъ шпоры и, копье наперевѣсъ, прыгнулъ съ лошадью на быка.

— Ole! — раздался вопль.

Напрасно!

Лошадь летѣла кубаремъ, убитая однимъ ударомъ въ грудь. Пикадоръ летѣлъ черезъ нее.

Быкъ поднялъ на себя уже другую лошадь съ пикадоромъ, тоже безъ шляпы, тоже полнымъ красоты и отчаянія жестомъ бросившимъ шляпу въ публику.

Пять лошадиныхъ труповъ валялось на аренѣ.

Шестую уводили съ распоротымъ животомъ, чтобъ зашить и вывести опять.

Сигналъ трубы прекратилъ эту бойню.

И свистъ пикадорамъ затихъ.

Передъ быкомъ, словно кукла на резинкѣ, подпрыгивалъ на одномъ мѣстѣ какой-то человѣкъ, размахивая красными палочками.

Быкъ остановился, опѣшивши, и посмотрѣлъ на него внимательно и съ недоумѣніемъ:

— Что за дуракъ? И чего ему нужно!

Человѣкъ все продолжалъ подпрыгивать на одномъ мѣстѣ, словно на резинѣ.

Быкъ рѣшилъ:

— Нужно, на всякій случай, его забодать.

Нагнулъ голову, бросился — и вдругъ остановился, заревѣлъ и отчаянно замоталъ головой.

Двѣ бандерильи впились ему въ шею.

Съ языка у быка крупными каплями падала слюна и пѣна. Свѣжія струйки крови текли и рдѣли на солнцѣ.

А передъ глазами подпрыгивалъ, какъ на резинѣ, другой человѣкъ, размахивая цвѣтными палочками.

Быкъ кинулся преслѣдовать этихъ изъ земли выраставшихъ человѣчковъ.

Бандерильосы едва успѣвали всаживать свои стрѣлы, едва успѣвали увертываться, бѣжали, — быкъ преслѣдовалъ ихъ по пятамъ.

Нѣтъ, рѣшительно, публика его любила. Публика была въ восторгѣ отъ такого быка. Быкъ на рѣдкость!

— Браво, быкъ! Молодчина, быкъ!

И свистъ по адресу неловкихъ бандерильосовъ, думавшихъ уже больше о спасеніи жизни, чѣмъ объ игрѣ съ этимъ страшнымъ быкомъ.

Снова сигналъ трубы.

Циркъ радостно завопилъ:

— А-а-а!

Громъ аплодисментовъ.

Въ зеленомъ костюмѣ, сплошь зашитомъ золотомъ, появился Монтесъ.

Своей легкой, граціозной походкой онъ подошелъ къ ложѣ алькада, отсалютовалъ ему шпагой,—черезъ плечо кинулъ шляпу матадорамъ и, не торопясь, улыбающійся, красавецъ, пошелъ къ быку.

Его алый плащъ огнемъ вспыхнулъ на солнцѣ.

Они съ быкомъ стояли другъ противъ друга, лицомъ къ лицу, какъ на дуэли. Въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга.

Быкъ кинулся. Монтесъ спокойнымъ, красивымъ жестомъ поднялъ плащъ — и быкъ пролетѣлъ.

Онъ игралъ съ быкомъ.

Быкъ, какъ ураганъ, проносился мимо него, бодая плащъ. Возвращался, кидался снова — разсвирѣпѣвшій, обезумѣвшій отъ ярости.

Почти касался Монтеса рогами.

— Ole, Montes! — гремѣли аплодисменты.

Но быкъ все не наклонялъ головы, какъ слѣдуетъ, для удобнаго удара.

Но вотъ онъ, наконецъ, остановился, роя копытами песокъ, нюхая огромное кровавое пятно.

Остановился, исподлобья глядя на торреро, готовый броситься...

Въ рукѣ Монтеса сверкнула шпага.

Онъ нацѣлился.

Быкъ кинулся — и вопль ужаса вырвался у четырнадцати тысячъ человѣкъ

Монтесъ взлетѣлъ надъ головой быка. Перекувырнулся въ воздухѣ, сверкнулъ золотомъ на солнцѣ — и, какъ пластъ, шлепнулся на землю.

Сгоряча онъ было вскочилъ, — но зашатался и упалъ на руки подбѣжавшихъ матадоровъ.

Его пронесли мимо меня.

Онъ былъ безъ сознанія.

Голова запрокинута, лицо, какъ полотно, остановившіеся стеклянные глаза. Судорога муки исказила лицо.

А изъ распоротаго живота по золотому костюму лилась кровь, — точь въ точь, какъ изъ распоротаго паха лошади.

Его провожали аплодисментами.

Жидкими и снисходительными аплодисментами разочарованныхъ зрителей по поводу неудавшагося спектакля.

Жалкими аплодисментами, быть-можетъ, послѣдними въ его жизни.

Аплодировали немногіе. Большинство было занято свистомъ матадорамъ, которые измѣннически, „подло", сбоку убивали кинжалами быка.

Изо всѣхъ животныхъ только человѣкъ, приговоренный къ смерти, безъ борьбы отдаетъ свою жизнь и безъ сопротивленія идетъ на казнь.

Быкъ боролся. И умиралъ теперь подъ крики:

— Olе!

Бой продолжался безъ перерыва на секунду.

Появлялись новые и новые быки.

Но бился ужъ одинъ Бомбита.

Когда толпа выходила изъ цирка и раскупала на память окровавленныя бандерильи, — изъ отдѣленія, куда утаскиваютъ убитыхъ быковъ, и изъ отдѣленія, куда

утаскиваютъ запоротыхъ лошадей, — слышались глухіе удары топора и хрускъ костей.

Мясники и живодеры обдирали шкуры съ теплыхъ, еще дымившихся труповъ, рубили туши и развѣшивали по крючьямъ.

Завтра нищая Тріана полакомится мясцомъ!

Убито шесть быковъ и пятнадцать лошадей.

Сколько ѣды!

Монтеса отвезли домой, къ старухѣ-матери.

Телеграфъ сегодня срочными телеграммами извѣститъ всю Испанію о несчастіи.

Съ завтрашняго утра разсыльные едва будутъ поспѣвать приносить груды телеграммъ со всѣхъ концовъ страны.

Газеты всѣхъ городовъ утромъ и вечеромъ будутъ сообщать по телеграфу бюллетени объ его здоровьѣ.

Цѣлый день у дома раненаго торреадора будетъ стоять толпа, ахающая, охающая, плачущая вмѣстѣ съ его старухой-матерью и спрашивающая:

— А что, Антоніо успѣетъ поправиться къ бою быковъ во время ярмарки?

Въ отелѣ я встрѣтилъ элегантную англичанку.

Она кивнула мнѣ головой, какъ другу, и, сіяющая, возбужденная, спросила:

— Тотъ самый, котораго вы мнѣ указали вчера? Котораго я сняла?

— Тотъ самый, тотъ самый, madame!

— О, какъ мнѣ васъ благодарить! Какъ мнѣ васъ благодарить!.. Позвольте познакомить васъ съ моимъ мужемъ!

Довольно черный видъ неблагодарности.

Великолѣпный англичанинъ любезно улыбался и говорилъ, неимовѣрно коверкая слова:

— Ah! Ça amusera nos amies, ça!

Поѣздка не даромъ!

Попасть на бой, гдѣ быкъ запоролъ торреадора!

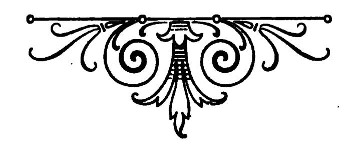
Такая удача выпадаетъ туристу не часто.

И имѣть еще фотографію запоротаго торреадора, знаменитости!

— Ah, ça amusera nos amies, ça!

Сказать по правдѣ, я самъ, въ глубинѣ души, не былъ недоволенъ, что попалъ на такое исключительное зрѣлище.

Таковъ культурный человѣкъ.

Святая недѣля въ Севильѣ *).

Какъ будто средніе вѣка тучей проходятъ надъ Севильей, — и тѣнь ихъ покрываетъ веселый, радостный, смѣющійся солнцу городъ.

Весь городъ въ траурѣ. Мужчины въ черномъ. Женщины въ черныхъ мантильяхъ имѣютъ видъ монахинь. Ни цвѣтка въ волосахъ въ эти дни печали.

Ѣзда по городу воспрещена.

Въ церквахъ молчатъ органы, молчатъ колокола.

Тамъ, здѣсь, по всему городу раздаются похоронные марши.

Отъ этого безотраднаго рыданья флейтъ и валторнъ нѣтъ спасенія, некуда бѣжать въ этомъ лабиринтѣ узенькихъ улицъ, который называется Севилья.

Изъ каждой трещины, называемой улицей, несутся эти плачущіе звуки.

Мы стоимъ на одной изъ площадей.

Изъ узенькой улицы показывается шествіе, страшное и странное въ наше время.

Сверкая на солнцѣ шлемами, латами, копьями, мечами, щитами, идетъ центурія римскихъ солдатъ.

Несутъ римское знамя.

— S. P. Q. R.

Осѣненное орломъ.

---

*) Святой недѣлей у католиковъ называется наша Страстная.

За центуріей, по два въ рядъ, съ зажженными свѣчами, идутъ „братья“, члены конгрегацій, въ длинныхъ одеждахъ, въ высокихъ остроконечныхъ колпакахъ, съ закрытыми лицами. Сквозь маленькія отверстія видны только глаза.

Они идутъ безконечною процессіей медленно, величественно, влача по мостовой свои саженные шлейфы, наклонивъ длинныя свѣчи, образовавъ надъ улицей остроконечный сводъ съ пылающимъ гребнемъ.

Это молчаливое шествіе безконечно.

Сколько ни видно вдали улицу, — по всей по ней сверкаютъ красные огоньки, въ которыхъ есть что-то зловѣщее при яркомъ свѣтѣ солнца.

Что за странное зрѣлище!

Словно насъ вернули ко временамъ святѣйшей инквизиціи — это шествіе идетъ къ пылающимъ кострамъ.

Эти „братья“ въ длинныхъ одеждахъ похожи на привидѣнія.

Словно привидѣнія среднихъ вѣковъ разгуливаютъ по Севильѣ.

Наконецъ, показываются священники, мальчики, размахивающіе кадилами.

И за ними, въ кадильномъ дыму, освѣщенная сотнями свѣчей, словно звѣздами, убранная букетами цвѣтовъ, въ длинной черной мантіи, подъ балдахиномъ, — статуя Мадонны.

Ея руки сложены съ мольбою, на прекрасномъ лицѣ скорбь и страданіе. На щекахъ, какъ брильянты—сверкаютъ слезы.

А въ глубинѣ другой улицы надъ толпою движется, за безконечной процессіей другая скульптурная группа.

Голгоѳа.

Нечеловѣческая мука на лицѣ умирающаго Христа. Потоки крови струятся по лицу, по обнаженному тѣлу, изъ пронзенныхъ рукъ, ногъ.

Раскрашенное изображеніе движется, вздрагиваетъ, и настоящій ужасъ охватываетъ васъ.

Изображеніе какъ будто подергивается въ послѣднихъ судорогахъ умирающаго, а струйки крови на дрожащемъ тѣлѣ рдѣютъ въ лучахъ заходящаго солнца.

Кровь кажется живой.

За статуей одинъ изъ истязующихъ себя братьевъ несетъ на плечѣ огромный крестъ, какъ несли его приговоренные къ казни.

У нѣкоторыхъ древко креста круглое. Тѣ, кто хочетъ истязать себя сильнѣе, несутъ кресты съ четвероугольнымъ древкомъ, съ острыми краями, чтобъ рѣзало плечо.

За священной группой идетъ военный оркестръ, наигрывая похоронные марши.

Плачутъ флейты, рыдаютъ валторны, тихо всхлипываютъ кларнеты.

И весь городъ, погруженный въ трауръ, наполненный рыдающими звуками, кажется охваченнымъ казнями и похоронами.

Процессіи движутся одна за другой безъ конца.

И куда бы ни взглянули, — вездѣ надъ толпой движутся страшныя фигуры.

Вездѣ страданіе, ужасъ, смерть, мученія и кровь, кровь, кровь безъ конца.

Здѣсь раскрашенная скульптурная группа „Бичеваніе Христа“. По другой улицѣ вамъ движется навстрѣчу изнемогшій, падающій подъ тяжестью креста, Христосъ и Симеонъ Киринеянинъ, поддерживающій крестъ.

Тамъ снятіе со креста. Измученное, окровавленное тѣло, повисшее на узкихъ бѣлыхъ полотнахъ.

Эти страшныя процессіи начинаются въ среду и кончаются въ пятницу.

Севильскій соборъ теменъ и мраченъ въ это время.

Нѣтъ ничего сумрачнѣе этого колосса во время святыхъ дней.

Всѣ алтари и окна надъ ними завѣшены темно-фіолетовыми занавѣсями.

Кой-гдѣ во тьмѣ мерцаютъ огни.

И тьма собора полна ропота и шума.

Словно волны приливаютъ и отливаютъ, шумя камешками берега.

Едва кончается служба въ одномъ придѣлѣ, начинается въ другомъ.

Толпы народа приливаютъ, отливаютъ, какъ волны, шурша по каменнымъ плитамъ.

Безпрестанно среди толпы, стоящей на колѣняхъ, съ зажженными свѣчами, съ заунывнымъ пѣніемъ въ носъ, въ траурныхъ одѣяніяхъ, переходятъ процессіи отъ алтаря къ алтарю.

Съ начала недѣли по всѣмъ перекресткамъ расклеены объявленія:

„Въ четвергъ омовеніе ногъ".

Объявленія кончаются совѣтомъ непремѣнно посылать дѣтей.

Присутствовать при этомъ поучительномъ зрѣлищѣ.

Омовеніе ногъ совершается во всѣхъ церквахъ и безчисленныхъ монастыряхъ Севильи, но главное торжество, конечно, въ соборѣ.

Передъ главнымъ алтаремъ, на высокомъ помостѣ, сидѣли двѣнадцать стариковъ, выбранныхъ среди нищихъ Севильи.

Всѣ въ длинныхъ черныхъ мантіяхъ, съ бѣлыми полотенцами черезъ плечо.

Изъ алтаря, окруженный патерами и служками, вышелъ прелатъ.

Маленькій, худенькій старичокъ, очень похожій на папу.

Одинъ изъ патеровъ, съ каѳедры, прочелъ евангельскій разсказъ объ омовеніи ногъ.

Старики разули правую ногу.

Патеры сняли съ прелата остроконечную митру, ризы, вышитыя золотомъ. Онъ остался въ бѣломъ саккосѣ, — служки опоясали его полотенцемъ, — и въ этой смиренной одеждѣ прелатъ приступилъ къ обряду.

Онъ становился на колѣни передъ каждомъ старикомъ, лилъ изъ серебрянаго кувшина немного воды на ногу. Служки вытирали ногу старику.

И прелатъ цѣловалъ омытую ногу нищаго.

Давалъ ему „дуро" (5 франковъ) и переходилъ къ слѣдующему.

Когда обрядъ былъ конченъ, прелатъ занялъ свое мѣсто подъ балдахиномъ, одинъ изъ патеровъ сталъ передъ нимъ на колѣни и, получивъ благословеніе, взошелъ на каѳедру.

Обычай, — что въ этотъ день произноситъ проповѣдь въ соборѣ лучшій изъ проповѣдниковъ Севильи.

Это былъ молодой, красивый патеръ, чрезвычайно энергичнаго вида.

Бритое лицо дѣлало его похожимъ на актера, а жесты и интонаціи — еще болѣе.

Онъ говорилъ съ широкими, страстными жестами, тономъ актера, который произноситъ захватывающій душу монологъ.

Проповѣдь должна была быть воинственной. Время боевое. Парламентъ борется противъ конгрегацій, обладающихъ огромными богатствами и отбирающихъ всѣ деньги у населенія.

— Вы видѣли поучительный примѣръ любви къ бѣднымъ, — гремѣлъ проповѣдникъ, — прелатъ цѣловалъ ноги нищимъ! Но какъ надо любить бѣдныхъ? Какъ имъ помогать? Какъ сдѣлать, чтобъ ваши деньги попали въ руки достойныхъ? Вы видите тѣла людей, покрытыя лохмотьями? Вы видите внѣшность! Кто видитъ ихъ душу? Духовникъ, священникъ! Онъ одинъ знаетъ человѣка всего. Онъ одинъ можетъ указать достойнаго помощи. Бойтесь, чтобъ ваша

помощь не принесла вреда! Не сдѣлала болѣе сильнымъ злого, не поощрила негоднаго, не пошла на порокъ, на преступленіе! Обращайтесь къ церкви, чтобъ черезъ нее съ осторожностью оказывать помощь бѣднымъ! И церковь, чтобъ помочь вамъ, основала конгрегаціи, помогающія бѣднымъ. Обращайтесь къ конгрегаціямъ! Черезъ нихъ помогайте! Пусть онѣ распредѣляютъ вашу помощь такъ, чтобъ она дѣйствительно оказала пользу!

Послѣ безчисленныхъ восклицаній, страстныхъ жестовъ, криковъ, полныхъ просьбы, полныхъ угрозы, — проповѣдникъ сошелъ съ каѳедры.

Прелатъ благословилъ его и, судя по ласковымъ кивкамъ головы, съ которыми старикъ говорилъ стоявшему на колѣняхъ проповѣднику, — хвалилъ его.

Патеръ и служки подошли къ прелату, снова надѣли на него епископское облаченіе.

И прелатъ пошелъ, даже не кивнувъ головой людямъ, которымъ онъ цѣловалъ ноги, — людямъ, нанятымъ для того, чтобъ показать на нихъ образецъ смиренія.

Ушелъ, даже не пославъ имъ благословенія, которыя онъ щедро посылалъ кругомъ, проходя, толпѣ.

Въ четвергъ вечеромъ въ соборѣ исполняютъ Miserere.

Въ главномъ алтарѣ помѣщается оркестръ, съ дирижеромъ-аббатомъ, хоръ и пѣвцы итальянской оперы.

Въ соборѣ ночь.

Слегка освѣщенъ только главный алтарь, откуда несется музыка и пѣніе.

Тамъ, сямъ — желтые огоньки свѣчей только подчеркиваютъ мракъ.

И толпы людей движутся въ темнотѣ, между колоссальныхъ колоннъ, словно толпы привидѣній среди гигантскаго таинственнаго лѣса, темнаго, чернаго, гдѣ тамъ-сямъ горятъ свѣтляки.

Могучій аккордъ — и звонкій, высокій, красивый теноръ пронесся по собору.

Запѣли скрипки вслѣдъ за нимъ, вздохъ вырвался у духовыхъ инструментовъ, зазвенѣла арфа,—и пѣніе дѣтскихъ голосовъ хора казалось здѣсь, въ этой тьмѣ въ этомъ колоссальномъ соборѣ, дѣйствительно, пѣніемъ ангеловъ, доносящимся съ неба.

Словно откуда-то изъ другого далекаго міра доносилось „Осанна".

Соборъ былъ полонъ тихими звуками скорби.

Словно изъ стѣны отъ колоннъ лились эти звуки.

Словно старыя стѣны, и гиганты-колонны тихо пѣли и разсказывали древнюю повѣсть, полную скорби и муки.

Никогда нигдѣ никакая музыка не можетъ произвести такого впечатлѣнія, какъ „Miserere" среди тьмы въ севильскомъ соборѣ.

Въ пятницу городъ просыпается подъ звуки похоронныхъ маршей.

Въ среду, въ четвергъ процессіи начинаются съ пяти часовъ вечера.

Въ пятницу онѣ начинаются съ восходомъ солнца и кончаются позднею-позднею ночью. Ужъ заря, утренняя заря „субботы воскресенія" начинаетъ заниматься на небѣ, когда процессіи возвращаются въ свои церкви и монастыри.

Въ пятницу солнце движется подъ звуки похороннаго марша.

Въ пятницу вся Севилья—однѣ сплошныя огромныя похороны.

Нельзя перейти ни черезъ одну улицу,—по всѣмъ по нимъ, обходя весь городъ, медленно движутся процессіи.

И если вы вечеромъ, когда тьма падетъ на землю, подниметесь на Джиральду, колокольню собора,—что за странная картина!

Вся Севилья отсюда какъ на ладони.

И по всей по ней, словно по кладбищу, движутся вереницы блуждающихъ огоньковъ.

Словно средніе вѣка умерли, сгнили, — и теперь по ихъ могилѣ бродятъ блуждающіе огоньки.

Уставшій и измученный городъ засыпаетъ, какъ проснулся, подъ плачущіе звуки похоронныхъ маршей.

Въ субботу раннимъ утромъ начинается пасхальное богослуженіе въ соборѣ.

Мрачно и темно.

Сквозь темно-фіолетовыя занавѣси, которыми закрыты алтари, еле-еле брезжутъ огоньки зажженныхъ свѣчей.

Въ одинъ тонъ, печально, съ какой-то безнадежной мольбой, священникъ на хорахъ перечисляетъ святыхъ:

— Святая Тереза, молись за насъ!

— Святой Лоренцій, молись за насъ!

— Святой Іеронимъ, молись за насъ!

Хоръ такъ же печально, такъ же однотонно, такъ же безнадежно вторитъ ему:

— Молись за насъ... молись за насъ...

Толпа на колѣняхъ, кланяется въ землю. Шелестъ листовъ молитвенниковъ, шопотъ.

Словно все это, подавленное грѣхами, въ ужасѣ отъ казни, которая предстоитъ, безъ надежды на пощаду, стонетъ, шепчетъ:

— Молись за насъ... молись за насъ...

Безъ пяти минутъ десять.

Унылое однообразное причитанье смолкло.

На темно-фіолетовомъ фонѣ глубокаго главнаго алтаря показалась фигура въ бѣломъ.

Это — прелатъ.

Онъ остановился на ступеняхъ, молится.

Долгое, томительное молчаніе.

Фигура въ бѣломъ на темно-фіолетовомъ фонѣ поднимаетъ руки.

И подъ сводами собора ясно и отчетливо дрожитъ старческій голосъ.

— Gloria in excelsis Deo! — произноситъ прелатъ нараспѣвъ.

Съ хоръ раздаются удары грома.

Передъ алтаремъ разрываютъ завѣсу.

Органъ гремитъ:

— Gloria!

Фіолетовыя завѣсы раскрываются предъ алтарями и окнами.

Сверкая золотомъ, мраморомъ, убранные цвѣтами, среди безчисленныхъ огней свѣчей и лампадъ, открываются алтари.

Свѣтъ ворвался въ соборъ сквозь разноцвѣтныя окна.

Звонятъ колокола.

— Христосъ воскресъ.

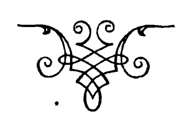
И когда я вышелъ изъ собора, весь этотъ городъ, улыбающійся солнцу, былъ полонъ веселья.

Радостно перекликались колокола. Словно звенѣлъ воздухъ, золотой отъ лучей солнца, благоухающій отъ аромата распускающихся цвѣтовъ.

И только темныя полосы отъ капель воска вдоль мостовыхъ говорили, что вчера еще здѣсь прошла тѣнь среднихъ вѣковъ.

Съ ихъ религіей ужаса и крови.

Какъ будто привидѣніе „святыхъ Германдадъ“ оставило легкій слѣдъ на землѣ, по которой проскальзнуло

Тріана *).

Бокъ о бокъ съ Севильей, черезъ Гвадалквивиръ живетъ Тріана.

Путеводители говорятъ, что Севилья и Тріана—одинъ и тотъ же городъ.

Ложь.

Величайшая ошибка адреснаго стола, который называется географіей.

Ихъ разъединяетъ не рѣка, а пропасть, которой не заполниться никогда. И никакіе мосты не соединятъ Севильи съ Тріаной.

Севилья — самый смѣющійся городъ въ мірѣ. „Кто не видалъ Севильи, тотъ не знаетъ веселья", говоритъ испанская поговорка.

Въ Севильѣ палаццо. Севилья залита по вечерамъ электрическимъ свѣтомъ. Въ Севильѣ бульвары изъ пальмъ и апельсинныхъ деревьевъ, которыя наполняютъ воздухъ благоуханіемъ своихъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, цвѣтовъ.

Поколѣнія за поколѣніями пропитывали грязью, вонью почву Тріана. Тутъ земля смердитъ.

Въ Тріана всегда носится какое-нибудь повѣтріе, отъ котораго дѣти мрутъ, какъ мухи, и чахнутъ взрослые.

---

*) То, что у насъ называется „слободка". Предмѣстье Севильи. Самое нищее мѣсто на свѣтѣ.

Когда принимаются за благоустройство и начинаютъ въ Тріана какія-нибудь земляныя работы,—ихъ приходится сейчасъ же бросать.

Въ смежныхъ домахъ вспыхиваютъ злокачественныя лихорадки и смертность растетъ.

Невѣроятный смрадъ поднимается отъ разрытой земли.

Тріана, это—огромная помойная яма, въ которой люди не живутъ, а существуютъ, — какъ существуютъ черви.

Въ Севильѣ — университетъ. Въ Севильѣ—школа для безплатнаго обученія.

Въ Тріана газеты курятъ,— а если сюда случайно попадаетъ книга, на ея огнѣ поджариваютъ бараньи кишки.

Учитель, докторъ, санитаръ, — всего этого боится Тріана.

— Все это полиція! — со страхомъ и злобой говоритъ Тріана

Тріана очень богомольна.

Женщины Тріана, когда онѣ не заняты хозяйствомъ или развратомъ, на колѣняхъ молятся и плачутъ въ церквахъ.

Въ Тріана много храмовъ и нѣсколько монастырей.

На Страстной недѣлѣ, когда по всей Севильѣ, словно въ средніе вѣка, тянутся процессіи „братствъ“, — процессія Тріана блескомъ и пышностью соперничаетъ со всѣми.

Это бываетъ въ пятницу утромъ.

— Пойдемъ смотрѣть процессію Тріана!

Весь городъ сходится.

По мосту черезъ Гвадалквивиръ идетъ процессія Тріана, блистая бархатомъ, золотомъ, сверкая безчисленнымъ множествомъ свѣчей.

Другіе „братья“ одѣты въ коленкоровые, въ шерстяные, въ атласные саваны.

„Братья“ Тріана одѣты въ фіолетовый бархатъ.

Впереди идетъ Вероника, въ черной, съ бѣлыми кружевами, мантильѣ и несетъ изображеніе Нерукотворнаго Спаса.

Святая Вероника, которая молится предъ престоломъ Всевышняго за грѣшныхъ гитанъ.

И только по одному вы узнаете, что это процессія нищей Тріана.

Статуя Мадонны покрыта черной бархатной мантіей, безъ одной блестки. Мантія не расшита сплошь золотомъ, какъ у другихъ.

Ее зовутъ „бѣдная сеньора“, Мадонна Тріана.

Тріана зоветъ Ее:

— Nuestra Senora de la Esperanza!

И молится Ей:

— Santissima Vierge! Ты одна надежда несчастной Тріана.

На Ея траурной мантіи—ни одной блестки золота.

Чтобъ зашить эту мантію золотомъ, какъ бы должно,— пришлось бы продать всю Тріана.

Въ церквахъ, сумрачныхъ и темныхъ, когда вы ни зайдете, — вы увидите около конфессіонала людей на колѣняхъ, людей плачущихъ и шепчущихъ свои грѣхи,— исповѣдь тутъ не прерывается весь годъ.

И Тріана есть въ чемъ каяться, въ чемъ исповѣдываться безъ перерыва.

Путеводители настоятельно рекомендуютъ не ходить сюда вечеромъ одному.

И трупъ съ навахой между лопатокъ — вовсе не рѣдкая утренняя находка въ Тріана.

Днемъ Тріана работаетъ, молится, играетъ въ карты на улицѣ, толпится около кабаковъ — и ругается, кричитъ, ругается безъ конца.

Здѣсь нѣтъ даже неба. Почти не бываетъ солнца, — въ то время какъ Севилья залита его радостнымъ и го-

рячимъ свѣтомъ. Говорите послѣ этого, что Севилья и Тріана расположены рядомъ!

Тріана весь день закутана дымомъ фабрикъ и заводовъ.

И эти фабрики отнимаютъ у Тріана даже то, что подарила природа всей Испаніи, — воздухъ и ясное, голубое, безоблачное небо.

Вечеромъ Тріана погружена въ совершенную тьму

Для Тріана не полагается ни одного фонаря.

— Имъ при ихъ жизни свѣтъ не нуженъ!

Въ домахъ, въ нижнемъ этажѣ, нѣтъ оконъ.

— Зачѣмъ окна, когда есть дверь?

Двери открыты вечеромъ, и Тріана открываетъ прохожему всю свою жизнь.

Комнаты освѣщены.

Грязныя лохмотья на виду.

И эти настежь открытыя жилища нищеты зіяютъ словно раскрытыя, гнойныя, вонючія язвы.

Тріана вечеромъ вскрываетъ всѣ нарывы и расковыриваетъ всѣ свои струпья.

На балконахъ женщины въ черныхъ мантильяхъ стоятъ, какъ привидѣнія, едва освѣщенныя падающимъ сзади изъ комнаты трепещущимъ свѣтомъ подвѣшенной къ потолку коптилки.

И кричатъ прохожимъ:

— Psst! Psst! Caballero!

Это гитаны зажгли свои огни.

Тріана рѣдко ходитъ въ Севилью.

Въ большіе праздники, въ дни боя быковъ.

И когда Тріана двигается черезъ мостъ, это — несчастіе.

Надо запирать двери, надо держаться въ толпѣ за карманы. Матери не выпускаютъ въ такіе дни на улицу своихъ подрастающихъ сыновей.

Вся Севилья ложится спать раньше.

— Тріана!

По узенькимъ, глухимъ улицамъ, словно волки, бродятъ какіе-то люди.

На перекресткахъ въ длинныхъ черныхъ шаляхъ стоятъ привидѣнія Тріана.

Тріана несетъ съ собой преступленіе, развратъ, болѣзни.

Севилья часто посѣщаетъ Тріана.

И Севилья и весь міръ, представители котораго съѣзжаются въ Севилью.

Тогда надъ зіяющими, какъ гнойныя язвы, жилищами нижнихъ этажей, — изъ-за завѣшенныхъ черными шалями выходовъ на балконъ, безъ-умолку трещатъ кастаньеты.

Припрятавъ кольца въ карманъ, севильянцы, иностранцы, по - двое, по-трое, идутъ по улицамъ Тріана, поднявъ головы, разсматривая балконы.

— Psst! Psst! Cabalero!

И шали, — тамъ, здѣсь, — одна за другой спускаются надъ выходами на балконы.

Полуобнаженная гитана извивается грязнымъ, молодымъ, но старческимъ и дряблымъ тѣломъ въ безстыдномъ танцѣ.

А рядомъ въ комнатѣ ея отецъ и мать, ея маленькій братишка, ея дѣвочка-сестра подпѣваютъ пѣсню подъ звуки ея кастаньетъ.

Подпѣваютъ не по безстыдству. А просто машинально, такъ какъ они безпрестанно слышатъ этотъ мотивъ въ комнатѣ ихъ дочери.

И когда „cabalero“ смущенъ шумомъ за стѣной, гитана говоритъ ему:

— Успокойся! Это не кто-нибудь! Это поетъ моя мама! И отецъ.

Они поютъ, чтобъ какъ-нибудь сократить минуты голода и ожиданья.

Сейчасъ она вынесетъ денегъ, и сестренка побѣжитъ купить всѣмъ поѣсть.

— А! Это Тріана! — съ омерзѣніемъ говоритъ Севилья.

И относится къ Тріана, какъ къ неизлѣчимой болячкѣ.

Тріана оскверняетъ все своимъ дыханіемъ. Праздники религію.

Она является со своимъ развратомъ въ Севилью именно тогда, когда весь городъ одѣтъ въ черное и погруженъ въ молитву, — на Страстной недѣлѣ.

Потому что именно на Страстную недѣлю въ Севилью съѣзжается много иностранцевъ и привозятъ съ собой „дуро“, — пятифранковики, которые Тріана желаетъ заработать.

— А, эта Тріана!

Настоящее бѣдствіе разражается надъ Тріана въ тѣ дни, когда, въ сопровожденіи безчисленной полиціи, являются пристава.

Собирать налоги на освѣщеніе города, на благоустройство, на содержаніе бульваровъ изъ пальмъ, университетъ.

Тогда настоящая паника охватываетъ Тріана.

Жители мечутся, пряча свои лохмотья.

Вопли, плачъ, ругань и проклятія.

Тріана имѣетъ и свою часть въ удовольствіяхъ.

Въ дни большихъ праздниковъ она галдитъ, молится, цѣлыми часами гуляетъ по Севильскому собору.

Въ дни боя быковъ, около „blaza de toros“, — волнуясь, слушаетъ громы аплодисментовъ и ураганы свистковъ, доносящіеся изъ цирка, и спрашиваетъ у счастливцевъ, выходящихъ оттуда:

— Хорошій ударъ? Сразу? Кто сейчасъ? Бомбита? Сколько убито лошадей? Пять? Только?.. Пятнадцать? Ого-го!

И съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда начнутъ распродавать мясо запоротыхъ старыхъ клячъ и почернѣвшее, разодранное — убитыхъ бѣшеныхъ быковъ.

Я лежалъ на лугу, который только что скосили въ первый разъ въ эту весну.

Глядѣлъ въ голубое безоблачное небо, дышалъ сладкимъ ароматомъ скошенной травы.

Извозчикъ, привезшій меня изъ города, распрягъ лошадь и пустилъ ее пастись по скошенному лугу.

Все было тихо и мирно кругомъ.

Какъ вдругъ, съ той стороны, гдѣ закутанная дымомъ, рядомъ съ утонувшей въ зелени Севильей, — была Тріана, раздался частый и тревожный звонъ колоколовъ.

Звонъ разрастался, разрастался. Сильнѣе, тревожнѣе.

Я вскочилъ.

— Что такое? Надъ Тріана гудитъ набатъ!

Извозчикъ пожалъ плечами.

— Звонятъ къ мессѣ.

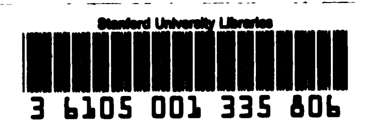
Тріана идетъ молиться и каяться, каяться въ своихъ грѣхахъ.

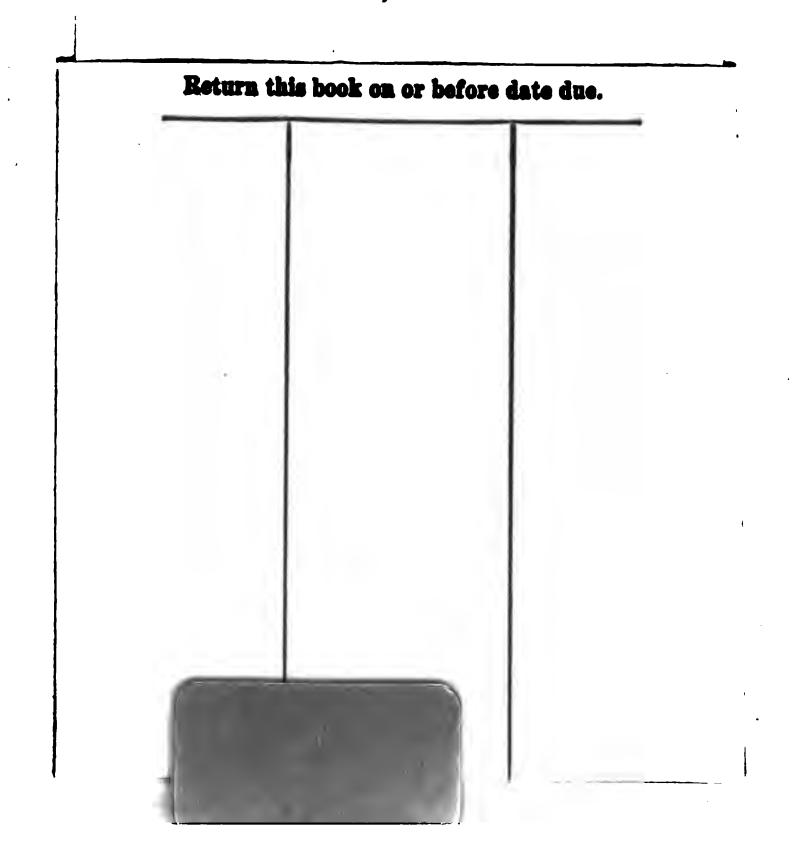
Тріана...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Завоеваніе Москвы	3
Въ XX вѣкѣ	11
Нѣмцы и Франція	15
Первый дебютъ	23
Grand Prix	34
Поэтъ съ Монмартра	45
„Парижская Газета“	55
Театръ преступленія	60
Мистерія	68
Времена мѣняются	74
Эмберъ	79
Передъ смертной казнью	86
Ницца	99
Карнавалъ	114
День въ Монте-Карло	124
Въ Монте-Карло	134
Конгрессъ въ вертепѣ	152
Римъ	163
Ватиканъ	184
„25 лѣтъ владычества надъ міромъ“	197
Папа	227
Въ сторонѣ отъ большого свѣта	250
I. Сахалинъ Средиземнаго моря	—
II. Маффія и бандиты	264
III. Духовенство и администрація	275
Эпилогъ	297
Король горъ	300
Шайка разбойниковъ	315
Испанія	331
Гладіаторы	341
Игра жизнью	363
Святая недѣля въ Севильѣ	375
Тріана	384

Stanford University Libraries
3 6105 001 335 806

Return this book on or before date due.